

Николай Михайлович ЯДРИНЦЕВ

Сочинения

*Под редакцией С.Г. Пархомовича
Составитель Ю.Л. Мандрика*

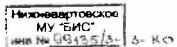
Б 10-2-
9

Николай Михайлович
ЯДРИНЦЕВ

Том второй

**Сибирские инородцы,
их быт и современное положение**

Этнографические и статистические исследования
с приложением статистических таблиц



КОМПАНИЯ
Тюмень, 2000

ББК 63.5
Я 32

Я 32 ЯДРИЩЕВ Николай Михайлович

Сочинения: Т.2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение/Под ред. С.Г. Пархимовича. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрик, 2000. — 336 с. — (Краеведческая б-рка журн. «Лукомль»)

Книга «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» — переизданье работы известного ученого, обицетчика-историка и писателя И.М. Данилова.
Адресованная всем, кто интересуется историей края, Сибири.

© Мандрик Ю.Л. (составитель), 2000.
© Пархимович С.Г. (комментарий), 2000.
© Кутузов А.С. (иллюстрации), 2000.
© Издательство Ю. Мандрик (оформление), 2000.

ISBN 5-93020-076-9
ISBN 5-93020-077-7 (том II)

Введение и общий взгляд на инородческий вопрос

Несколько лет тому назад автор этого исследования имел возможность произвести наблюдения над бытом и жизнью инородцев Западной Сибири. Наблюдения его начались в 1878 и 1880 гг. с Алтайского горного округа, находящегося в пределах Томской губернии. В эту местность автор был командирован в качестве исследователя по поручению Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества в Омске. Район этот избран был самим наблюдателем как древний центр и исходный пункт урдо-алтайских племен, где типы, нравы, обычай инородцев сохранились в большой чистоте; затем он перешел к изучению быта инородцев и других местностей. Неописанные поездки по всей Сибири до Иркутска в 1886 и в 1888 гг. дали возможность автору дополнить свои наблюдения. При изучении положения и быта инородцев Западной Сибири, кроме того, автор настоящей книги изъяснялся особенно благоприятными условиями. Находясь на государственной службе в Западной Сибири, автор был прикомандирован к Комитету для избрания мест осадных поселений в степях Западной Сибири с целью приведения точечных племен к осадности. Затем он участвовал в работах другого Комитета, учрежденного генерал-губернатором Западной Сибири, а именно по пересмотру проектов уставов для присоединения инородцев к воинской повинности. В этих Комитетах содержательны были подробные сведения о числе и положении инородцев всей Западной Сибири. Автор занялся при Комитете разработкой существующих статистических сведений. В качестве этнографа им пересмотрена была и вся предшествовавшая литература об инородцах, а сношения с официальными лицами и учреждениями помогли дополнить материал по мере надобности.

Изучая инородческий вопрос в Сибири, исследователь убедился прежде всего, что, несмотря на описание быта

↑ M. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

инородцев многими путешественниками, начиная с Георгия и Палласа², несмотря на разные монографии и статьи, появлявшиеся в учебных и периодических изданиях, материал этот далеко неведен в одно целое, а в самом изучении склада инородческой жизни остается еще многое желать.

Посвятив особое сочинение исследованию культуры уральских племен, автор рядом с этим остановился и на современном положении инородцев, судьба которых заслуживает особого внимания.

При рассмотрении жизненных условий инородческих племен весьма видную роль играет вопрос о том, увеличиваются ли или уменьшаются инородцы, иначе — вопрос о вымирании инородцев. Факт вымирания инородцев засвидетельствован в разных отдельных случаях учеными и путешественниками. Об этом уже говорили путешественники прошлого столетия Гмелин³, Паллас, то же подтвердили Кистнер⁴, Мицешеворф и другие. В отдельных монографиях об инородцах приведены многочисленные примеры, как, напр., У Шапова, Шапникова и др. Тем не менее точного научного статистико-экономического исследования в отдельности по племенам не было сделано, не было высказано также, в силу каких причин вымирают инородцы. Есть ли это вымирание неизбежный закон, тяготеющий над известной расой, или это порождают случайные неблагоприятные условия, с устремлением которых прекращается и вымирание? Об этом существуют разнообразные суждения.

Исследуя быт наших инородцев, нам хотелось выяснить, во-первых, самый факт прибоя, прироста или уменьшения, вымирания инородцев среди различных племен. Мы видели в литературе только отдельные ссылки и отрывочные указания, между тем как здесь важно точное статистическое исследование. Относительно некоторых племен, исчезших совершенно, напр., омоков, аринцев, котов, ассанов и т.п., трудно постановить что-либо; о них только мельком упоминают путешественники. Во времена завоевания Сибири и до половины прошлого столетия котюпским племенам не велось счета. Но с 1763 г. (переписи Шербачева) уже начали вестись окладные списки инородцев и мы можем следить

Слово, имеющее цифровую нумерацию, принадлежащее автору комментария и помещенное на С. 321. К словам, обозначенным арабскими (*), имеются примечания автора, которые помещены выше страницы. — Прим. издателя.

Введение и общий взгляд на инородческий вопрос 7

прибыль или убыль инородческого населения. Затем весьма важно было сопоставить факты вымирания с теми изменениями, которые произошли в жизни инородца, чтобы определить причину этого и в то же время выяснить те условия, при которых совершается как пристрой, так и вымирание. Современная картина экономического быта инородцев может объяснять многое. Поэтому в настоящем исследовании мы собрали всевозможные данные о современном положении инородца. Нам казалось, что это единственный научный базис, на котором может быть рассмотрен инородческий вопрос, а затем делаем выводы. До какой степени вопрос этот нуждался в разработке, служит доказательством следующий факт. На международном конгрессе ориенталистов в Петербурге, в 1876 году, был поставлен вопрос о том: увеличились или уменьшились сибирские племена со времени завоевания России Сибири. Вопрос этот, интересовавший ориенталистов, не мог быть разрешен учеными отделениями, так как точных исследований по этому поводу не оказалось. Наше исследование — первая попытка пополнить этот пробел. Нет сомнения, что детальное изучение отдельных племен и специальные этнографические исследования дадут еще более данных. Этнографические и антропологические экспедиции, предпринимаемые по инициативе учченых обществ, как столичных, так и местных, будут в данном случае в высшей степени важны. К этому должны присоединиться коммюници и собрание сведений об инородцах, заносимые разными путешественниками и учеными. Такие сводки и монографии издаются чаще на иностранных языках, чем на русском языке. Наконец, очень важно изучение культуры и быта инородцев. Созданные нами попытки по исследование культуры урго-алтайских племен открыли нам массу таких фактов, которые освещают историю инородцев совершенно с новой стороны, как и способности племен. Но имея возможности доселе издать этих материалов, мы ограничиваемся одною главой и общими выводами.

Изучение культуры инородцев весьма важно и для разрешения практических вопросов их жизни. Рядом с вопросом о существовании инородцев выдвигается и другой, не менее важный, о культурных их способностях, или о способности их воспринимать высшую культуру и цивилизацию. Рассматриваемый поверхностно, он приводил ко многим противоречиям.

Н.М. Ядениев. Сибирские инородцы, их быт...

чим и отрицал у инородческих племен способность к общечеловеческому развитию; однако нельзя было не заметить, что такие приговоры были преждевременны. В этой области также требуются проверки. Позитивные приговоры могут быть прогнозными только на основании изучения тех стадий, которые переживают инородцы, на основании их истории, при изучении их быта, языка, культуры и точном исследовании умственных способностей, так или иначе выражавшихся в жизни. Но такие опыты в таком научном значении сделаны очень мало. Исследование современного быта инородцев должно помочь в административным задачам их управления. Сборники обычного права начали собираться еще во времена Степанского³ (Сборник, изданный Самокищевым), с тех пор делалось несколько попыток. Нам известен почтенный труд покойного князя Кострова, составленный по программе отделения этнографии Императорского Географического Общества. К сожалению, тут этот, касающийся инородцев Западной и отчасти Восточной Сибири (Енисейской губ.), остается до сих пор неизданным.

Устав об инородческом управлении 1822 г., выпущенный Степанским, указал основы этого управления сообразно обычаям, степени развития инородцев и собиранию их быту, но с тех пор прошло много времени и устав этот требует пересмотра и переработки. По исследованию обычного права инородцев автором должен был реферат в С.-Петербургском Юридическом Обществе. В инородческом управлении возникает все резче вопрос административно-политический, касающийся гражданского полноправия инородцев и гарантий законов в применении к ним, затем наицшнее положение не возбуждает вопрос духовного развития и проповеди инородцев и тех племен от них, которые ушелели и продолжают существовать. Нет сомнения, что если им будет доступно развитие, если они выкажут способности, то не могут быть отрицаемы для них и общечеловеческие права, и блага высшего человеческого существования. Все это входит инородческий вопрос в ряд вопросов общечеловеческих, заслуживающих особенного внимания. В них лежит не только «то by or no to by» (быть или не быть) инородческого существования, вопрос жизни и смерти целых племен, но и вопрос о восприятии в высшую человеческую среду младших бра-

тьев, историческое и культурное развитие которых отстало и было замедлено.

Нам кажется, что фактические данные и статистико-экономическое исследование, сделанное нами относительно некоторых племен, дают некоторые данные к разрешению этих вопросов, так русская публика весьма мало имеет понятия о племенах, населяющих Сибирь; научная же классификация алтайской группы народов хотя и установлена со времени Кастрена, но, на мере дальнейших исследований, подвергается поправкам и изменениям в отдельных группах, поэтому мы солидно нуждаемся особую статью с критическим обзором существующей классификации и группировки сибирских племен.

Не можем не указать в то же время на весьма важное значение исследования инородческих племен Сибири для антропологии, истории культуры и истории человечества вообще.

В антропологическом отношении, по физическим признакам, алтайская группа сибирских инородцев принадлежит к желтой монголообразной расе, но в нее заключаются все дальнейшие переходы от желтой расы к белой арийской. Это заметно как в классификации отдельных племен, так и в смесях каждого племени. В алтайской группе мы видим маньчурскую народность тунгусов, затем монголов, бурят, монголообразных тюрков, якутов, алтайцев, телугуев, киргизов и переходные типы от них чернокожий "татар", коинцев, сагайцев (народности как бы смешанные с финнами), далее санскскую группу сойотов, кайбадов и самодов, как бы переходную от монголов к финнам, наконец, чистых тюрков, татар Западной Сибири и бухарцев. Затем следует группа финнов, потомков угрев, в лице ногулов и остяков. Соединение этих групп: маньчурской, монгольской, алтая-санской, тюркской и финской, последнейших их переходов и смесения представляют величайший интерес для антрополога и могут при изучении внести немало свести к познанию всех переходов от желтой к белой расе, или от монголообразной к арийской и индо-германской. Может быть, некоторые данные дадут весьма важный материал к истории образования и смешения рас.

* При изучении инородцев автор занимался антропологическими исследованиями у алтайцев и чернокожих татар. Результаты измерений опубликованы в списке Московского общества естествознания и антропологии.

Еще любопытнее история культуры среди племен, изолированных от европейского влияния. Изучая был зверолов, рыболовов, скотоводов, коющихи среди степей, гор и лесов, исследуя племена полуострова и освоеившие, мы можем видеть все переходы бродчего быта к оседлому. Важно в этом отношении инородческие племена Сибири, иллюстрирующие нам целую картину постепенного исторического развития. Самая история и происхождение сибирских племен на более широкой азиатской почве еще не ясна, но все же различается. Имели интересы одинаково ориенталисты, дининисты, историки и археологи.

Многие сведения о северных племенах сохраняются в китайской истории, которая потребует, конечно, критической проверки и сравнения с тюркскими, монгольскими, арабскими и персидскими историками и географами. Подобные исследования были под силу только многосторонним ориенталистам, как Кларуоту, Абель-Ремою, Шлотту, Григорьеву и другим. Справедливее всего попытка Клартона возобновить историю этих племен (*Средняя Азия Poliglotta et Tabularis Historique de l'Asie*) останется гениальным памятником в этом воссоздании прошлого.

Новейшие археологические исследования на юге Сибири собрали многочисленные древности в музеях, особенно в Минусинском музее, где собраны богатейшие коллекции бронзового века, отысканные древние надписи, писанные памятники, помогут восстановить картину жизни и быт северных азиатских племен*. Археологические изыскания в Сибири

- В статье с привлечением историко-литературного материала авторы, исходя из специфики отечественного и зарубежного исследований, со «Древними письмами» и письмами в Сибири. Документы, литеративный сборник писем из Иркутской губернии 1855 г., стр. 456. – Ответ на письмо к К. А. Тимирязеву о письмах из Сибири в 1855 г. – Письма из Иркутской губернии 1855 г. № 16. Материалы по истории Иркутской губернии в архивах Иркутского Археологического Общества, чл. III, стр. II. XXXV. Исследование о письменицах в архивах в Атаке (о письменицах) № 6 в попечении Михаилом Аракчеевым. Атака. – Записки по археологии Иркутской губернии, № 1, 1900 г. – Письменицы в архивах Иркутской губернии с описанием предметов и их хранения в Иркутске и в сопровождении аннотаций к письменицам и письмам из Иркутска. Материалы по истории Иркутской губернии в архивах Красноярска и Иркутска с описанием предметов и письмениц, писем, писем-чеканок и писем-печатей из Иркутска и Красноярска. – Письменицы из архивов Иркутска и Красноярска. – Годопись Иркутского Археологического общества. – Эти материалы подтверждают достоверность и указывают на распространение каких-то тиражированных писем от Монголии до Ениеса и даже до Тартарии.

Введение и общий взгляд на инородческий вопрос

1

ри, начавшиеся с прошлого века, исследование могил, курганов, каменных баб (намогильных статуй), пионущих из центральной Азии к югу России, усевающих новороссийские степи, указывают на путь передвижения азиатских племен и Европу. Очень может быть, что наука скоро разыяснит нам историю загадочных скифов, как происхождение гуннов. Северные азиатские племена, несомненно, составляют звено между азиатскими и европейскими народами; нет никакого сомнения, что сибирские инородцы, отбросившие к северу, являются остатками народов, которые когда-то совершали передвижения из центра Азии на запад и часть их, может быть, сохранила черты древнейшихaborигенов Азии*. Южная Сибирь, сибирские низменности и степи, когда-то была обширно ареной передвижения народов из Азии в Европу. Таким образом, история этих наимен есть часть общечеловеческой истории, и чем более европейские ученыи и исследователи изучают эти племена, тем более широкое поле открывается пред их глазами, тем более интерес к ним увеличивается. Исследуя был наших инородцев, мы не могли не отнести поэтому к инородческому вопросу горячо; да и с своей стороны свои вклады, мы питали робкую надежду, что эти вклады послужат столь же на пользу отечественной науки, сколько и для интересов общечеловеческого знания.

Автор

* К племенам, упоминаемым китайцами в древнейшие времена и населявшим северную Монголию и часть Сибири, принадлежал хунну (наньчаниты, суньчаниты и мянчаниты), были они — по мнению автора — кочевники, по мнению же исследователей — утюрганы). Кинане и побужи, заставившие Китай до монголов, племена монгольские с Амура, джураджана, обитавшие там же, археи, тюрки, тувинцы, обитавшие в Сибири, и другие племена, включая тюрко-монгольские племена (тукхи) в VIII в. простирались от Байкала до Персии; часть тюрков пересели в сев. Сибирь и к ним же принадлежали кумызы. Баруты жили около Байкала (Царство Баруты на Марко Поло), хакасы (грабчины) востока Сибири, обитавшие в Красноярском крае и на Читинском округе; южки на Иссик-Куль (то Кландоту, геты), ученые (арийское племя), обитавшее также на Иссик-Куль, затем синанские племена, из которых вышли племена сибирской группы, включая обитавшие в Сибири племена сибиряки или синеские охотники, язык которых западчен, а также ноги-мунчины коты, ассаны, кайбала, обитавшие выше. Финны также обитали на юге и Сибири и в Азии. Кочевые ученыи считают первоначальное расселение многих племен с юга на север к Сибири среди которых играют значительную роль белокурые племена «красные чаплы», устуны, кочомы и др.

Современная классификация уgro-алтайских племен

Всем изучающим ишородцев в Сибири, конечно, интересно и даже необходимо знать, у какой расы, племени и ветви они спускаются по физическим признакам и языку.

Несмотря на то, что точной антропологической классификации заслуга доселе не устанчива, благодаря недостаточному еще изучению сибирских племен, тем не менее некоторые ученыe, начиная с Георги и Кастрена, пробовали установить отдельенные группы и классификации, и в общем все тюркские, монгольские финики и тунгусские¹⁰ племена получили название *атамайцев*, по месту исхода их. Эта классификация сохраняется и доселе, хотя этнографы, лингвисты и антропологии расходятся в частностих.

Чтобы указать на группу, согласно современным антропологическим и лингвистическим исследованием, мы решались поинакомыть с классификацией известных европейских ученыx Фридриха Мюллера и Оскара Петеля, но так как они касаются более лингвистических признаков, то мы и добавление познаками с классификацией тех же племен антрополога г. Деникера. С другой стороны мы не можем не приложить к этому своим критических замечаний и поправок, которые вытекают из более близкого знакомства с группами сибирских инородцев.

Отдавая полную справедливость ученыстю и авторитету упомянутых классификаторов, мы должны сказать, что каждый из этих классификаторов старался установить деление на основании своих признаков и представлений о рассовых группах, пользуясь собранными этнографическими и антропологическими данными для своих целей. Характер этих классификаций и распределение племен зависел от того, что принимали за основание антропологи при делении на группы и, как видно, Фридрих Мюллер держался строго

лингвистических признаков, хотя совершенно не мог идентифицировать племенных или расовых особенностей.

Оскар Пецель обращал внимание на происхождение, историю племен и принимал во внимание скорее этнографические группы. Г. Деникер желалнести разделение племен и сделал опыты классификации на основании антропологических признаков. Несколько удовлетворяют эти классификации действительности, было целью нашего рассмотрения. Несомненно, все они принесли услугу и все могут быть приняты во внимание, дополняя друг друга, но при одном условии приведении их к некоторому согласию.

Классификацию Ф. Мюллера мы рассматриваем на основании недавно изданной в Вене этнографической карты. *Übersichts-Karte der ethnographischen Verhältnisse von Asien und von der angrenzende Theilen Europa bearbeitet auf Grundlage von Fr. Müller von Vinzenz v. Naund. Wien 1887.*

Г. Гаара с замечательным трудолюбием исполнил карту Азии, внеся в нее 120 имен и отведя место уgro-алтайским и монголовидным группам.

Исследование г. Деникера носит название: *Essai d'une classification des races humaines russes cependant sur les caractères physiques par M. Deniker. Paris 1889.*

Классификация азиатских племен ученого Ф. Мюллера и Гаара обнимает прежде всего группу монголовидных (Монголен), подразделяя ее на уральцев, алтайцев, японцев, корейцев, indo-китайцев, мон-анамитов и др., с подразделением на говорящих многосложными и односложными языками. Алтайская группа принадлежит к первой.

1. Уральцы. Самоёдская группа, куда включены самоёды и тюрканизированные уральские племена Западной Сибири.

В этой группе, не совсем понятно, Ф. Мюллером, а затем Гаардом причислены к самоедам тюрканизированные уральцы. Если это отчужденные финны, то как финны они должны были войти в следующую группу. Самоедское же племя по типу ближе, как известно, к связям и событам. Это доказали исследования Кастрена, Радлова и др. Поэтому, если самоедам суджено составить группу, то она должна быть соединена с событами, затем с каралсами, камасинами, обруслами кайбалами, исчезнувшими тубинцами, хотами, аринцами, ассанами и енисейцами или енисейскими остяками¹. Последние отнесены Ф. Мюллером к группе арк-

**14 Н.М. Яоринцев. Сибирские инородцы, их быт...
тических и переборейцев, группе сборной или сбродной, куда
вошли юкагиры, гиляки и камчалалы, пумало и айны.**

Междуда тем родство кайбаков, котов, ассанов и синеийских остиков с самоедами, кроме этнографического сближения, может подтверждаться и географическим расположением по пути от Санинов по Енисею к северу и по пути выхода на Обь.

Самодельский тип составляет, кроме того, звено между монголами Средней Азии и финнами.

Оскар Пешель, руководясь Кастреном, вносит самоедов в алтайскую группу, а родину их признает в Сибири и отмечает совершенно верно родство с сибайцами, карагасами, камасинцами и карабалы. По языку близкайшими родственниками самоедов являются народы финской летчи, говорит Пешель; при этом самоеды ближе всего к болгарскому отраслику. Родство остиков с самоедами выявляет Пешель также из того факта, что самоеды избегают браков с остиками, если родоные имена у них один и те же. «Несмыло возможию — говорит он — что при будущей классификации народов, самоеды не будут являться обособленной летью алтайского народа и будут рассматриваться, как отрасль финской группы»*.

Г.Деникер в своей новой антропологической классификации племен, по антропологическим признакам, выделяет урало-алтайскую группу и причисляет к ней тюрко-финнов. Группу эту он делит на сунам, финнов западных, дашланцев, узлов, к которым причисляет остиков-самоедов¹⁷ (?), финнов восточных и туба, затем причисляет слова тюрков, под которыми разумеет всех тюрко-татар и туркманов (?). Совершенно отдельную группу от урало-алтайцев у него составляют монголоиды или монголоидные, куда отнесены монголы, тунгусы и эскимосы.

Мотивы выделения финнов в особую урало-алтайскую группу отдельно от монголоидных и антропологические признаки ее г. Деникер объясняет таким образом. Не нужно смешивать, говорит он урало-алтайцев с группой того же имени, разумеемой лингвистами (вот в чем расхождение его классификации с классификацией Ф. Мюллера), урало-алтайская группа обнимает север Европы, север и центр (?) Азии и захватывает такие разнообразные типы (diversité des types), что с большим трудом можно признать их и рассматривать как один

* Народоведение. Пешель. Русск. перев., ч. III, стр. 397.

Современная классификация уро-алтайских племен 15

типа. Здесь можно рассматривать две расы: финно-лацланскую и тюрко-угорскую¹¹? Тип лапландской очень характерен и входит в народность этого имени. Тип *сюмы* (лингвистическая группа), который выступает (*ressort*) среди финнов-иешевцев, находится в смешанном виде в других местах с европеями, уграми, тюрками и блондинами киргизами. Г.Деникер берет признаком белокуность. Тип угров, по его мнению, находится между осяками, может быть, между енисейцами, потом смешанный с тунгусами проявляется у *сложено*¹² с тюрками среди различных татарских народностей Сибири: среди якутов и т.д. (*Essai d'une classification*, раб. М.Л.Дешкx, р. 13, 14). При этой новой классификации прежде всего изменяется прежняя классификация монголоидных, к которым причислялись финны и самоеды. Затем азиатские тюрки и монголы совершаются отдельно в разные группы, хотя антропологическое родство их и в Сибири должно быть вполне признано, как и лингвистическое. Киргизы и якуты совершенно монголоидны. Что касается *остиков*¹³ и *самоедов*, то заносимые в одну семью угров, они однако различаются и по языку, и по типу, для того, чтобы их вполне отождествлять и относить к финнам. По типу самоеды относятся совершенно к монголообразным брюнетам. Что касается *туба*, то под этим именем в Сибири слышат самоеды; это же название присваивают себе сойоты и имеют *туба* называют себя лесные татары Алтая.

Название это могло бы указать на родство этих племен, весьма вероятное. Родство самоедов и савицца установлено; местожительство лесных татар находится близ Телецкого озера на Алтае и также соприкасается к савицким племенам. Впрочем, это мы должны допустить только в корне и генетически этом и имена. Время изменения их и в ходе и в типе. Сойоты говорят отчасти по-татарски, а часть по-монгольски. Самоеды сохранили свой язык, а черногоры татары усвоили тюркский или татарский.

Что касается последних, то тип их хотя несет следы монголоидности, но выражается, среди них есть, напр., блондины, а смесь с финскими племенами их констатирована этнографами, но, как мы заметили, они приближаются и к европеическим типам.

* Смешение самоедов с тунгусами может рассматриваться только на участке Енисея, но не западнее, где тунгусов нет, а самоеды распространены до севера Архангельской губернии.

1 H. M. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

В этих племенных ложках, но нашему мнению, все *переходные* степени от чистых монголов к финнам и в порядке переходов они могут быть структурированы: сойоты, самоеды, исчезнувшие племена ассалов, котов, лесные татары, затем идут уже финны. В силу особенностей антропологических признаков монголообразности и рядом лингвистических признаков семьи самоечской с родственными племенами карагасов, камасинцев, кайбалов и енисейских остиаков, исчезнувших тубищев, ассалов, котов и др., должна быть выделена в семью *саянцев*, по месту ее первой родины. Это целый ряд народов, расположенных по Енисею. Родство ее с финнами, очень вероятно, может быть установлено только при большем накоплении антропологического материала. Следующую семью в группе *уральцев* у Фр. Мюллера занимают *финны*. Здесь разумеются остиаки, ногузы¹⁴, эмрины, ютяки¹⁵, пермяки, черемисы¹⁶ и мордва. Оскар Пешель более внимательно и с большими подробностями классифицирует финнов соответственно ильинским Кастреном. монголообразная финская группа его расчленяется на четыре ветви: угурскую, болгарскую, пермскую и финскую, в тесном смысле слова. Под именем угров Кастрен соединил остатки правого берега Оби, ногузов на восточном склоне северного Урала и мальмиров¹⁷. Пешель сомневается, можно ли причислять древних болгар к финской группе, их можно отнести к торкской, причем впоследствии к ним примешалась финская кровь.¹⁸ Кровное родство финской группы с народами монгольской ветви ясственное всего выражается у ногузов, так как они несравненно более остиаков приближаются к калмыкам (Castrén, Vorlesungen. S. 128). Карад. Фогт указал примесь монгольской расы даже у лопарей (Vogt. Nord-Faht. Frankfurt. 1863. S. 166).

К смешанной группе, близкой к финской, Пешель причисляет, совершенно верно, собственно славянским наблюдениям, и башкиров, называемых когда-то паскотирами, как и остиаки.

По телесным своим признакам они принадлежат к финской группе, говорят Пешель, но говорят на татарском языке; следовательно, это опатарившиеся финны: Фр. Мюллер, между тем, выделил башкиров прямо в семью торков, тогда как опатарившиеся племена в другом месте внес в самоечскую семью.

Финская группа, со времен Кастрена, по языку выделилась весьма определенно, и исследование Альвицти¹⁹ и экс-

Современная классификация уро-алтайских племен [7]

пелении финно-угорского общества еще более расширили понятия о ней. Тем не менее в антропологическом отношении она осталась мало исследованной, особенно в Сибири. Мы видим здесь два типа: один белокурый финно-угорский, замечаемый у чистых остатков р. Оби, и тип самое-льский монголообразный, тип чисто финский, как *вишю*, малокурый, быстро изменяется; достаточно помеси одного поколения с русскими, чтобы изменить его, тогда как монголообразный тип гораздо упорнее. Все это показывает, что финский тип есть, переходный и близкий к арийскому европейскому типу. Родство его с азиатскими тибетами и монголообразными с другой стороны также установлено. Все переходные степени его и все видоизменения изучить чрезвычайно важно для объяснения себя последней переходной стадии азиатского типа к европейскому — арийскому типу.

Тюрки, по классификации Ф. Мюллера, отнесены в группу монголовидных алтайцев. В число тюрков у него вошли все народности, говорящие татарским языком в Европе и Азии, как-то якуты, киргизы, кара-киргизы, алтайские тюрки и все туркестанские, киргизы, османы, иранские тюрки, крымские татары, казанские и т. д. Все татарские племена Мюллер явил в эту группу 17. Мы видим здесь, Ф. Мюллер, кажется, сделал слишком обширное обобщение, отропавшись от расового и антропологического деления. Он соединил и европейских тюрков османов, татар и азиатских тюрков, хотя по своим антропологическим признакам они представляют резкую разницу. Самые азиатские тюрки, по антропологическим физическим признакам, различаются на две группы, вполне отличные. Часть туркестанских тюрков, туркмены и татары средней Сибири, как и казанские, носят черты арийского и иранского типа. Зато якуты, киргизы, алтайцы более монголообразны, и родство их с монголами не подлежит сомнению.

Последний различает тюрков и своей классификации и усматривает следующие народности: уйгуртов, узбеков, османов, якутов, туркменов, ногайцев, басмаков, кумыков, каракалпаков и киргизов. Для определения этих народностей и их особенностей он становится на почву историческую и принимает во внимание этнические группы, что делает классификацию его яснее и определеннее, хотя и она не лишена смущности и темноты. Принимая во внимание, что типы исторических народностей или сопредельных со сценой, как

2 Запад 240

1 Н.М. Ядринцев. Сибирские икогоры, их быт...

уйголов, древних тюрок, восстановить чрезвычайно трудно. До сих пор группу старых уйголов нанесли только г. Потапин в Монголии, под именем бэрров, но они уже затерты монгольским и китайским наследием и носят его черты, между тем как древние уйгуры, известные китайцам со 2-го стол. Р. Х., обитали в восточном склоне Тийн-Шаня, были ближе к Туркестану; другие же, под именем хой-ху, жили на р. Селенге и Орхоне. Тип их в Туркестане мог подходить ближе к ирано-арийскому, а в Монголии к монгольскому*.

Происхождение древних тюкоязыев, имевших огромное государство в VI и VII вв., простиравшееся от Каспийского моря до Кореи и до Великой стены и Тибета, имевших столицу на Таллаке и в Каракоруме (этих тюрок посетил Зимарх в 569 г. по Р. Х.), определить чрезвычайно трудно, как догадываться об их типе. Вероятно, это тюкоязское государство вышли из уйгуром. Китайские исторические источники перечисляют множество тюркских племен, как керайтов, наймайлов и дулашев, обитавших в Алтас.

Несомненно, что древние тюрок и тюкоязы, по-китайски уже в древности различались группами и дали происхождение другим татарским народностям: уйгуром, алтайским тюркам, якутам, отнесенными к северу, и другим. Мы видим, что эти тюрок жили в южной Монголии и занимали места нынешних монголов. Монголы же явились в XVIII в. и татарские народности вошли в войска Чингиз-Хана. Историческое развитие исторических тюрок и монголов вероятно. Но если при всех видимостях эта связь не уясняна лингвистически, то еще труднее проникнуть в ее антропологическую связь. Поэтому исторические связи прежних тюрок и тюкоязов с современными тюрками и татарами не выясняют антропологического типа, подвергающегося многим изменениям.

Обобщение древних уйголов с уграми, кограми, венграми и финской ягорой и т. д., основанное на сходстве народных созвучий названий, очень рискованно и входит скорее в заблуждение**.

* Обитавшие в Кашгарии или Тамдырекском бассейне областях племена иранского происхождения, включая иранцев, венгров и финнов. В частности обстоятельство, В. В. Радзин усматривает в исследовании занесениями страны Уйгурами Фон Шлангенштейн и Шау в горском населении Кашгария видят отзвукок арийского происхождения. Radolf Tschirch, Sibirische und Mongolische Sprachen, 1919. Schlageter, Indien Hochasien, II, 40. Reisen nach der östlichen Tadzhi, Indien Hochasien.

** Определение уйголов и угоров по Вальтеру. Тюркенвölker.

Современная классификация устро-алтайских племен

9

Несомненно, что среди тюркских племен заключаются все персидские типы, начиная от арийского и иранского в Турукстане, кончая храйними монголоидными у якутов и китайцев. С этим согласны все классификаторы. Чистый тюркский тип, однако, продолжает отъекиваться и как самостоятельный тип. Г. Деникер говорит: «тип тюркский, который бы я назвал туранским», встречается среди народностей, носящих название у антропологов тюроков и тюрок-татар». Чистый тип тюркский встречается часто между кара-киргизами, узбеками, татарами и киргизами астраханскими, но среди других племен, говорящих на тюркском языке, прибавляет он, встречается в смешанном виде с различными элементами, напр.: тунгусами (у якутов), монголами (у алтайских тюроков), финнами (у татар Волги и Сибири) и башкир, иранцами (у таранчей), туркмен транскаспийских и татар оббербанджана, индо-алтайскими племенами у туркмен, тюрков османов etc. (Essai d'une classification des races humaines par M. I. Deniker, p. 14).

При антропологическом выделении этого тюркского или турецкого типа мы не можем не видеть, однако, огромных затруднений в том смешении и различии типа, который господствует среди тюркских народностей.

Попытки отыскать чистый татарский тип среди кара-киргизов, киргиз-узбеков и татар, может быть, и привели бы к чему-нибудь, если бы можно было ручаться, что эти народности более всего сохранились от посторонних влияний. Ванбери также хочет признать в сибирских киргизах наибольшие признаки тюркской народности. Признать киргизов центральным типом, однако, препятствует их происхождение, а также разнообразие и видоизменение типов. Киргизы расположены между устьем Волги, Балхашем и тянущимся до Алтая и его границ. Они проходят в глубь Средней Азии. Киргизы разделяются на три орды, одно уже это показывает трудность найти здесь однотипие. Собственно киргизы даже не называют себя киргизами, а из ими *кай-сак*. Настоящие киргизы были народом, обитавшим в верховьях Енисея, ныне исчезнувшим или вошедшем в состав других племен, удалившись к западу, к Иссык-Кую и к Тянь-Шаню.

* Под именем Турана разумелась географами оять-таки вся местность центральной Азии со множеством племен.

Большинство вышеуказанных киргизов носит все признаки монголоидности и ближе всех стоит по телесным признакам к монголам, что признают и Нешев. Рядом с ямочками, как Киргиз, Арты и Чайной, сидят ямочки о храмовом родстве с монголами*. Справедливости ради, какая же часть этого народа может служить представительницей торкотовского типа? Антропологические исследования д-ра Поздкова и Зеланда показали, что среди киргизов имеется множество отклонений и есть типы, близкие к арийским. Киргизы поэтому могут почестьсь нацией смешанными.

Что касается кара-киргизов, то они несколько выделяются видимо, у них заметный «кусь», толбогазные особи, но это объясняется тем, что в составе их племени учащихся, обитавших близ с. Иссык-Куль. Поклонение «кусью» и до сих пор сохранилось среди кара-киргизов. Усуги были белокуры и голубоглазы, как свидетельствуют китайские историки. Такими же были «хакасы», другие племена в киргизских Енисеях, как видно, поклонение уходит. Хакасы впоследствии носили наименование халласы или киргизы.

Родословная и история этих белокурых племен на юге Сибири весьма пажина. Но могут ли быть эти племена прародителями тиранам — трудно сказать. Кипарт относит их происхождение к тибетским племенам и называет «белокуровые расы», «race blonde».

Существование этой загадочной белокуровой расы в древности на юге Сибири, несомненно, соудействовало перерождению типа.

Таким образом, разнообразие типов среди киргизов может быть объяснено тобо же помесными и разноестественными элементами, вошедшими в них.

Что касается сибирских татар, то часть их носит алтайское и телеутское происхождение, таковые татары около Томска, татары кузнецкие и беребинские; другая же часть городских татар сливается с казахскими. Калмыцкие татары носят наибольшие следы переходных типов к европеизму, или гипсовым чертам, как касинские, уральские и центральносибирские. Эти средний тип и принято называть татарским. На самом же деле, среди татарских племен мы

* Заметим, что «полевые» племена у монголов, калмыков и алтайцев отличаются указанным носом и редкостью, в которых находили эти племена. «Соски и «кости», записанные гг. Пигановым, Радловым и Альдиновым, дают богатый материал для родословника.

Современная классификация уро-алтайских племен 1
видим все переходы типов, начиная от монгольского, и трудно распинать, были ли древние тюркские типы более чистыми и близкими к арийскому, и последствия насторожили от смеси с монгольскими, или были монголообразны, так как в древности, по историческим указаниям, мы видим один корень татар с монголами*.

Нам остается перейти к группе *монголов*.
Монголов Фридрих Мюллер делит на 4 главные народности: хара-монголы, халха-монголы, калмыки (олоты) и буряты; все они близки по языку и по типу.

Пешель различает также четыре этногруппы: восточных монголов, калмыков, бурят и хазаров. Хара- и халха-монголов он соединяет в одно целое, но принимает хазаров, или хевров, кощущих между Гератом и Кабулом. «Черты их лица настолько сохранили монгольский тип — говорят он — что путешественник никогда не сомневался в их этнографическом положении».

Народности эти — сунниты и шииты — давно приняли иранский язык. Хазары, говорят, прибыли в Иран, как воины Чингиз-Хана. Как видим здесь, лингвистическая классификация уступила антропологической.

В сущности, только три племени монголов: хара-монголов, хара-калмыков и бурят принят по языку считать за одну семью, но расовые и антропологические черты этой народности до такой степени бросаются в глаза, что дают характеристику и распространяются на множество народностей. *Монголовидность типа* является характерным признаком и других племен.

Фридрих Мюллер и числе монголовидных считает 52 народности, относя сюда: финнов, тюрков, монголов, тунгусов, корейцев, японцев, китайцев, ишо-китайцев, анимистов, тибетцев и др. Ф. Мюллер делит их по языку на обладающие *многосложными языками*, куда относятся все урало-алтайцы, корейцы, японцы и др., и *односложными*, как-то: китайцы, ишо-китайцы, анимисты и тибетцы.

Пешель к *монголообразным* причисляет и малайское племя; последнее же Ф. Мюллером выделено в отдельную группу.

* По китайским источникам, Монголы и Татары были братьями. Согласно летописи Татар в Монголии указывает на связь с индогерманами.

2. Н.М. Ядринцев. Сибирские народы, их быт...

Кроме того, к монголоидным причисляют обыкновенно и группу арктических гипербoreев, в которую входят юакагиры, плиники, айны, камчадалы, чукчи, коряки, номодосы, эскимосы, алеуты и телениты. Народности эти не систематизированы, они не подходят ни к одной расе и причисляются в одну сборную группу. Группа эта любопытна, однако, тем, что, занимая Камчатку, берега Берингова пролива и островов Великого океана, она составляет звено с американскими племенами, или «американскими континентами».

Г. Деникер в *монголоидной расе* видел три вида (типа вицета). Тип *жаждинский* замечает он уссурийским среди северных народностей, как-то: чукчей, калоц, алеутов и камчадалов. *Тундровский* — среди тунгусов, номодов Сибири, претерпевший, однако, видоизменение от смеси с монголами, манжурами, даурами и корейцами. Наконец, г. Деникер отмечает третью ветвь — чисто *монгольский тип*, который сохранился у халхах-монголов, у калмыков Джунгарии³ и, может быть, у тибетцев (?). Он также входит в этнические группы китайцев, индокитайцев, малайцев и различные тюркские и финские племена (Essai d'une classification des races humaines, p. 15).

Группе монголов и монголообразных, как известно, присваиваются известные антропологические признаки, именно: жесткис, прямые, гланциевые черные волосы, желтоватая кожа, узкие черные глаза с вывороченными веками (*parières tournées*), раскосость глаз, выдающиеся скулы, плоский нос, брахцефализм (у эскимосов и долихоцефализм).

Несмотря на всю резкость, грубость и первобытность этого типа монгольской расы, отличающей ее от других рас, мы должны, однако, признать и в этом типе массу видоизменений и вариаций. Так, известно, что *тухусы* несколько отличаются в типе от монголов. Одно уже то, что лица у них пролонгованы, как и головы. Китайцы носят другой тип, отличающий их от монголов. Эскимосов и северных инородцев можно отличить от степняков монголов. Монгольский тип только с первого раза кажется однообразным. На самом деле привычный взгляд отличает в нем видоизменение и не смешает китайцев с манжурами, тунгусов с бурятами и т.д., как мы приобрели наметку отличить грека, армянина, кавказца, турка, француза и т.д. Этнические группы монголоидных поэтому имеют свои особенности, еще вполне не схваченные европейскими наблюдателями.

На разницу монголообразных типов указывал Кастрен, Миддендорф и др. Для антропологов необходимо составить ныне специальную классификацию этих типов, если не по народностям, то по характерным «страгам», встречающимся в различных этнических группах. Г. Деникер в своей антропологической классификации делает первый шаг и оказывается в этом отношении услугу. Он делит монголообразный тип, как видим, на *жжимоский, тунгусский и монгольский*.

Без сомнения, при изучении монголоидности типы эти можно продолжать. Корейцы и китайцы, вероятно, будут отличаться особыми отклонениями.

В этой классификации, само собою, является вопрос: какое из указанных племен и групп монголовидных сохраняет более типичные черты монголоидности, иначе, какой тип древнее, первобытнее и ближе к типу монголовидного предка — прогодита?

Несомненно, тот тип народный, который грубее, резче в своих монголовидных особенностях. Здесь нельзя не признать самым *рекым* и *грубым* типом, приближающимся к доисторическому человеку, — это тип северных монголовидных, как-то: тип *жжимосов, камчадалов, арктических племен* и т.п., может быть, *самоцлов*. Сама изолированность этих племен и грубость первобытной обстановки, суровые условия жизни должны были помочь сохранить этот тип. Далее в классификации должны быть поставлены другие монголообразные племена, как тунгусы, монголы и китайцы. Тунгусы, однако, относятся к монголоидной народности и должны быть изучены в связи с ней. Из монголов мы видим сохранившими более монгольские черты северных монголов, как, напр.: буряты, даже якуты (турки) сохранили более выражительные монгольские черты. Это может быть объяснено тем, что они были ранее отодвинуты на север и смешаны с монголами.

Из алтайских тюрков, по нашим наблюдениям, наиболее резкими, грубыми чертами монголоидности отличаются *телеуты*. Таким образом, резкую монголоидность мы находим и у азиматских тюрков устро-алтайской группы. Должны ли мы объяснить ее со только смешением с монголами, если их монголоидность превосходит даже монгольскую, т.е. монголов Центральной Азии? Не говорит ли это скорее за то, что тюрки восточной Монголии, как и монголы, в древности были более

24 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы. их быт...*

монголообразными и относились к определенной ветви и имели общий тип, промежуточный от одного монголообразного предка?

Если в общих группах монголообразных находятся различия, то еще более разнообразия встречается в монголообразных индивидуумах каждой группы. Если мы замечаем монголообразность, так сказать, вкрапленную и изломавшую печать на других группах, по-видимому, другого происхождения, напр.: на тюрков, финнов и т.д., то среди монгольских племен желает отрицать той же вкрапленности, той же помеси высшего и более чистого арийского типа. Монгольский тип среди монголов, таким образом, не является чистым. И это объясняется теми же причинами, что монгольские племена не были изолированы, так как история показывает сожительство их с другими племенами.

Монголы, как могущественное государство, являются в ХIII в.; до этого на их месте жили племена нийманов, караланов, уйгур и тукээз-тюрков, и монголы слились с ними. В эпоху Чингиз-Хана Монголия была наполнена завоеванными китайцами, татарами (сарацинами), персами, туркестанцами и др., среди которых была масса арийских типов. Таким образом, монголы сами в это время восприняли множество народностей и смешались с ними, даже мать Чингиз-Хана была родом татарка.

Из истории мы видим, что Монголия и север далеко ранее были местом обитания других народов. За 1000 л. до Р.Х. на севере Китая, в северо-восточной Азии, господствовали корейские и маньчжурские племена. Из них были замечательны два — сянь-бл., джурчжени или ичечжи, оставившие следы культуры за Байкалом.

Затем к юго-востоку от Китая жили неизвестные племена кошки и усунь, постоянно подвигавшиеся к северу, прошедшие из Гань-су по окраинам пустыни мимо Большого Алтая к Иссык-Кулю. Эмиграция эта оставила следы в Саянах, на Алтае и на Иссык-Куле. Остатки этих бестоковых племен были хакасы и усунь. Эта южная эмиграция, направившаяся к северу, не могла не коснуться Монголии.

Ладес мы находим, за 1000 л. до Р.Х., в Монголии гиен-ну, древний туранский народ, получивший впоследствии название тукэз. К началу христианской эры история этого племени у китайцев становится определенее. Тукэз занимают Монголию и находятся на верховьях Орхона. В 31 г.

до Р. Х. Китай занимает эти страны и покоряет уйголов и усуней. Последние оттеснены и занимают земли финнов в Сибири. В 232 г. по Р.Х. генны-ну вновь занимают Алтай, а в верховых Енисея образовываются новые государства Кинан-куены, или Хакас. Они существовали в летописях до IX в. Хакасы, или сибирские киргизы, келикзас, простирались до Байкала и являлись на Орхоне. В 362 г. по Р. Х. усиливаются оглы сань-би.

В VI в. возникает в центральной Азии империя тукюэ от Кавказа до Восточного оксана. В X в. усиливаются уйгуры. В X в. появляется новая народность кидани, тунгусское племя, которое заставляет Китай. Уйгуры удаляются к западу в Туркестан. За киданими выступают в 1234 г. новые завоеватели — монголы. Таким образом, до XIII в. мы видим совершение других племен в центральной Азии, игравших видную историческую роль. Это были племена корейские, тунгусские, тюркские, с юга оттеснены их китайцы и тибетские племена. Монголы появились позже и усилились присоединением других народов, которые вошли в их состав, напр., керитаев было вдвое более, когда их разбивают в первой битве монголов.

После падения монгольской империи, когда другие народы отсыпнули, то оставшиеся нынешние монголы представляли собой помесь. С другой стороны, результатом монгольского движения было оттеснение разных племен и переселение из Востока на запад. После падения монгольской империи завоеванные племена в лице калмыков, ойотов, алтайских тюрков, кипчаков и киргизов образовали особые группы и передвинулись. Нет сомнения, что этническое образование народов центральной Азии с их типичными расовыми чертами формировалось гораздо ранее монгольского патшествия, и что монголы сами были только группой монголовидных, которая терпела изменения с изменением исторических обстоятельств.

Дальнейшее изучение инородцев, лингвистические изыскания и антропометрические работы, собрание и сравнение черепов, точно так же исследование религий, обычая и культуры, без сомнения, со временем проложат более света на их происхождение и дадут возможность установить более точную классификацию устро-алтайских племен.

Татары и бухарцы Тобольской губернии и их современное положение

Татары Западной Сибири принадлежат к древнейшим обитателям края и относятся к тюркским племенам, населявшим Сибирь с XIII века. В XV столетии мы находим на берегах Иртыша сибирское царство, основанное после раздоров у ногаев; в состав его вошли туземные татарские поколения, покоренные осязки и некоторые башкирские волости. Царство Кучума носило характер подобно Казанскому: здесь была аристократия, духовенство и черные люди; у племя же даригичеств русских были союзники с Каланью и Бухарою. Ермак, посыпавшись на Туру, уже встретил татарские города Туры, почему томенские и иртышские татары получили название турали или туралинцы, т.е. оседлые татары городских*. Ермак встретил самое сильное сопротивление у этих татар и разорил несколько городков, пока дошел до «Сибири»²¹. В вершине Туры уже русские заставы Еланчи-городок, Чинги-Тура (Юмень), Ялу-Тура, Торхан-Колга²², около Тобольска город Исер (Сибирь), Башник-Тура, Атика, городок Карабчи, далее — по Иртышу вверх Кудлора и Ямы или Аялы, и Ишиме был древнейший город Хона-Ота. Ни излучине Омы (Оми) осталася высокие стены гор. Тонтуры, близи устья Урала — окопы Сорочина; кроме того, татарские городища с валами раскиданы во многих местах степей. Древние татары, как видно по остаткам их городов, имели жилища деревянные и глиняобитные; здесь находятся куски пережженной глины**, цзака — несомненные признаки оседлости. Татары, как заметил по находимым древностям, пользовались железом, выделяли метал и стояли на известной культурной высоте, сравнительно с окружающими остатками и ногтями²³.

* Описание народа Российской Империи. Георги, стр. 29; Фишер о туралыах, стр. 13.

²¹ В эпистоле Георги, стр. 32.

Татары и бухарцы Тобольской губернии.

— 27 —

Таким же искусством в выделке металла обладали и татары в Томской губ. Остатки бронзовых и железных орудий показывают, что металл давно выделяли в Сибири. Затем татары занимались также и земледелием. Кроме находимых остатков жерновов и сошников, известно из некоторых актов, что татары были землемеры. Что Кузум и его татары занимались хлебопашеством, видно из грамоты Тарского воеводы, доносившего: «Курут-пашь пошел с Черных под на Обиреку с детьми и со всеми людьми, где у него хлеб засеян» (ОПТИСКА царя тарского воеводы Войбконы 1598 г. Акт. истор., т. II, номер 1). Татары и бухарцы были посажены instead за занесениею в 1597 г. на государственную пашню (Рус. истор. библиотека, изд. арх. комис., т. II, номер 58). При занятиях татарских горелок в них находили всегда запасы хлеба (Сибирь. летопись). Принимая во внимание, что земледелие известно было бухарцам, татарам, слады и киргизии канников заметных в Семиречье, на Алтае, и Минусинском округе и за Байкалом, — можно заключить, что древние народы Сибири давно употребляли хлеб и татары не могли не знать его, хотя часть их сохранила скотоводческое хозяйство. Мильдер², Фишер³, Георги и Словцов⁴ описывают киргизских и тобольских татар как земледельцев, тогда как барабинские татары вели полукочевой и звероловный образ жизни. Платье и украшения, сохранившиеся у тобольских татар от прежнего времени, носят следы некоторой роскоши и армянней моды. Видно, что они находились под сильным влиянием магометанства и Средней Азии. Георги их описывает смешанными с бухарцами, вызванными уже сибирскими ширвичами. «По языку сибирские татары — говорит исследователь тюркских наречий В. В. Радлов⁵ — разделяются на барабинских и киргизских. Из них первые образуют особое племя, тогда как киргизские представляют смесь трех древних жителей Сибири, с тремя коленами — тураты, азты и кураик — и нахальших тюва в XV и XVI ст. тюркских племен Средней Азии. Среднеазиатские переселенцы живут отчасти и теперь, не смешиваясь с остальными, и называют себя бухарлык. Чине всех, как кажется, сохранились кураик, а турали сильно смешались с бухарлыками». Георги в половине прошлого столетия сообщает о туратицах, или татарах на Турс: «Городские татары перемешались с казанскими татарами и бухарцами и вполне с ними сходствуют; турецкие деревенские

28 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

татары могут почесться чистыми потомками древних, страшны сей житействии и составляют, как кажется, особое колено. От других татар они отличаются тем, что нарочито ростом высоки и притом плотны или дородны, головасты и по чертам лица похожи несколько на катыков. Волос у них по большей части черен, жидок (монгольская левопосистость) и прям. Отличаются честностью, пристижанием (трудолюбием), но в нравах их больше сурости, чем у казанских татар. В деревнях их попадается редко больше 10 дворов; дворы их малы: срублены из бревен; внутреннее расположение похоже на дома казанских татар. Пее занимаются земледелием, держат пчел, ходят на промыслы за рыбой и — на лыжах зимою — за зверем. Тобольские татары, по Георги, живут в деревнях до 10—15 дворов и всех считается до 4.000 д. м. п. С виду походят на турецких и родоскинских им; они матометые, живущие им, распояженные по татарскому обыкновению, хуже казанских; все занимаются земледелием, однако не нашут более 3-х десятни; скотокодство их страдает от сибирской язвы; женщины их тянут колеса на скринах, как и у оренбургских татар; во всем магометанские обычай и камы. Турские или туринские татары были в прошлом столетии магометанами, но в 1718—1720 г. крещены тобольским архиепископом Филофесом¹⁰. «Тогда, по учинившему у них школ — сообщает Георги — пришло у них в забвение и знание грамоты и письма, которые теперь редкость, а может, и никому незнакомы. Расстояние их жилиц и близость противоположных поющие и стремление греко-российского духовенства стать великие прелестия, что большая половина сделалась только новаждами и суворными греческого вероисповедания сопротивниками» (Георги, ч. 2, туринские, стр. 30—31). Это обращение произошло, однако, только около будгутских селений и города Туринска, а также каштакских татар¹¹, живших по Тавде. Попытки обращения татар были и в половина XVIII ст. митрополитом Симеоном Гиониатским, и, наконец, в XIX ст. в Тобольске существовало отдельное библейского общества, которое проповедовало евангелие между татарами и киргизами. Для распространения среди татар христианской веры были выстроены на казенный счет церкви три устье рек Ишика и Тари: но цариславие чрезвычайно слабо распространилось среди них; по отчетам губернаторов, в 9 лет, начиная с 1860—1868 гг., обращено их в православие только 331 чел. Тобольских татар, таким образом, должно признать упор-

Татары и бухарцы Тобольской губерни... 19

но держащимися магометанства, несмотря на то, что они со всех сторон окружены русскими деревнями.

В список насел. мест. Тобольской губ. сделано заключение, что, несмотря на упадки цивилизации, татары не очень скоро теряют свою народность и язык; живым примером может служить деревня Ямакова, Тюменского округа, населенная татарами, которые, приняв крещение еще в XVIII ст., все переженились на русских, до сих пор говорят татарским наречием, исполняя правила православной религии. Некоторые татары в Тобольской губ. называют себя, однако, татарами, потому что исповедуют магометанскую религию, хотя по некоторым особенностям нравов они могут быть отнесены к осяким (заболотье, амарские татары Тобольского округа, татары Байкаловской волости, а также в волостях Антиповской, Алакской, Гиленского округа). По описание 1868—1869 гг., был тобольских осадных татар, а разные и тюменских, как видно, поднималась — селения из стаи многодушные, хотя и не так многочисленны, как русские. Встречаются в 1.000 душ. В Тобольской губ. от 500 до 1.000 душ было 8 селений, от 100 до 500 душ — 118 сел., от 50 до 100 душ — 58 селений и по 50 душ — 52 сел. Татары, живя среди русских, успели усвоить из их обстановки и обычая, напр.: обои, самовары, шторы, цветы; женщины не скрываются от мужчин; постройки несколько улучшились против прошлого столетия, но белы, избы имеют не более двух комнат, в них находятся татарские пары и чувах, окна поведены под самую крышу. Большею заключительностью отличаются татарские торговцы в городах, перенявшими много из предметов комфорта. Татарское население Тобольской губ. особенно торговое сословие, имело, однако, в конце прошлого столетия некоторое благосостояние и капиталы. Содействовало его успехам торговля с Джунгарней, причем бухарцы сделали своими агентами тобольских татар. Тобольские татары, как и казацкие, обиличили замечательную способность к торговле и коммерческие таланты. При Екатерине II татарам даты были грамоты на земли их, и некоторые из больших родов имели значительные угодья. Но с падением джунгарского и среднеазиатского горя, а также по мере расширения русского земледелия и благоприятству русских деревень, татары потеряли свои угодья так же, как и рыболовные места, и тем поставлены были в некоторую зависимость от русских промышленников и торговцев. Столкновения татар с русскими на экономической почве начались

3 Н.М. Ядрин в Сибирские инородцы, их быт...

вскоре по покорении Сибири. Азиаты оседлые были ясачные или хлебопашцы, или служивые. Одни татары мусульманского закона соединяли со службой и хлебопашество*. Обращение их к десятинной пашне, однако, вызвало жалобы татар на обременение повинностью, и некоторые татары бежали от нее. В 1599 г. царь Борис, осведомясь, что пашню занимаются татары только около Тюмени и в Тобаре[†] по Тале, назначил и тагильские юрты[‡] на пашню с тем, чтобы вместо ясака взимать хлебом**. Татары имели различные угодья, где водились бобры, орлиные гнезда и пр., наконец, хлебопахотные места. Упады эти начали отходить от них к русским. Так, Словцов приходит уже под 1678 г. жалобу тюменских татар на заездание их землею и угодьями со стороны Сибирского дома и монастыря***. Благосостояние тобольских, тюменских и тарских татар в последнее время заметно падло, и очень немногие дома из них в городах сохранили зажиточность. В общем, экономическое положение и быт татар в деревнях представляется весьма низким. Падению их быта содействовали несколько причин. Исследование экономического быта****, на основании имеющихся в руках царя официальных материалов, представило нам следующую картину: «Татары обложены подушной и оборонной поштой, чаране с государственными крестьями. С прекращением горнозаводских промыслов и обращением в послужу бы оседлых татар и бурят замечательно стало падать и в настоящее время представляет крайнепечальное явление. Самым лучшим доказательством служит положение этого населения и количеству недолимок, накопившихся на татарах Тобольской и Томской губерний и последнее время. В 1875 году эти недолимки равнялись:

По Тобольскому округу	318.860 р.	45 к.
Тюменскому	27.812 р.	54 к.
Ялуторовскому	59.042 р.	99 к.
Тарскому	74.518 р.	38 к.

Всего 480.234 р. 36 к.

Из журнала главного управления Западной Сибири 1879 г. 10—20 ноября, за №154, и представления министру

* Словцов, ч. I, стр. 155.

** Истор. обзор Сибири.

† Документы включены в IV собрании грамот с Руминским гербом.

Словцов, Истор. обзор Сибири, стр. 183.

**** Подробный список заселений с их жителями приведен в особых публикациях.

Двора 20 ноября (1879 г. №11115) рисуется настоящий быт этих инородцев. Скота во владении инородцев считается по Тобольскому округу 272 лошади, 3.055 рогатого скота и 1.707 мелкого, средним числом по однной лошади на 2,5 души, по однной корове на две души и одной овце на 3,6 души. По Тюменскому округу лошадей 212, рогатого скота 25 и мелкого 109, или одна лошадь на 3,8 души, по однной корове на 3,5 души и по одной овце на 7,4 души. По Ялуторовскому округу лошадей 902, рогатого скота 750 и мелкого 1.251, или по однной лошади на 2,3 души, по одной корове на 3 души, одной овце на 1,7 души. По Тарскуму — 1.763 лошади, 1.363 рогатого скота и 765 мелкого, или по однной лошади на 1,7 души, по одной корове на 2,2 души и по одной овце на 3,9 души. Хлеба инородцы засевают от одной до четырех десятин, урожай в большинстве случаев незначительный — от сам. 2 до сам. 5 и менее, если только не случается никаких бедствий, зраде того, как в Кременинской³² волости, Тюменского округа, в которой из числа 40 десятин, засеваемых с 1877 года созымым хлебом, с 35 десятин снято было 10 четвертей при посеве 40 четвертей. Склады урожая доказываются и тем, что в Сингульской волости с засеванных 1.000 десятин разным хлебом получено было 8.172 четверти, тогда как на годовую пропорцию необходимо было 6.515 четвертей на производство и 1.825 четвертей на посев. Следовательно, урожай дал на 168 четвертей менее потребного. Оброчная плата, взимаемая за отдачу в аренду раболовных угодий, принадлежащих инородцам, по распоряжению земского начальства в большинстве случаев обращается сплошь в казну на пополнение считающегося недором.

Тобольский губернский совет, рассмотрев предоставленные комантированными чиновниками удостоверения, нашел, что при настоящем экономическом состоянии инородцев Тобольской губернии одновременное взыскание с них всей числящейся за ними недоимки представляется совершенно невозможным.

Рассматривая в частности быт этих инородцев по другим данным, сосредоточившимся в наших руках, мы видим только подробности того же безутешного положения. Волости татар и селения раскиданы среди русских волостей и административное их деление крайне запутано: инородческая волость живет нередко в 10–12 русских волостях,

3. Г. М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

там, где находились ее земли, инородцев нет, в иных татарских юртах зато живут представители 4–5 волостей, иные городовые инородцы совсем не имеют земель, хотя числятся сельскими жителями. Права на землю ими были или утеряны, или перешли к русским. Тюменский исправник недавно доносил, что инородцы запродают свои угодья русским, и не успев еще срок выйти, как запродают другим лицам лет на 20–30 за ничтожную сумму 2–3 рубля^{*}.

Когда инородцы приились доказывать свои древние права, то их крепостные акты не получали признания и пропадали в канцеляриях, а между тем поземельный вопрос был причиной всех беспорядков и нападок обездвижения. Татарские деревни оказались раскиданными среди русских, русские между татарских, волости и жители разбиты, так что в административном отношении дело запутано до последней степени. Чтобы распутать его, в последнее время явилось предположение присоединить татарские деревни, а стало быть, и татарские общины к русским волостям. Но такой опыт решительно не удался и не мог удалиться, так как магометанское население, до известной степени фанатическое, не могло слиться с русской общиной; мало того, оно находилось в антагонизме с русским населением на экономической почве из-за хватах угодий. Поэтому некоторые опыты обнаружили плачевые результаты. Присоединение в 1864 году инородцев Эскадринской волости, Тобольской губернии, к Байкальской и Корочинской окончилось накоплением недоломок на инородцах, в первой волости 1.084 р., а во второй 2.125 р. Затем за присоединенными к Кугаевской волости 84 душами с 221 р. 55 к. недомика возраста до 2.412 р. 93 к., что подало повод к приговору русским крестьянам отчислить их (последние тобольского исправника 24 марта 1876 г.). Таким образом, административный вопрос этих инородцев находится запутанным до последней степени.

Татарские деревни немноголюдны и отличаются бедностью и несопротивляемостью, как говорят описания. Действительно, они имеют весьма скромное хозяйство, почему притянут их считать ленивыми. Хозяйственные условия характеризуются следующим, например, ленивыми на 3.336 речицких душ Бухарской волости только 668 домов, 1.035 человек полсе не имеют скота и 587 душ имели по одной скотине, — условия, при

* «Журнал Тобольского губернского совета» 1876 года. № 283.

Татары и бухарцы Тобольской губернии... 33

которых невозможно никакое хозяйство. Земледельцем занимались 370 домохозяев, причем 246 имели от 2 до 5 десятин и 101 по одной десятине; но, кроме того, 1.344 души не занимались земледелием. Годовой податной оклад их равнялся 2.750 руб., а недомымки было 28.078 руб. 58 $\frac{1}{2}$ коп., причем на каждую ревизскую душу приходилось по 32 руб., а на взрослого работника по 68 руб. 33 коп. В Городовой татарской волости на 2.075 ревизских душ только 383 домов, 875 душ не имеют лошадей и 716 не занимаются земледелием; годовой оклад равен 4.817 руб., а недомымки — 38.757 руб., так что на взрослого работника падало 67 руб. 20 $\frac{1}{4}$ коп. (653 души).

В подобном же положении находятся волости оброчных чузальщиков, прежних казанских переселенцев татар, за которыхи недомымки было 26.085 руб. на 906 ревизских душ; волости Бабасанская, Истинская, Пороганская¹, Надинская, Ваганская и Уватская, в которых 53.972 руб. недомымки 2.157 душ.

Причины обеднения и разорения тобольских татар усматриваются в уменьшении звероловства и рыболовства («Дело о недомымках с инородцами» и «Журнал Тобольск. губ. союета»); кроме того, в преследующих инородцев с 1860 года по несколько лет среди неурожаев и последовавших за ними голодах. По официальным данным, в это время хлеб принужден был покупать по 1 руб. 20 коп. за пуд, беднейшие же из инородцев, не имея средств купить хлеба, начинались из-за одного пропитания и работы, вместо платы получая от 3 до 5 фунт. муки в день. Правительство не только должно было раздать хлеб из магазинов, но даже безвозратное денежное пособие по 1 руб. на человека. Это последнее пособие было отпущено было татарским инородцам еще в 1877 году.

Дальнейшая причина были падежи скота. Подобные падежи в Сибири опустошают целые местности, почему многие инородцы остались без рабочего скота.

Четвертая причина, удостоверенная, это — лесные покары, при которых спорло много леса и кедровника, составлявшего для инородцев предмет прокорма и источника дохода от сбора орехов. Все эти первоначально продолжавшиеся до настоящего времени беспорядки, по удостоверению официального документа, довели инородцев до того, что материальное их состояние находится более чем в жалком положении и многие из них не имеют одежды и средств пропитать семью («Журнал главн. управл. Зап. Сибири» 1879 г., 10—20 ноября, №154).

Вместо настоятельного исследования причин этих бедствий, лежачих, без сомнения, в переходе лучших угодий к русскому населению, и вместо помоини обедневшему населению, к сожалению, в Сибири не всегда принимались соответствующие меры и с обедневших инородцев следовало еще более суровое взыскание накопившихся недоимок. Так, по отрыву того же «Журнала главного управы Зап. Сибири», взыскание недоимок еще более ужасно было инородцам в Бабасанской волости, где одна лошадь приходится на 3 души и одна корова на 4. В этой волости было прозано в 1875 году скота на пополнение недоимки более чем на 300 руб. Несмотря на то что татарское население отличается, по описаниям, крепким сложением и принадлежит к гордойстной татарской расе, в некоторых волостях замечались убыль населения и перевес смертности над рождаемостью, на что обращало внимание начальства тобольский исправник Дзржинский в 1875 году, указывая на волости Бабасанскую и Уятынскую.

Действительно, по спискам ревизского населения и по здешним исчислениям, нельзя не убедиться, что прибыль населения весьма мала, когда в одних волостях она возросла с 3.406 душ, по последним ревизиям, на 4.525 к 1878 году, в других, как Бухарской, на 3.336 душ увеличилась только на 357 душ, или Городовой татарской с 2.057 население увеличилось в 25 лет только на 100 чел., в Уятынской на 2.157 душ прибавилось 40 душ и т.д. По спискам населенных мест показывалось в Тобольском округе в 1868 году татар и букарцев 15.740 душ, по сведениям же 1875 г., доставленным в главное управление Западной Сибири, их всего около 16.021. В Тюменском округе в 1868 году было 9.083, а выше 9.099, т.е. население почти не прибыло. Что касается татар тюменских, тарских, ялуторовских, то условия быта и положение их было сходственно с тобольскими так же, как и происхождение. Около Тюмени, по завоевании русскими, сформировано было несколько волостей. По нашим сведениям, к 1880 г. в Тюменском округе ныне находится 5 татарских волостей, а именно: 1) Колымская, 2) Неринская, 3) Кречетинская, 4) Карапалская¹⁴ и 5) Бухарская, во всех них 4.803 м. пола ревизского населения, а всего в 1880 г. было 9.099 душ. В Тарском округе находится также 5 волостей татар, а именно: Лильинская вол., Каурдаакская, Танскауктусская, или Больше-Куларовская, Сартгатская и Бухарская,

Татары и бухарцы Тобольской губернии... 85

во всех их ревизского мужского населения считалось 5.216 чел., к 1880 г. — 12.145 чел. В Ялуторовске жили бухары в числе 134, татарские волости состояли из Аспанийской и Сингурльской, где находилось 5.408 д. об. п.

Статистические таблицы, прилагаемые здесь, рисуют быт тобольских татар. Счет их по X ревизии 20 лет назад и последующие списки рисуют увеличение населения. Вот это увеличение:

	Х рев.	За 1880 г.
Бухарская	3.336	3.693
Городовая	2.057	2.223
Уватская	2.157	2.197
Истякская	740	740

Мы видим, что население здесь прибывает крайне медленно или совсем не прибывает и не увеличивается. То же сийдействовало в своем отчете и исправник Дзержинский при представлении положения татар в 1875—1877 гг.

В последнее время в Тобольской губернии, по инициативе Министерства Государственных Имуществ, производились экономические исследования хозяйственного быта крестьян и инородцев, причем командированы были особые чиновники.

От одного из них, г. Патканова¹⁵, обстоятельно исследовавшего быт инородцев, мы получили следующие цифры:

В Тобольском округе в 1887 г. было татар 8 681 м. пола, 7.529 ж., всего 16.210 общего пола.

Между тем в 1878 г. в 9 волостях инородческих было 17 118 душ общего пола. Г. Патканов относительно современной цифры в 16 210 душ делает примечание и находит ее преувеличенной. Как бы то ни было, и из этой цифры ясно, что население уменьшилось в числе за последние годы.

Экономический быт этих татар не улучшается и не прогрессирует, но опускается, и они превращаются в безземельный пролетариат и ищут отхожих промыслов.

Как матометане, они заимствовали когда-то матометанскую образованность из Туркестана. Они имеют школы при мечетях и обучают детей на ладу. Из статистических отчетов видно, что в волостях их было в 1880 г. до 14 училищ, в училищах обучалось 340 мальчиков и 81 девочка, учившихся дома взрослых грамотных 761 чел., неучившихся детей 1.597. Из этого видно, что учение и грамотность были не 'ужды матометан'.

36. Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

метанскому населению и при лучших условиях умственное развитие их могло сделать более успешное. Но, как видно, нужда и беспутство татар отвлекли их от забот об обучении.

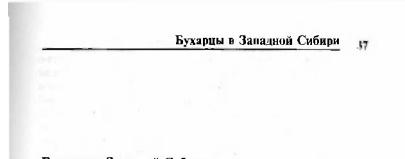
Падение экономического быта, слабая плодовитость оседлых татар Тобольской губернии ясно не составляют явления нормального, а, в общем, оно тем прискорбнее, что население это было когда-то культурным, зажиточным и по своим условиям не могло быть сравниваемо с кочующими ликариями. Здесь аномальные условия ослабления жизненных сил и вымирания инородцев мы встречаем среди народностей оседлых, чьему примеры трудно найти.

То же мы видим на южменских татарах, число которых не увеличилось. Их было:

	В 1869 г.	В 1886 г.
Мужчин	4 799	4 071
Женщин	4 284	3 471
Всего	9 083	7 542*

Разница громадная и непонятная, если бы не сопоставление того страшного ухудшения быта и разорения, которое мы отметили.

* 1-я цифра удостоверяется списками населенных мест, 2-я — исследованием чиновника Министерства Государственных Имуществ.



Бухарцы в Западной Сибири

37

Бухарцы в Западной Сибири

Точно так же заслуживает внимания и судьба бухарцев. Под именем бухарцев в Сибири слынут бухарские выходцы, живущие в различных городах Сибири и в некоторых местах брахониющие отдельные общества и управы. В отдельных упраздненных волостях они живут в Тобольском округе, Тюменском и Тарском. В других городах, как Ялуторовск, Семипалатинск, Петропавловск, они принадлежат к городскому классу.

Всех бухарцев в Тобольской губернии считается 8.727 человек и в Томской губернии 152 человека. Бухарцы глянца и Сибирь в момент покорения казаками имели сношения с сибирскими татарами, городами ранее русских. Родственение по языку и впоследствии распространение среди сибирских татар магометанства, привнесение грамотности и снабжение иностранными письменами средиземноморскими товарищами, эти бухарцы имели когда-то огромное культурное значение среди иногороднических племен Сибири и прежде времена. Нынешние же бухарцы составляют только ничтожных и жалких потомков прежних пришельцев и иначе уже не отличаются от татар. Первые известия о поселении бухарцев у иртышских татар находятся у Миллера и Финсера, где сообщается, что бухарцы появились у татар до времени Маметкуда¹⁴ в Сибири и пробовали привлечь татар к магометанству; но это сначала не безнаказанно обходилось им, проповедники часто падали жертвой, вероятно, по пущению шаманов*. Может быть, бухарцы уже имели сношения с ногайцами, господствовавшими на Иртыше с ханом Онисом; торговые же сношения могли происходить в доисторические времена, так как из культурных центров бухары выгодно было сбывать произведения на севере кочевникам. Недаром страны Ибирь и Сибирь известны были уже при Рашиде¹⁵ — бухары до

* Истор. Финнеро. Ведение, §§5.

3 *Г. М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

Кучума подготовили себе почву. Кутум же, как магометанин, покровительствовал и принадлежал им; бухары явились первыми муллами. Около Тобольска сохранились долго сейская фамилия, правородитель которой Дин-Али-Хадже привел туда вместе с Кучумом. Он был родом из Ургенча, султана Махомета Шаха хорсемийского, бухарец этот имел в супружестве дочь Кучума-хана*. Распространение Кучумом магометанства благоприятствовало появлению бухарцев среди татар. Фишер, описывая Искер, приписывает происхождение глинобитных и кирпичных жилищ бухарской культуры, и это очень вероятно. С Ермака уже появляются бухарские карааны и идут к Тобольску и Тире. Русские были рады этому торгу. Благодари утвердившейся селности русских и усмирению племен, торговые сношения могли лучше развиваться, и бухарцы, как торговый и лоякий народ, отлично воспользовались этим. Когда русских они обогастили выгодами торговых сношений и производствами Средней Азии, на татар их влияние было еще большее. Они здесь имели значение просветителей и проводников мусульманской культуры, так русские не сразу заметили. Значительная часть татар еще до 1639 г., по Фишеру, были язычники-шаманисты, но бухары понемногу обратили всех татар в магометанство. Магометанство благодаря им воцарилось в Западной Сибири между 5.000 татар, между 3.000.000 киргизов³ и башкирами. Бухарское население в Западной Сибири и Восточной России в половине XVIII столетия было довольно значительно. Георгиев говорит, что татарские слободы в Тобольске, Томске, Таре, Тюменске и Тюмени по большей части были населены бухарами; кроме того, близ городов в особых деревнях также жили бухарцы, как и между татарами. В Башкирии были две бухарские волости, не считая множества деревень в Оренбургском крае. Все эти раскиданные бухарские селения имели, по Георгию, не менее 20.000 душ мужского пола. Бухарцы обыкновенно женя брали у татар и имели их в различных местах и разиценных селах. Такие родственные связи еще более сближали их с сибирскими татарами, киргизами и башкирами. Кроме того, из татар и башкир они выбирали второстепенные торговцы и приказчиков. Бухарцы создавали, таким образом, торгоны дела, имевшие массу посредников. Вот что говорит историк Словцов

* Фишер. Введение, §89

о бухарской торговле: «Лишь только русские начали озаначивать Сибирью, как встретились в Тюмени, Тобольске, Таре и потом в Томске с бухарами, лавными знакомствами по Москве. Сибирь довольствовалась одной торговлею караинною и гужевою. Таким образом, горожанин бухарский безостановочно привозил шелковые, бумажные и пестрястяные ткани, средстvenной доброды месрлушки, нюкры корсакы, иногда даже леопардовые и гигровые, даже плоды сущеные для обмени на мягкую рухиль. Соотчили их до Кучумова и после Кучумова времени, поселившимся в разных местах Сибири, занимались тем же ремеслом*. Бухарцы имели преимущества пред всеми другими торговыми сословиями. «Бухары, любящие больни базар, чем землю, никогда не входили в обязанность службы государской» — продолжает историк Слонцов. — Мечтая, что предки их во время Кучумова принесли из Маваренагра на север магометанство, и вместе с татарами, от них подуваляемы, иногда приносили жалобы в Москву на отнятие у них земель и угодий и на усиленное крещение их санноворцись. Бухары с самого начала пользовались льготами как торговою сословие. В 1595 г., мы находим наказ об учреждении бухарского купечества. В наказе этом прописывалось: «если ногайские и бухарские люди со всякими товарами, с лошадьми и скотом в город Тару приедут, то иметь тамошним жителям с ними вольное купечество и поступать с ними с утигностью, дабы их тем к себе привлекать, а по продаже товаров отпускать их назад без всякого завержения: буде же некоторые из них пожелають со своими товарищами и со скотом ехать в Тобольск или в Тюмень, то и это дозволяться**». В 1668 году бухарам Тобольского разряда исюбновлено право ездить для торга не только в Сибири, но и в Архангельска***.

О бухарской торговле Слонцов говорит: «Бухары, пока в Сибири и на южных ярмарках требовалась ханы бухарские и китайские, имели и делах значительный оборот». Они жили в Тобольске очень богаты, сопоставлением чему может служить «азиатское пиславие» (по выражению Слонюна), с каким они справляли спадебные обряды, оканчивающиеся конским скачками и выставками призов. «Начальство не

* Истор. Слонцов, гл. I, стр. 76.

** Слонцов, стр. 155.

*** Истор. Сибири, Миллер, стр. 227.

4 Н.М. Ядринцев Сибирские инородцы, их быт...

чуждались юрт**. Тезики или таджики кланялись низко, в свою очередь, местным начальникам. О! торговых бухарцев благосостояние переходило и на татар, участвовавших в торге. Празднование татарских свадеб также сопровождалось скачками и ристанищами. Гмелин их застает в 1734 г., в сабеттинских юртах, и Слонцовпомнит эти обычай в Тобольске до 1766 г. Те же бухарцы, кроме торговли, прививали в Сибири ремесла. Так, им принисывается распространение кожевенного производства в Тюмени. Мало того: мы видим, что бухарцы, как самое способное и образованное магометанское сословие, не только служат посланниками в торговых с Средней Азией, но и играют роль в дипломатических сношениях. В 1658 году из Тары вместе с Баярским сыном посыпалась в Китай и тобольский бухарец Сеткул Аблин с грамотой и подарками к болыккану. В 1668 г. вторично послан в Пекин Сеткул Аблин. Бухарцы служат на границе первоначально и дипломатическими агентами и награждаются иногда за свою службу. Несомненно, что при указании и знакомстве с бухарским золотом при князе Гагарине, стоявшем жизни Гагарину⁶, и неудачной экспедиции Бекови- ча, играли роль бухарцы. Водворяя торги свою, бухарцы оставались в России, привлекаемые взятками и выгодаами своего положения. Так, в XVII ст. посланник бухарского хана Мурза Крейнин, проживший 12 лет около царского двора, не решался возвратиться и на пути соблизился местами в Башкирии и поселился здесь со своими людьми. Впоследствии присоединились к нему беглые пленные бухарцы из киргизов, так образовалась две волости из 50 семей в Уфимской губернии и 52 семей в Исетской**. Торговые льготы бухарцам, как мы видим, подтверждены в 1645 г. 3 ноября и 17 сентября 1687 г. Они считают себя выигнанными правительством. Постепенно оседлость их и увеличивавшиеся обработы, однако, могли не вызвать обложения. В 1693 году на китайские и бухарские товары наложена попушка по одногодичной или десятской квоте с тканий и десятской ящик чая. В 1700 г. следует распоряжение, запрещающее бухарцам скучать собоя, в 1701 году издается грамота сибирскому именованию Михаилу и столнику чиркесскому, где повелено взимать с земель, заселенных бухарцами, оброк по

* Слонцов.

** Георгий Ониксан. Росс. нар., стр. 63.

Бухары в Западной Сибири 41

5 алтын с десятины засянной ржи и 10 денег с десятины ярового*. Из этого видно, что бухарцы уже занимались земледелием. В 1703 г. есть распоряжение о переводе тобольских татар и бухарцев на Панин бугор и о наблюдении, чтобы их мечети были построены от русской церкви в отдалении**. Во все XVIII ст. бухарцы продолжают играть видную роль в торговле Сибири, а сибирские жители ходят в бухарской минифактуре. В 1727 году издан указ о восстановлении коммерческих спопелей с Хивою и Бухарой и даже конвоя для сопровождения караванного (П. С. З. № 5045). В 1763 г. основана бутаринская ярмарка для торга с Бухарой и Индией. В 1765 г. устраивается меновой ярмарки в Усть-Каменогорске или нащентских и бухарских купцов**. В 1764 г. асигновывается особая сумма из сибирских доходов для угощения киргизов и прочими азиатами, приезжающими на сибирские линии***. В 1773 г. устраивается торги в Петропавловске для азиатских купцов и бухарцев. В 1787 г. при Екатерине повелено оставить бухарцев на том самом основании, на каком они были до открытия паместничества****, доказывая им из своего общества составить в городах сложенные суммы, непредъявленные за умножение их числа и буде пожелают собственное для них ратуши*****. Это показывало, что правительство признает в них почетное торговое сословие. В 1789 г. следует указ о позволении переселяться татарцам и бухарцам в Россию. (П. С. З. № 16814). Точно так же следуют указы относительно веротерпимости магометан. В 1765 г. издается разрешение татарам и бухарцам магометанского закона, живущим деревнями, строить мечети и о переселении новокрещенных татар в другие деревни (П. С. З. № 10597). В 1782 г. по сибирской линии повелено устроить мечети, а при них школы и караван-сарай. В 1783 г. находящимся в русском подчинении мусульманам дозволено самим избирать себе ахунов. В 1784 г. для распространения ислама между киргизами на пограничной линии определяют в муслы знающих магометанский закон тобольских татар, с назначением

* Пол. Сборн. Зак. IV, № 1857.

** Гагаринский Законописательный Собрание, стр. 163.

*** П. С. З. № 12191.

**** В 1764 г. их пробовало, по истечении вынужденного времени, занести в оклад привилегий государственных крестьян (№ 1204), но бухарцы отстояли свои прежние права

***** Указ Екатерины II 9 декабря 1787 г.

4 Н.М. Ядри цев. Сибирские инородцы, их быт...

ем им жалованья от казны. В 1786 г. повелено строить мечети, николы и гостиные дворы в Киргизской стени. В 1788 г. в Оренбурге создается мухтый и особая магометанская испархия (П. С. З. №№1670, 16711). В 1797 г. разрешается продажа и рассылка алькорана на арабском языке для магометан. В 1800 г. воспрещено притеснять киргизов и их суптанов, указано возвращать в орду перебежчиков и повелено принимать по почтам все татарские письма, адресованные на высочайшее имя. Представляя целый ряд этих законодательных мер в пользу магометан, мы должны заметить, что все они имели вид не столько поблажки и слабости, сколько мудрой политической меры, привлекавшей на нашу сторону инородческое и пограничное население.

Самым лучшим доказательством тому служит переселение бухарцев; с разорением китайцами Джунгарии в 1765 году множеством азиатцев и бухарцев вышли в наши пределы и поселились в Сибири. Роль бухарцев в сношениях с Бухарой, Джунгарией, Хивою и Кизасм была весьма велика. Еще в начале нынешнего столетия бухарцы продолжали поддерживать азиатский торт между тем как наши собственные Караванная торговля чрезвычайно тут развивалась и терпела неудачи. Бухарцы же были превосходными посредниками, и их способности в деле распространения культуры среди иностраниц и торговли в Сибири не могут не быть отмечеными. С падением джунгарского и бухарского тортов, с введением новых тарифов для китайских товаров (среднебургский тариф 1799 г.) роль бухарцев изменилась, хотя они остаются еще в начале нынешнего века «азиатским сословием». В первой четверти столетия, однако, следует весьма важное изменение в их положении. Бухарцы перестают быть торицким сословием, влияние их ослабевает, живущим в деревнях нападает обыкновенное занятие земледелием и сельскими промыслами. По положению 1822 года, тобольские, томские, ялуторовские бухарцы, как и татары, занесены в число оседлых инородцев и обложены оброчкой и подушной поштой. Бухарцы были в первое время обложены особой подушной податью, полата на душу 3 душки, по 12 руб. 86 коп. и оброчного по 2 руб. 25 коп. Оклады эти не могли бы быть, конечно, тяжесты, если бы не шли разом излишние поборы, как следствие местных злоупотреблений и вместе ухудшения их экономического быта, вследствие потери пре-

Бухары в Западной Сибири 43

жных занятий и уголовий. Современный их был рисуется следующими данными, извлеченными нами из отчета тобольского исправника и других официальных документов. Число населения бухарской волости Тобольской губернии, по X ревизии, т. е. 25 лет назад, считалось в 3 336 душ, по семейному списку к 1876 г. их было 3 693, прибыль, следовательно, стабая. Хозяйственное положение показывает, что из всего населения только 372 человека занимаются хлебопашеством, а 1 344 человека не заселяют хлеба.

Засевающих	от 5 до 10 дес.	25 чел.
	от 2 ло 5 дес.	246 чел.
по 1 дес.		101 чел.

Лошадей имеют 770 чел., причем 57 чел. не более 5, остальные менее, а именно: 587 чел. по ценой лошади и 1.035 чет. не имеют лошадей. Уже это однозначно показывает бедность населения. Головой оклад податей равнялся на управление 2.750 р. 2 к. и 516 р. 11 к. мирских сборов. Недоимки же за прошлые годы за бухарцами числились 28.078 руб. 52 $\frac{1}{2}$, коп., причем приходилось 16 руб. 23 $\frac{1}{2}$, коп. на ревизскую вину и 30 руб. 12 $\frac{1}{2}$, коп. на дельного работника. Так как недоимки эти с бухарцами не могли быть взысканы с поимками разом, то они накапливались из года в год. О взыскании этих недоимок мы приводим официальную переписку в главе о татарах Тобольской губернии. Недоимки эти числятся по Тюменскому, Ялуторовскому и Тарскому округам в количестве 400.234 руб. 36 коп. и падают единаково как на татар, так и на бухарцев. Присоединим здесь, однако, сведение о Тарской бухарской волости. Бухарец здесь считалось 1.973 чел. Тарские были внесены в оклад в 1834 г. и установлена инородная управа. В 1858 г. бухарская волость, эта разбросанностью деревень, была упразднена в виде опыта на 3 года, и жители ее были присоединены к русским волостям Логиновской, Нижнеколосовской, Тамкынской и Картаписской, но накапливавшиеся недоимки и неудовлетворительное управление вызвали в 1864 году вновь воссоздание прежнего управления и образование волостей. В 1875 году вновь возник вопрос о присоединении бухарской волости к русским волостям. 22 октября 1877 г. бухарцы Тарского округа поручили подать доверенным прошение министру государственных имуществ об оставлении их на прежнем положении.

44 П.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

нии. В 1862 году на них насчитывалось податной недоимки в 9.669 руб. 88 1/4 коп., затем особой комиссией оставлено 6.173 руб. 81 коп. Вопрос о сложении недоимки оставался неразрешенным, однако, казенная палата 12 лет, с 1867 г. 22 ноября 1876 г. Тобольская халцедная палата положила взыскать недоимку с бухарцев и ходатайствовать о проверке счетов и рассрочки взыскания по 800 руб. в год, так как иначе приходилось недоимки по 8 руб. с каждого дельного работника. Кроме этого, с 1867 г. на населении числилось недоимки 1.955 руб. 3 1/4 к. при переложении подымной подати, причем 46 домов оказались лишними и 170 руб. 14 коп. ли-
дадо не из инородцев, а на государственных крестьян, при-
писанных к волости, но о которых никаких сведений не
имеется. Таким образом, опыт присоединения к русским
властям не поднял положения бухарцев и они находятся в
прежнем состоянии.

В заключение мы должны указать, что все бухарцев на-
селение состояло:

	К 1887 г. по сведениям г. Пятакова.			
В Тобольском округе	3.693	1.816	1.531	3.347
Тюменском	2.844	1.612	1.564	3.176
Тарском	1.975			
Ялуторовском	134			
Томском	152*			

Умышленные бухарцы в Тобольском округе несомненно.
Быт бухарцев не лучше, чем татар; бухарцы остаются при
том же назывании, по это, в сущности, уж татары.

Культурное значение бухарцев среди татар утратилось:
они далеко уже не походят на бухарцев и сартов, своих родичей в Туркестане. Обнаружия, однако, положительные способности к культуре в известное время, нет основания предполагать, чтобы они не могли проявить и впоследствии, если бы условия существования им были нормальны.

* По списку населенных мест в 1859 г. в Томске было 379 магометан,
куда причислялись и бухарцы.

Татары Томского округа

Татары Томской губернии могут быть подведены под несколько групп. Часть этих татар населяет Томский округ в числе 5.891 душ; затем потомки татар, смешанные с русскими, находятся в одной из управ Барнаульского округа в числе 1.236 душ; в Маринском округе есть так называемые чулымские татары в числе 1.870 душ; в Каниском округе брабинцы в числе 2.225 душ; в Кузнецком округе телуты 2.985 душ и черные лесные татары 1.780 душ. Наконец, в Бийском округе алтайцы или калмыки, черные лесные татары и несколько осадных управ. Все эти группы по этнографическому племенному составу и в этнографической классификации мы предпочтаем рассмотреть особо.

Татары в Томском округе составляют смешанное в племенном отношении население из татар, приидых с разных концов Сибири. Все они в последнее время, однако, нивелированы, говорят одним языком и все магометане. Они составляют в округе несколько волостей. Состав их и происхождение следующее:

Около города Томска живут потомки зунгитинских татар, бывших подданными князя Таяна, принявшего подданство в 1604 году и единично выразив свою покорность в Москву.

По покорению зунгитинских татар на Томи был заложен город Томск. Тянов городище до сих пор находится на берегу Томи около озера за рекою; оно, как видно, обнесено было залом и рвом. Тайи обязался стремиться к покорению русским и соседних татар.

В пяти днях пути от Таяна на левом берегу Оби жили телуты или телениты, под начальством князя Обака: это было уже чисто алтайское племя. Часть телутов доселе живут в Кузнецком округе. Они были покинуты монгольско-му Алтын-Хану, но около 1605 года отделились от земледельцев и в 1609 году Тайи склонил и Обака с телутами отаться

4 Н.М. Йоринцев. Сибирские инородцы, их быт...

под власть русским, тогда Обак с подданными передвинулся ближе к Томску. Но телегуты скоро изменили русским и снова отдались под власть земгорцам и енисейским киргизам и даже действовали против русских. Точно так же телегуты вели войну и с другими алтайскими племенами, как, например, телесами. Отделившись от калмыков и алтайцев, как видно, они хотели быть независимыми и враждовали как против своих шипоплеменников, так и против русских. Дальнейшие завоевания на Томи с Кузнецка, однако, должны были послужить предел враждебным действиям и изменениям телегутов. К 1658 году они покоряются и принимают подданство как и Кузнецкому, так и в Томском округах, в то же время они подвинулись к Томску. В XVIII ст. они расположились от Кузнецка к Томску по Томи и границы их примикинули к чакским татарам. Телегуты эти получили название «белых калмыков»; они имеют Телеутскую волость, наконец, из них же состояла Кипшинская волость и тудербетские татары. Далее, около Томска находятся читин или чатские татары, жившие прежде в верховьях реки Оми (ныне Канинский округ), бывшие в подданстве хана Кутума и во времена Тайши переселившиеся ближе к реке Оби; первый по дороге из Тары в Томск, а второй ниже — по Оби. Эщтигинские и чатские татары получили впоследствии общее название томских; они, по Георгию, жили в 30-ти деревнях, смешанных с русскими деревнями, и по подкупной переписи, составленной в 1760 году, платили оклад за 430 душ.

К северу от Томска татары назывались верхо-томскими, или абинными; они жили по реке Оби по направлению к Нарыму, подсуланы были томскому воеводе со временем покорения и разнеслись на 16 волостей. 12 из волостей были оседлыми и четыре кочевыми по Нижнему Чульму. По бывшей переписи в 1766 году считалось первых 1.115 душ и кочевых 503 душа. Эти татары уже в половине прошлого столетия жили в 54 деревнях, что указывало на их многочисленность. Далее, в состав татар как Томского, так и Маринского округов входили так называемые чулымские татары. Они жили издревле между Чульмом и Енисеем, преимущественно же располагались по реке Чульму, а также Черному и Белому Юсу; таким образом, часть их располагала-

* См. обяснение в описании народов Российской Империи Миллера.
«Телеуты», стр. 158-я.

Татары Томского округа 47

лась в Енисейской губернии. Но эта группа татар имела родство и происхождение не из Алтая, а выдвигалась семьюю от саянских и енисейских тюрков, будучи родственника с кызылыми и кичинскими татарами. К северу они удалились под давлением золотоордынцев (калмыков) и киргизов, живших в верхней Енисее. Позже находились эти татары в половине прошлого столетия на южной окраине низкой степи и мало отличались от других татар — барабинских, тарских и тобольских. Значительная часть этих татар занималась охотой, рыбной ловлей по Томи и Оби, скотоводством по кочевому способу, и только часть вела первоначальное земледельческое хозяйство. Что земледелие татарам было известно, это доказывается его существованием у кочевых алтайцев и лесных татар, наконец, у татар кумчумовых тобольских. Жилища у татар были в лесной полосе в виде постоянных шалашей из бересты и юрт; зимою же они создавали себе зимовки. Георги, описывая быт томских телегутов, говорит, что во время переселения своего в Томский и Кузнецкий округа они были еще звероловами и скотоводами и что земледелию научились у русских, как усвоили и оседлый образ жизни; они построили также зимние деревни, летом же так же, как барабинцы, кочевали в шатрах. Скотоводство их было не велико, или пришло в упадок, как только они вышли из степей. Как свойственно лесникам, они имели ограниченное число лошадей и рогатого скота, в среднем не превышавшем 10 голов, и только богатые имели до 50-ти. Звериный промысел и охота были также видным их занятием. Впоследствии они занимались извозом и занимались поставлять товары. О прежнем их быте пишет Георги: «Прежде они делали себе хижины в грехах или расселинах гор, так что горы служила оградою с трех сторон, крышу и переднюю сторону делали из хвостов и проч., иные (в половине прошлого столетия) стро-

* Описание Российских народов Гмелина, перевод Миллера, стр. 145.

ят они жилища на чистом месте: телепуты-шаманисты строят дома, во всем склонные с барабинами*, простые и малые с складорюбою. Другие уже уподобляют жилища русским избам с тем различием, что у них всегда находятся нары и чунац. Деревни их составляют от 4 до 10 дворов и называются аймаками. Летние их юрты состоят из жердей, покрытых рогожками из лыка горохового дерева».

О чулымцах Георги говорит также, что они только используют привычки к постоянным жилищам. Некоторые с мест своих совсем не трогаются, большая же половина и теперь, так же, как барабинцы, имеют испытанные зимние жилища и подвижные летние юрты. Чем ближе их селения к русским деревням, тем более похожи на русские. По этому описанию видно, что чулымские татары имели быть, несмысла с нынешними лесниками алтайцами. Но форма была может быть называна полукошевую или полуослояю. От национальной ее перенесли к зимовкам — подобием изб, но на исто они оставались еще и наизнаках. Типы зимовок представляют все стадии развития оседлого жиншина. По способу постройки зимовок можно судить о высоте искусства. У Георгия говорится, что чулымцы имели зимние жилища: «Подобно в рассуждении строевого лесу, сеней, отверстия в потолке и иного внутреннего расположения подобно барабинскому, только стены делаются наискось или покато, а снаружи заваливаются: ради тепла, глинкой». В книге «Aus Sibirien» В.В. Радлова приведен рисунок оригинального телепутского жилища в виде мазанки из плетеника. Около изб, но описано Георги, строят чулумы и хлевы. Летние же юрты находятся на борти, подобно барабинским, и покрываются берестою**. Все это показывает, что склад жизни чулымских и томских татар весьма походил первоначально на быт нынешних лесных алтайцев-татар и кумандинцев, но обеих татары были и кочевые, юрты их были из жердей, крытые берестою (стр. 143). По языку томские татары также склоняются с иртышскими туралинами; телепуты сохраняют наречия алтайских телепутов; что касается чулымских татар, то В.В. Радлов находит три рода: 1) Кэсик (к югу от Марининска), 2) Кэозрик (к сев. от Марининска) и 3) собственно чулымские татары (к сев. от реки Кин, по речке Чердиншу). Язык всех трех нар-

* См. барабинские татары.

** Описание паромом Российской Империи, стр. 141.

дов один и тот же, на нем видно как телеутское, так и баринское влияние. Что касается наружности томских татар, их нравов, обычаях и костюмов, то, упомянутая о томских городских и пологородных татарах, Георги говорит, что они походили на тобольских татар турканиев и были совершенно с ними одной орлы*. Онейние их и магометанские обычая были похожи на казахских и тобольских татар; впоследствии смешение городского татарского населения способствовало буржартам и принцым татарам Верх-томские татары приближались к кочевникам, жили бедне, плащевые носили из мехов и вадделлиных кож, татарское их обядение походило на якутское**. К этим татарам магометанство проникло познее, чем к турканиям, тем не менее они ныне магометанского закона и от других татар не отличаются. К югу от Томска в телусских волостях татары носят тип алтайско-телеутский, т.е. более монголообразный, либо их плоско и анонсы чир и; так они они с яванцами у Георги. Сменение в телусских волостях и браки с другими татарами, однако, сдвигнули эти наименования чир. Уже Георги называет «чебуг»ких женщин Томского округа «турканими», что немало относится к монгольскому типу. Прославленную из телусских волостей Томской губернии в 1880 году, мы видели многие еще остатки в деревнях алтайско-телеутской культуры; типы, с одной стороны, носили признаки монголообразности, с другой стороны, мы находили замечательные смеси даже с русскими. Так, один ссыльный малоросс, бывший кузнецом в татарской деревне, жил гражданским браком с видной татаркой, у которой были дети наполовину с монголообразным типом: черными глазами и черными волосами, другие славянского типа с голубыми глазами и каштановыми волосами. Чулымские татары также подходили по типу скорее к монголам и калмыкам, вследствие исторического сожительства и подчинения то калмыкам монголам, то енисейским киргизам. Георги говорит, что «виду чулымы походят и на татар, и на монгол, а особенно уподобляются бурятам». Ныне чулымы также сохраняют дреиную, отчасти монголообразную помесь и похожи на лесных алтайцев; но этот тип в селенных деревнях как бы отступает перед татарским типом. Вообще разнообразие татарского типа в селенных де-

* Описание народов, стр. 34.

** Георги. Описание народов, стр. 143.

4 час. - 1908

рених Томской и Тобольской губерний замечательное, между Томским и Марийским мы встречали в татарских деревнях несколько семей татар, сосланных из внутренней России, замечательно красивого типа, не походившего на монгольский. Тип многих татар Тобольской и Томской губерний напоминает хасимовских и казанских татар. Нам говорили, что здесь встречаются татарки красавицы в европейском смысле. Но здесь же, вследствие присутствия талсотов и кашмаковых типов, можно заметить широкоскулое, узкоголовое, безобразное монгольское лицо, промежутки составляют все оттенки переходных типов. Татары Томского округа, не исключая чумышей и талсотов, представляют ныне все оседлое магометанское население, живущее в деревнях; но переход их к оседлости совершился не вдруг. Многие из них до настоящего столетия сохранили, несмотря на построенные деревни и зимовки, полукочевой, звероловный и рыболовный быт, дававший им главное пропитание. Поэтому зачисление их, по вспомогательным жертвам, в канцелярию ссыпных жителей и наложение увеличенного осклада по положению 1822 года не могло не оправиться на их быте весьма тяжело, как и на многих других их современников — татарах тарских и барбино-киевских. По крайней мере, в датах 20—30-х годов нынешнего столетия мы встречаемся с жалобами томских татар на тяжесть инеразомерность осклада 1822 года. Г. Шашков, пользовавшийся делами архива Главного Управления Западной Сибири, полагает, что по оскладу 1824 года инородцы Томского округа обязаны были уплачивать по 18 руб. с души. В первый же год можно было понять, что они не в состоянии вносить такого количества налога — исломика равнялась целой половине сборов. На оседлых инородцах Томского округа в 1831 году исломки было 121—181 руб.* Недоразумения и ошибки эти должна была разъяснить только ясачная комиссия 1831 года. По описям этой ясачной комиссии, а также по имеющимся у нас отчетам и описанию Томской казенной палаты, был татар Томского округа рисуется перед нами в таких чертах: в оседлых волостях Томского округа числилось по спискам ясачной комиссии 58 селений и юрт, в коих обитают 2.213 душ мужск. пола и 2.238 душ женск. пола. Волости были следующие:

* См. Сибирские инородцы в XIX ст. Шашкова. Исторические этюды. Спб. 1872 г. том II, стр. 191.

Татары Томского округа

51

1) Кумышская, 1-я половина, 2) Телеутская, 3) Чатская,
4) Казанская, 5) Эчулинская, 6) Томсуринская, 7) Больные-
Байгульская, 8) Ячинская, 9) Корсаковская, 10) Малокорса-
ковская, 11) Малошегарская, 12) Коруковская. Во владении
их, по списку казенной палаты, находилось пахотной и сено-
коночной земли 25.903 десятины, со строевым же и другим ле-
сом — 37.536 $\frac{1}{2}$ десятин. Хотя они и занимаются хлебопаш-
ством, сказано в описании, особых выгод от него не име-
ют, получая в год от посева пшеницы 570 пуд., ржи 3.270 пуд.
и овса 715 пудов, следовательно, такого количества не только
на продажу, но и на проливоизъятие даже мужчин не хватает.
Скота во всех волостях считалось: лошадей 912, рогатого скота
727, овец 718, что принимая во внимание 4.471 душу, весьма
недостаточно. Инеродцы, как видно, прокормливались бо-
лее звероловством и рыболовством. Угодий для этого в Том-
ском округе было когда-то достаточно, а именно: и пользова-
нии их находилось 3.040 верст, где они добывали примерно
рыбы до 1.007 штук, белок до 7.415 штук, горностаев до 250,
зайцев до 1.500 и прочих зверей: волков, лосей, коз и пр.
от 15 до 145 штук. Как ни приблизительно вероятно это ис-
числение, но оно показывает некоторую внимательность, с
которой описывалась в 1831 году быт инеродцев и исследова-
лись их экономические положения. С того времени подоб-
ных исчислений и описаний мы совершенно не встречаем.
Об осколах их мы находим следующее: по Высочайшему указу,
данному Министру юстиции 29 мая 1835 года, оседых
инеродцев Томского округа, «в уничтожение их недостаточного
состояния, в сравнении с инеродцами Тобольской губернии,
повелено обложить с января 1835 года по 1844 год четвертоко
частью подушных и оброчных податей против крестьянского
оклада, а именно по 2 руб. 75 коп. в год, а с 1-го января 1844
года по 1854 год свести их в поломинные подати, а по истече-
нии сего срока изымывать из них уже полный оклад». Таким
образом, в девятнадцать лет были введены в полный оклад,
подобный крестьянскому, за исключением воинской повин-
ности. Прежние недоимки их до 1835 года были сложены,
тем не менее к 1-му июня 1858 года накопилось на них иных
3.430 руб. 4 $\frac{1}{2}$ коп.

По списку населенных мест за 1859 год татар в Томском
округе находились 4.284 души обоего пола, из них 1.902 чу-
льмских инеродца, все они составляли 22,24%; в Маринис-
ке 4⁴

Г. М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...
ком округе 2 439 душ. Затем в том же списке перечислены 13 родов чуьмских татар, а именно: 1) Большие-Байтульские, 2) Мало-Байтульского, 3) Большие-Аргунского, 4) Большие-Каргалинского, 5) Большие-Шегарского, 6) Мало-Приволжского, 7) Сартулунского, 8) Мало-Чубаровского, 9) Большие-Чубаровского, 10) Хартуминского, 11) Шепетского, 12) Чатского, 13) Обско-Тутаильского. По сведениям князя Кострова в статье его «Чуьмские инородцы», «Томские Губернские Ведомости» 1867 г., № 7-й, говорится, что в пределах Томской губернии у чуьмцев существует 897 рабочих душ. По списку населенных мест чуьмским инородцам в Томском и Марининском округах было 4 341 душа.

В 1880 году мы видим оседлые волости в Томском округе

по официальному списку:

Волости	Душ
1) Телутская	373
2) Чатская	172
3) Мало-Коряковская	257
4) Кумышская 1-я половина	542
5) Аргунская	92
6) Большие-Байтульская	86
7) Мало-Байтульская	44
8) Большие-Каралинская	285
9) Ячинская	285
10) Большие-Приволжская	166
11) Мало-Приволжская	103
12) Большие-Шегарская	15
13) Мало-Шегарская	460
14) Мало-Чубаровская	98
15) Мало-Чубаровская	96
16) Обско-Тутаильская	215 коченых
17) Сартулунская	55
18) Темеринская	77

В Марининском округе ныне находятся управы: 1) Карловская, 2) Куртуковская, 3) Тутаильско-Чуьмская, 4) Мало-Каргачинская, 5) Кизильдеевская 1-я половина, 6) Кизильдеевская 2-я половина. Таким образом, в эти волости вошли все роды и волости прежних томских и чуьмских татар по описям 1831 года и 1859 года. Сравнивая мужское население нынешних волостей со списками 1831 года, в некоторых волостях видим увеличение населения, как, напр.:

Татары Томского округа 53

В Телеутской	с 231 души до	373 душ мужского пола
Кумыцкой	394	542
Ячинской	118	285
Мало-Шегар.	229	460

Зато в некоторых волостях видим уменьшение населения, напр.: Чаткаль волость имела по списку 1838 года 395 душ мужского пола, пуще же 179. Если мы припомним, что по списку Георги эзгитинские и чаткаль татары уже в 1760 году имели 430 душ, то ясно, что здесь произошло уменьшение.

В общем число татар Томского округа в 1766 году считалось 1.545 душ и 503 кочевых.

В 1838 году в 12 волостях по списку казенной палаты томских татар: 2.213 душ мужского пола, 2.258 душ женского пола, 4.271 душ.

По спискам населенных мест Томской губернии 1859 года число их было равно 4.341 душ обего пола. По официальным сведениям 1880 года, татар считалось в Томском округе 5.891 душ.

Чулымских татар по переписи 1766 года считалось 2.549 душ. По спискам населенных мест было в 1859 году 4.341 душа; из них 902 души в Томском округе и 2.439 душ в Марининске. Ныне в Марининском округе чулымских татар насчитывается 2.733 души. Прибыль их сравнительно с переписью 1766 года (2.540 душ) весьма ничтожна.



Татары-барабинцы

Татары Канинского округа, Томской губ., известны под именем барабинцев (от волости их Бараба). В Канинском округе иные 7 татарских волостей: Барабинская, Тереминская, Чайская, Карагалинская, Любейская, Тунужская, Турожская (жителей к 1883г. считалось 2277 муж. п., 2182 женского п.; всего 4459 душ).

Тюменские, аулторовские и тарские татары ничем не отличались от туралинцев; некоторое отличие представляли барабинские татары, покоренные позднее, а именно: против них предпринял поход в 1595 году, под начальством письменного головы Доможирова с 483 ратниками, которые взяли город Тунус. Барабинские волости были обложены ясаком, но барабинцы весьма долго подчинялись еще Джунгарскому хану и конец этому подчинению был положен только в 1753 году генералом Киндерманном. Барабинцы подали пои власть как джунгаров, так и киргизов, живших на Енисее. Кроме того, несмотря на изъявление подданства России, барабинцы должны были давать калмыкам алман*. Как независимые татары кучумовцы, так и калмыки жестоко платили барабинцев за изъявление покорности русским. В 1641г. калмыцкий контыйца обложил их иной данью. В 1659 г. Абулав Кучумовец, поддерживаемый калмыками, успел разгромить на Барабе татарскую деревню и ускользнуть. В 1660 г. калмыки опять грабили Барабу, на которой, по выражению историка Слонкова, «кровь не переставала литься, как будто на римской позорищной арене»**. Еще более барабинцы терпели от разбоев киргизов, так что в начале нынешнего столетия русское правительство предоставило им для самозащиты застась оружием; многие из кильзаков их укрепили юрты рами

* Истор. Сибири, Финеус, Слонков, Истор. обзор. Сибири, стр. 67; Описания Росс. народ., Георги, 106–107.

** Истор. обзор. Слонкова, стр. 67.

Татары-барабинцы 55

и оконами", но это мало спасало их. Спокойствие возобновилось у них только по мере усмирения киргизов и усиления русских границ, а именно в 1730 г. В 1760 г., когда они были положены в оклад, у барабинцев было 68 деревень и 2216 д.м.л., обложенных язаком, и население их, по мнению Георги, должно было быть гораздо больше; скота не вошли многие волости. С 1767 года начались заселение Барабы русскими переселенцами.

Барабинцы занимали довольно плодородные и богатые места между Иртышом и Обью. Волости их лежали: Барабинская при р. Оми, Тартаская, или Колебинская — при р. Тартас, Чайская — при Убинском озере, Тереминская — около небольших озер, Тунусская — по р. Узе, Ебаганская — при Яркульском озере и Караглинская — при Тартасе. Таким образом, татарские волости группировались около обширных Чалкинских озер, которыми вполне пользовались: иные эти волости отодвинуты на север и на южной стороне Чанов нет более татар. Древние барабинцы Георги описывает смешанными с калмыками; они имели плаоское лицо, малые продолговатые глаза, большие уши и черные волосы. Если одна часть походила на татар, то другие были калмыцкие выродки, вследствие долгого пребывания у них победителей — зенгирев. Болотистая Бараба, по наблюдению Георги, наложила печать них; наполненный парами лягушей воздух был причиной того, что все жители мокроты и бледны. «Нравы этого народа были чисты, как указывает Георги, — они не лут, не обманывают и не разбойничат». Попать, которую они платили зенгирям, состояла в лосиных кожах, лисицах, выдрах, белках и другой мелкой рулязи. У барабинцев, как и у башкиров, были зимние деревни и летние курты. Кижмы в их зимних деревнях отличались от башкирских тем, что имели для света и льма большое отверстие в потолке, в которое, в случае больших метелей и заносов снега, они могли вылезать на двор и освобождать двери. Кроме того, у этих домов были сени. В числе домашней посуды находилась у них ступа для очищения крупы, врытая в землю, к которой прикреплен шест на длинной перекладине-ракете. (Ступа, свойственная чулымским татарам и алтайцам).

* Торопчина эти пыны сохраняются на Яркуле, на ост. Тюмень на оз. Чаны и других местах. О нападениях и грабежах киргизов, Матер. к истор. Сибири, стр. 88, 106.

ким, указывающим на родство культуры). Летние юрты их, или хижины (ул), состоят из кирлей: свеленных квярху, сажен 5 в попечнике, покрываются тростником и рогожами (лесной шапац); они не переносятся. Таким образом, у барынщика мы видим слепт полукочевой культуры лесников, характерный для всех алтайцев. Форма этого быта сходна с лесными алтайским татарами и башкирами. Прежние барынши имели лошадей и рогатый скот, немного овец. Скотоводство, однако, не могло увеличиваться на Барбес, несмотря на богатые луга и прекрасный корм, вследствие свирепствовавшей здесь сибирской язвы. В 1763 году, по словам Георги, здесь выпал весь скот, поэтому его приходилось на душу от 5 до 20 шт., и 70 штук считалось богатством. Земледелие также было побочным промыслом, и пашни их не превосходили 5 десятин; сеяли ячмень, овес и немного конопли, как прежние башкиры и алтайцы. От скота добывали кумыс, мясо и сыр, а также астылан — толченое пресное кобылье и коровье молоко. Барынши занимались охотой и рыбной ловлей; для окоты держали собак гончих.. «по из луков хуто стреляз», прибавляет Георгий. Рыбу заготавливали и солили икры. Кроме того, подобно многим инородцам, питались дикими кореньями, саранчо, каныком (*Шиит martagon*, *Eritrichium dens canum* L., *comparata* Biebol. L., *тухех ассафа*, *angelica*, *heracleum Syrphoidium* L.). Кости, из которых они были, до принятия ислама, орнитальные. Они выделяли шубки и украшения из птичьих шкурок, особенно из гагар, на носке прикрепляли пух конского волоса, которым они отмахивались от множества комаров и москитов этой местности. На головах мужчины носили меховые шапки с раздвоенным околышем; женщины замужние носили две косы. Они выделяли краильный холст, вышивали его узорами и пуговками. Шапочки были островерхие и украшались бисером; древний костюм этот весьма походил на финские kostyomia: перехис и мордвы.

Барынши были юного шаманистами. Большинство из них были язычниками еще в 1714 г., во время проезда иркутского вице-губернатора Ланга и во время путешествия Милера и Гемлина в 1748 г., но постепенно к началу нынешнего столетия, уже в русском подданстве, перешли в матометанство. «Обращение их в матометанство восполело — как говорит Георгий — вопреки законам и тайным образом — по

прельпинию странствующих в Барбе мулл сасадильских татар*. Нирод, однако, сохранил долгое пружине залеческие обици, имел шаманов и с покойником клад утыры и изо-машинго посюд**. К началу нашеиншего столетия быт бара-биников изменился: они стали более оседлыми и занялись зем-лотовством; добывали горностаев, а также тигар и пивак. Быт бараинских татар, однако, не мог поправиться как вследствие раздоров, которые они терпели от киргизов и камыко-ко, так вследствие того, что их рыболовные уголья и озера постепенно наказаны переходить к русским, по мере заселения Бараинской степи. Они начали, подобно другим татарам, нахонец отдавать свою землю и закладывать их русским. Вдо-бюк, когда они не переплыли еще к полной оседлости и не сделались прочными землевладельцами, присоединились новое обложение с изданием инородческого устава 1822 г., причем бараинцы были занесены по непоразумению, как и многие другие полулучевые и переходные племена, в осады***. Такое ущербление оклада повело к многочисленным жалобам; при этом инородцы, как кольцавские, так и каниски, обяс-чили в своих прошениях, что «новое положение несобразно с их образом жизни и совершенно несвойственно самобе-нешнему их положению, которое до того простиралось, что они не могут не только обывать налогов, но с великую нуж-дью и большим трудом спаскаются для себя ильное пропи-тание и самобеднейшую одежду». Действительно, недоломка за бараинскими татарами быстро накопилась. Из сведений Томской касеной палаты, находившихся у нас в руках, мы видим, что в 1854 г. бараинских татар в 7 волостях было 2866 муж. п. и 2399 жен. п. Пиленской земли у них было 5512 дестин, сенокосной — 7127 дес., зверодоловых угодий 100 участков, рыболовных участков 77, лопадей на ис. население 1732 шт., рогатого скота 2015 шт. и овец всего 309. Хлеба они заставят.

Пиленины	3600 пудов
Ржи	5937 пудов
Овса	7836 пудов

* Начало математистки относится к 1720 г.

** Георг. Опис. Русс. нар., стр. 114.

*** Сибирские инородцы в XIX ст. Шишкова. Истор. этюзы, стр. 196.

51 *Н. М. Жоринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

Добычу рыбы высчитала ясачная комиссия в 7241 пуд. зверей в волости добывали 11689 шт.; добыча состояла из лисиц, горностаев, зайцев, лосей и др.

При всем том, по сведениям этой ясачной комиссии, на инородцах Каннского округа к 1838 г. числилось по разным оселкам 3080 руб. 43 $\frac{1}{2}$ к., да сверх того по званию кочевому прежних лет — повинностей и на сухопутные сообщения 23154 руб. 87 $\frac{1}{2}$ коп., а всего 26235 руб. 31 коп. До 1835 г. они платили по 2 руб. 75 коп. с души, но с этого года они внесены были в общий крестьянский оклад.

Неломки, как видно, и до нынешнего времени не исчезли с барбинских татар, несмотря на взъскания, о которых говорится в отчете 1854 г. Обеднение их, как это можно заметить,шло прогрессивно.

В 1875 г., по официальным сведениям, за волостями барбинских татар считалось недвижимо 35241 руб., которая, по бедности, с них была сложена, а затем к 1878 г. она вновь возросла до 15000 руб.

Быт барбинских волостей поэтому иные далеко не в блестящем положении, и они считаются бедными. Число жителей в различные периоды, по собранным нами статистическим сведениям, указывает скорее на уменьшение этого населения, чем на прибыль.

Вогулы Западной Сибири*

Вогулы составляют часть обширного финского племени, расположенного между Иртышом и Уралом к северу от Туниска и Беркотура, по рр. Тавде, Конде и Сосве, они доходят до Березовского округа, часть переходит по ту сторону Уральского хребта в Пермскую губернию.

Сибирские вогулы расположены в Тобольском округе (2.158 л.), Тюменском (3.913), и часть их, смешанные с остяками, в Березовском округе (нижнекамские остиаки). Обитая на зосток от Среднего Урала, между 59 и 64 градусами северной широты, они проживают в лесах и болотах и занимаются охотой, рыболовством и промыслом ореха, ведь жизнь промысловую и половину года хочешь. Подобно остякам, они стоят на весьма низком уровне быта. Долгое Азияист, определивший и исследовавший эти народы, а также рисунки был ее, и в то же время и образ жизни восточных сибиряков. Побуждаем промыслами из них являются кое-какое земледелие и скотоводство, а на севере, около Лозы, рабочество и оленеводство. В настоящие времена у вогулов Тюменского округа, Тобольской губернии, проникает оседлость и 4 управы считаются оседлыми. Управы эти носят название:

Домов. Жите. Лоп. Рогатого. Менк.

		свят.			
Кургумовская	46	222	115	190	320
Верхне-Таборинская	77	405	200	174	225
Нижне-Таборинская	33	182	93	70	192
Копицкая	454	963	534	768	790

* Strahlenkew. Eur. und Asien. p. 84. Ложин. Отеч. зас. т. III. гл. 18. Fal¹. Reise. Путешествие. ч. I. стр. 326—333. Георги. Отисан и роз. 1, стр. 60—75. Ширин. Народы Сибири. 1, стр. 109. Лесной. История. стр. 1619 г. 6. Письмо соб. лет... стр. 1. Азияист. пись. 1620 г. 391. Kast. Knipper vorug d'Qara Гофман Сев. Урал. Гагем. стр. Станиц. обоз. Сиб. Кеннел. Информации европ. России. стр. 64—75. Müller. Castro. Ethnolog. vol. 1. 128. Eman. стр. 350, 361—669. Aguila.

Земли под сенокосом и хлебом у них находится 9,087 десятин; посевы, однако, непелики:

	Озимого	Ярового
В Куртумовской	53 дес.	51 1/4 дес.
Верхне-Таборинской	98	68 1/4
Нижне-Таборинской	42	29 1/4
Конукской	371	212

Хлебопашество является для некоторых подсторьюм, главный промысел — звероиспользование. 2,141 луша волупов в семи волостях в 77 разах или поселках считаются совершенными, кочующими звероловами и обладают весьма небольшим количеством рогатого мелкого скота. Быт этих инородцев Альтайской стороны следующим образом: немного на свете жилища, которые были бы по своей величестве так просты, как волупсы пещеры, или же жилища юрт ставятся на воззвищеннем месте около реки или склона сопки или двух рек, так как рыболовный промысел у есть, да и места моргнее. Каждый таун состоит из двух или трех юрт, пять уже много. Юрты для постриги курд, бояр, юношеские и летние. Первые построены из бревен, прокопогнечены мохом и покрыты крышей из дранкистой коры и папюк; они блестят редко длиннее трех сажен. В одном из углов, около лепри, складывается из глины, сбитой с травой, печь (чурас), имеющая скотство с камином, и на ночь отверстие в крыше для дыма закрывается берестой. После того как погаснет огонь, печь не дает тепла, так как она слишком мала и сложена из другого материала; но оно в этих юртах паричною забывает, и единственное средство противостоять холоду — ложиться как можно ближе друг к другу. Дневной свет проникает в их жилища через окно, в которое вставляно редко стекло, чаще же рыбья кожа или бумага. По стенам юрты устроены лазки для спаных, похожие на татарские, и покрыты берестой; покрывающие их шкуры отличаются обилием блеска. Летняя юрта состоит из берестяного шалаша. Огонь в летних жилищах горит посередине. Юрта эта не имеет пола. Южные юрты уже не строят летних юрт, а живут в брезентовых зимовках, которые отличаются тем, что в них

Bulke, hist. XVI, S. 52. Zeitschrift für Erdkunde, 1859, p. 222. Globus, I, 8, p. 91—115. Müller, Feld-, Ugrische Volksstämme 1837, I, I, p. 162. Unter-Vogtland und Ostsachsen. Prof. Alquist.

около очага вмазан котел. Южные ногулы также начинают ставить русские срубы. Домашняя утварь и принадлежности хозяйства у народа, таким образом живущего, не могут быть разнообразны. Собака и ружье — самые ценные вещи у ногула; топор, большой нож и отвиро — вот кое, что он имеет. Кроме посуды, в которой вариается пища, вся посуда берестяная, даже ложки и детские яйлаки. Одежда ногулов — у тех, что живут близ русских — та же, но «уже и более изорванная», говорят путешественник. У северных ногулов на Сосне олаждой служит малица или из оленых шкур, или из крестьянского скунса. Шапок обитатели Сосни не знают. Летом длинные и густые волосы, заплетенные на две косы, составляют единственную защиту головы, а зимой лицо и голова накрываются мешком из оленейной шкуры. Нижнее пласти шьется из холста или дубленых оленевых кож. Олекия женщины напоминает татарскую. На пальцах как мужчины, так и женщины носят мелкими кольца, а ногульские женщины таттуируют себе руки и ноги. Таким образом, обстановка этого племени почти дикоречская. Относительно пищи ногулы не избалованы: ею служат лесная птица и рыба — летом сложая, а зимой сушиной. Мясо оленей и лосей едят редко и только богатые. Для южных ногулов соль и хлеб сделались потребностью, но соединяясь с русскими, принимают хлеб вместо конфет. Вогулы могут долгое время пребывать без пищи, и на охоте целые недели они питаются сырой рыбой и свежим мясом; но если ногул начнет есть, то ест много: он может съесть пять тетереков, выплевать всю почхебу, где они варились, и съесть еще много сущеной рыбы. По телосложению ногулы среднего роста, лицо круглое с немногим выступающими скулами, как у всех финнов, нос широкий, но не плоский, цвет волос темно-русый, но встречаются мигри и со светлыми волосами, глаза открытые и круглые, но часто болят вследствие жизни в лымовых юртах.

Вогулы принадлежат к древним угорским финским племенам и, по логике Фишера, они должны были когда-то обитать по Янку, или р. Уралу, и в Угорских горах, которые получили от них название*. Они были ближайшей востью древней тури и тех угров, от которых отделились венгры и к которым принадлежали башкиры или паскотыри до их оту-

* Истор. Сибири. Фишер, стр. 68.

б. Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

речения⁴². Современные антропологи и этнографы, как Оскар Пешель, так и Фридрих Мюлер, внесли их в группу монголообразных, урало-алтайцев прямоволосых, по лингвистическому подразделению с многослоговым наречием (*mehrsilfigen sprache*). Среди финнов они составляют определенную уральскую ветвь, к которой причисляются самоды, остяки, энзыны, черемисы, ботики, пермяки и мордва. Кастрен выделил из прочих финнов угорскую группу, составленную из остяков, vogulov и маляр-венгров; этой классификации держится и Пешель. По классификации Ренчуза, vogulu принадлежат к разряду *glasneurphale orthognathae* и включены в группу венгерцев⁴³. Альквист различает ногулов на Коне от их северных собратьев. По нахождению Альквиста, конинские vogulu представляют более выраженный монгольский тип: они отличаются бледным и скучным цветом лица, более исклоняющимися складами, черными волосами и слабой растительностью⁴⁴. Vogulu — название русское. Самы они нанут себя манзами и сумами⁴⁵.

Vogulu были первыми из инородческих племен, с которых стекались русские при движении на восток к Великой Пермь. Как видно, они были сильным воинственным племенем, которое беспоколо первые русские поселения на Урале, потому уже при Иванне Васильевиче в 1499 г. было отправлено против них войско⁴⁶ в 4 024 чет. дворян и детей боярских, которые проникли за Угорские горы, взяли много vogulских и остяцких мест и искало плениников⁴⁷. После создания строгановских городков сошествии с ногуличами стали теснее и некоторые из vogulских родов изъявили подданство и на них наложены были даны⁴⁸. Уже в первый свой поход в 1576 г.⁴⁹ Ермак, называемая Сылве, столкнулся с ногуличами и отправил против них 300 казаков, которые вооружились с добчичко. Во второй поход Ермак также послал разъезды, которые фуржировали около vogulu и, по выражению Финнера, у этих белых людей отбирали весь их запас, состоявший из мерлой рыбы, медвежьего и лососьего мяса. Одна партия Ермаковых казаков явилась через Тагил на Нейву, где один татарский мурза собрал, однако, некоторое число

* *Volkskunde von Oscar Peschel.* Leipzig. 1885. *Allgemeine Ethnographie.*, Friedrich Müller. Wien 1876, p. 25.

** Альквист. *Unter vogulen und ostjakern*, p. 39.

*** Финнер, стр. 169, §3.

**** Ibid., стр. 111, §6.

татар и вогуличей и дал жестокий отпор казакам^{*}. Вогулы по ту сторону Урала были в ближайших сношениях с татарами. По Тура мы видим на древних картах, не доходя до Еланчина городка, городище Нерром-Кара^{**}, или Торум; несомненно, это было вогульское городище, так как Торум по-вогульски — Бог, и здесь, конечно, находился их идол. Громк пришли по Туру и напал на татар. Как видно, вогуличи не представляли в союзе с татарами, под начальством Мамет-Кули, вместе с остатками сражались против русских. Много того: во время походов Ермака окрестеченные разорением их жилини, вогуличи кинулись на Черныны[†], на что жаловался царь чердынский воевода Василий Петелинин, и московский царь изъявил недовольствие на поход Ермака. Только после взятия Искера 23 октября 1581 г. и победы над татарами вогуличи и остатки оставших татар и покорились в свою жизнину. Вскоре вогуличи пришли с ладарами к Ермаку, как и остатки^{**}. Когда Иван Кольцо поехал к парку^{††}, вогуличи были ему проводниками^{†††}. Ермак впоследствии покорил колеские городки^{††††} и вогуличей по Тавде. Позднее, для удержания вогулов и устраниния их князя Абдегерима, приказано было построить город Пельмь (в 1593 г.), к усадьбе которого были присоединены вогульские волости у реки Тазды, Пельмы, Сосым, Лозым и вслед затем построен город Березов. Города эти не раз подвергались беспокойствам. Между остатками и вогуличами завязались прахи. Князь Алача донес на вогуличей и в 1593 г. русским витязям с остатками[‡] жестоко наказали их: «грабили, разоряли, убивали, что им ни попадалось», по словам Фицера^{****}. Князь кондитинский Агай был взят в плен и отослан в Москву. Так прополжалось несколько лет, пока не приказали было прекратить междоусобие по жалобе вогулов. По созданию Верхтурья к нему были присоединены вогулы, находившиеся в ведении города Лозы^{*****}, к северу от Тюменского округа. Вогуличи по Чусовой и Сылве принадлежали Чердыни. Наконец, в 1600 г. на половине дороги между Верхтурьем и Тюменью построен был Туринск. Таким об-

* Фишер, стр. 120, §15.

** Кара, по обывательно Фишера, на эвриском и вогуличком языках значит город и крепость; слово харамо — остаток жизнине.

*** Ibid., стр. 133, §38.

**** Ibid., стр. 156, §67.

***** Ibid., стр. 177, §5.

***** Городок лозинский основан, как предполагает Мизлер, в 1590 г. Хронол. переч. Истор. дипломы, из истор. Сиб. Шелтова, с. 52.

разом, земли вогулов были ограблены русскими поселениями. Инородческое население, однако, не сразу покорилось. В 1607 г. пельмские вогулы установились с сургутскими остиками и самодедами разорить Березов, но заговор был обнаружен и зачинники казнены³¹. В 1609 г. вогулы, пытаясь соединиться с татарами и остиками, замышляют разрушить Тюмень и надеются на помощь калмыков. В распространении заговора участвовали жены новокрещенного ханя Алачева³². Заговор охватил весь север и стрела с вырезкой злых духов, как обычный призыв к восстанию, перекочила по вогульским и остикским стойбищам, пока не была открыта березовскими казаками; заговорщики были казнены. В 1612 г., во время междуцарствия, вогулы еще раз покушались снести Пылем, но были усмирены. Таким образом, вогулы с остиками когда-то представляли весьма мужественное и воинственное племя. Но постепенно подавленные, они изменились покорными и в нынешних лесных и обнищавших вогулах трудно даже отыскать какой-либо след прежнего характера. Народность эта пострадала, как видно, более других при завоевании, так как находилась на главном тракте в Сибирь. Вогулы не раз приносили жалобы после усмирения и завоевания, так, в 1597 г. для смягчения их ругота ирикайцам было дозволено им продавать имена топоры и другие неопасные железные вещи (Слопцов, т. II). В 1607 г. посланники жалобы 30 липинских вогулов на земскую голову. У них было 320 лоп. в 1598 г., на которых они возили ясачную почу, воевод и служилых людей до Соликамска, Тюмени и Пельмы; в течение года они лишились 123 лопиндей, уда и седел. Государь в грамоте верхотурскому воеводе приказал уменьшить ясак и ограждать их от обид. Первые сведения о быте вогулов мы находим у Новицкого³³ («Краткое описание о народе остикском», 1715 г.), у Виттена³⁴ и Георгия при описании обитавших в России народов в 1776 г. Новицкий, указывая местопребывание их на Тире, Танде и Коне, говорит, что на Танде и Коне они соприкасаются с татарами, от которых выучились земледелию и упражняются с прислужниками в сеянии и собирации плодов (овощей). Там же, где соприкасаются с остиками, живут звероловством. По Коне и около Верхотурии вогулы сеяли ячмень и овес. Новицкий описывает их обряды, жертвоприношения лошадей и разрешавшую шкур на деревьях; также поклонение

Вогулы Западной Сибири 65

копью и различные кумиры*. Уже в древнее время мы видим вогулов полуселеным населением. Витген упоминает, что жилища их как летом, так и зимою четырехугольной формы, из дерева; они имеют отверстие для дыма, очага, также окна; дым от скангасного дерева выходит вверх, а как только образываются уголы, они закрывают отверстие вверху, чтобы удержать тепло. Зимой они закладывают отверстие куском льда. Внутри хижин они не имели ничего, кроме скамеек, на которых сидят, подкав ноги. Охотятся с луками и стрелами; любимая их дичь — лось; мясо этого животного они сушат и развешивают вокруг своих домов. Свиный и кур не едят; но едят яйца последних. Диких животных ловят, ставя наизнуренные луки и делая замаскированные ямы. Они грубые язычники. По описанию Витгена, вогулы малы ростом, сильны, по сложению имеют довольно неуклюжие головы и свой особенный язык. Об образах вогулов он упоминает, что они спариваются с жертвенного животного (быка или лопата) кожу и лещают на дерево**. Солнце и луну призывают за божества, как и воду. Затем Витген упоминает о любопытнейшем обычве у вогулов — почетном погребении собаки, для чего строят на могиле хозяина собаки деревянный домик и кладут туда собаку, когда домик разрушится, собаку кладут в могилу с покойником.

Георги также описывает вогуличей как полукочевой народ. «Киты у них между кочевым и одноместным среднее — говорит он — живут они в неподвижных зимних деревнях, расположенных и выстроенных чуващскому обычаю и притом обязательно при реках стоящих. Около Всиркуты и Солниканска делают они зимние свои палаты четырехугольно с очагами и полатями, а на плоской крыше или потолке оных прорубают для снега отверстие. Отделившиеся наибольши к северу и живущие около Вицеры, Колны и других рек вогулы претворяют и зиму в обложеных дерном или покрытых корью шалашах. На лето переезжают в другие, крытые берестой. Переселения редки и в иное место не гратаются». Георги указывает не большое скотоводство коров, овец, свиней и немного лошадей. Главный их промысел составляет звериная ловля. Этот переходный быт, как и у татар Алтая и Кузнецкого округа,

* Опис. о народе остиаком. Изл. А. Майкова, стр. 81—87, 97—196.

** Обычай, принадлежащий и другим алтайским племенам и сохранившийся до сих пор в шаманствах.

прежде всего способствовал и облегчал вогулам в земледельческой полосе переход к оседлости*. Георги описывает физический тип вогулов, как монголообразных, росту среднего, волосы большей частью черные, бороды жилые. Лицом они много походили на калмыков. Сходство это вносило впечатление подтверждения и антропометрическими данными о формах черепа и скелетовых признаках. Наконец, то же заметил и Кастрен. «Кровное родство монгольской расы яснее всего заметно в вогулах — говорит он — они гораздо ближе осязанию стоят к калмыкам**. Таким образом, у вогулов сохраняется более, чем у кого-либо из уральцев и угрев снизъ с югом Сибири, Алтая и Монголии. Все это придает вогулам особый этнографический интерес. От прошлого перейдем к современному положению.

По характеру вогула — тихое и добродушное дитя природы. Он не имеет начального вида, болтает и смешается; в речи его есть оттенок доброжелательности; но у вогулов, живущих в соседстве с русскими, откровенность характера и добродушие более или менее исчезли. Не будучи истинными, вогулы легко раздражаются, а в пьяном виде становятся даже бесценными; к счастью, он приходит в это состояние только раза два в год, когда отправляется в город. Большой недостаток и характере вогула составляет леность. К ручному труду этот народ мало способен, и работникам-вогулам платят вдвое меньше русским. Религиозное сознание вогулов заключается в шаманизме, хотя вогулы считаются обращенными в христианство с 1714 и 1722 годов Философем Лещинским. Вогулы и доселе крестятся, но о христианской религии все-таки понятия не имеют и по-прежнему преданы религии своих предков — язычеству. Обращение в христианство состояло только в насилиственном разрушении их идолов, что не мешает им и доселе приносить жертвы своим божествам, присягать на верность на морде медведя и т. д. Русское влияние проникает медленно, только некоторые говорят по-русски, а русская культура, соприкасаясь с этими дикарями, действует не всегда благоприятно. Вот что рассказывает об экономических сошениях и торговле яр-Альхвист: «В городах зырян и

* Этот культурный закон мы проследили среди лесников Сибири, принадлежащим или к тюркскому или финскому племени — бескочанным. Племенное скотоводство, рыболов скорее переходит к оседлости, чем кочевой скотоводческой степной.

** Casten, Vorlesungen, 128.

Вогулы Западной Сибири 67

русских с зедшими вогулами существует система кредита, которая для них последних только разорительна. Купец отпускает товар своей покупателю в долг до следующей охоты, причем, конечно, на товар свой назначает большую цену, чем при наличной плате мехами: при уплате же долга он старается по возможности уменьшить цену на товар должника. Вследствие этого последний затягивает уплату долга и охотнее продает товар другим, чем своему кредитору. Чтобы покрыть убытки такой несвоевременной уплаты, а равно и от утраты должник суммы вследствие смерти должника, купец при следующем аккредитовании должен наложить на свой товар еще большую цену, часто вдвое. Исходом такой торговли в кредит для многих вогулов и остяков бывает то, что, сильно захлопавшись при неблагоприятной охоте, или сам должен поступить в работники к своему кредитору, или, если у него есть сын, послать сына, что часто обращается в покизненную кабалу, в которой вогул и остяк отчуждаются от своего племени и народа*.

Наибольшее число вогулов в Тобольской губернии — 6.400 чел. Альквист говорит: «Причины такого слабого населения — суровость климата, образ жизни, умнышение пущного зверя, происходящее от того общее облечение и, наконец, высокая плата, требуемая за обряд венчания, вследствие чего многие из вогулов не женятся. В то же время к причинам слабого умножения относятся заразительные болезни, из которых оста и сифилис причинили большие опустошения между вогулами». В соседстве с русскими, говорит тот же автор, число их уменьшается и потому сие, что многие вогулы идут в работники к русским, т. е. ассимилируются. Вообще местные чиновники жаловались, что число вогулов, так и остяков ежегодно уменьшается».

По сведениям г. Малиева, производившего те же исследования, уменьшение падает не столько на осадах, сколько на кочевых вогулов (отчет его, стр. 19). Из списков язычной конфесии видно, что в пяти волостях Туринского округа в 1763 г. считалось 555 чел. муж. пола, а в 1816 г. 467 — убыло 88 чел.; в пяти других волостях в 1816 г. было инородцев обоего пола 850 чел., а в 1830 г. 740 чел. — 110 человек. («Сибирские инородцы в XIX ст.», Шашкова).

* Майков. «О древней культуре западных финнов по сочинению а-ра Альквиста». 1877 г., стр. 93.

ния последних статистических данных в Сибири мы можем удостоверить следующее: в 1838 году в Тобольском и Турицком округах волупт было 4.527 л., а в 1859 году, по спискам настенных мешков, волупт в Тобольском округе числилось 1.158 л. в Турицком 3.286 л. обеего пола, то есть 4.444 л. обеего пола, против 1838 г. менее. В 1875 году, по сведениям исправников, волупт в Тобольском округе был 2.158 л. в Турицком 3.913 л.; при этом на Турицком округе подавалось неизначительная прибыль, принимая все неблагоприятные условия, действующие на слабую натурду края⁴.

Ничтожная прибыль вогулов в Тобольском округе в последнее время засвидетельствована следующими официальными данными, полученными нами от весьма почетного исследователя округов Тобольской губернии г. Патканова, составившего хозяйственно-статистическое описание по поручению Министерства Государственных Имуществ.

Вогулов в Тобольской губернии было:

Больше в Тобольской губернии было
в 1858 г. в 1887 г.

612 м. п., 629 ж. п. 631 м. п., 618

Всего 1.241 ч. Всего 1.318 ч.
Иначе говоря, в 30 лет у этого населения более чем на
тысячу лишь прибыло 77 человек.

* Уменьшение потулов засвидетельствовал Гагемайстер в своих статистических исследованиях. «Обжорство их (не наоборот ли?), частые лишения, неопрятность, пыльство и раздрят — причины общего тщедушия этого народа, большей смертности и малого плодородия женщин. С 8-го по 9-ю ревизию коренных волугов было на 50%».

Остяки и самоеды

Из всех инородцев, населяющих Сибирь, большее внимание останавливается на себе судьба финских племен, населявших север России и Западную Сибирь. К северным финским племенам должна быть причислена и группа, остики и самоеды¹. Их земли находятся в том же районе, в тех же уединенных и смиренявшихся с остяками. Самоеды, по письменам относящимся к другой сибирской группе народов, составляют иные, так сказать, одну этнографическую группу с остяками. Племена эти раскинулись по всему северу Сибири, между 57° и 73° сев. широты; они населяют прибрежье Ледовитого океана, занимаят северный Урал по ту и другую сторону, наконец, обитают между Иртышом и Объю в болотистых и лесных пространствах между 57°–61°. Самоедо-саинскую группу можно, кроме того, проследить по всему Енисею, до крайнего севера Архангельской губ. Укс один обширный район, занимаемый ими в Сибири и на востоке России, показывает, что когда-то они были древнейшими аборигенами страны и роль их была несколько иная.

Те, кто думает представлять себе эти племена совершенными ликарями, стоящими на низком уровне культуры, не имеющими никакого духовного имущества, лишенными способностей к развитию и потому самому судьбой обрекаемых на вымирание, — глубоко ошибаются.

Мнение, что северный финн ничего не понимает и ничего не видит, кроме тундры, которую воспевает в первобытных импровизациях: «видят дерево, про дерево поет, опеня — про оленя»; мнение, что основано на невежестве явлей, не понимающих языка. Ученые открыли у этих племен богатый эпос, который получил впоследствии блестящее развитие в скандинавской саге.

Происхождение финских племен и историческая роль их в Азии, несмотря на усилия гениальных учёных, еще не вы-

7 Н.М. Ядринцев. Сибирские финны, их быт...

ясены; но обнаружилось, что эти племена в доисторические времена вы瀛ились с юга Сибири, и их последнее место-нахождение — если не прародина — были Алтай и Саяны⁵. В оставшихся названиях рек, в преданиях и песнях о «красном человеке» на Абакане, в существующих помесях, в типе и археологических памятниках сохраняются еще следы этих финских племен. Китайские историки и географы упоминают также о белокурах племенах, живших на юге Сибири и в Саянах; но были ли это именно финны, трудно решить, так как у китайцев они были всегда под другими именами.

Исследования древней ассирийской цивилизации Оппертом, Ленорманом и др. указали на существование сумеро-аккадийцев, язык которых близок устро-алтайскому и корни слов этого ближе к финским наречиям⁶. Кланы приписывают гуннское начество финнам.

Но если прошлое устро-финских племен, слившееся с древним называнием угров и чуди, исчезло в потемках древности, то родство их с европейскими финнами ныне освещает их историка. Исследования Кастрена, Альквиста и др. показали родство с Финляндией. Уральские финны сливались с тюркскими племенами и вышинули венгров. Среди башкир несомненно присутствие финского элемента, и он же вошел в значительной степени в русскую народность. Финны восточной России: пермяки, мордва, черемисы, зыряне поделились в своем развитии до оседлого населения, русено и сливаются с русским населением, обнаруживая способности к культуре.

Но если одна ветвь этих племен сближалась и вошла в среду культурных народов в виде финляндцев, венгров, обрусевших финнов, зырян, мордвы и др., то тем трагичнее судьба их роличей — другой северной ветви, которая, сохранив родство с первою ветвью и будучи не лишена умственных способностей, обречена на совершенное противоположный жребий.

Замечательный финляндский ученый Кастрен, первый открывший родство остиков с финнами, глубоко задумавшись над их судьбою. «Я дышал тем воздухом — пишет он в Обдорске — который вдохнул первые искры жизни в грудь отцов наших и доселе поддерживает существование многих наших жалких братьев. Они закинуты частью на холодные вершины Урала, частью еще к более холодным берегам Ледовитого моря, и дух их закован в цепи более тяжкие, чем

лед, сковавший природу в настоящем их отчестве. Цепи эти — грубыость, невежество и ликость».

Признавая это родство финнов, родство племен остиаков и вогулов «сумон», «манса» с европеисткими финнами и финляндцами, мы не можем обрекать какую бы то ни было часть этого племени на дикарское существование и вымирание. Даже обреченные на летальный жребий остиаки воспринимают в Сибири, при всех тяжких условиях быта, русскую культуру, обычай, строят деревянные жилища, и все остиаки и вогулы Западной Сибири считаются христианами. Сама древняя культура финнов при пытальном изучении показывает, что, являясь оседальными охотниками в лесах и оселлими рыболовами на берегах рек, они сделали уже значительные успехи и шаги от той первобытной стадии, которая была доступна первобытному человеку каменного века.

Археологические исследования бросают свет, что металл был известен им и они занимались его добывкой. Им известно тканье, хотя из краинами. Словом, они представляют ту среднюю переходную стадию, которая вела к высшей культуре и без которой поселения не могли бы встать на свою высоту.

По типу и антропологическим физическим признакам финны также близко встали к кавказскому или арийскому типу и составляют переходное звено от монголовидных. Ничто, таким образом, не дает основания причислять их к каким-нибудь низшим расам, которым развитие не может быть доступно.

Судьба самосло-санских племен заслуживает не менее внимания. В отдаление эпохи, как можно догадываться, они вышли из Сиби, где ныне живет близкое к ним племя сиботов. На пути своего переселения к Енисею самоды оставили несколько племен, а именно: котов, ассанов, аринцев, тубинцев и кайбалов, которые признаются одного происхождения с самодами. Все эти племена ныне вымерли, исключая кайбалов, совершенно русифицированных, смешавшихся с другими инородцами. Настоящие самоды отошли в север, часть их расположилась по Оби, среди остиаков. Если таково происхождение самодов, то насколько же трагична судьба этого южного племени, отброшенного к Полярному кругу и ведущего жизнь подобно эскимосам. Самый факт проникновения и приспособления этого племени к суровому климату заслуживает внимания. Само-

7. F.M. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

еды более монголообразны, и их язык, нравы и характер отличаются от остяков; они более смелы, как охотники. Ныне остяки и самоеды находятся в одинаковых экономических условиях и храбрый их одинаков.

По последним отчетам, в Тобольской губ. считалось вогулов 6071 чел., остяков — 21353, самоедов — 2916, энгето финских племен в западной части Сибири 42767 чел., из них 28207 чел. крепчаков. В числе крещеных все остяки и вогулы.

Обдорские остяки⁹, по характеристике Кастрена, разделяются на рыбаков и оленеводов, первые живут на реках, особенно по Оби и Иртышу, а последние кочуют часть года по тундрам в постоянном сношении с самоедами. Оленеводы следуют за своими оленями, потому что сама природа влечет оленя в теплее время к морским берегам, так как его теплая шкура требует более холодной атмосферы и его не мучают здесь комары.

На берегу моря остяки занимаются промыслами: бывают тюлени и белые медведи. При наступлении зимы кочующие по берегам остяки и самоеды начинают уходить к югу в лесные страны, чтобы заняться охотой и найти себе убежище от бурь. Эти перекочевки происходят медленно, больших переходов остяки не делают и по несколько дней живут на одном месте. Каждый род имеет самостоятельно. Таким образом, кочевым племенем по известным направлениям перерезывается тундра, и к концу декабря инородческое население сходит на обдорскую прямую и здесь же доставляет ясак и подать начальству. Следуя за стадами, такой образ жизни постоянно ведут бродячие или кочующие инородцы. При недостаточном изучении были инородцы у нас самоеды признаны борзячими, а остяки поставлены в высшую категорию кочевых, тогда как часть того или другого племени живет одинаковыми промыслами, а по степени их благосостояния чуть ли оленеводы не лучше живут нынешних остяков. Чем далее к югу и чем ближе к рекам, остяки становятся преимущественно оседлыми рыболовами, проводящими все лето около рек в деревнях и только временно, зимой, отправляющимися на охоту. Кочующий житель преимущественно живет в чуме. Чум — не что иное, как обширный шатер из 28 колес, обтянутый летом пологом из бересты, вываренной в кипятке, а зимой оленными шкурами в два ряда, шерстью наружу. Шатер этот пошибжен. Имущество возится на нартах, особых санях, запряженных оленями.

Кочевники имеют одежду исключительно только из шкур оленя. Всё они отличаются неопрятностью, но замечательной терпеливостью к холodu. Остяки-рыболовы уже имают хижинки или зимовки, в которых существуют, как у vogулов, глинобитные чумы. Жилище это у тобольских остяков взято у татар, которые имели на них цивилизующее влияние. Только часть здешних остяков ходят на промыслы, отлучаясь временно от постоянных жилищ. Кроме того, на Оби и в Нарымском округе остяки начинают заниматься охотой у русских избы. Лесники-остяки точно так же могут быть названы полуоседлыми охотниками, как vogулы. Кроме охоты, остяки занимаются и кедровым промыслом, т.е. сбором орехов. Жизнь и пропитание среди неприветных тундр и непроходимых лесов подвержены чрезвычайности. Падежи стад, неулов зверя, голов, болезни, понятно, причиняют и беспокоят, и лишения дикарю. Чем озабоченовалась жизнь этих племен до пришествия русских и как они изменили здесь свое существование, трудно сказать. Завоевание и столкновение с новым и более могущественным племенем должны были, естественно, несколько изменить и осложнить жизнь дикарей. Изменение это совершилось, к сожалению, не к лучшему. Опыт показал, говорит Кастрис, что почти все в полярных странах ликвидированы, исключительно превращены рыболовством, и могут достичь благосостояния, а обыкновенно живут в величайшей бедности⁶. Но жизнь их еще более ухудшилась под влиянием случайных обстоятельств, а именно от нравственной слабости диких племен противостоящих искушению крепких напитков, доставляемых чужеродными переселенцами. В этих же обстоятельствах заключается главная причина бедности и остяко-рабочими. По отзыву большинства испытателей, бывших на севере, современный быт остяков представляется крайне жалким и беспомощным. Судя по их после столкновения с русской национальностью не только не улучшился, но ухудшился. Доселе принятого объясняют это ухудшение была неспособностью самих инородцев отринуть себя, каким-то фаталистическим назначением уступать дорогу жизни более сильным племенам, причем одни должны увеличиваться в числе, а другие уменьшаться, и затем, более сильным шинянем на инородцев эпидемий и болезней, более туберкулезным, тем на русских.

Мы оставим эти принятые мнения пока в стороне, чтобы взглянуть на существующие способы пропитания и кар-

тичу жизни инородцев. Главными средствами пропитания северных инородцев были сыздавна кромасты, состоявшие преимущественно в охоте и рыболовстве.

Весьма давно уже слышатся отзывы, что личь и зверь уменьшились в Сибири и звероловный промысел не обес печивает диксиры. Извените это весьма печальное и объясняющееся теми изменениями в природе и жизни Сибири, которые совершились в последние три столетия. Прежде всего, конечно, в Сибири прибавилось населения от движжения русских, значительная часть пространств отошла к соседнему населению и занята культурой. Район звероловный и инородческий должен был сократиться, а инородцы перейти на новые угодья в места, где, может быть, зверь попадается не в прежнем обилии. Затем произошло уменьшение или, так сказать, вытравление зверя. Убыль зверя до привлечения русских могла быть значительно, так как промысел зверя производился только для удовлетворения скромных жизненных потребностей местного населения⁴. С приходом русских начинается двоякая охота за цепным зверем колониста-промышленника и инородца. В Сибири до половины прошлого столетия рассказывали были повсюду русские промышленные артели. Далее под влиянием русских со стороны инородцы начинаться более азартно преследование зверя, как вследствие дани и контрабанды, на них наложенный русским, так и в рядах торговых. Не забудем, что Сибирь с самого начала стала не только для Московского государства, но и для Европы поставщиком лучших мехов. Наконец, способы приобретения зверя облегчаются при помине ружьи и пороха, пополненного к иностранцам, и, стало быть, истребление идет быстрее. Все это обнаружилось уменьшением добчины. К этому надо присоединить, что с присоединением русских начали гореть леса и тайга, где обитал зверь. Замеченные уменьшение и обеднение зверя заставляло зверолова-инородца с каждым годом увеличивать свои разыски, рядом с этим возрастало его напряжение сил, ис точение, а отделенные отлучки от семей подвергали последних более бедственным случайностям и несчастиям. Все это способствовало, что звероловный промысел не давал уже прежнего обеспечивания и требовал большие усилий инородца, причем в этой борьбе с обстоятельствами он только из немогал. Во-вторых, зверолов, бывший раньше самосто-

тельным, поставлен ныне в зависимость от рынка и торговли. Об этой торговле мы скажем ниже. Не находя обеспечения в звероловстве, остяк делается рыболовом⁶².

Для этого у него существуют обширные реки и огромные запасы рыбы, которыми он мог вполне обеспечить себя. Рыба не могла так уменьшаться, как зверь, хотя истребления и опустошения и в этой области, внесенные русскими промышленниками, также не раз обращали на себя внимание. Загруживши залывы и курьи, кудаходит рыба, русские за- колами предупреждают массу рыбы. Русские захватывают рыбу у устьев, уничтожают икуру и т. д.⁶³

Когда-то инородцы были полными хозяевами всех рыбных промыслов. Реку Обь они считали божеством. Но с присоединением русских остяки понемногу оттеснились и занеслись рыболовных угодий или так называемых песков. С начала нынешнего века русские рабопромышленники начали захватывать иностранные рыболовные места, выманивать в них рыбу и разорять остяков. Все угодья и пески переходили к русским путем или замены, или аренды, или, наконец, за долгие обязательства. В 1816 году остякам Березовского округа русские платили за песок в лето по 10 руб., а арендаторы выручали из 200–300 руб. рыбьи. В 1848 году бересовские остяки отдавали в аренду 150 песков за 6050 руб., арендаторы же ловили на этих песках 99530 руб. Аренда выплачивалась товарами и продуктами, причем инородцев обыкновенно обманывали. Независимо от этого, арендаторы вовлекали хозяев в долги, а делаясь ложжником арендатора, остяк отдает в аренду песок и на следующий год. Таким образом, рыболовное угодье переходит совершенно в собственность арендатора. Если нельзя приобрести всей рыбачьей, русские старались приобрести пай у остяков и, понемногу ходя в компанию, овладевали всеми паями, благодаря недостоверным начетам на инорода. Так тепловские и цингалинские остяки давали пай в своих рыболовных угодьях рязановским крестьянам. В 1823 году они лишили цингалинских остяков их пая, а в 1825 году та же честь постигла и рязановских остяков. Крестьяне, овладев угодьями, передали их в аренду купцу. Новые хозяева, не имея права

* Несколько лет назад я видел в селе Канаке, на юге Тюменской губернии, при генерал-губернаторе Козанаке, ряд административных преступлений; не раз и прежде появлялись запрещения, но они являлись бесследными пред монополией и влиянием тобольских торговцев-рыбопромышленников.

ются тобольские торговцы и прасолы и истребляют рыбу в огромном количестве самым хищническим образом, против чего боролись не раз местная администрация, но совершенно безуспешно. Степнянине владельчины угодий, русские обратили хозяев страны и угодий в работников, причем наем и расплата совершаются при самых ненормальных условиях. Уже Кастрен упоминает, что русские переселенцы в Березовском и Обдорском округах ввели «лагубную систему кредита», прихотя остиков к разным произведениям. Оттого долги остиков сделались неоплатными и, надо полагать, говорит Кастрен, с каждым годом будут возрастать, потому что число потребностей увеличивается, тогда как энергия и сила у остиков ослабевают. Самое главное, в чем нуждаются иные остик, — это хлеб, к которому вкус в нем развили русские: остик не может оставаться без хлеба, который ему доставляется купцами на невыгодных условиях. Не будучи в состоянии выплатить за товар, инородецходит в неоплатные долги и кабалу. Этой кабальной отношения следующим образом характеризуется одним исследователем: «Так, множество березовских остиков и самослов обогащали жизнью своих краинодоров — забалтсиям. Остик не может обходиться без хлеба, который продает ему купец. Остик покупает хлеб в долг и обязуется заплатить в следующем году рыбой. Вещиции в долг, он находится уже в полной власти купца, который вкладывает производную цену как на свой товар, так и на товар остика. Эти спекуляторы из Обдорска, Березова и Тобольска целое лето разгуливают по Оби на своих судах, покупают рыбку и солят на месте лососей⁶³ и снетров, а потом отвозят их в свои магазины, построенные по берегам реки. Продав с отличным барышом привезенную муку, купцы возвращаются домой с большим грузом рыбы и с рапортной пажежкой так же выигренно торгуя с инородцами и на булыжий гол. Так ведется торговля не одной мукой, а всеми товарами, необходимыми для инородца».

Указывают на те грубые и неразвитые элементы русского населения, которые соприкасаются с остиками. Кастрен воскликнет: «Чего, впрочем, ждать от людей, которые отказались от всех радостей и наслаждений образованной жизни для того, чтобы неправдами наживаться на счет простодушных и лёtkовых инородцев?»

Доктор Соколов, исследовавший болезни Березовского округа в 1867 году, свидетельствует о тех же ненормальных

условиях обмена и снабжения северных инородцев продуктами. «Русские торговцы снабжают остатки товарами в долг до ярмарки следующего года и это продолжается из года в год, так что инородцы закабалены не только за себя, но и за детей. Хлеб обыкновенно заготавливается в Обдорске и Березове, мука привозится часто засахарена и сплавивается, в виде поленцев, в сарану. Что это за хлеб, можно себе представить! Привычка к хлебу при отсутствии его и высокой цене, подицасмой торговцами, наелся, естественно, за собой бедствия. Точно так же торговля пользуется для снояи ини вином, несмотря на запрещение, деморализирует и обирает инородцев. Привычка пожинаться на счет инородца среди русских промышленников вошла в поговорку. На вопрос губернского губернатора в Самароне, селе, где крестьяне обирают остатки, промышленник ответил губернатору: «Благодаря Господу Богу, остатками живем, кормят нас хорошо!».

Экономическое положение остатков в последнее время значительно улучшилось путешественником И.С. Поляковым: «В низовьях Оби существует село Шаркалинское⁴, почти исключительно населенное Новиками, предок которых, Григорий Новиккий, в первой четверти XVII века был поставлен на изгнание за исполнением христианских обязанностей между новокрещенными остатками и убит ими при ревностном исполнении своих обязанностей. Эти Новики корят остатков, одевают и обидают, иносит за них ясак и платят на огромном протяжении от Кайлинского⁵ и Шаркалов далеко до Березова; зато на сотню верст они арендуют у инородцев большую часть песков или рыбных довелей. При этом ставятся остаткам следующие условия: за пун клеба, стоящий на Оби от 30 до 35 копеек, берут 10 белок, на белку 2 фунта соли, 1 фунт табаку — 5 белок и т.п. Таким образом, пуд хлеба приходится остатку, считая белку, сюда же, в 12 коп., 1 руб. 20 коп., а белка придет Новицким в 4 коп. вместо 12 коп.; пуд соли обойдется остаткам в 2 р. 40 коп., а стоит она 80 коп.; табак, стоящий 5 коп., обходится остатку в 60 коп.; 100 медных копеек стоят в Йрбите 50 коп., а Новицкие берут за 5 копеек по белке, или 12 коп.; за одну саленную свечку — белку и т.п. С интересескими песков Новицкие нагружают до трех больших повозок всякого рода рыба за обыкновенную, существующую по реке: Оби низкую арендную плату, между тем как остаток, притокоменный ими, наделенный хле-

78 Н.М. Яринцев Сибирские инородцы, их быт...

бом, состоящий кругом в долах, не имеет права ни отдавать песков, ни пущного зверя в какие-либо другие руки». Таким образом, благодаря лишениям угодьев и промыслов, а также экономической зависимости в торговле, инородческое население должно было превратиться в сплошной proletariat, который находится в тяжкой зависимости от торговца и хозяина.

На рабочих у тоболинских промышленников исключительно работники — остатки, а в Нарымском крае инородцы вовсе бросили зверопромышленность и поступили в работы к купцам, мещанам и крестьянам. Жизнь в этих работниках, оторванных от семьи, в самой жалкой обстановке, безжалостном труде и скучном вознаграждении большую частью товаров и никем. служит нравственной порчей и гибелью. Они являются алатунными и относившимися тупо и безучастно к своей табели. Плата такому работнику бывает 15—20 руб. в лето, причем часто начальник вносит за него ясак, повинности, а для инородца достаточно, если прикроют его насту. Обедневшие остатки понемногу стигаются и ищут работы на судах, коноводках, пароходах и даже на пристах, где погибают и материально, и нравственно. Их можно видеть в городах и пристанях в несчастных рубищах или выпирывающихся милостыни, или являющихся около кабаков. Один из свидетелей описывает так сцены, встречающиеся на Оби: «Я и проклят много слышал — говорит один наблюдатель — о положении остатков, но только теперь японе убедились в справедливости рассказов об их жалком положении. Едва ли может быть что-либо ужаснее, стягивающееся того, что совершается (а ведь я видел только частичку!) здесь, до чего забыты эти несчастные, всеми забытые человеческие существа — остатки! Представьте себе кучку людей больных (мужчин, женщины, дети, особенно дети, за самым нирожным исключением, покрыты коростой), обворванных, с бледными, бессмысличными, тупыми лицами. Все это хлопочет, невинно хитрит, добивается, чтобы приторговать линнюю каплю отвратительной юшки. За не-полную бутылку несчастные остатки платят по большой связке стерлядей, фунтов в 30 весом. Посмотрели бы вы, как над ними глумятся! Все это, повторю, частичка того, что совершается над ними по Оби и в тундре! А еще находятся люди, которые говорят о вымирании инородческих племен

как о факте неизбежном. Но вот вам на выдержку четырех типов разных нарластов — типа с натуры, без малейшего преувеличения. Первый — старуха 70-ти лет, с изнеможенным, морщинистым лицом, большими глазами, полуодоленная, а может, и совсем голодная (по-русски не говорят), без белья, ноги выше колен, тело сдавлено оборванной сермяженикой, опоясана пеньковой перевязкой; на голове у нее вместо платка грязная холицкая тряпка. Второй — мужчина (беру лучший по благосостоянию экземпляр) 30-ти лет, босой; штаны холицкие, грубые, грязные до колен, рубаха черная, и на голове платок; он выменился на рыбу бутылку волка и с жадностью потягивал из гордышка. Третий и четвертый типы — мать с ребенком. Женщина 25-ти лет, большая, в грязной сорочке; грязное, бледное лицо; руки в болтах. Ребенок «Микалка», 10-ти месяцев, закутан в грязную грубую холстяную пеленку и скручен пеньковой бечевкой. Когда его развязали, ребенок насунул руки — пальцы и кисти покрыты грязь и короста*.

Об енисейских остяках⁴⁴ академик Миддендорф говорит следующее: «Во всей Сибири и не видел таких жалких кочевников, как остяков у Бахтинского поселения. В лохмотьях, дрожа от холода, они приходили ко мне жаловаться, что им отпускают слишком мало хлеба из казенных магазинов и тем лишают их возможности отправляться в более лесистые местности для добывания мехов и пищи. Одни из них с большим трудом, и только благодаря поддеряке со стороны поселенцев, перенес голодный тиф и спасались еще в ирках. Мне рассказывали, что умирали не только отдельные лица, но даже целые чумы. Одни остык, обратившийся ко мне за милостью, оставил в чуме семи душ, получив, правда, в январе 10 пудов муки, но в феврале только 70 футов, потому что задолжал казне более 300 руб. ассигнациями, а убил в течение зимы всего 20 белок. Понтиюлась старинная история о постепенной гибели этих народов. Они погибли от со-прикосновения с развитием культуры, в особенности с появлением золотых присыпок и неизбежного с ними разгула. Казна, в течение многих лет слишком великодушно подсматривавшая из своих запасных магазинов, этим деморализовала их. О возврате займа не могло быть и речи. Затем настал период, обнурживший, что большая часть запасов

* Сибирь 1878 года, №38-й.

80 П.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

всё-таки растрата в видах обогащения чиновников. Когда, наконец, белнякам, с каждым годом все более должностным (у некоторых долги простирались до 1000 руб.), прекратили выдавать приложности, то они стали умирать с голода. Я отметил у себя в дневнике, что при таких данных, по моему мнению, нельзя требовать от государства иной помощи, как распределения детей между русскими поселенцами»*.

Приведем еще отзыв о восточных инородцах: «Восточные инородцы, обремененные большей частью болезнами семействами, не могли поступать в постоянные работы к нарымскому купечеству. Они занимаются промыслом белки, но не в состояния ходить в отдаленные, обильные зверем места; они охотятся только в окрестностях своих зимних юрт, забирая на охоту все свое семейство, которое пытается тогда белкой, кротами, колонками и олениной. Прелставте себе — пишет очевидец! — это несчастное семейство, которое должно жить под открытым небом, вырывать под густым деревом яму в снегу и устав ее ветвями хвойного леса. Эти белники в своих рубищах кое-как отогревают у kostра свои вялоческие члены. Женщины в это же время часто разрываются от беременности. Несчастная мать, не имея никакого приятеля и для прочих своих детей, должна согреть новорожденного на своей холодной груди и кормить его на открытом воздухе, имеющем градусов 45 мороза».

Дурные условия жизни северных инородцев и недостаток пропитания переходил периодически в позапытые голода, не всегда даже доносящиеся до слуха русского общества. Инородцы, несмотря на то что привыкают употреблять хлеб, не всегда встречают обещанное продовольствием; торговцам даже выгоднее эта нужда в хлебе, промышляя при их падении не обеспечивать инородца, поэтому голода повторяются все чаще. До Сперанского и после него голода не раз опустошали инородческое население. Так, известен турханский голод в 1814—1816 годах, когда встречалось в тундре людоедство. В 1827 году в реках Нарымского края от чрезвычайно сильных морозов вымерла рыба, настал голод. Остяки, по словам тогдашнего министра внутренних дел, находились в самом бел涨енном положении и только что не умирали от голода. В Нарымском округе не редкость, сообщал очевидец Осинов в 1865 году, что остяки выхоят

* «Путешествие на север и восток Сибири», ч. II, отваж 14, стр. 659—660.

ловить плавущую дожину падаль и питается ею*. О людях в наследство голода у тунгусов опубликовано в 1847 году в «Северной Почте», 18-го января. 1862 года голод постиг инородцев Березовского округа, где остики ели кротов и варили их в котлах. По официальным донесениям дошли слухи о 20 человеческих головах, умерших с голода. Купцы этого края, по словам доктора Соколова, сбывали в это время заткнутое мясо. Это была муха со всяческими сором, пылью, мышьяним пометом; это, по словам медицинского эксперта, содействовало развитию тифа среди инородцев**. Летом 1878 года доносились слухи о голодах, постигших инородцев в Нарымском крае. Голода эти стали не редкостью, так как на них мало обращают внимания. Для обеспечения разинившейся потребности у инородцев в хлебе и спасении их от беспощадной эксплуатации были созданы в Нарымском и Березовском округах, так и в Туруханском, казенные магазины, из которых должны были выдаваться хлеб. Но казенная продажа хлеба обнаружила огромные недостатки, кончившиеся на живой вахтером и местного чиновничества. За разыянный хлеб накапливались только недомоги; в Березовском крае в 1850 году было хлебной недомы 2000 кочевыми инородцами 12947 руб., а в 1852 году 17000 руб. По последним отчетам генерал-губернатора Западной Сибири, в 1874 году для инородцев Западной Сибири было 25 казенных магазинов, где находились хлеба 11500 пудов, в 1875 году показано 79000 пуд. По официальным сведениям 1878 года, в Тобольской губернии для инородцев находилось 18 магазинов с 48021 п., а в Томской — 6 с 12000 пуд., т.е. одним магазином менее и хлеба всего 600021 пуд. Таким образом, запасы продовольствия скорее уменьшаются. Понятно, что эти запасы не могли гарантировать от голода. Точно так же дурные материальные условия и лечение дикарей представляют готовую почву для развития болезней. Тиф, лихорадки, осва и сифилис постоянно господствуют среди инородцев. Об опущающемся им их действии можно судить по тому, что в 1855 году в Обдорском отделении от кропивного тифа умерло в течение трех месяцев 1270 чел. из 1852 больных, а в Кандийской волости 53 из 64 больных. Точно так же губительное влияние среди инородцев причиняет занесенный русскими

* Шанкс: «Племена инородцев в XIX ст.», стр. 273.

** «Медико-географические материалы. Бояки Березовского округа».

§ Г.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

промышлениками сифилис*. Еще в 1826 году инспектор Тобольской врачебной управы доктор Альберт первый высказал мнение, что господствующая между березовскими остяками болезнь есть венерическая. В 30-х годах лекарь Белянский, живший в Березовский округ для исследования сифилиса, нашел большинство изброполка зараженными. Доктор Соколов в 1867 году утверждает, что сифилис является осложнением склеротом³⁷ и ревматизмом. Томский акушер Докучаев, исследовав болезни нарымских остяков, подтверждает то же**. Упомянутые медики пришли к убеждению, что заразительные болезни инородцев — последствие их несчастного быта и сурьей обстановки, и вершинное средство для прекращения их будет лежать в улучшении образа жизни. Понятно, что при таких условиях прращение инородческого котлового населения не могло быть благоприятным.

Перейдем теперь к статистическим выводам о численности населения. Прежде всего среди кочевых инородцев, остатков и самоселов, обращает на себя внимание несторонность между половами. Так, в Березовском округе с 1816 года по 1838 год мужское население увеличивалось, а женское уменьшалось. По язачным книгам и имеющимся статистическим сведениям, по переписям в 1824 году, 1835, 1855, 1859 и наконец, 1875 годах замечается то же преобладание пола мужского***. Такое ненормальное отношение между половами имеет, вероятно, весьма важные физиологические причины и может объясняться отчасти тягостным положением женщин у остатков и влиянием климата. Без сомнения, оно весьма опасительно для приращения. Относительно вообще прироста населения первыми идут следующие результаты:

* Об этой болезненности недуга, который гипнотично сидает уха, и о том, каким образом излечивалась служил Федор Ленинградский, Новинки, в начале XVIII столетия.

** То же подтверждает «Очерк санитарного состояния Западной Сибири». Из восемнадцатикратного начальства 1859 г., стр. 58, 66.

*** В 1816 г. в Березовском округе на 11 940 душ мужского пола в Тобольской губернии 10 802 женск. пол., в 1835 году на 11 940 бородача мужского пола 8 637 женского пола, в 1851 году на 13 158 душ мужского пола 10 875 душ женск. пол., в 1859 г. на 13 527 осужденных 10 797 женск. пол. в Самарском губернии на 5 573 душ мужского пола 2 132 женск. пола. В 1875 г. в Березовском округе на 5 047 муж. 4 371 д. женск. пола. В Сургутском округе на 3 132 душ мужского пола 2 791 душа женск. пола. То же самое заметно и в Нарымском округе, где в 1878 г. на 2 255 душ мужского пола оставалось 1 958 душ женского пола. Такое потерпение цифр не объясняется единой случайностью и несовершенством статистики.

В Березовском округе остатков и самоедов считалось:

В 1763 году	8303	м.п.	—	—
1816	10 793	—	—	21.001 об. пол.
1828	10 993	—	—	19.652
1850	10 879	10.634 ж.п.	—	21.513
1858	—	—	—	21.734
1859 по спискам населенных мест Эверинского				
18820 душ общего пола.				
1875 по сведениям исправника 11934 мужск. п.				
11142 жен. п. = 23076 общего пола.				

В первый период, в 53 года, население остатков увеличилось на 1431 человека, во второй период оно уменьшилось на 1609 в женском населении, в третий период уменьшилось на 127 чел. мужское население и с 1850 года до 1875 года возросло весьма слабо. Вообще же в 118 лет мужское население, по показаниям официальной статистики, увеличилось лишь на 363 человека. Но есть сведения, что в некоторых волостях произошла убыль. Сравнивая мужское ревизское и окладное население по спискам 1828 года, исследованием Березовского округа Абрамова⁴⁴ и официальным донесением 1878 года, мы видим в Березовском округе в волостях:

	B 1828г.	B 1850г.	B 1878г.
Котской (Котчинской) остатков	1545	1773	1390
Полторацкой	229	221	216
Ляминской	880	882	756
Кумоватской	947	938	946*

Недавно член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Н.Л. Гондатти⁴⁵, совершивший с учебной целью экспедицию на север Сибири, дал предварительный отчет о своих наблюдениях в Березовском и Обдорском

* По сведениям, полученным нами от статистика, командированного в Тобольскую губернию, видно, что число остатков в Тобольском округе было: 2.425 м. 1.450 ж.

2.875 общего пола.

1. с. приблизительно менее уменьшились. В Абрамовской волости Тюменской губернии по официальной статистике 1850 года было, что в 6 лет из общего числа остатков убыло 224 человека. Поселение Северного круга этнографии и путешественников только подтверждает тем, что такое уменьшение было и нородное и их вымирание. Согласно же показанию исследования гг. Адрианова, Гондатти, Шеманов и мн. др.

крас (Записки комитета Московского музея прикладных знаний). Заслуживают особенного внимания страницы, сообщающие о характере торговли между русскими и инородцами. Вот что пишет ученый исследователь о состоянии пынешнего торга с инородцами: «Определенные места торговли, за исключением Обдорской ярмарки, происходившей в декабре и январе, не имеются, а обыкновенно, при наступлении зимнего пути, торговцы, снаряженные лошадьми, трое саней, а иногда и одни, нагруженные различными тканями, металлическими изделиями и с глиняным образом водкой, отправляются по юртам и чумам и предлагают свою услугу, которые в это время принимаются довольно скотин, особенно если лето было удачно и рыбная ловляшла хорошо; затем второй объезд совершается в декабре, когда инородцы-охотники вышли из лесов со своей добывчей, а олениеволы уже пришли с отдаленного севера или с далеких гор и, наконец, последний раз — весной, когда наступает пора поста, когда охотятся за лосиками и дикими оленями, шкуры которых и применяются торговцем. Летом очень перекрою и рекам, речкам завозятся барки с мукой, солью, чтобы зимой было удобнее производить торговлю этими насыщенным теперь для инородца припасами. У каждого торговца есть свои клиенты, с которыми он постоянно ведет дела, которых он приобретает всю их добывчу и которых он снабжает всем, что им необходимо; такие клиенты обыкновенно всегда в долгу у своих благодетелей, которые употребляют все усилия (особенно часто это практиковалось прежде), чтобы запечь еще свободного от долгов в долине; и раз это удается — вырваться попавшему почти невозможно: по мере того как он будет уплачивать старые долги, но исто будет нарастать новые, и так до конца жизни, причем долги отцов переходят и на детей, большую частью беспрекословно их выплачивающих из боязни причинить иначе мутения своим родителям из загробной жизни; только в последние времена, когда инородцы сделались более опытными, они стали отказываться от долгов отцов и детей и сбываются от оценки своих благодетелей, забирая в долг у одних и пролавливая свою добывчу потихоньку другим; при той разрозненности и недоверии, которое существует между торговцами, это практикуется довольно успешно, тем более что они сами часто подбивают инородцев обмануть своего доверителя, не показавши всей добывчи, а только часть, с тем,

чтобы осталное продать им; результатом этого является то, что инородцы стали обманывать всех торговцев и последние — друг друга. С одной стороны, это обстоятельство, с другой — уменьшение пушного зверя и увеличение числа торговцев вполне объясняют жалобы горожан на упадок торговли и на их спрятанное разирение, тем более что обороты, совершенные в крае, по вполне доволю незначительны: хотя барыши на товары берутся громадные — до 100 и до 200%, при редкости населения (до 10 л даже менее человек на квадратную милю), при его малых потребностях обороты торговца, если только он не занимается рыбных ловлей (а это уж дело другое), однокаково исчисляются рублем в 200-300 и редко простигают 500 р. в год. Поэтому действительно заботки не собствено велики.

В изложении путешесстника необакновского ярко рисуются способы нашей торговли на севере Сибири, и что важнее еще, обнаружившиеся результаты ее. Мы знали до сих пор, что инородцы эксплуатировались торговцами, что торговцы пользовались и пользуясь стоя простовушим и наивностью. Мы знали по ученым пустыщевским и отзывам этнографов, что икородцы честны, что всякие обязательства для них святыни. Как видно, это тоже обусловливалось их верованием, шаманизмом и страхом перед тенями умерших. Все это знали наши северные торговцы лучше всяких этнографов и антропологов. Счастливое кажется, дело было торговать с такими младенцами, которые, сколько ни насчитываешь на них и на прядках их, все снесут. Выгоды торговли предвиделись неисчислимые; предполагалось, что инородцы конечно будут невинными и сохранять первобытную нравственность и доверие к своим благодетелям на многие годы. Однако, как оказывается, надежды эти были весьма обманчивы. Инородцы явились умудренным опытом и искусными. И вот мы теперь присутствуем при новом явлении из инородческой жизни. Прежние воззрения изменились, старая честность и доверие исчезли. Русский торговец не только потерял нравственный кредит, но жалуется, что его обманывают инородцы, что торги перестали быть выгодными. Это очень прискорбно, но прискорбнее еще то, что племена, обладавшие свойствами непосредственной, безукоризненной нравственности, потеряли свою детскую чистоту и ähnlich пыле деморализованными. Чего можно ожидать теперь от них в их относно-

ях к русским торговцам? И можно ли ждать от них доверия к русскому населению вообще? Ведь эта деморализация отразится во всех функциях жизни и, конечно, сильнее всего в области национальных экономических расчетов на Севере. Торговцы потеряли, но потеряло и государство. Полобные последствия, однако, могли быть предвидимы при той системе обманов, изъявлений и недобросовестности, которая практиковалась по отношению к инородцу ясно, здесь был неверный и ложный расчет на простоту человека, обман породил обман, зло могло создать только зло. Не приходится ли показать горькие плохие этой системы? Разорение инородца уже отражается на Севере. Вот еще факты, сообщаемые г. Гончарти.

«Некоторые из торговцев и промышленников, видя, что промыслы все более и более падают, что инородцы стали обманывать не хуже, чем их прежние обманывали, готовы были бы прекратить все торговые отношения с ними и заняться только рабоче-промышленностью, но боязнь окончательно потерять тогда все должна удерживавшись и от этого и заставляет, к сожалению, продолжать оставаться опскунами над местным населением, которое до того, впрочем, к этому привыкло, что предоставленное теперь самому себе оно, наоборот, в продолжении многих лет стало бы терпеть сильную нужду».

Здесь уже ясно рисуется такая дилемма: торговцы готовы прекратить торги, ибо инородцы обделены и разорились; торговец, однако, еще рассчитывает на какие-то «загляд», то есть пробует еще удержаться с прежней системой, хотя она и не дает прежней выгода; с другой стороны, инородцы развили свою потребности: он привык, например, к хлебу (до 100000 ковриг хлеба заготовляется в Обдорске для снабжения остиков и самоедов). Что они, спрашивается, будут делать, если торговля прекратится? Умирать с голоду? Путешественник свидетельствует, что инородец так привык к опеке торговца, что представланный самому себе елея ли может вернуться к самостоятельным промыслам и будет терпеть нужду. Стало быть, выхода нет! Или кабала и коврига хлеба, торговля и разгребки, или предоставление самому себе, т.е. положение беспомощности и в результате — вымирание. Конечно, пред подобными фактами можно было бы прятать в отчаяние, но мы полагаем, что прежде этого надо над ними задуматься и поискать выхода. Население беднеет, уменьшается, разоряется, но оно еще не погибло. Видя

результаты старой системы, старых приемов торговли, не пора ли подумать о том, чтобы изменить эти отношения и самую систему торговли? Не пора ли оставить недобросовестную эксплуатацию инородца, невыгодную, губительную для обеих сторон, для русского и ипородческого населения, и не пора ли создать более человечные отношения. Не наступило ли время в деле обмена с сибирскими племенами внести более здравый экономический смысл и расчет, при чем не разорения и гибели инских племен должно создаваться благодаря господствующей расы, а на полянтии культуры и содействии экономическому развитию опекаемых племен. Как видим, инородец, обобранный и разоренный, не имеет более выгоды: ему нечем платить долгов. Еще хуже, если наш Север совершенно обездолен.

В книжке «Записок Западно-Сибирского Отдела Географического Общества» помещена статья г. С. Швецова «Очерки Сургутского края», которая знакомит, между прочим, с жалким положением остицкого племени. Автор старается избежать упрека в обличениях; по-видимому, он старается быть черезчур осторожным, он боится упреков — и не приводит частных случаев и подробностей грубой эксплуатации остиков; рисует общими чертами, беспрестанно говоря: «об их беслестии писали уже много раз и мы подробно останавливаться на этом не будем» или «не будем об этом рассказывать, потому что об этом уже много писалось». И при всем этом страницы автора избегают позорных фактов, картина, нарисованная им, производит гаотное впечатление.

Вот какими чертами описывает г. Швецов быт остицкого народа. Ницца, говорит он, представляет резкий контраст с зажиточностью русского населения. «Остяк, занимаясь всеми теми же промыслами, как и крестьянин, работает ничуть не меньше, пожалуй, даже больше последнего, а между тем едва-едва властит свое жалкое существование». О том, что природа края может давать населению безбедное существование, достаточно свидетельствует зажиточность русского населения; бедность же остиков происходит не от бедности местной природы, а от общественного положения этого несчастного племени. Коренной житель края, его прямой сын — остяк, терпит злую судьбу сказочной падиерицы, которую злая мачеха заванивает непосильными работами. Когда-то полновластный хозяин края, остяк в настоящее время устраниен от участ-

тия при деже ларов природы или, по крайней мере, ему до-
стаются при этом лары овни крохи. «С давних пор — рас-
сказывает г. Швецов — все лучшие, самые удобные и богатые
пески (т.е. рыболовные уголья) перешли из рук остиков, их
настоящих владельцев, к нескользким богатым рыбопромыш-
ленникам. Как это случилось, мы — говорит г. Швецов —
рассказывать не будем, как потому, что об этом уже много раз
писалось, так и потому, что цель настоящей работы далека от
всяких обличений». Заметим только, что при этом системати-
чески обходился закон об арендах рыболовных песков, запре-
щающий заключать условия на срок свыше четырехлетнего, а
потом соединять свою службу, как служат ее и теперь, волка,
система долговых обязательств, закабалившая совершенно ино-
родца и ставшая его в положение хуже крепостного, и, нахो-
дки, системы подзуг. Как бы там ни было, в давнее время все
лучшие пески фактически принадлежат нескользким русским
рыбопромышленникам, принадлежат по такой слепоте, что
иногда передаются по наследству от отца к сыну наравне с
«прочим имуществом». Другой раз местных угодий, кедровни-
ков, также из рук остиков начинают переходить в руки русских.
Некоторые купцы и крестьяне Тобольского округа, также и
местные (т.е. сургутские) торгины арендуют кедровые острова
на остиках, иногда прямо захватывают их, незирая на про-
тесты местных жителей, и насыщими рабочими ведут промы-
сел от себя; рабочими в таком случае являются те же остики.
Этот переход из рук остиков в руки купцов совершился, ко-
лически, не без содействия земской власти. Г. Швецов расска-
зывает такую случай: в 1886 году один сургутский купец в на-
дежде на большие выгоды отправил партию рыбаков в Тазов-
скую губу, но тамошние инородцы заявили рыбакам, что ло-
вить рыбу они не приспособлены, вывезти же с места не позволя-
ют ни одного воза. Сургутяне должны были уступить и ушли
ни с чем, понесши, говорят, убыток до 10 тысяч. Этот случай
показывает, что в дальних углах Сибири, где нет никакой зем-
ской власти, остики сохранили какую-то общественную орга-
низацию, которая дает им возможность дать отпор непропис-
ным обиравшим. В Сургутском же крае, где туберская власть
имеет все шансы вмешиваться в дело в интересах защиты ос-
тиков, дело обстоит совсем иначе, чем на Тазе.

Что осталось делать остику после того, как у него обо-
брали все угодья? Ему осталось идти в работники к тем же

самым лицами, которые его ободрали. И действительно, «главный контингент рабочих на (рыбные) промыслы поставляют, как это странно на первый взгляд, те самые остики, которые сдают свои пески в артели». Второе место занимают «сытые из разных округов губерний». Рабочая плата остику менее, чем русскому.

«Русский рабочий» — сообщает г. Швецов — получает несколько больше остика, хотя они и исполняют рядом одну и ту же работу». Итак, сам автор отмечает, что работа их одна и та же, за что же русский получает больше? Разве за превосходство в искусстве? Но что касается искусства оюкес рыбьи, тут остики, конечно, собаку съел, и едва ли русский превосходит его в этом отношении. Следовательно, излишок платы русскому просто рента за расу. Таким образом, выходит, что «сытые из разных округов губерний» за то что получают больше платят за расу.

Далее г. Швецов говорит, что остики почти никогда не получают своего заработка по честному, так как часть его выдается товаром по произвольным ценам. Выдана эта запутавшая остика и ставит его в очень хандрическое положение, которое с отрывом переключает по наследству на его сыновей. Остик теряет на этих промыслах не только свой труд, но и здоровье. «Трудно» — говорит г. Швецов — представить себе более гибельную обстановку, чем та, в которой живут рабочие. В продолжении платы с полойней месец рабочий во всякую погоду, в холода, ветер и ложь, находится под колесом в воде; одежонка на нем рваная, просушивается нет где, кроме шалаша, сплетенного из салмышика. К сожалению, ни официальная статистика, ни газетные сообщения не дают возможности хотя бы приблизительно определить цифру скжгодно гибнущих на этих промыслах рабочих. Мы думаем, — говорит г. Швецов, — что их надо считать не сотнями, а тысячами. В торговле проплываются та же эксплуатация, «каждый торговец имеет своих самоедов и остиков, которые делают ему свои товары, знают только что одного и к другому торговцу уже не обращаются, да если бы они и захотели завернуть к кому другому, это им никогда не удалось бы, потому что торговцы взыскивают навстречу инородцам подручных, которых зорко следят, чтобы никто из инородцев не увидал» в чужие ворота. Таким образом, каждый торговец имеет известное число инородческих семейств, состоящих его постоянными покупателями.

пятнадцати и в то же время неоплатными должниками». Цепы на тюрем для остика другие, чем для русского. Тут практикуется самое бесцеремонное обмеривание и обешивание, спаивание водкой, ссыпание гнилым и всячким рога. Какие же результаты достигаются подобным положением вещей?

Все это, — говорит в заключение автор, — ставит остика в положение поистине худшее, чем крепостной зависимость, так как владелец крепостных все-таки был заинтересован в сохранении жизни крепостных, а что за дело работорговщиннику, если остик умрет от чрезмерного труда. Умрет один, явится другой. «И остики умирают тысячами от голода и лихенний». К болезням от непосильных работ присоединяются периодические общие головокружения, во время которых беспомощность населения достигает крайних пределов. Так, в последний голод, бывший несколько лет назад, остики буквально сотнями мерзли с головой; встречались юроды, вымерзшие поголовно и в избах валялись непогребенные трупы. «Вымирание остиков — факт, но подлежащий никакому сомнению; оно идет быстро, неуклонно». Если верить автору, а не верить нельзя, потому что и другие очевидцы сообщают то же, то пожалуй, лет через пять-шесть от остикового племени и останется человека.

У Швецова есть заметки и о «посподствующем племени». По словам сургутин, говорит автор, остик «очень уж прост», т.е. черствый уж честен и доверчив; он не украдет и не обманет ни своего брата, ни русского торговца, у которого находиться в кабине; работяги, предприниматели, всегда делятся с нуждающимися и оказывают помощь ближнему. За эти качества сургутинин считает остика существом позитивным, «собакой»; им все гнущаются и считают поганым. Самый жестокий и безобразный поступок с остиком считается дозволительным. Мальчишки издаются над остиками на улицах, запускают в них лядьни, травя собазами и пр.; взрослые иногда бесцельно бьют их, ради доставления удовольствия толпе. «Даже смерть остика не скрывает сургутинина, и он продолжает смотреть на остика как на тварь — только теперь эта тварь стала еще падалью». Автор приводит пример пульческого издевательства над трупом остика. Христианская идея, обобшившая все человечество во всемирное братство, все еще чужда и нашему сердцу, и нашему уму, выше мы привели свидетельство автора, что сильный русский ни за что ни про что получает рабочую плату на песках выше, чем остик; ощельмованый судом и часто дей-

Остяки и самоеды 1

стительно порочный человек своего племени нам мище, чем честный и добный инородец.

В 1890 г. обрисовано подобное же печальное положение инородцев в «Каз. Бирж. Л» одним туристом, сдавшим по Оби: «Самоедские семейства живут зимой особыми селени-зми в юртах — срубах или землянках без печей. Избази Бог свежему человеку пробыть в них юрте хоть час. Грязь, сажа, зловоние, ча от углей, тьма паразитов. Помимо того, вид отдельных членов семейства производит отталкивающее впечатление. На болынисте взрослых втиши разрушаительны слепы сифилиса, нагие девицы покрыты накожными болицами. Очень часто эти отвратительные жилища посещают тиф, повалывая ослы... Медицинской помощи в этих забытых Богом и людьми трущобах — никакой!...».

«Все самоеды и вояжи, живущие в районе миссионерских церквей, православного исповедания. Но незнание русского языка, отдаленность их от церкви является причиной того, что инородцы совершенно чужды православия и ограничиваются только выполнением тех обрядов и танцев православия, за неисполнение которых могут подвергнуться изъяснию. На самом же деле все, за исключением крайне немногих, имеющих наиболее тесные сношения с русскими, остаются идолопоклонниками, устраивают капища, ставят идолов, а также поклоняются священным камням. Идолопоклонство им строго воспрещено, почему они устраивают кумирии в скровенных местах, глухих урманах, отделенных от русских поселений. Одни идолы олицетворяют добро, другие, в наибольшем количестве, зло в его разнообразных проявлениях. Добраться до капища трудно, особенно властям, но русским торговцам, интересующимся за добычей во всем самоедском захолустье, случается нападать на кумирии. Некоторые даже с нелюбовью к обществу целью разыскивают их, чтобы пожинять жертвоприношениями — зернами и шкурами и деньгами. Один из торговцев рассказал мне, что его навел на капище самоед-рабочий, достаточно отцепившийся от своих. Капище представляло полу-столбянский сруб с низенькою дверью, у которой стояло грубо вытесанное из дерева изображение женщины.

— Остепина своечинна, — пояснил самоед.

Промышленники беспощадно эксплуатируют в свою пользу этих невежественных детей природы.

9. *↑ М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

— Однако вы все-таки изрядно прижимаете инородцев,
— говорю опять из т-ских прозуышленников.
— Это из чего вы заключаете? — спросил тот обиженко.
— Да как жс. засыпь ваня, рыбка вана, наконец, даже лес
ваш, а инородцу ничего не остается.
— А что же лисарю нужно?
— Да вы хоти бы болынину засели или фельшера содер-
жали... Посмотрите, ведь они мрут, как мухи. Вам же будет
хуже, если они все переведутся...
— А, на наш век хватит!
Такой цинизм меня взорвал и я сказал несколько не-
приятных слов, называя вещи настоящими именем.
— Правда-с! в коммерческом деле как подгонишь всякос
лько в строку; тоже и мы должны соблюдать свой интерес.
— Да какое же у вас коммерческое дело, это просто...
Я недоговорил и ушел, и мне стало невыносимо в этом
чистеньком, вечно зеленом уголке, «на краю Божьего мира».
Приведя эти отзывы и современную картину быта ино-
родцев, мы, естественно, должны спросить в конце концов:
действительно ли причины вымирания инородцев коренятся
в них самих, в их расе, характере, и не заключаются ли
эти причины в классе накопившихся неблагоприятных условий,
в самом отношении к инородцу, или, возможно, и
бессердечно разнодушном? Что причины вымирания
не в расе, это доказывается тем, что проявления смертности
различны. Одни и те же племена, финские и тюркские, про-
цветают и увеличиваются при других условиях. Ученые при-
знали родство остатков и втулок с финнами России и фин-
ляндиями. Помиротворите же и сравняйте судьбу тех и других.
Среди остатков и загулов смертность распределяется искрив-
ленной. Там, где условия лучше, вымирание слабес или
совсем прекращается, а начинается прирост населения.

Таким образом, нужно прийти к заключению, что изменить это искривленное явление в человеческих руках и в
руках цивилизации. Напрасно эту цивилизацию представляют
людьми драконами, пожирающими инородца, напрасно отдают
его на жертву хищникам, горючкам, кулакам, которые яв-
ляются не столько представителями цивилизации, сколько
подонками и обратной стороной ее. Цели и задачи челове-
ческой цивилизации другие, это — спасение человеческой
жизни, гуманизм, милосердие, улучшение быта, поднятие

человеческой личности и озарение ее светом разума — про-
свещением.

Мы не можем поэтому прикрываться нейзбездностью ги-
бели указанных племен, но должны каждый раз испытывать
муки совести об их бедственном положении и поставить воп-
рос накануне наступающего XX столетия о сохранении тех ос-
татков и потомков инородческих племен, которые сохранило
еще время, человеческие бури и человеческое жестокосердие.

Мы должны задаться вопросом: выгодна ли погибель на
Севере дюсятков тысяч людей. Всех остяков, вогулов и само-
едов на севере Сибири может насчитываться еще до 50000.
Имеите в виду, что это население составляет лонные почти
единственное и главное население среди тундр, среди неиз-
вестной природы и полярной стужи Севера, близ бес-
регов недоступного океана. Вымрут они, и опустят Север,
ибо русское население заселит с Бодорском, Березовым, Ту-
руханском является скорее торговыми факториями. Куда бы
ни следили европейцы или русский человек на Севере, он
обязан услугам, руководителем и указаниям инородца; без него он бы погиб. Мы ссылаемся на свидетельство по-
лярных путешественников. Кто спасал корабли на волах,
кто спасал команды, кто в пургу и непогоду ведет торгов-
цев, кто везет заселателя для сбора ясака и т.п.?

Инородческое население в Тобольском, Березовском, На-
рымском округах составляет станции, и остатки перенесли к по-
луосадости, строят избы и прорес. Поэтому мы должны смот-
реть на них как на помощников наших в деле культуры и сно-
шений. Среди этих инородцев в Тобольской и Томской губер-
ниях находится 28207 душ крещеных. Можно ли таким обра-
зом хладнокровно приговаривать к гибели даже крещеных
людей? Не можем же мы брать примера с истанцев, которые,
окрестив индейцев, приговорили их тотчас же к смерти.

Таким образом, все разъясне выступает вопрос о
попечении и сохранении инородческого населения, что дол-
жно явиться обязанностью цивилизаторов. Снабжение Се-
вера больницами, миссиами, школами для инородцев ста-
новится настоятельным. Наконец, для содействия и облег-
чения помощи инородцу пора основать общество, к которому
привлечь образованных людей, исследователей иноро-
дческого быта и лиц, могущих сочувствовать просвеще-
ние инородца. Это общество покровительства просвеще-

нико инородца будет не менее полезно, чем общество спасания в городах, общества филантропические и общества покровительства животным. Здесь дело идет о людях. У русского общества, полагаем, нашлось бы достаточно филантропических средств для этой цели.

Заканчиваем статью следующим замечанием одной газетной статьи: «Тридцать лет назад уже описывались в литературе породки в остицкой земле совершенно теми же чертами, как описываются и теперь. Та же кабала, та же эксплуатация торговыми, то же вымирание, с той разницей, что гибельная сторона этих породок для остиков еще более с того времени усилилась. В тридцать лет кроме ламентаций о бедствиях инородцев, в литературе ничего не сделано для исправления их положения. Не возникло для остиков никакого покровительственного органа, ни частного, ни административного; не явились лица, подобно филантропам, самоутверждающим правам, друзьям бедных и несчастных, каких являются в Европе на помощь человечеству, которые бы посвятили жизнь свою страдающим и умирающим инородцам. Ученые общество и университеты не поставили даже этого вопроса на очередь, как достойного самого внимательного изучения!»*. Международные конгрессы, собирающиеся для обсуждения самых разнообразных вопросов общественной жизни и культуры в Европе, еще не выдвинули вопроса о спасении от гибели инородческих племен.

Много лет назад Паллас, Георги, Кастрен и другие знаменитые путешественники представили печальную картину быта сибирских инородцев. С грустью и стесненным сердцем нам приходится ныне фотографически повторить ее, так как время не прибавило к ней ни одной смягчающей светлой черты.

* Обратим внимание по этому поводу на статьи профессора Э. Ю. Петри, начальные доказательства которого на защиту инородческих племен и обозначности по отношению к ним были в конференции газы изложены выше в его «Астрономии» (Санкт-Петербург, 1889 г.), где в «Доказательствах и культурный человек», стр. 105, и т. VII: «Вымирание дикарей», стр. 137—163.

Алтайские тюрки или калмыки

Наряду с татарами и финнами Западной Сибири заслуживает внимания многочисленная алтайская народность. Число алтайских инородцев по новейшим сведениям, равняется 51.064 душам, причем они разделяются на телевутов в числе 5.731 души, расположенных в телесуких упрахах Кузнецкого и Томского округов, а также в кумысских упрахах Томской, Кузнецкой и Барнаульской, и 225 душ в Бийском округе (потомки этих телевутов в большинстве выродились и смешались с русскими), даже чернных татар, составляющих 23 594 д. и 17 018 д. алтайских калмыков и слепентров*. Все они расположены в Томской губернии в Томском, Барнаульском, Бийском и Кузнецком округах. Часть этих инородцев приняла христианство и смешивается с русскими, другая восприняла магометанство и живет, подобно другим татарам, в Томском округе и, наконец, большая часть остается язычниками и населяет Бийский и Кузнецкий округа. Марининские татары могут быть причислены к родственным племенам алтайцев. Часть алтайских тюрков весьма давно подчинилась русским. Так, телевуты с князем Абаком приняли подданство в 1607 году, и затем были покорены кузнецкие татары в 1618 году. В 1633 году русские захватили Бийск и в том же году была предпринята экспедиция для покорения телевутов на берегу Телецкого озера, под начальством Собанского. Алтайские народности, однако, весьма долго были поддерживаемы калмыками, коряками и сибирями, вели борьбу с русскими, нарушили договоры и нападали на русские крепости. Калмыков на юге поддерживал могущественный ойратский союз и Джунгария. С распадением его в 1740 г. южные калмыцкие роды, или бургуты, также просили принять их в подданство, но телевуты на Чуе и Ариуте, известные под

* К этим же инородцам должны быть отложены татары алтайцы, обитавшие с русскими и чеченцами в кумысных упрахах Байкальской пустыни и составлявшие 4.861 д.

именем узбеков, однако, еще долго оставались диссидентами, внося подать и китайскому, и на нему правительству, и только в 1865 году окончательно принян приказ, составив ныне две чуйских волости. Горные калмыки или теленгиты присоединились в половине XVIII стол., в числе 12 занянтий, и до сих пор сохраниют память о своих поколениях. Инородцы, однако, весьма долго жили отчужденно. Алтай весьма тую заселялся, так как Бийская линия была продолжительное время запретной границей, за которую русская колонизация не должна была проникать. На границе Кузнецкой и Бийской линий раскочеваны были казачьи станицы, которые, имея воинский характер, смотрели на инородческое население как на неприятельское, потому культурное влияние и сближение с русскими было слабо, а инородцы жили изолированной жизнью, несмотря на то, что обложены были ясаком и с ними велись изрекла торговля зажигими купцами. Восточная часть Кузнецкой и Бийского округов от Телецкого озера на севере, по рр. Лебеде, Марсе и Конноме до сих пор весьма мало доступна русским, так как покрыта лесами и весьма труда для сообщения: инородцы живут здесь по-прежнему полулукою жизнью. Наиболее поддались культурному влиянию и сближению кузнецкие инородцы, известные под именем телетов и черных татар. В Кузнецком округе считается наибольшее число оседлых. Эти оседлые инородцы составляют 12 инородческих управ с 24 улусами. Улусы и деревни инородцев расположены между крестьянскими волостями, поэтому здесь весьма быстро идет обрусение и заимствование от русских. Кузнецких оседлых татар считается 3.640 душ муж. пола и 3.726 жен.; из них шаманников только около $\frac{1}{4}$ части, остальные же все - православные, причем обращение произошло просто, благодаря жизни около русских. Все эти инородцы живут домами, хорошо говорят по-русски и занимаются земледелием. Типы их, одежда их скорее напоминает финнов и чукчей. Около Кузнецка есть уже весьма зажиточные татарские селения и даже богачи из татар, усвоившие русский комфорт. Свои состояния они приобрели благодаря торговле и посредничеству с отдельными и более чуждыми инородцами лесов. В накоплении этих богатств, однако, участвовала значительная доля торговой эксплуатации своих собратьев. В Кузнецком округе эти торговые татары, крещенные и некрещенные, заменяют русских торговцев, как и в оседлых селениях Бийского округа, не

уступая по жестости и беспечности нахайны самым отчаянным кулакам, поэтому культурные черты, приобретенные в результате падения, служат в пользу собраний. На алтайской племени можно видеть, как под влиянием различных условий прогрессирует себя опять и то же раса, а также как эти условия отражаются на ее бытности.

Алтайские инородцы, распространявшиеся от Алтая до Иртыши и далее, были подчинены хогометинскому и русскому кининчию на севере, тогда как монгольские и китайские отразились на них с юга; точно так же на них отразилось и физиологическое влияние соприкосновавшееся с ними племенем. Принадлежа по типу и физическим свойствам к довольно сильной расе, это население выражает различные типы культуры, начиная от кочевников иnomайдов и кончая не только полуседельным состоянием, но и совершенно оседлым и эмделеским бытом при полном слиянии и смешении с русскими. В некоторых случаях метисация, смешение с русским населением и переход к высшей культуре при нормальных условиях отразились на этих народностях весьма благоприятно. Такой образец перехода к высшей культуре и обустройства представляют, например, инородцы выродившиеся Кумышской управы, Барнаульского округа Бийской управы, Бийского округа, и некоторые кунеющие инородцы.

Мы имеем возможность видеть нынешнее положение кумышских инородцев второй половины управы в Барнаульском округе и могли убедиться, что это население несколько не уступает русскому; оно совершенно слилось с ним, сформировалось в целый тип и окончательно стало инородческим претцем, с теми же обычаями, языком и производством, что и русским. Население и развитие благосостояния его представляют замечательные успехи, как можно видеть из следующего: указом императрицы Екатерины II в 1761 г., как лицо из дарственной земли, крепостным телутям Кумышской управы, в числе 6 семей, позаключено было переселиться на пр. Бургу и Каракусу. Занимались сначала скотом, они осинчаны скоро деревню Хабары и начали смещаться с русскими. В начале XIX века эти фамилии инородцев уже составляли 4 деревни с 26 семьями, из 6 первоначальных, и 201 д. мужского населения. По ревизии 1816 года в 4-х деревнях считалось 70 семей и 482 д. обоего пола. По X ревизии 1858 г. здесь было уже 104 семьи и 6 деревень.

91 *I.M. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

с 1.022 душами населения; в 1880 г. было 7 деревень* с 1.236 д. населения. Прирост замечательный. Надо заметить, что в числе этих душ сохраняются все первоначальные фамилии инородцев, а именно: Холкины, Малыссы, Малышевы, Пискуновы, Миловановы и прибывающие после инонодии Сыгаковы, Благановы, Парфеновы, Мурашкины и Калачиковы. Таким образом, 10 родонаучальников с семьями народили 7 деревень с 1.236 д. населения. В тех же деревнях проживает ныне независимо от инородцев до 406 д. государственных крестьян, 78 мещан, купцов и солдат. Иноноды Кумышской управы — крупное, злоровное население с преображенским русским типом. Все они занимается землевладением и скотоводством, засевая до 2 027 дес. земли. Дома шестиглавые; население зажиточное; в сел. Хабарах — ярмарка, где покупается на 15 000 рублей привозной мануфактуры. Ныне основана школа, где учатся до 12 мальчиков. Благосостояния этого населения способствовали свободное расположение землями, браки с русскими, усвоение высшей культуры, болгаре урожай, отсутствие рекрутской повинности и льготное положение инородцев с половинным крестьянским окладом. Поэтому население, чувствуя после благодетельства последствия своего льготного положения, как они выражаются, «благословляют матушку Екатерину II», давшую им дарственную грамоту на земли и льготные права. Некоторы из го что земли их не считаются более их собственностью, а относятся к кабинетским, но доступны этим населением степени благосостояния, а также свободы пользования окружающими землями, не уронили их быта. Образчики подобной же зажиточности и развития населения мы находим также в Бийском округе в 4-х оседальных упредах, где считается ныне 4 661 д. оседальных инородцев, до 4 700 посадей, 5.296 коров, 8.207 овец; они насевают несколько тысяч пудов хлеба и занимаются промысловством.

Такие результаты оседости однако не всегда. Быт других оседальных инородцев гораздо ниже. Это зависит как от ограничения свободы распоряжаться угодьями, отнятия этих угодий русскими, так и от способа перехода к оседому быту и земледельческой культуре. Другой характер представляют, например, оседальные деревни алтайской миссии новокре-ш-

* Деревни эти: Хабары, Потамки, Осиновая, Половинская, Ново-Усть-Куринская и Вележинский лог.

ных инородцев. Переход этот совершается у них искусственно и несколько принудительно, так как крещеный инородец должен жить обязательно оседло. Но для кочевника зверолова, без всякой подготовки и привычки, такой образ жизни весьма труден. Бросая свой промысел, он беднеет и далеко не усваивает землемельческого труда. Переход этот для инордца является сразу почтой непреодолимым и тем труднее он для nomada, который не привык к физическим усилиям. Свойство его промыслов — отсутствие упражнений физической силы — создает особый организм, неспособный к большим напряжениям мускулов и продолжительной деятельности; словом, перешел к землемельческой культуре ему является непосильным, а расчеты землемельческого хозяйствства — непонятными. Мы не говорим уже, что он не посчитал никаких технических знаний, доступных крестьянину. Точно так же новокрещеный не может примириться сразу с оседлым жилищем. Органическая потребность воздуха и привычки передвижения не позволяют ему примириться с избами. От этого новокрещеные не могут сразу жить в избах, даже даваемые им избы от миссии запущены и грязны, а живут они в болотнистстве в берестяных избушках. Привыкши в кочевом и лесном быте к самому первобытному земледелию и обработке земли, они не идут дальше, и земледелию их является крайне птицежное. В самом главном миссионерском селении встречаются белнейшие хижины и шалаши. Вот одна из них по описанию очевидца: «Длинна и широка избы в 2 сажени, без сеней, с одиночной дверью и двумя маленькими окнами (одно выбито и задожено грязной подушкой); покрывающаяся печь, две скамейки самой грубой работы и такой же миниатюрный стол, самой грубейшей работы, кровать, и на ней в двух рваных шубсниках вальяется грязный ребенок. В маленьком шкафчике, прибитом к стене, ничтожное количество плохой посуды, горшок и чашки. На полу 4 грязных непокрытых крышки с молоком, ухват, два ведра, два маленьких сундука, обваренный, без наметки, хомут. На стенах деревянные и бумажные образа». Вот обстановка новокрещеного, причем, как они выражались, дома у них были «казенными», миссионерскими. Во всей деревне никто не засевал более 10 десятин, а между тем это были привольнейшие для земледелия места Алтая. Остальные миссионерские пункты представляют собрание шала-

10 *Г. М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

шер в большинстве и крайне ограниченного числа хижин; при этом надо заметить, что хижины эти построены наподобие зимовок. Большинство крестьянских инородцев не знают русского языка. Из 58 миссионерских пунктов только Улала, Кебежель, Ангутай и Уймон заслуживают внимания, но и то потому, что сюда проникло отчасти оседлое русское население. Новокрещеных оседлов инородцев поэтому считается на огромном пространстве 130,000 кв. м. всего 1,843 человека, остальные же остаются при кочевом образе жизни. И это почти при 50-летней деятельности миссии! Начало первым сезоном миссии положено не местными христианскими инородцами, но пришедшим уже соселым телегутами из Баянта, Кузнецкого округа. По отрыву всех путьешественников, несмотря на некоторые образчики культуры в глашном селении Удале, в общем, был новокрещеных алтайцев крайне жалок и беден. Значительная часть лучших земель инородцев притом, к сожалению, коноплянистуется миссией для своих специальных учреждений. Так, например близ Улала, на р. Найме, миссия строила для женской монастырской общиной 6,500 дес. лучшей земли, а ни Чулымянке взяла также под монастырь, который долго не был выстроен, пространство в 30 верст в длину, единственное удобное для земледелия место. Все это давно не служит к выгодам инородцев, даже новокрещенных. Из этого видно, что заносение культуры и осадочности среди инородцев гораздо более сделано успехом, где инородческое население соединялось с плотною массою русского крестьянства, но при единственном условии, когда утоляя инородцев, как источник жизни, не отходили совершенно к русским.

Дальнейшие представители алтайской народности идут подзундусским образом жизни в лесах и горных местностях Бийского и Кузнецкого округов. Поэтому они считаются кочевым населением. К таким принадлежат черненые татары Кузнецкого и Бийского округов. В Кузнецком округе они составляют 23 волости с 6,739 д. муж. пола и 6,510 жен., т. е. 13,249 душ населения. К 1880 г. в Бийском округе в 7 волостях считается 2,937 д. муж. л., 2,854 жен. Все они живут в гористой и лесной местности, кузнецкие инородцы преимущественно по рр. Мрасе и Колпоме, а бийские — по рр. Лебеди, Бис и ее южным притокам до прибрежий Телецкого озера. Инородцы эти далеко не все принадлежат к

кочевниками и звероловам. Самый быт лесных кочевников несколько осблебленный и относится ближе к оседлому, чем к кочевому; поэтому переход к полной оседлости здесь совершился скорее. Считавшиеся кочевками имирами и ныне живут уже улусами и деревнями, только временно отлучаясь на промысел. Занятия их: охота на зверя, добывка диких пчел, кедровых орехов, рыболовство, а также и хлебопашество, причем соседние с русскими деревни уже усвоили русское хлебопашество, а более отдаленные первобытным способом обрабатывают землю. Ныне среди кузнецких киргизов и соседстве распространяются и другие промыслы.

Жители чернобыльской степи составляют первобытные зимовки, срубившие из берёз. Вообще же, быт и культура этого населения весьма мало исследованы, но один из них, интересный при личном исследовании, представляет весьма много интересного как население, имеющее все залаты к оседлости. По типу чернобыльские татары, как кузнецкие, так и бийские, весьма отличаются от алтайцев и теленгитов и принадлежат к финским народностям, когда-то смешавшимися с алтайскими тюрками; по типу еще достаточно не выяснен. При склоне исследований в Алтае мы убедились также, что тип чернобыльских татар отличается от алтайцев и что это совершенно особо племя, а по своим способностям и культуре они стоят гораздо вышеnomалов; некоторые из них, кроме первобытного земледелия и умения делать зимовки с глиноbatisьми печами — «увалами», обладают еще выдающейся хваткой, шьют лыжную одежду, умеют делать наводы и т. д.; у них сохраняется и куническое мастерство*. Способности такого племени, конечно, могли бы лучше развернуться в соседстве с русским населением. Действительно, в Кузнецком округе это население показало замечательную восприимчивость к культуре. На восток и на юг в глухих местах влияние это, однако, доселе не проявлялось, и чернобыльские татары живут прежней жизнью, по которой можно изучить первобытную культуру. Исследование, однако, на отчужденность в лесах, они составляют притягательную силу для спекуляторов и торговцев; поэтому экономическое тяготение, русская гордость и влияние соседних инородцев не могли ис-

* Наоборот, был звероловов и рыболовов крайне беден. Они часто голодают, потому что состоят в зависимости от торговца, снабжающего их мукой и припасами.

коснувшись их строя жизни. Торговцы из русских и кузнецких оседлых татар заезжают в Чертнь и стараются эксплуатировать ликарей всеми способами, вижимая и приобретая от них привилегии охоты и промыслов. Как хн. Костров, так и миссионер о. Вербийский снискательствуют об обманах и эксплуатации, которым подвергаются алтайские инородцы («Алтайцы» Вербийского и «Обычное право алтайских инородцев» хн. Кострова).

Точно на таких же условиях заватки и огромного взъскания процентов за долг производятся и торговцы орехом. Цепа ореха без получения денег вперед 1 руб. и 10 к. в ближайших местах за пудовку, с получением же денег вперед цена за пудовку за 50–60 коп. Всякий недобор или некомплектение порядка наставляет обязательство доставить продукта вдвое или по рыночной цене, бывшей на ярмарке, т. е. со всеми барышами, которые берут купцы. Такие взъскания делают неоплатным должником инородца.

Несколько охотно делаются предложения товара, насколько соблазняют им инородца и называют товар, настолько же беспощадно является взъскания долгя впоследствии, когда купец или торговец является и исполнителем взъскания и берет с инородца что хочет. В этом состоит все искусство торговли. Наивность ликаря, его доверчивость, обольщение блестящими белоголовками и привлекательными чарами, которые манили в глухой местности благоприятствуют вымогательству и продавцу и невинному покупателю. При этом надо принять во внимание грубость и жадность торговца, а с другой стороны — беззапинки и бесхитрость ликаря. При таких условиях обмен продуктов и самая торговля преобразуются в налоги хищничество. Торговцы и спекулянты с ликарями являются самым соблазнительным занятием окружающего оседлого населения, а потому в торговле с ликарем канулись и русские зажиточные крестьяне, и купеческие оседлые инородцы, наложив богатства; быстрое обогащение опять ведет к обеднению других, и эта эксплуатация отражается тем беспечеснее, чем беднее и ниже по развитию ликарь. Постоянно возрастающие потребности ликаря, благодаря соблазнам торговли и ознакомлению с новыми приспособлениями, обуславливают его зависимость. Торговцы и сношения с русскими не созданы пока в массах культуры, не придали силы ликарям, но, оставив их при

прежнем положении, создали в инородце потребности, которые удовлетворить он не может при своих силах, и оплачивание этих потребностей, при возникающей все более пуще на продукты, поглощает все его имущество и заставляет его истощать свою силу. Раз он не в состоянии отплатить торговцу чрезмерные его требования за продукты необходимости, он обрекается на нужду, голод и вымиранье. Понятно, что при таких условиях развитие культуры, основывающееся на увеличении благосостояния, является невозможным, и был диктатор отодвигается еще в худшее положение, чем он жил до сих пор. Такие явления обещания и истощения лесников тем печальны, что по своему развитию и цинизме они стоят вряд ли ниже к переходу на высшую степень хищства; но здесь, при стольмнитных и русских, мы не можем не заметить иногда обратного: отступление инородца в развитии и из первобытного земледелия к рыборыболовству превращения в действительно зверолова и курильщика простоты. Те же язвы, какие мы видим в Куренецком округе, повторяются и в Бийском. При этом моста глухие и отдаленные места подвергаются эксплуатации, а инородческие волости, столкнувшиеся вплоть с русским населением, испытывают более настойчивое и усиленное давление, отражющееся и на отбитом уголье.

Иследуя быт чернных инородцев Бийского округа, мы прежде всего столкнулись с жизнями кумандинцев, живущими по лесу и прароду стороны р. Бии. Это касались, ролственность черкесской татары, индигенитетственных принималось за телегутов. На самом деле кумандинцы представляют наиболее развитое и чистое по типу население из всех алтайских инородцев. Оно давно оставил кочевой образ жизни. Гельмерсен в 1842 году встретил здесь уже низкими и население, напоминавшее ему чукон Финляндии. Ныне здесь находятся несколько аулов, которые походят на седельные деревни, зимовки превратились в губы, все занимаются земледелием, причем первобытная мотыка (обой) заменяется сохой. На 438 душ здесь приходится 1124 головы лошадей, 959 коров и 687 овец. Население, числом в 2.634 души, усиливает совершенно русский образ жизни. Таким образом, все благоприятствовало переходу этого населения к оседлости самым естественным путем и оно легко могло быть записано уже в число оседлых волостей. К сожалению, отсутствие размеже-

14 Н. А. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

вания и наделов навело к вторжению русских деревень со седых золотистых на инородческие земли и отнянию лучших угодий у инородцев-земледельцев. По крайней мере, мы встретили такую запутанность в поземельном владении в одной такой волости, какую представить трудно! Крестьяне трех русских волостей вторглись и построились на землях этой кочевой волости; слова же являются переселенцы из России, и таким образом оседлое инородческое население поставлено в самое безвыходное положение и легко может удаляться в леса. Был осталенных чернных татар Бийского округа, живущих в более глухих местах иerva прохозимой черни, представляет более первобытную культуру. Они принадлежат скорее к полукочевым лесникам, звероловам, скотоводство ихничтоизно, был беднее, они более дикии, чем кумандинцы, и вследствие отчужденности от русских поддалися более влиянию южных кочевников алтайцев, замствую их kostюм и привычки. На них даже более отразилась китайская и монгольская культура, так, они носят косы, китайские шапочки и получают некоторые произведения из Монголии. Тем не менее по географическим условиям и образу жизни они более кочевников способны в оседлый быт. Эта естественная наклонность, однако, задерживается пурпурностью и опасением русского населения, которое своими поступками произвело здесь самое неблагоприятное впечатление. Вторгшиеся в чирль пасечники начали отнимать у лесников лучшие земли, нужные им для земледелия.

Южные алтайские племена относятся более к номадам и скотоводам, чьему способствует самый характер местности: алтайские луга, травянистые склоны гор, долины рек и алтайские плоские возвышенности. Инородцы эти носят различные названия по местности: телесы, таленгиты, алтайские калмыки, элоты и чуйские теленгиты, или чрайхайты. Последнее название им придается неосновательно, так как под именем чрайхайцев известны жители Саянского гор и часть горных племен, живущих около озера Кокогола. Составлено алтайские калмыки, несмотря на различные названия, имеют весьма много общего и могут быть названы «горными кочевниками», как их называет Риттер. Они имеют несколько поколений или сююков; все говорят, по исследованиям В.В. Радилова, твердо-татарским языком. Из наречий теленгитский язык близок всего к кайбальскому; монгольское вли-

яние мало заметно и только обогатило язык в лексикологическом отношении; ислам не проник к теленгитам, и потому язык их остается без примесей персидского и арабского. Грамотности и своей письменности теленгиты не имеют. Тип теленгитов более носит отпечаток монгольской расы: славленный лоб, узкие глаза, выдающиеся скулы, широкий сплюснутый нос, вздутые губы, редкая борода; но типы эти не вполне одинаковы. В общем, эта пародия не подвергалась еще точным антропологическим наблюдениям.

По образу жизни, как мы сказали, они принадлежат к горным кочевникам, причем значительно отличаются от кочевников степей: перекочевники их менее значительны и, так сказать, замкнуты горами; они перекочевывают из долин на соседние горы и обратно. Жилищами их, в противоположность лесникам, по преимуществу служат шалаши или войлочные юрты, а средствами пропитания — по преимуществу скотоводство, хотя у них существует также первобытное земледелие и они занимаются охотой. Быт их можно назвать переходным ступенью от степныхnomadov к лесным кочевникам. В то время, когда у черневых татар приходится скота на сто душ: лошадей по 150, коров по 110 и овец по 100, у алтайцев по 300 голов лошадей, 200 рогат. скота и 430 овец. У лесников преимущественно коровы и лошади, у алтайцев, кроме того, еще богатое овцеводство.

Кочевцы теленгитов были когда-то гораздо многочисленнее. Они занимали долины Бухтармы, Нарима и Кок-Су; в прошлом столетии они ежегодно появлялись на левом берегу Иртыша против Усть-Каменогорска, точно так же они занимали часть Кулундинской степи и располагались около Конишинского залива. Внутренний Алтай с его плодоносными долинами принадлежал им всецело. Площадь инородческого района еще недавно простиралась до 109.000 кв. верст, но с начала прошлого столетия кочевцы алтайцев все более ограничиваются и они оттесняются все дальше. Русская колонизация проникла с севера даико за Бийскую линию, основав в северных предгорьях несколько волостей, где ныне 50.000 русского населения. Поэтому с севера кочевья калмыков сильно урезаны. Точно так же Бийский горный округ начал заниматься русским населением с запада и юга, русское население тянется по Чарышу, Бухтарме совсем занята русскими и вообще в Бийском

106 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

округе 22 русских волости со 190 475 душ. населения. Район калмыцкий при этом довольно значительно сужился: калмыки занимают пространство еще по Урсупу, Кану, Чирышу, по Чуе и по правую сторону Катуни; небольшая часть их живет по Улагану. Высокие хребты и лесные полосы, начинавшиеся за Катунью к Телецкому озеру, не позволяют занять им другие простираяства.

Поэтому кочевая алтайская теленгитов в настоящее время замкнулись в самое незначительное сравнительно с прежним протяжение, которое сумилось, может быть, в 10 раз против прежнего. Мало того, и в середине Алтая, то есть в котловине калмыцкого района, так или иначе вторгаются русское население. Крестьяне группируются около миссионерских станций, несмотря на запрещение. Подзападские селения и рудники обладают полным правом располагаться где угодно. Бухтарминская и Уймонская инородческие улравы, состоящие из бывших беглых русских крестьян, находятся как раз около калмыцких земель и занимаются промыслом на калмыцких землях. Купцы арендуют земли для замков, и, наконец, с севера наступают на калмыков пасечники. Все это вызывает массы жалоб у теленгитов на стеснение в пастбищах. И действительно, если на долю инородцев и остаются еще земли, то будущее и настоящее несколько им не обеспечивают их пользование, и лучшие угодья беспрестанно захватываются. Этим захватам начались всыма давно.

Нашние колонисты не раз отнимали у инородцев лучшие места для скотоводства и зверополовства, отняли целины табуны их скота, грабили и сожигали их юрты. «Оные ясачные — пишет в 1814 году начальник Томской губернии сибирскому генерал-губернатору — у коих отобрани земли горными крестьянами, требуют особенного внимания, ибо ильяя без сожаления смотреть, видя, какую бесполезность ильи терпят ходящие кумандинчи, с которым с 1801 по 1802 год вдираются крестьяне и захватывают их земли. Тспери многое кощут семействе без всяких юрт, в полуизнанках, при различном огне, поднугание, и питаются по большой части коренными сареми».

В 1843 году калмыки первой, второй, пятой, шестой и седьмой дючин просили избавить их от притеснений заводских крестьян и оселых инородцев, самовольно доселившихся на землях, принадлежащих упомянутым дючинам.

Алтайские тюрки или калмыки 107

Ясачная комиссия, рассмотрев эту жалобу, нашла, что просьба калмыков вполне справедлива. Крестьяне заводского ведомства и люди других сословий самовольно селились на их землю. Некоторые из этих колонистов имели там только временные заведения для хлебопашества, скотоводства и скотоводства, другие же заводили целые деревни. Следство тех и других калмыков предстоило действовать на промышленность последних. Колонисты вываливали в инородческих угодьях зверей, рыбу, предупреждая калмыков в сборе ягод, орехов и дикого меда. Мало того, колонисты разоряли инородцев своим воровством и грабежами. Так, например, в сентябре 1829 года один калмык был ограблен на 1.800 руб. и затем убит, подобные преступления были *всегда неизвестны* калмыкам до приближения к их кочевьям русских колонистов. Ясачная комиссия нашла, что «выманивать у калмыков добчу разными средствами за бесценок сделалось уже обыкновенным делом между Поселенцами. Но есть еще другие средства отнимать у них собственность, это — штрафы за потоптанные калмыками стадами посевы крестьян. Штрафы эти калмыки считают несправедливыми, потому что крестьяне не имеют права производить хлебопашество на самых их пастбищах». Известно, что скотоводство у калмыков весьма обширно и пастбища их не могут быть определены в точности, ибо стада их, в течение всего года оставались на полнокровном корку, необходимо должны постоянно переходить на новые, изобилии кормом места. Следовательно, подобные заведения крестьян на калмыких землях есть не что иное, как новые верные средства к насильственным побоям с этих беззащитных ликеров*.

К этому надо прибавить, что русская торговля вторглась к кочевникам и самым беспреклонным образом распоряжалась их стадами и имуществом. Торговля эта возникла с начала нынешнего столетия и понемногу приобрела азиатские. Торговля эта производится скотом. В настящее время в Алтае закупается скот для золотых приисков, говорят в Томскую, Енисейскую губернию и даже в Иркутск через Монголию. Явишись в Алтай русские торговцы, пользуясь простодушним кочевником, употребили в первое время самые беспреклонные

* К. Костров. «Юридический быт алтайских инородцев». Шашков, «Сибирские инородцы в XIX столетии». Исторические этюды. т. II, стр. 251 и 252.

ные способы обмана. За долги они отгоняли целые стада ино-родцев, совершили злезомождительные насилия, грабежи и даже убийства. Обмыны и начеты до сих пор практикуются, а для вавийских товаров и прокладений не существует никакой справедливой и определенной иены. Когда-то алтайские калмыки и чуйские телениты пользовались китайской мануфактурой. Богатые одевались в китайский щелк, носили шэгольской новс, огинко и нож в дорогой отраве. Чуйские женщины, по словам В.В. Радлова, одевались в платы, вышитые серебром, косы украшали серебряными монетами и серебряными пуговицами. Объехав Алтай, мы сами имели возможность убедиться, что китайским доба и материи, а также трубки, катайские медные прижки и монгольские седла, огинко и посуда, как и другие престы роскоши, более распространены среди алтайцев, чем русские произведения, и ценятся дороже. В чем же заключается культурное влияние русской горюкти? Оно почти не заметно, а между тем в Алтае уже слышатся жалобы на разорение. Обеднение и упадок скотоводства следствием являются всеми путешественниками, посещающими Алтай. Между теленитами были не очень давно владельцы, обзавившие огромными табунами. В.В. Радлов в долине Урсула встретил тельснина, имеющего 6.000 голов скота. На Чуб было скотоводство еще обширнее; здесь встречались боззи, имеющие по 3.000 лошадей, 1.000 голов рогат. скота и 2.000 верблодов. Люди, путешествовавшие несколько лет назад, уверяли Радлова, что прежде телениты, владевшие 50—100 лошадьми, считались бедными, и это понятие при скотоводческом хозяйстве, где средства пропитания должны приобретаться с значительного количества скота. Ныне обеднение, по словам уважаемого ученого, несколько лет посещавшего Алтай, идет так быстро, что он и последнее время не узнавал тех местностей, которые посещал еще в 1860 и 1865 годах. Скот на дороге никогда не было винов; даже прекрасная Урсулская долина была пуста, а где и попадалась скот, то на вопрос путешественника: «Чей он?» — получался ответ «кузаческий». Переход скота из рук прежних владельцев совершается при помощи следующей операции. Торговец дает залатки и покупает молодой скот, оставляя его у продавца для прокормления. Если он купит 80 головных телят, которых оставят у продавца, то через три года он получает 80 штук взрослого скота. Бараны являются огромные; но этого мало: торговец переволит все счеты на скот, причем не-

упицата долга растет вдвое, так как неоднократный теленок через три года равнется быку. Оттого оформилась пословица: «отдал торбака, а получил быка». Благодаря монополии торговцев в глухом Алтае и безнаказанности злоупотреблений, скот начал переходить в руки русских, основавших здесь ямыки и нанивавших тех обедневших калмыков пасты скота. Многие новокрещенные инородцы явились приказчиками и помощниками купцов. «Современный характер торговли скотом в Алтае заключает в себе и то еще зло — говорит один автор — что, обратив теленгитов и лохников, он предоставляет купцу право выбирать лучшие головы в стадах должника, что должно поникнуть породу скота в Алтае». «Простав по калмыцкому району, по Улагану и Чус, мы сами убедились, что прежних стад уже не видно у алтайцев даже в глухих местах. Самые боятые из теленгитов имеют до 2.000 лошадей, до 1.000 голов рогатого скота и 3.000 баранов. Таково богатство, например, чуйских теленгитов, которые прежде не могли сочинять стад. В одной ложине (волости), по моему исследованию, оказалось из 667 юрт только 15 состоятельных калмыков. Вместо этого заводится обширное скотоводство русскими богатыми торговцами, крестьянами и даже проворными торгующими новокрещеными, как Яков Хабаров в Ангурсе, имеющий до 1.000 лошадей, которых он приобретал обманами, захватом и плутовской торговлей. Множество обиженных хозяйств раскинуто ныне в Алтае. Рядом с разоренiem калмыков среди них появился пролетариат, лицепреклонивший скота, похожий на киргизских джигитов. Наконец, а последнее время различилось в Алтае конокрадство, как результат, с одной стороны, нищеты и бездомности, а с другой — по наущению русских спекуляторов, привыкших приобретать чужой скот, не заботясь о его принадлежности. Между тем до этого в Алтае никогда не было привычки воровать скот и они были лишены этой особенности кочевых народов, как, например, киргизы, у которых существовала традиционная баранта.

Такова судьба прекрасного, плодоносного и царственного Алтая, лучшего уголка в Сибири по климату и роскошной флоре. Чего ожидать ему в будущем, если обещение продлитися и не придут на помощь ему настоящие культуры и просветительные шинания, и откуда ждать их? Мы

* Дополнение к IV т. «Раннегородское землеведение Азии» Семёнова и Потанина, стр. 389.

III. Г.М. Яоринцев. Сибирские инородцы, их быт...

видим, что южные алтайцы, как кочевники и скотоводы, стоят на гораздо низшей степени развития, чем северные; они менее расположены к оседлости, более дики, они являются более отгороженными и замкнутыми, поэтому для их развития потребуется более усилий и умения. Наконец, надо обратить внимание, что телениты и казахы весьма долго жили под китайским и монгольским владычеством, несмысла мало ознакомиться еще с русскими обычаями и приемами, а потому расположить их весьма важно. С присоединением алтайских земель правительству русские государи стремились именно к этой цели. Алтайские инородцы сохранили до сих пор свидетельство этого благоволения и весьма дорожат им. К сожалению, местные администрации и уездные власти не усвоили этих начал и прежней мудрой политики. На присоединенных теленитах смотрели как на покоренных, а не как на от搶дников в подданство. Казаки и уездные власти оказывали им всевозможные притеснения и делали с них поборы. Еще во время путешествия Чичачева им «казак» паводил ужас на запуганных теленитах. По поводу начальства азака инородцы Алтая подавали жалобы в ясачные комиссии. Множество заседателей и исправников составили состояние в Алтае. Самовластие и произвол сибирской земской полиции и отдаленном Алтазе проявлялись более, чем в других местах. Про управление заседателей (становых) на Алтае сложилась песня:

«Как на Чую занялися

Никого он не боится».

Самоуправление, предоставленное уставом Сперанского, и родовые начальники, оставленные инородцам, далеко не облегчили их положения, так как уездная полиция стремилась нарализовать всякую самостоятельность инородцев и несла безупречное распоружение участных теленит. Зайсанги и родовые начальники, пробовавши занять свои роды, попустительство свое бессилие в борьбе и кончили тем, что соединились с заселателями или обирали своих подчиненных. Самые алтайские личины местным начальством переделаны на манер волостей, где стал руководить общественным делами волостной писарь, часто пройдоха и пьяница. Поэтому инородцы, кроме своекорыстия и злоупотреблений, ничего не видели от такого порядка волостного и заселательского правления. Сборов и поборов, лелаемых с

них, они не могли усчитать. Злоупотребления при сборе ясака являются громадные. Несмотря на то что сборы с инородцев превосходили назначенные, что у них беспрестанно брали ясак и заставляли вносить лучшие меха, в кабинет Его Величества никогда не доходили собранные, но всегда подменялись худшими, благодаря злоупотреблениям чиновников. Когда из Петербурга явилось указание, что меха доставляются худшего качества, чиновники начинали переписку, как будто не знали причины этого, и еще более начинали налагать на невинных и обобранных инородцев, прикрываясь строгими требованностями начальства. Да последнего времени, при неурожае зверя, лучшие меха, как соболя, инородца покупают у купцов, что увеличивает взнос. При этих сборах волость складывается на просле зайсанга, подарки при приеме ясака и т. д., почему поборы представляют полный произвол и не подлежат никакому контролю. Усиленные же сборы с белого косичного населения, конечно, отражаются еще тяжелее на его независимом быте. В последнее время инородцы облагаются и другими повинностями. К поборам должно присоединяться грубое обхождение земских властей с инородцами, жестокие наказания, обусловленные грубым и низким нравственным уровнем полицейских властей, не понимающих никаких человеческих чувствий, кроме нагайки. Еще в 1880 г. во время прохождения дороги на Чую и на Абай, Алтай был свидетелем впечатляющих кровавых сцен, производимых ретинами полицейскими властями. Из этого видно, что над алтайскими инородцами скопилось весьма много неблагоприятных условий, угрожающих их будущему существованию. Настоящее просветительное влияние не коснулось этих инородцев, как и всех прочих. Это дало повод произнести следующий приговор ученному составителю дополнений к Риттеровой Азии: «Ни купец и ни миссионер не послужили доселе в Алтас к распространению оседлости и культуры», гораздо более сделавшего крестьянство своим соселством и влиянием, хотя столкновение и с крестьянами недешево обходилось инородцам. В конце концов получилось, что северные, барнаульские и кузнецкие инородцы в большинстве сделались оседлыми и даже православными без всяких насилистенных и обиженных мер. Так, из 20.624 кузнецких инородцев до 7.375 совершенно оседлые, да и остальные полуоседлы. Из 7.375

112 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

вноле оседлых только $\frac{1}{6}$ часть язычников, а из остальных $\frac{5}{6}$ приняли православие. Наоборот, в Бийском округе из 27.475 инородцев только до 8.000 может быть признано оседлыми, а 4.666 потомками инородцев в оседлых упрахах, до 2.000 чирин, татар и 1.800 новокрещеных. Миссий в 50 лет крепко было 5.000 человек.

Замечательное размножение населения, как мы сказали, происходит в волостях смешанных, как например, Кумышской управе, Быстрянской и т. д. Кроме того, прибыль оседлых инородцев Кузнецкого округа заметнее, чем Бийского: в 1868 г. по спискам населенных мест их считалось 6.995, а ныне более чем вдвое; но кочевое население уменьшилось. На все инородческое население с 1868 по 1880 год прибыль не очень значительна, а именно вместо 18.839 д. — 20.624. Если мы выделим прирост оседлых управ, то на долю кочевника придется весьма ничтожный приrost.

В Бийском округе оседлых инородцев в 1868 г. считалось 4.978 душ; ныне в 4-х оседлых упрахах, исключая Бухтарминскую, находится 4.666 душ. Если прибавим к этому 1.000 человек извне присоединенных новокрещеных, то оседлое население все-таки увеличилось очень немноко. В общем, на Бийский округ с 25.502 душ в 1868 г. при самом щадительном расчете в 1881 г. она достигло только 27.475 душ. Прибыль весьма ничтожная сравнимы с крестьянским населением Сибири, увеличивающимся на привольных местах.

В общем числе кочевников теленгитов несколько увеличивалось с их присоединением к России. До 1763 г., по переписи Щербачева, считалось в 5 принявших подданство дочинцах 417 душ муж. пола, а в 1763 г. оказалось при переписи 475 душ.

	М. п.	Ж. п.	Всего
В 1804 г.	1.203	—	—
1816 г.	27.556	2.233	4.789
1823 г.	2.277	—	—
1836 г.	6.086	5.354	11.439

В 1866 году по спискам населенных мест всех хохловых с чернавскими было 18.620 душ, в 1875 г. с двумя чуйскими волостями — 15.655 душ, в 1880 г. — 17.016 душ.

До сих пор расположению и жизни южных кочевников благоприятствовали обширные свободные угодья, прекрасный климат у Алтая, богатое скотоводство. У кочевников те-

люнгитов и казаков считается ниже в 9 десиных 51,751 лошадь, 35,539 коров и 70,960 овец; кроме того, они обладают скотобойнями и скотомицами, молотильными библиотеками. Но как видим, условия для этой первобытной кочевой жизни сильно изменились. Несмотря на то что алтайский кочевник ни на шаг не подвинулся в культуре, несмотря на то что цо примирам и наэре он остается помадом, не расположенным изменять бытия средства жизни его все более суживаются, ограничиваются, а с уменьшением пастбищ уменьшаются и скотоводство: между тем, под влиянием сближения и экономического обмена, был его уже транзит и потребности его не могут не развиваться. Поэтому для населения этого наступает тяжелый экономический кризис, который и начинает уже переживаться им. Кризис этот тем опаснее, что прежде чем население перейдет к лучшей жизни, он может подорвать его производительные силы и отразится на нем весьма губительно. Тем более пинчания и осторожности нужны при установлении в дальнем минуту отходений к иногороду. Прежде всего необходимо оруждение и охранение его жизни, защита от обид, насилий, обманов, а затем, при установлении правильных человеческих и правовых юридических отношений, должно наступить время культурного сближения и подготовления этнородца к восприятию цивилизации.

Исследование по истории культуры уро-алтайских племен

Склад, образ жизни и культура каждого народа обусловлены климатическими, физическими и топографическими условиями природы, среди которых человек обитает, и естественными производлениями, которыми спинкает пропитание. Так как низшие расы и инородцы более зависят от природы, чем расы цивилизованные, то они должны быть изучаемы именно в связи с окружающей природой и ее производительностью.

Если интересно проследить жизнь племени или расы, его способности и развитие в известных условиях, при постоянной обстановке, то сие интереснее видеть жизни того же племени, перенесенного из одной полосы в другую, из одного климата в другой, и постепенно совершающемся в нем изменения. Мы открываем тогда здесь весьма видного двигателя в жизни дикаря — природу, и стоим у самого зародыша и колыбели образования самой культуры и у причин самых перемен в образе жизни. Мы встречаем и изучаем обнажительно дикарей в одинх условиях там, где застаем, и предполагаем изменение культуры по мере продолжительности жизни племени и его собственного совершенствования, но представим себе то же племя, перенесенное из одной обстановки в другую, и наблюдения будут интереснее и разнообразнее. Не от нас зависит выяснить разом историческую картину культурного развития народов. Долисторическое время скрыто от нас многое. Нам приходится медленно изучать все совершающиеся фазы исторического развития и делать свои выводы на основании сравнения жизни разных племен и народов в различных степенях развития. Но расстояния, отделяющие эти народы, часто бывают слишком велики, чтобы уследить постепенность переходов. Мы видим только отдельные, разрозненные прощадки разновременных культур, разбросанные

Исследование по истории культуры... (15

звенья истории, из которых наше воображение предстоит соудить нечто цельное. Мы имеем понятие о бродячем, кочевом, пастушеском и земледельческом быте народов, но не знаем весьма многих промежуточных степеней и переходов. Изучение промыслов и занятий различных ликарей иносигнат нам понемногу новые сведения в историю культуры, но, без сомнения, мы чувствуем еще много проблем. Самым счастливым и удобным материалом для подобного изучения могло бы быть изучение полудиких племен, сохранивших все переходные стадии развития и поставленных в разнообразные условия жизни, которые напоминают нам доисторическое существование. С такими народами мы имеем дело на севере Азии и в Сибири.

Здесь среди жизни дикарей-инородцев в степях, тундрах, горах и лесах мы можем проследить многие переходные стадии культуры при самых разнообразных условиях природы.

Занимаясь историей инородческой культуры, мы обратили особенное внимание на переходные ступени ее к оседлости. Формы быта, которые мы исследовали в лесной полосе, заслуживают, по нашему мнению, особого внимания этнографа и историков культуры. Кто может сказать, каким путем, от какой формы хозяйства, рядом каких степеней и переходов человечество перешло к оседлости? Тропы этих переходов потеряны во мраке доисторического времени. Как в биологическом и зоологическом мире исчезла масса переходных видов и типов, так исчезли и многие переходные формы жизни в типах хозяйства и быта, но тем более они приходятся доказывать ученениями.

Леса и зарождение в них оседлости

Алтайский район представляет особенный интерес в смысле изучения первобытной культуры, по разнообразию условий, где формировалась жизнь, по типам хозяйства, которые здесь создались, и по промыслам, которые зарождались.

С юга к Алтаю подходит Монголия и ее степи, в самых горах есть значительные плоские возвышенности и широкие долины. С одной стороны, местности, мало лесистые, покрытые тучными травами и лугами, создали благоприятные условия для скотоводства, и мы встречаем здесь кочевое хозяйство, весьма близкое к монгольскому, киргизско-

му и кочевников Средней Азии, но горы не могли не повлиять несколько на его особый склад. В Алтае мы имеем дело, таким образом, с горными кочевниками. Далее вся восточная часть Алтая до Телецкого озера и Кузнецкого Алатау до верховьев рек Марассы и Коломыи покрыты лесами — преддверия лесной Сибири. Эдешине жители лесов сложили опять особый образ жизни и тип хозяйства. Что это за тип, мы постараемся характеризовать; ближе всего его можно назвать типом *лесных кочевников*. Первобытная культура этого народа слишком своеобразна, чтобы пока подводить ее под тип скотоводов звероловов или охотников. Доселе инородцы, обитающие в лесной полоэ Сибири, как кулешские, бийские татары Томской губ., енисейские инородцы, так и вогулы Тобольской губ., считались звероловами, охотниками и ставились ниже кочевников, между тем как слово «охота» бы подробнее изучить их быт и хозяйство, прежде чем присвоить его кому-то другому типу.

В культуре и образе жизни сибирских лесников видны формы нескольких промыслов и занятий, так что трудно причислить их к звероловам, скотоводам или земледельцам: от первых двух они уже ушли, с последней формой не соединились. Мы видим среди этих кочевников занятия одновременно как скотоводством, так и охотой, рыболовством и земледелием, мало того — у них есть уже зачатки ремесел; конечно, все это в довольно первобытной форме. Несомненно, что они перенесли многие занятия из праществовавшего состояния и превышея стадии своего быта. Известно, что кочевники, скотоводы илиnomads, также весьма часто занимались охотой и у них есть начало земледелия (киргизы и монголы), хотя главное пропитание составляют стада. У лесников все эти занятия более уравновешиваются, потому что природы далеко не дает простора для скотоводческого хозяйства, зачатки последнего не позволяют, в свою очередь, спуститься до преобразования более низкого звероловного быта; здесь существует и земледелие, но в то же время далеко не является преобладающим и только составляет зародыш высшей культуры. Жизнь лесников-инородцев поэтому представляет особенный интерес, как выражение одной из переходных и средних культур, на которые нас весьма мало обратилась внимания как экономистами, так и историками культуры и антропологами. Типы хозяйств

ства лесников не остаются однообразными, неподвижными, как и состояние промыслов; в этой форме быта мы можем встретить несколько исторических переходов, приближающих или отдаляющих их из высшей культуры или оседлости. По этим типам можно видеть, что самая оседłość устанавливается не сразу. Точно так же как среди степной кочевой культурыnomадов мы видим разнообразные формы и переходы в самом способе кочевьев^{*}.

Мы наблюдали и открыли несколько типов этого переходного хозяйства лесников. Обратим внимание прежде всего на степень их передвижений и кочевок. Уже горы, куда обстоятельствами когда-то навинулось кочевое население, заставили ограничить и сузить перекочевки. Долины далеко не представляли того простора, как равнины и степи Средней Азии. Алтайцы и горные калмыки, расположившись в долинах, перекочевывают или на склоны гор, на альпийские плато, а затем спускаются в долины (на реках Чусуле, Кане, Банникаусе, Чульчишмаке, Аргут), или перенаправляются из одной долины в другую (перст за 50°, не более, и затем возвращаются). Природа сокращает размах кочевого магнитика. Если горы стают уже препятствием для перекочевок, то еще более преобразований совершается в условиях лесного кочевья. Леса ставят уже решительную преграду к большим передвижениям со стадами. Блуждание по лесам и беспрестанные перемены мест были под силу только одиночному дикарю-охотнику без стад. У лесных же кочевников мы находим лошадей, коров и овец, хотя и меньше, чем у nomадов. Лесной кочевник живет обыкновенно в долинах рек, где есть луговые места и стойбища, лежащие полосками около лесов. Но так как скот все-таки требует перемены места, то он переходит с зимника на летовку и обратно, причем расстояния и размах его движений еще меньше, чем у горного кочевника, летовка от зимовки у него лежит иногда не более 10 или 15 верст, а иногда менее. Жилища или стойбища его более разрознены и напоминают раскиданность зверолова. Лесники и чертевые татары (инши кижи), которых мы наблюдали,

* Кочевой быт nomадов не был одинаков во все времена. Мы вытеснили здесь описание, чтобы не обременять читателя подробностями о переходах кочевого быта. Кочевые кочевники перенимались на огромных пространствах, а кочевые nomады — судя по всему, иначе. Кочевые nomады, покидающие логови и хижины у киргиза — это новая форма быта. Киргизы иные кочуют только 3 месяца, остальное время они оседлы на зимовках.

11 Г.М. Яорин «Сибирские инородцы, их быт...

ников не живут нескользкими семьями, аулами; их *аул* — это один, много лы, три шалаша с семьями вместе; большую же частью по одному. Этому способствует бедность пастбищ в лесах и стремление каждому иметь шире право по охотничьим углам. Скотогодческая ассоциация здесь как бы распадается, хозяйство является более индивидуальным. Лесной простор и может быть сравниваем с простором степных. Там целые роды, целые группы населения двигаются вкупе по широким степям с целыми роями стад, передвижение дает корм на открытых местах на целые сотни и тысячи верст. Лесной простор ничего не дает для пастбищ, он препятствует им: уголья в лесах называют цепляться как для скотоводства, так и для начинающегося первобытного земледелия. Леса же создают страсть к охоте и к уединению. Борьба за существование в лесах поэтому, несмотря на простор, проявляется резче и хозяйство интенсивнее. Эта раскиданность лесного кочевника, однако, создавала иллюзию и заставляла ставить его в разряд звероловов, хотя он давно пережил эту стадию и перешел к скотоводству и земледелию. Умение обходиться с животными и воспитывать их было перенесено лесниками из степей. Они, так сказать, приносят в леса перекоченную скотоводческую культуру и применяют к другим условиям*. Собственно уход за скотом в переходах разных стадий хозяйства совершенствуется и интенсифицируется. Охота хотя и составляет зимнее занятие лесника, но она идет рядом с другими промысловыми и приобретает свою манеру, отличную от настоившей земледельца. Кочевой лесник есть уже оседлый оседлый. Он делает из снега постоянного жилища — засыпку — скотом и зерном, провисы, уходя из леса иногда на месяца, на два, он возвращается, и засыпанное свое жилище, а не брошен по лесам кирпичей туда. Этим он отличается резко от блуждающего дикого и бродячего инородца самой первобытной стадии. Оседлые рыболовы и оседлые охотники, как их называют в Сибири, чаще живут даже деревнями. У них уже видна известная форма оседлости, напакоженная в постоянстве жизни на месте и в самом жилище-зимовке.

* История привлечения животных относится, конечно, к отдаленнейшим временам, хотя замечательный пример привлечения дикого стада, маралов, мы видим и наше в Азии у русских. Они привлекают это животное, взятое в горах, с целью снимать рога с него, бескса пецифики и Китая

Наклонность к оседлости приобретается постепенно и, естественно, заставляет дорожить местом и жилищем. Даже в глухих лесах и в самой грубой форме жизни лесника мы видим настоящую зимовку, которую он не ломает, но постоянно совершенствует. В особой главе нашего сочинения мы представили все возможные переходные формы жилищ и зимовок, встречающиеся у инородцев Сибири, как образцы первобытной культуры. Эти жилища состоят из шатров, покрытых ветвями, корюю, наконец, берестой (финские *kota*), они еще существуют у горных и лесных жителей Алтая (аланчик, оодаг). Войлочная юрта есть признак высшей кочевой культуры; нынешние юрты мы видим уже усовершенствованной. Кроме войлочной юрты, и лесной подобие есть юрта шестигольная, бревенчатая, с конусом на верху (она встречается у бурят, енисейских тигар и в Алтая). Наконец, встречаются формы жилищ в виде палатки (ийлу) из досок, покрытой берестой. Берестянная юрта также играет определенную роль в лесной полосе. Дошатая ийлу есть летника, и она составляет переход к четырехугольным жилищам-избам. Даже в кочевом быту мы видим различного рода *зимовки*. Это также жилища, как и ийлу, обложенные землей, наконец, просто землиники. Остаки земляной и *кэрамо*⁶ представляют такой же тип; караомо притом часто делается и в лещере, и в горе*. Кумандинская зимовка есть тип усовершенствованной летняжи и первообраз избы. Наконец, у остаков и алтайских тюрок в лесах появляется четырехугольная изба с чурвалом — камином, с окном и дверью. Эти жилища встречаются в местах, куда не проникала русская культура, они существуют в кузнецких лесах, у ширеев, у минусинских татар, у остаков, вогулов, изба (ийл) переходит к башкырам, она существовала и у древних сибирских татар. В превосходной этнографической книге В. В. Радлова «Aus Sibirien» есть образец тедеутской избы из глины. Все эти жилища напоминают постепенный переход к оседлости и подробно нами описаны вместе с первобытными печами — чурвалами, или каминами (о древних тюркских жилищах по филологическим исследованием см. Die primitive Cultur des turko-tatanschen Volkes Hermann Vambery. Haus und Hof, 73). Вамбери название жилища, дома воспроиз-

* См. описание Василоганской туширы, М. Григорьевского, «Записки» Западно-Сибирского Отдела Импер. Геогр. Общества, кн. VI, изд. 1884 г., стр. 47.

изводит от слова оj или еv, что значит долина, углубление, яма; от того же корня Вамбери производят атак, юрги. Оставляя на долю лингвистов объяснить происхождение названий, мы остановились на культурной градации жилищ, из которых налаш (олу, олаг, сконьтый) составляет простую форму, далее идет юрта вьюйочная, юрта деревянная (херег), летовка из досок, род палатки, летовка, покрытая землей, наконец, зимовка, землянка и первообраз избы, летовки и зимовки, существующие одновременно у киргизов, бурят, у всех лесников, енисейцев и алтайцев, у ногулов, башкиров и якутов. Как видно по описанию Ибн-Фадлана, булгары, бургасы и хазары имели также же зимовки и летовки, «имой жили в деревянных избах, по горам и селениям, и летом увалились в юрты» (Григорьев). Такова переходная форма к оселости всех народов. Зимовки и четырехугольные избы инородцев описаны у Палласа, Гемымерсена, Радлова, Адрианова, Григоровского и др. путешественников среди алтайских и енисейских татарских племен, а также у финнов, ногулов и башкиров. На употребление деревянных жилищ, крытых берестой, как и землянок, ям, у северных народов указывают и китайские историки, описывающие различные племена.

Рядом с жилищем и сокращением передвижения мы видим также проявление высшей хозяйственной культуры, которая начинается еще на грани перехода от кочевого быта. В области скотоводческого хозяйства мы видим покос и заготовление сена на зиму. Правда, и это тоже в особой форме. Каждый, заготовив сено, ставит его в небольшие стога там, где оно скопится, и никогда не связывает к зимовке, а скот постепенно подпускается к стогам для корма.

У алтайцев в горах и долинах мы видели иной способ заготовки сена. А именно, они, собирая его, обвязывают веревками и разспецизывают на деревни; такой способ удобнее и применимее к перевозке его, особенно верхом. Это напоминает перевозки и прессовку сена кавалеристами. Хозяйство горных кочевников составляет первый шаг к оседлому хозяйству и стоит ближе по пути к нему, чем к кочевому.

Земледелие, которое далее будет описано, у лесников также способствует привязанности к месту, как и покос. Расчистка в лесу, сделанная на нынешний год, заставляет дождик сю и требует часто применения труда здесь же на следующий год.

Сняв посы, инородец должен, положим, по способу пеложной, подсечной системы избрать низину, но не может же он располагать так временем, чтобы переселиться за лесяtkи верст, а должен отыскать такое место поблизости. Так как мы у этого лесного кочевника видим, однако, и другие занятия рядом с землемеделием: охоту, рыболовство, копание корней и т. п., то не можем сказать, что землемеделие является у него преобладающим промыслом, точно так же, как приписать, что землемеделие в его первобытной форме обуславливает оседлость. Мы видим землемеделие и у кочевника алтана, и у киргиза, и у монгола. Первые способы земледельческого хозяйства также косятся по новинам. Это можно видеть на хозяйстве сибирских християн (захватный способ). Промысел здесь является даже, так сказать, более кочевым, чем человек: он сохраняет кочевой характер после того, как человек переселился окончательно на месте и слепился оседлым; он уже живет в деревне, а хозяйство его кочует. Сибирские крестьяне строят балаганы на пашнях и переселяются сюда на лето. Зимовка в общем образе жизни пристягивает к себе человека, но летом временами притягивает его к себе в силу естественной необходимости.

Что можно заметить — это то, что леса замедляют и ставят много непреодолимых препятствий в свободе передвижений хозяйства сравнительно со степными условиями. Лесник не имеет простора, он не выжигает леса, как наши крестьянины; во-первых, потому что пожар для первобытного человека в лесу страшен и может повести к бедствиям и для него, и для других; во-вторых, он привык дорожить лесом, как зверолов. Лес сдерживает передвижения человека, кроме того, и в области других промыслов, кроме землемеделия. Лесной охотник, пешеход на лыжах, хотя и делает огромные расстояния, но не такис, как степняк верхом и горный охотник, который переезжает долины на сотни верст (это видно на алтайских промысленниках). Охотники угода в лесах межку ролами волостями почти размыкаются: примеры этого мы видели часто в горном Алтае и даже в таких пустынях, как Чуйшман и на Телецком озере, где инородцы жадовались нам па то, что к ним заходит другая волость. Рыбные промыслы хотя и побуждают отлучаться от постоянных мест и жилищ, и то же самое время заставляют лежаться поблизу богатых рыблок и рек, иначе ими завладеют другие.

122 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

Постоянство жизни и зимовок, таким образом, одинаково наблюдалось у звероловов-охотников и рыболовов, живущих в лесах; отсюда название — «оседлые охотники» и «оседлые рыболовы», хотя бы они землепашцы и не занимались.

Мы имеем полное основание думать, что леса имели огромное значение на остановку передвижения и кочевание первобытных народов, на их культуру и образ жизни. Можно сказать, что *оседлость зародилась в лесах* и благодаря лесам. В самом деле, леса имели огромное значение в жизни человека, как достояния материала для жилищ, так и влияя на остановку передвижений и открывая первые удобренные перегноем почвы для земледельческого хозяйства.

Рассматривая жилища, обстановку, утварь и одежду лесников, мы замечаем, что лесная культура положила резкую разницу сравнительно с другими инородцами праиварительных стадий. В глине об обстановке и утвари мы указываем особенность хозяйствства, государства, деревянной посуды и соприенство ее выделки. Здесь, между прочим, играет значительную роль и посуда берестяная (представителем ее являются тузы, буртики огромных размеров). Еще важнее здесь соприенство инструментов ремесел. У лесников появляются впервые, взамен нерстистой одежды, холст, кепиды — лисья конопля и в иных местах крапивный холст. У них же византийский и первый ткацкий станок — красна. Станок этот Палиас встречает у вотяков, он же находится и у лесных татар Енисейской губернии. Холстяная одежда из конопли у кумандинцев соприенство напоминает одежду русских крестьян. Кроме того, самый войлок и перстень особо угинизируются у лесников. Они делают войлочные пальто и в них ужасно напоминают чухон. Они делают также шерстяные одежды и ткут скудко. У них появляются шерстяные накидки и хризенные ткани. Принципы белы собственного произведения отличают их резко от кочевников, одежда у которых нередко шелковая, шелковая, но вся покукная. Лесник уже сам кустарь. Но что еще более выдвинуло культуру лесника — это выделка металла и кузнецное мастерство, существовавшее в зародыше у кочевников. Лесники имеют весьма давно также кузнецов. Русские застали население татар в Кузнецком округе и широче, умеющих выделывать оружие, котлы и проч., которыми они платили дань китайцам. Археологические находки показывают нам высоту искусства в древние времена,

и выделке металла у нас посвящена особая глава. Таким образом, у лесников мы открываем все зачатки пыщих оседлой культуры. Самый тип лесных жителей и полукочевников, как мы замечали, изменяется; черты лица, мускулы, цвет кожи здесь иные. «Кто будет иметь случай жить продолжительное время между различными народами и основательно познакомиться с их духовными и физическими особенностями, — пишет Вамбери в своей истории первобытной культуры, — кто обратит свое внимание на те явления, какие имеют место при перемене человеком отчества, климата, образа жизни, тот скоро придст к убеждению, до какой степени человеческое тело повинуется, да и должно подвергаться, внутренним переносам, тем же самим, каким подвергаются растения и животные, при их переселении с родной почвы в чужой климат, под чужие небо». Нигде это наилучше не подтверждается, как на лесниках и начинаяющими жить в осадных жизнях. Наблюдения над изменениями племен в лесах и при оседлой жизни поэтому представляют любопытнейший материал для будущей антропологии. Нравы и характер лесников уже непохожи на кочевников. Если кочевник более развязен, резв, игрив, остроумен, весел, если у него преобладает фантазия, то лесника мы встречаем угрюмым, серьезным, что придает ему при первом взгляде вид глуповатости, дикарской пугливости, отчужденности; черты это обманывают наблюдателя и заставляют делать ошибку обратное заключение. На самом деле эта серьезность, озабоченность есть плод уже переживаемых забот и начало той рассудочности и признаков мысли, которая у беспечного кочевника отсутствовала. Наш крестьянин также угрюм сравнительно с живым и веселым настулем инородцем. Он как бы подавлен, обстановка его белая, костюм жалок, он очень белен и в зажиточности уступает кочевнику, но он уже живет на иной лад. В нем есть внутренняя культурная сила. Словом, в этой переходной стадии при перемене занятий и образа жизни мы сталкиваемся с оригинальным явлением из культурной жизни человечества. Мы видим человека как бы бессильным, подавленным новой природой и физической обстановкой. Он как бы потерял преимущества предыдущей кочевой культуры, давшей ему известное довольство. Ничего мы не видим того, что придает богатство, силу и гордость кочевнику скотоводу. Киргиз

обыкновенно насмехается над привявшим оседлостью, он сочиняет на него даже сатиры. Нет ничего в этой новой метаморфозе привлекательного, эффектного, напротив — прежнее рыцарство и воля исчезли. Это уже не «батьки» (богатыри), поспеваемый в песнях кочевника. Оседлого человека на первом шагу жизни встречают только нищета. Мы застаем его как ребенка бессильного и слабого в тот момент, когда он бросил одну обстановку и не воспользовал еще сил, не научился крепко держаться на ногах в другой.

Но это только видимая слабость и, так сказать, момент неокрепшей культуры и культурной борьбы. Достаточно немного присмотреться, чтобы увидеть, что здесь произошел перенос в способе жизни, в наблюдениях, в применении жизненных установок, в самом языке, и перенос этот столь важный, что он дает новый толчок всей истории человечества.

Таким образом, лесники оказываются по культуре и мышлению гораздо ближе к нам, чем мы думаем. В забывчивение заселить только та первобытная форма хозяйства и различных занятий, которой мы до сих пор не знали и не изучали.

Близость лесного хозяйства и культуры кочевых лесников к оседлому быту доказывается ныне и дает себя чувствовать явлениями, в высшей степени реальными и внушительными. В то время как никакие усилия и никакие принуждительные способы, употребленные доселе искусственно, не могли кочевников-номадов и скотоводов побудить к первому шагу оседлости и направить к ней, в то время, когда привычки, занятия, самый организм скотоводов кочевников оказывают решительное сопротивление оседлому образу жизни; когда кочевник, взятый в оседлую обстановку, хиреет, зарождается чахоткой, оказывается ленив, малосилен и испытывает для оседлого труда и, напротив, здоровее и размножается у себя среди кочевого образа жизни в стихах; когда киргиз и бурят принимают русские привычки и обстановку жизни, только разворачивается и превращается в жалкого баграка, — переход лесника к культуре представляет иные явления. Мы видим необыкновенную восприимчивость их к оседлой жизни и культуре без всяких насилиственных способов, без всяких принуждений, но совершенно естественно. Одно соседство русских деревень и самые простые сношения с крестьянством, общес и торговля здесь делают мгновенное постигнение. Лесные кочевники быстро русеют, строят избы, делаются окончательно оседлыми, принимают русские пруды,

приемы хозяйства, русский костюм, обстановку, обычай и затем сливаются с крестьянами и по образу жизни и этнографическим, при посредстве метисации. Мы это видели на кумандинцах, племени алтайских лесников, где с трудом уже находятся следы прежнего образа жизни и жития. Далее это видно на кузнецких чернных татарах, принявших русскую оседлость и живущих деревнями, на жителях Кумышской управы, Барнаульского округа, в несколько лет переселившихся сопротивленно в русских; на оседлых волостях телегутов около Томска; на барбатских татарах, еще в прошлом столетии ведших кочевую, полуоседлую звероловную жизнь; на тирские татарах, также живущих в лесах и занимающихся скотоводством; на чульмских инородцах, живущих в Марийском округе; на енисейских инородцах, близким к быту чернных татар, исключая сагайских и других кочевников, живущих в степях, на вогулах, почти перешедших к оседлости и занимающихся хлебопашеством; на тобольских и томских остяках-рабочих, живущих в лесной полосе по Оби, по пригоркам Оби в Нарымском округе, — все они усвоили избы и чурали сначала от оседлых татар, а потом занимались и русские избы. Даже в глухих местах по Миусе, Кондоме, Лебедю, а в последнее время, как сообщает молодой путешественник Адрианов, инородцы в черни, жившие при том образе жизни, какой мы указали, неожиданно быстро принимают заимствование от русских. Черные татары носят русскую прическу, понижают рамы в избах, пошли в употребление топор и т. д. Среди многих енисейских и томских инородцев уже трудно отыскать их происхождение «Немного лет еще», пишет путешественник с грустью эпиграфа, — и мы потеряем уже возможность найти оригиналные черты когда-то обитавших народов».

Образение и окончательная оседлость среди лесных кочевников делают, таким образом, успехи быстрее, чем у всех других кочевников. Ясно, что здесь: жизнь, история, культура подготовили почву для самого естественного перехода.

Но еще поучительнее этих современных изменений и способности лесников перенимать культуру является историко-культурный вывод о переходах к оседлости. Его мы можем проследить у всех племен и народов, обитавших в лесах. Лесные финны, алтайские тюрки, вогулы, башкиры, черемисы и другие народы представляют однообразную оседлую культуру в зачаточном виде. Такова же была лесная жизнь древних гор-

126 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

машиня по Тадыту и славян. Вот тот путь, та тропа, по которой выбрался человек из первобытной стадии на дорогу европейской оседлости и цивилизации. Нет сомнения, что этим путем развивалась оседлость на севере Азии. До сих пор в различных частях южной Сибири мы видим остатки какой-то оседлости и культурных центров. Такие признаки мы видим на Орхоне, в Забайкалье, в Мингунском округе, в Алтае и Семиречье. Лесная полоса Сибири в древние времена служила, как индийское место оседлости. В китайской истории мы находим немало указаний на пребывание оседлых земледельческих народов к северу от Китая и монгольских степей. Самый союз *Oiratov*, вероятно, был союз посланников от натасски и заневатий кончных монголов. Царство хакасов, исключительно культурное, оставил множество памятников, как и царство устарей и киданей. Остатки этой древней оседлости и цивилизации предстоит еще воскресить в Сибири.

На следу оседлости указывают в Сибири многие остатки городов, монастырей и крепостей, о которых у нас говорится в скобкой главе о «древних памятниках». Большие и Казанская царство были не единственными оседлыми государствами в древнее время. Русские заставляли татарскую оседлость и татарские города в Сибири. Городок Сибирь упоминается Шильбергером в начале XV столетия (путешествие его 1394 и 1427 г.). Марко Поло (1254 - 1295 г.) говорит о стране Йоза и Бору, населенной татарами; в равнинах Боргу находился, по его показаниям, город Кара-Коран (Кара-Корум на Орхоне?). В космографии Монистера в 1514 г. явилась карта Сибири, где обозначены два города: один «Суби», а другой без имени, по лоджке Миллелфорда — Пельмек, хотя это вернее Чинги-Тура, или Тюмень. На карте Герберштейна нет города Сибирь, но зато на ней есть Типен (Тюмень — Чинги-Тура) и Тегот, по Лербруту — Верхотурье. Но здесь есть ли туземные добавки, так как в вершинах Туры русские заставы татарский городок *Neromni-Kara* или *Toram*, который вошел в карту Герберштейна⁷¹. На той же карте к северу лежат еще городок вправо от Сосны Овсаек. В Кепти Мюсюонопт Симонетти упоминается о Липине: городке и об обской крепости. Русские заставят несколько татарских городов и крепостей, а именно на Тура Нероми-Кары, Еланчик городок, Чинги-Тура (Тюмень), Ялу-Тура (Лугоринск), Тархан-Капы. Около Тобольска городок Искер (Сибирь), Башняк, Атика, городок Карачи, далее по Иртышу вверх

Кудара и Ялам или Азла, на Илиме также давно был городок, даже у остатков были городки или руины крепостей, по крайней мере, упоминаются Нимьянский городок, Самаров городок, Уки, Арымсан и др. Сохранились также стелы городищ и крепостей по Барабе, на Оби у Кучумы было хлебопашество, стало быть, и жилища. На татарских городищах мы сами видели остатки жилищ и кирпичей или остатки чурвалов. Затем русские, по принципии в Сибирь, встречают признаки оседлости у кузнецких татар и телесугов. Многие из них имели постоянные жилища (Полюк. инород. Северо-Восточной России в Московском государстве, соч. Фирсова, стр. 45). В Енисейской губернии также встречаются города и развалины. Землемер Лобев в своих записках говорит, что русские завладели каким-то городом каннических татар. В описании енисейских древностей Поповым приводится несколько городищ и валов, и в том числе около Красноярска на р. Балыке. Гмелин и Финцер заставят города с валами и рвами. Такие же остатки укрепленный и городок с валами в Минусинском округе. Попов упоминает о городе Салыном на берегу Енисея: появившееся р. Сылы находилась старинная татарская нагорная крепость*. В Иркутской губернии пыне исследована по 16 городкам с валами (Аганитов). На Амуре упоминается о городках или жилищах, обнесенных палами. Древний народ мухи или мо-хо на Амуре, по указанным китайцам, окружал свои жилища земляными палами и, скрываясь в подземных защинах, выходил наружу посредством лестниц (Клэроте. Tableaux Historiques de l'Asie, р. 85). В Азии сохраняются еще затворы и укрепления шане (эти шане, крепости, идут по всей Монголии). На берегу Телецкого озера на древней карте Ремезова означена крепость и т. д. Несомненно, что в этих городках были и постоянные жилища. В Даурии Ерофея Хабаров встречает настоящую оседлость, оборонены имели, по его описаннию, города башни и укрепления с глубокими рвами, стены устроены с большими холодными окнами, а окончины — бумажные. Петчин, проезжая Монголию в 1620 г., говорит: «а земля мунгольская велика, долга и широка, и города в мунгольской земле сделаны на четыре угла, по углам башни великие с раскатами». То же самое говорит Байков при путешествии в Джунгарию и описывает Контайшин городок, где он видел каменные палаты. Он показывает, что от реки

* В Истории завоеваний Чингиз-Хана указывается, что он брал татарские укрепления (Комментарий Палладия к Истории Чингиз-Хана)

128 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

Бески, где находится Аблайкунг (буддийский монастырь), до албаковых пещерных будхарий, где Байков зимовал, ходу 10 дней, а под тараном он стоял два дня. Под именем таранов раздумались население хлебопашцев около стойбищ ханэй. Таким образом, крепости и городки усвящали Монголию, степи, так и северную полосу Сибири лаж по пристрастии русских. Но еще побольше сведений о древнейшей освоенности в Монголии и в угорадах, обитавших в Сибири, по китайским летописям и указаниям. Городки и поселения, как видно, существовали и в степных местах, они основывались заносителями, сражались часто укрепленными. Известны столицы Чинчи-Хана, Кара-Корум и другие оседлые места, куда ссыгивались племенные, ремесленники и пр. Древние китайские географы указывают, хотя и смытно, на многие города и поселения у народов Азии до Р. Х. на севере от Монголии и Китая. Даже кочевники, как искобные жуны, имели города. В истории Хана сказано, что искобцы строили при отражении себя города. Хай-ян взял у искобцев 25 таких городов. У южной был городок Чи-гу на озере Исык-Куль. Киданы были положительно осаждены народом. До своего первошествия на землю они имели в своих владениях, которые достигали Орхона и Сибири, 5 столиц, 6 привиний и 156 крепостей (Ист. и др., косточкой части Средн. Азии. Ватычева). В пределе Сибири упоминаются китайцами города Кинь-Чуху и Илань-Чуху (показано, эти относятся к 1280–1368 по Р. Х.). Городок Кинь-Чуху получит свое название от р. Кинь, был в юго-восточной части земли хакасов, от Пекина в 9.000 ли, на юго-восток от Кина, к северу от горы Тинь-лу. Метрополис города Илань-Чуху (Сменный город) неизвестно. Попов в описании города Енисейской губ. полагает, что город этот находился близ Красноярска. Капитон напечатал его в Азии, сближенное название с данным Эмсиногорску. Однако в Сибири так много горшин, что трудно доказать, которое из них принадлежит Илань-Чуху. Есть указания и на другие города для самих китайцев и киданей на севере открывались иногда новые страны. Кидане никогда во время своего монгучества, по рассказам китайца Ху-илю в 953 году, посыпало 10 человек на север с 20 лошадьми и запасом. Эти путешественники выехали, по склонению истории, из земель Хей-че-цы и миновав землю Юй-жи, в продолжение года идя на север, проехали через 43 города (чина). Там делались жилища из пресной коры, языка этого народа никто не понимал, и поэтому не могли знать на-

зание рек и племен. Посетив 33-й город, они достали одного человека, который знал теллян-ский (татарский) язык, и тот сказал, что название земли есть Це-ли-у-й (или Гань-се-ин). (Ист дрени, восточной части Средн. Азии. Васильева, стр. 40).

Поселение и жилища существовали у многих северных народов, по склонам китайцев. Распространение оседлости, кроме того, могло переноситься и эмиграциями при движении народов оседлых с юга на север и с востока на запад; кидане, хакасы, печки, усунь под давлением туннов переселяются по югу Сибири от Енисея к Или. На юге Сибири мы видим пребывание дахов арийских племен. Известно, кроме того, что в различных местах Средней Азии, в Персии и в Туркестане, давно существовала цивилизация, точно так же известны с этими странами сношения Сибири. Сколько известно, из соседних пародов Сибири имели города усунь, шу-ле или кин-ча, жившие в Кашгаре, по описанию Клапрота, имели по 12 больших городов и несколько десятков малых (Таблицы Historiques, р. 166). Аланы или ян-тэй, жившие близ Каспийского моря, подчиненные Согдаикам, жили также в городах (Клапрот, Т. II de l'Asie, р. 175). Юечжи или, по логотипам некоторых, геты, завоевавшие Кабул, имели столицу Кин-чи-жинкин, к северу от Окуса. Массагеты, жившие на запад от Каспия, имели заселение и жили в городах (Клапрот, стр. 181). Александр, вступив в Бактриану, Гирканнию и Согдаилю, застал многочисленное население и буддийская цивилизация в глубокой древности находились в Хотоне (Абель-Ремюз и Клапрот). По Страбону, саки могут быть принадлены к оседлому племени; такого же мнения и Григорьев. Что касается Трансоксианы и стран от Элбурса до Гиндукуша, то господствующими здесь оседлыми народами были в древности бактрийцы, согдийцы и хорасмийцы. Подчиненные Бактриане, они были отчасти настускским народом, отчасти кочевым. Это дало повод Григорьеву нарисовать картину смешанного быта Средней Азии.

В древних сказаниях, конечно, не отражался и не описан характер многих указываемых азиатских поселений и городков, но и в них, как видно, была потребность. В Сибири не только у татар, но и у остатков были городки*. Вся разница, конечно,

* Абрамов в «Описании Березовского округа» приводит до 43 названий остатков городков, заменявших им из дела березовского архива земского суда 1797 г.

была в их характере. Несомненно, что у племен и бродячих инородцев эти городки были только станами и временными местами укреплений. Для завоевателей, как для Чингиз-Хана, они были формами в завоеванной стране, столицами, где стыгались пленники. Завоевательное основание города в степях отличает его, конечно, несколько от города, вырастающего в условиях постоянной оседлости, в силу промышленного развития. Эти города и столицы возникают в Средней Азии независимо от деревень; они скорее подны гарнизонами и пленниками-хасапанцами. Такие станицы были полны блеска, богатства, но держались скопом: образом их служит Кара-Корум и Сарай Золотой Орды. Другой характер оседлости в лесной и горной полосе, где жители оставили кочевые и привыкают жить в постоянных деревенских жилищах. Эта оседлость была более, расслабленнее, но она была прочнее. У половьих племен всегда указывалось известное развитие ремесел и выделка металла. Это и подтверждено на лесинах Сибири, как тюрок, татары, кучинчи татары и татары Средней Сибири, обладавшие культурой, которая далеко отличает их от первобытного состояния.

Первобытное земледелие и распространение его на севере Азии

В долинах Саянского хребта, а также в долинах Алтая, и в соседних степях и лесах, мы встречаем зачаток земледелия, хотя и с первобытными примесями. Самое распространение здесь культурное растение, которое мы находим из хлебов, — это ячмень, употребляемый в Алтае и в лесах. Этот ячмень шестирядный, он растет на значительных высотах до 3–4.000 ф.⁴ Первое прослойное орудие, которое мы находим у кочевников, скотоводов и лесников, — это мотыга, «объ», как его называют в Алтае и в лесах. Мотыга алтайца отличается несколько от нашей садовой мотыги с загнутой металлической ручкой для черпа с заостренным концом, первобытная мотыга покожа на закрученнную лопатку, лопатка эта полу-

⁴ По Штурмеру, ячмень зернами хлеб, который употреблялся народа. Он находит в гробнице Фараона. На территории Европы, он известен за 7.000 лет до н. э. «и чисто в землю» ячменя находились в сибирских постройках Европы. Берро (Вост. Истор.) пишет, что в диком состоянии он произрастал на берегу Гардера. Кун (Kun) уверял, что этот злак гусеницы в Татарии и Сибири. Отечество раза также производилось в Даурии.

круглая, овальная, от 10 до 19 сантиметров в диаметре; в эту лопатку вкладывается палка, черенок, или деревянная ручка из согнутого дерева или коры. Вместо того что отогнуть топь-ко металлическую ручку для вставления рукоятки, первобытный народ трепещет ногами, сунут дерево. Рука из первобытной оболохи доходит до 100—100 сантиметров; из нее вырываются землю первобытный землемесец. Обык это, как правило, землемеделие, или членство в Саянских горах, или это, как правило, орудие в Мунинском округе; он же господствующее орудие у всех лесников-кочевников. Обык, или мотыга, есть народное орудие,потреблявшееся для землемелия, у всех народов, начиная от Индии и Египта до Древней Греции. На египетских барельефах мы видим землемесцев с подобием мотыги.

Кроме обихода, мы встречаем у лесных инородцев алтайских и енисейских, еще более древнее оружие, это огуз, лопатка, поперечником заструпнутая, наложенная на изогнутую ручку и иноголовка с поперечником. Лопатка, похожая на озу, попадается также среди древностей бронзового века, это орудие для работы с коньками, сараны и проч., которые и доселе употребляются алтайцами в птице. Такие корни преществствуют, как правило, хлебным растениям у инородцев. Питание лесных инородцев, как и кочевников, склоняется доселе к инородцам, и применение крахмала к питанию представляется немалым интересом.

1.2 Н.М. Ястребов. Сибирские и орудия, их быт...

Но у кочевников алтайцев при земледелии мы встречаем уже и другое орудие, подобие плуга; это «аназын» (анзтосын), с сопликом и лемехом, совершенно схожее с монгольским плугом или «амач» туркестанских земледельцев, иссомично, вынесенные из Средней Азии. Аназын или плуг этого может употребляться только в степных и в безлесных долинах, но не в лесу. Поэтому у лесных кочевников он не употребляется. Аназын имеет дыши, и варится в него у алтайцев не бики, а лошади, а так как у наездников сбруя и хомут еще не созданы, то дышло это, как нам передавали, прикрепляется между двух седел. Секот хлеб алтайцы руками, а в лесах сеяткой, «корытищем», употребляемой и дома для очищения зерен, — это берестяная коробка, с одной стороны открытая. Вместо борона употребляется кусок или ствол ветвистого сухого леска. Зашиняется всегда небольшое пространство, в один прыт или четырьмя лестинами, загон для Секот ячменя. По мере созревания его жгут. Мы видели на реке Чуя и Артуре способы жатвы руками: колосья просто рвали и клади в мешки, рвали концы колосья без соломы. На Артуре у галечников в употреблении нож, к которому вертикально прикладывается ручка из лерхса. Это первообраз серпа или горбуша. Серп находится среди древних железных и бронзовых орудий. Для молотыши еще сохранился от прежнего времени способ у некоторых татар и соединев молотыши скотом, т. е. пускай лопадей по скатам колодезям, которые они и обмолачивали. В кунгурских лесах при молотьбе солома отжигается. Для этого очищается место. Сжатый хлеб кладется деревянными ложками, затем его берут на палочку (нашингеммю шине) и палият на костром*. У кочевых алтайцев «сабак» (Павлов, ч. III, т. 1, стр. 462). Кандалы, каска, кирза, яланы, сюн (Павлов, стр. 539). В этих деревнях в деревнях пиши можно заметить переход от диких кореней и ягод к склонной пище. Ячмень составлял преобладение этой культуры.

* Согласно Павлову, в Кунгурской земле в прошлом было распространено плавание на лодках к Иртышу, упоминает Тейлор, он же был присущ и кочевым.

** Древневосточные ступы союзников своих предшественников в каменном веке. В разных местах Азии и окрест Байкала находятся около скал в камнях дактильные гипподиумические углубления. Они известны под именем

неч нет жерновов, а есть «жасмок», камень для растирания зерна. Но у жерников мы видим небольшие жерновки и даже с приводом. Жерного изобретали предают особой чести наших наименаний, они не находятся у кочевков алтайцев, и мы видели везде замену их дре гваками птицами. Но жерновки попадаются у монголов и у лесников татар, причем они стоятся в избах, и для облегчения пранения призываются птицы, уединенные в потолке и залужая к обдулу жерновов. Древние жернова находятся под землей в различных местах в Минусинском округе и в степях Сибири. Они отличаются тремя, четырьмы углублениями на поверхности для пранения. На Усть-Башкую, в Алтае, близ Телецкого озера, мы видели остатки древних жерновов, однако значительной величины, из гранита, в 78 сантиметров в диаметре.

Способы земледелия различны несколько в степях, широких долинах, в ущельях гор и лесах.

В степях растительный слой чернозема дает готовую нишнюю, которую приходится разрыхлять плугом; в лесах и черноземе ее приходится отыскивать на обычных прогаликах, менее заваленных и заросших. В горах панини издали к вершине рек-чек по берегам, при этом, как на всем юге Алтая, на юго-востоке, так и в степях, заследлен знаком с ирригацией и орошением. Обыкновенно створяется горный ручей и идет по нескольким пищим, канавкам неглубоким и постоянно перегораживающим в разных местах камнями или щебнем. Смотри по надобности, водапускается и направляется на ту или другую пищу. Эти канавки мы встречали по Чулыши-ману от Геленского озера, по рр. Урсулу, Чус, Аргуту и Бухтырье, где такого же проницательного способа держатся кир-

нем кипчаков ступок, в которых было бы канавка только просо. Бывшее название «сама мысса», пишет Г. А. Федоров с указом обличием наименования, что означает «сама мысса» — сама канавка, сама же река. Одну из этих ступок быв Булунского земли Кодинского ведомства Г. Алагитов называет таким образом: «В вымощенном обожжении кирпичом, песчаным, супесчаным, супесчано-гравийным, в 40 сантиметров глубиной при 23 сантим. диаметра устья, на венец подниме окружности при трех точках косично выбойными углублениями, которые, сидя в канавке, супесчано-гравийной, ведут в реку». Соб. Отдел Императорской Русской Лент. Общества, т. XII, №№4 и 5, изд. 1892. «Прибайкальские древности», стр. 14). Мы же видели в Кодинском ведомстве, что встречаются в Азии и у племени тунгусов подземные канавки, как пишет Г. А. Федоров: «Богдановы и другие, в землю, и с приводом — ракетом, в котором укреплен постик для точения. Нетрудно, т. к. этим образом, отговаривать нападение степных безжалостных бурятских ступов».

13 Н.М. Ядринцев. Сибирские иороды, их быт...

изы. Несомненно, что этот способ *сугаков* перенесен из Монголии или из Китая; он общий киргизам и туркестанцам*. Древность его доказывается тем, что все нынешние каналы или сугаки, проводятся по готовым древним оросительным каналам, которые были несравненно шире и совершеннее — это мы видим в Алтае. Близ р. Чуи есть плато, которое состоящего громадную плино, изображенному глубокими каналами, которым давал лицу соседний горный ручей, теперь иссякший. Местность эта совершенно заброшена**. В Минусинском округе, на месте жительства бывших хакасов, находятся огромные каналы с разветвлениями на 40 ярдов. Площадь, или район, где земледелие известно иородскому миру, таким образом, весьма обширна; она охватывает все алтайские народности, идет от Монголии, по р. Кемчику, с перпендикулярной Енисеем и Иртышем, простирается от Забайкалья и кончается Семиречьем; земледелие в первобытной форме сохраняется кузнецкими, бийскими та-тирами и телстутами, существует у бухтарминских киргизов и алтайских кочевников. Область эта сливается с русской и омбою иородской культурой средней Сибири. На иородское земледелие мало обращалось внимания, но оно существовало издавна как у степных кочевников***, так и у горных и лесных жителей.

Оно существовало в Алтае, в Сагайской степи, у тубиневых, качинцев, у бельтирцев, что отмечено путешественниками прошлого столетия. Паллас отмечает то, что он встретил у бельтирец: «Многие между ними богаты крупым скотом и овнами, но больши имают у себя несколько пашни, которую засевают и собирают сами, итак, сколько им потреб-

* Описание киргизского орошения. «Описание Киргизской степи. Киргизского и алтайского царства» (составлено съ «Акса Сандыча». В.В. Радловъ т. I, стр. 464, руб. 14 «Туркестанское орошение» — см. Миценбергъ «Ферганскій орошение». «Изящественное описание и его практическое применение в Кокандѣ и Самаркандѣ Азии». А. Водолозъ. Москва. 1884).

** Помимо этого, в Семиречье, в Кокандѣ, в Бухарѣ, в Ташкентѣ, в Гиждуанѣ, в Гиссарѣ, в Балхѣ, в Бадахшанѣ, в Забайкалье, экзоте бирзузы. В Монголии также находятся старые каналы, около 40 ярдов в ширину, идущие вдоль реки, изображенной на карте, идущей вдоль северной стороны горы. Её же с перпендикуляром Енисеем, который имеет, который или участвует местности, ему приводится в разделении, оставаясь бы чужа земледелию» говорит известный учёный Григорьев, приводя свои сочинения над киргизами в своей книге под названием «О Саках» (стр. 64—67).

но муки и круп, имеют собственные. Снимание хлеба бывает у них в сентябре, а потому они называют этот месяц ортокай. Молотят также на поле, солому всю складывают, и потому октябрь они называют уртсан-ай. Они скотят по большей части яровое (арынь), ячмень (аш), и кости мелют крупу; землю вспахивают многие между ними так, как и кобанцы (кабинцы), как плуги или не знают, или не имают, то на стариинный майер сошником, похожим на салоничий полый топор, который они называют «обайл». Однако некоторые принимаются уже и за плуг, который именуют «алдою» (Паллас, т. III, ч. I, стр. 497).

Обращаясь к сравнению орудий земледелия в Азии, мы встречаем подобное же первобытое орудие, подобно «бымлу», в Туркестане и Фергане; оно там иносит название «кетмень» и представляет упрощенную форму в виде лопатки, с сквозным отверстием у верхнего края. Употребление его описано в Миддендорфе; оно особенно удобно для леса. В той же Фергане мы встречаем соху, весьма похожую на алтайскую; она называется омат. У нее металлический лемех самой простой формы, похожий на башмак*. Описание монгольской сохи мы находим в путешествии Потанина: «Монгольская соха состоит из чугунного сошника «антисын» (алтайский анызын), приобретаемого у китайцев, деревянья бойтык, которая свою формой напоминает человеческую ногу; сошник на нее насаживается, как башмак на ногу. В верхнем конце деревяни есть отверстие, в которое вставляется дышло, котильвар, за которое соху ташат два быка» (Очерки Сев.-Зап. Монголии, Г.Н. Потанина, 1876–1877 гг., т. II, стр. 111). Соха эта представляет близкое сходство и даже тождество с алтайским анызыном.

Находимся древние земледельческие орудия в Сибири показывают, что земледельческая инородческая культура на юге и в средней Сибири процветала давно. Близ р. Лукзы, на правой стороне Енисея, Гмелин и Паллас встретили множество древних плавилен и печей; древность их выражалась уже тем, что между камнями печей поросли корни огромных соснов, и вот из таких плавилен незадолго до Палласа найден был в первый раз «древний железный сошник особенной формы» (ein alter eisener Pflugshur von besonderer Gestalt). Эта находка была долго единственным доказательством древнего земледелия. Археологические изыскания в недавний период

* Очерки Ферганской ломни Миддендорфа, перев. Ковалевского, стр. 227.

136 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

были еще так слабы, что лучший сибирский археолог Н.И. Попов сомневался в том, что сошник принадлежал древним земледельцам, хотя Паллас признал его таким.

В замечательном археологическом альбоме В.В. Радлова, состоящем из алтайских и минусинских древностей, мы находили немало древних земледельческих орудий, в том числе серпов, как не можем не заметить их в атласе Аспелина (*Antiquites du Nord. Finno-Ougrien*), где находятся орудия напоминающие лопаток, обойнов и огулов бронзового и железного периода. Сошники находятся, как и жернова, а также серпы, в Минусинском окружке по р. Абакану (см. описание Минусинского музея. Копалиши корней и сошников, №№4-17, стр. 12)*. Кроме того, мы открываем их также во всей средней Сибири. В археологической коллекции г. Лопатина, собранной в Енисейской губ., находятся также несколько сошников железных и чугунных в форме башмака, близко напоминающей франскую форму, чугунный сошник, как явно, полнейшего происхождения и тождественный с китайским. Далее, при раскопках древнего татарского города Искера, близ Тобольска, столицы Маметкула, сделанных в последнее время М.С. Знаменским, на рисунке в его альбоме, приобретенном Ин. Мих. Сибиряковым для Сибирского университета, мы находим сошников татарского типа. Он представлена из себя листообразную фигуру, концы его загнуты, серединка прорезана от долгого употребления и стальная. В тот же альбом г. Знаменского занесены найденные обломки жерновых камней и серпы, доказывающие существование эскимосства в татарском городке**.

Перейдем теперь к историческим изысканиям. История указывает, что уже Казанское царство представляло оседлое земледельческое государство. Но Казань усвоила земледелие от древних булгар. Татары любили земледелие, — говорит г. Фирсов в своей монографии о северо-восточных инородцах Московского государства***, — ценили ремесла, иностранные существование эскимосства в татарском городке**.

* Нам присланы рисунки найденных сошников в Минусинском округе. Одни из них изображены на рисунке, сделанным из чугуна, на которых находится китайская литература.

** Как на следе древнего земледелия в Сибири должны указать также находящиеся жерновки во всей средней Сибири, в Кузнецкой степи, близ Кузнецка и Минусинска. Но очевидно, что эти находки относятся к более позднему времени, где имеются древние могилы, но где не было никоих русских поселений и земледелия.

*** Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве, соч. Н. Фирсова. Казань. 1866.

ранные писатели с большой почвой отзываются о торговле казанцев (Герберштейн Ник., письм. script. etc.). Татары также славились выделкой кож. Они не только сами унаследовали оседлость, культуру и земледелие, но и распространяли ее на соседние финские племена. Герберштейн упоминает о мордве, которая унаследовала себе земледелие от татар (Фирс., с. 18). В Астраханском царстве также были зачатки оседлости в XVI ст. (Ibid., с. 20). На севере, в Пермском крае, или древней Биарии, кроме скандинавских преданий, указывают на существование древней земледельческой оседлой культуры много археологических остатков (Пермск. сборн., т. I, примеч. к статье Крупенина, заметки о пермских древностях Ешевского). Татарское движение из Азии в Европу, — говорит г. Фирсов, — коснувшееся пределов и этой страны, без сомнения, подлинуло вперед дела разложения этой цивилизации (с. 28). Население отодвинулось от берегов Камы и Двины в леса на север и восток. Москва, подчинившая эти племена в XV и XVI ст., нашла их не совсем дикими; им была знакома оседлая жизнь; у всех этих племен были постоянные жилища и даже города. Зырине, кроме того, занималась земледелием (стр. 28). Таковы были границы распространения иностранный культуры в Европейской России. Те же следы культуры мы встречаем, по указаниям историков, и в Сибири.

Сибирское татарское царство основано было в XV столетии на берегах Иртыша, вследствие некоторых раздоров у ногаев; в состав его вошли остигки и туземные татарские поколения, а также некоторые башкирские волости. Царство Кучума носило характер, подобный Казанскому царству: здесь были аристократия, духовенство и черные люди; у него происходили сполигами и с Казанью и с Бухаро. Русские заставили татарские городки, татары об学会了 искусством выделки металлов, а также земледелием. Что Кучум и его татары занимались хлебопашеством, это видно из грамоты тарского воеводы: «И в распросе мис. Кучуму твоему, сказали люди про Кучумова царя, пополе де Кучум царь с Черных вод на Обь реку с детьми и со всеми людьми, где у него хлеб сеят, а им де велел жити всем на Уби озере» (Отписка царю тарского воеводы Восккова 1598 г., Акты истор., т. II, №1). Доказательством, что татары, завоеванные русскими, умели пахать и были тотчас же посажены на казенную пашню, служит грамота пельмскому воеводе Богдан-

138 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

ну Полеву об оказании Таборинской волости татарам и ногайцам льготы в государственной пашне, 1596 года, июня 20-го (Русск. Ист. Библиот., изл. Арх. Комм., т. II, №58). При занятиях русскими татарских городков в них находят всегда запасы хлеба (см. «Сибир. Летопись»).

Далее на Барабе в Томской губ. и на Енисее русские хотя и встретили финно-богдичные племена, но предания о чуди и памятники, оставшиеся от них, показали существование здесь древней культуры. Остатки оседлости и искусства добывания металлов русские застают у кузнецких татар, тулуков, тунгусов и енисейских остряков. Русские познакомились с телутами в 1604 г. Они жили по Оби. У телеутского князя было до 1.000 ч. поданных. Русские завоеватели застали у них земледелие и кузнечное дело, многие из них имели постоянное жилище (стр. 45, Фирсов). На юге Енисейской губ., по показаниям китайских историков, в IX веке существовало могущественное государство хакасов (которые принадлежали к пресл. киргизов), величие сношения с Китаем и Средней Азией; по оставшимся описаниям видно, что хакасы имели высокую гражданственность, сели рожа, ячмень, просо; у них были ручные мельницы^{*}. Русские не застали этого царства, и енисейские так называемые киргизы далеко не носили следа этой культуры. Видно, что царство хакасов было стерто каким-то средневековым завоеванием. Северные инородцы Иркутской и Енисейской губ. не могли заниматься земледелием, но относительно бурят мы встречаем определенные указания в описаниях 1640–1641 г. В отчете о них говорится: «а на устье Онги живут (а не кочуют) бранки люди, а хлеб у них родится просо, и мы то просо у князя Межеуля видели» (Доп. к акт. ист., II, 89). То же самое говорится о бурятах, которые жили на берегах Байкала (Фирсов, 52). Наконец, на Амуре опытovщик Ерофеj Хабаров, в 1650 г., встречает дауров, которые имели города, башни и укрепления с глубокими рвами, сводицы устроены с большими холодными окнами, а окончны бумажные; «и в городах тех и в узуах путь великие и лощина есть». Такой же был найден Хабаровым и у буряков; они жили больными улусами по 70–80 юрт, и все то место было пастбищное и скотное** (Фирсов, 55).

^{*} Собр. свед. о бурядах. Бланшион. Средней Азии в древние времена Испания, к. I, 7 отделя. 7 отделя (с. 442). *Über die alten Künste von Wilhelm Schott.* Berlin. 1865. Kapitel. Tabakas Histor. de l'Asie, p. 170, 171. von

^{**} О земледелии у аулов, первых аберитов Амура, говорится у Избрания-Идея и в примеч. к путешествию Стадфрида.

Исследование по истории культуры... 4; 9

Что касается распространения земледелия и культуры в Монголии и Джунгарии, то мы находим следующее указание его в XVII веке. Посольства к Алтын-хану рисуют нам страну и быт жителей. Между прочим, сибирский казак Пётрлин, проезжавший Монголию в 1620 г. (Сиб. истор. Фишера) говорит: «А земля Мунгольская велика, долга и широка, а города в Мунгольской земле деланы на четырёх углах, по углам башни великие с раскатами». Описав храмы ламаистские и богослужение их, он прибавляет: «а хлеб в Мунгольской земле рождается всякий: просо, пшеница, рожь и ячница, и ячмень и овес и иных семян много, только мы не знаем; а овощи в Мунгольской земле и салы всякие есть: аблоки, линн, арбузы, тыквы, вишни, лимоны (?)», огурцы, лук, чеснок и иные всякие овощи». «А виноград в Мунгольской земле из хлеба без хмеля, а орот пшагутом и сохами, что у тоболеских татар, а борона уки и долги» («Сибирск. Вестн.» 1818 г. и путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина, Ibid. Фирсов, стр. 49).

Из этого видно, что монголы также не чужды были культуре, здесь же указывается на сходство их приемов земледелия с северными сибирскими татарами. В путешествии Байкова в 1654—1658 г. из Тобольска в Пекин мы находим, в описании калмыкского ханства при Аблее, указание на земледелие на западном степном оазисе. Байков пишет, что от р. Бески, где находится Аблайлит (Буддийский монастырь), до аблавских пашенных бухарцев, где Байков зимовал, ходу 10 дней, а под тараном он стоял два дня. «Таранами назывались у джунгаров поселения хлебопашцев около стойбищ князей.

«По реке Темир-Черте, где зимовал Алтай, живут бухарцы пашенные хан-тайинных детей: а родится у них пшеница, ячмень, просо и скота всякого много» (Дневник Байкова, Сибирск. Вестн., 1820 г., XI, стр. 113—136). Река Темир-Черте есть Джаты Арат, вытекающая из котловины Кызыл-чилик в Зайсанскую равнину. На Бугузу действительно и ныне существует земледелие и остатки древних пашен и арыков (см. примеч. к IV тому «Землеведения Азии» Ригтера, с. 219). Здесь было расположено земледельческое население Аблая. Далее Байков уже во владениях Кань-Тайши, джунгарского князя Батура, отца знаменитого Галдана, встречает те же признаки земледелия. В Контайшином городке он видит «каменные палаты, а живут в том

городе ламы да пашенные бухары». Затем, описывая монгольских калмыков, прибавляет: «а от тех мунгольских до китайских пашен ходу — день, где бывали прежние их пашни; а на тех пашнях стоялена хоромы глиняные и т. д.».

Распространение земледелия во всем центральном оазисе не представляется сомнением по остаткам прогниации и историческим свидетельствам. На карте атласа Волошинина XVIII ст., открытой нами в архиве Глинного Штаба, пашни отмечены по р. Или по древнему городу Бопынду, т.с. Кулакжи. В 36 году правления Капси (1697 г.) манжкуры, однако, в войне уничтожили войска Галлона, и р. Или и несколько тысяч ли была опустошена. Известно, что воины Галлона джунгары занимали своими кочевыми местами вплоть до низовьев р. Ходдо и далее по Улунтома, по Кэму и Каменику, где жили смешанно с халхасами (монголами); по поражению Галлона халхасские кочевые раздвинулись на запад, на ту сторону Алтая и до Иртыша. Когда Джунгары заняли китайские войска для обеспечения их император приказал хану Вончжиль-Дорджи исследовать земли и определить удобные для земледелия места. По сему указанию Вончжиль-Дорджи проиграл дознание и отвечал, что урочища Сухо-ту, Хары-усу, Минш-хад, Цаган-гэр и Хурхиху, принадлежащие рр. Тому и Орхану, а также уроцища по Шыбын-тогу, Цагын-сул, Булгань-ансар, Улан-гум и около десятка местностей, лежащих у монастыря Эрдени-Шу, — все это места, которые могут быть засеяны хлебом. Тогда император высочайшим указом поручил Гуну-Фурдюко пабрать людей, опытных в земледелии, и обрабатывать пашни в означенных местах (материалы для истории Халхи с 1636—1736 г. и монгольские летописи «Эрденийн-Эрхэх» Позднеева. С.-Петербург., 1883 г., стр. 278). С этого времени древняя джунгарская культура сменяется подлиннейшей китайской. (Относительно появления китайской земледелия в г. Кобдо, для чего вызвано было 400 семей халхасских монголов, см. «Города северной Монголии», стр. 92, того же автора).

Еще любопытны показания о существовании земледелия в древнейшие времена в Сибири, встречающиеся в различных китайских источниках. В дневнике даосского монаха Чан-Чуна, путешествовавшего при Чингиз-Хане, в описании его орды на Орхоне и Тала сказано: «здесь за 50 лан можно купить только 80 чапов муки, ибо мука приходит скота из-за северных гор, более чем за 2.000 ли». Пайлладий делает пояс-

нение, что здесь должна разуметься Сибирь. Торговище варвары западных стран доставляют ее шоколадом на верблюдах. Проехав далее, путешественники вступили в землю Хой-хэ (уйгуров и найманов), которые орошали пшеницу посредством водопроводов. Остановившись в городке Чинин-ханчиан, поселении, основанном Чингиз-Ханом на Алу-Хуане, даосский монах находит селедое население мастеров, ремесленников, ткачей. В городе Болгосуне были хлебные магазины, чан-тоу, утомленный сздой по стилям Монголии, передает здесь свои новые впечатления ханнепитиянка: «Шамо не занимаются земледелием, поэтому я обрадовалась, увидя здесь зрелые жнины». «В 6-й луне выпал дождь, и жители спешно убрали пшеницу», говорится далее в дневнике. После переправы через Орхон, на окраине прекрасной равнины, тот же путешественник видел развалины древнего киданьского города, можно было распознать улицы и портала. Это был городок киданьских эмигрантов. Это указывало на слышище еще более древнейшей оседлости. Уркучи, Алмак (ижавший на берегу Иль*) и другие города путешественников нашел заселенными и с прекрасной южной культурой иногорода и плонов, разводился хлопок, земледелие было с орошением. Китайский Туркестан был уже тогда в цветущем состоянии**. Время возвращения из Туркестана на даосу говорили: «на северо-восток за 1.000 с лишком ли находится страна Кийн-кен-чжу (вероятно, от рек Кянь, Кень, Кемь), где лобзывается много железа и водится много блок, там же сеют пшеницу, китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковыми материй, фибра, парчи и цветных материй». Ясно, что здесь дело идет о северной стране в пределах Сибири. «По Юань-ши эту страну надо искать по Енисею», прибавляет Палладий. Что в южной лесной полосе Сибири были свои культурные центры и было распространение земледелия, видно из китайского описания государства хакасов, в нынешнем Минусинском округе, которые селили прого, ячмень и пшеницу. Но и кроме показаний о хакасах в китайской истории и географии, во многих местах раскиданы указания на существование земледелия и

* О городах Алмаках и Аланту (см. 5 примеч. соч. Фергина по «Запискам» Султана Бабура, Н.Н. Лаптусова. С.-Петербург. 1884 г., 27 и 28).

** Самородец был на берегу канала; жители провели две реки и распределили по улицам

культуры на севере Азии и в Сибири в древности «времена» племен, включая и кочевые, на севере, в лесной полосе, не прекращают никакого своего в пренесении времени. Они не могли не перенести скота here by it. Китайский или калмыцкий Туристъствъ при драгомъ передвиженияхъ на родовъ и земледѣльческихъ, сущихъ и другихъ племенъ. О воспоминаніи претити культуры северныхъ варваровъ и хань тайскихъ историй, говорятъ о времени даца, упоминаютъ ихъ на бѣльяхъ, черныхъ и лягушкахъ. Бѣлья размѣщаютъ дѣло, окантовываютъ и призываютъ культуру. Изъ пресколькою испытаниемъ о китайскомъ земледѣльческомъ г. Захарова, въ 2005 г. по Р. Хр. происходитъ изъгранный переворотъ и новое законодательство. Монголо-тибетъ несколько разъ пробуютъ обратить Китай въ степи и въздохнуть рѣчу кочевую культуру, но не могутъ совершить это и смирили времена, убивъ культуру зазываниемъ. То же было и съ

манихурами. С древнейших времен императоры Китая считают священном обезьянностью покровительствовать земледелию. В истории династии Хань говорится, что после величественного восшествия в Китай на царство, князь Ги, сотрудник князя Юй за восстановление земледелия, получил в 2277 г. до Р.Хр. наследственную должность, *«дворового помощника землеведения, под названием ху-ти (Ихакин)»*.

Несколько позже Китай и Туркестан благоприятствовали культуре, как и северная лесистая полоса, настолько стени Монголии были рассадником кочевников и обращали в них даже культурных эмигрантов. Из истории первой чжатайской династии видно, что еще Чжатай, последнего государя в 1764 г. до Р.Хр., Шунь-вэй со всем семейством и подданными ушел в северные степи и принял кочевой образ жизни (Ихакин).

При упадке законов в Китае в доме Ха, Гун-лю лишен был должности главного помощника земледелия. Он претворился (превратился) в западного жуна (особое северное кочевое племя) и построил город Бань. Гун-лю, потомок Хэ-ти в десятом колене, лишился этой должности, удалился в страну Бань, где поселился в соседстве Жун-ли, переменил оселую жизнь на кочевую. Это было, по словам китайского историка, в 1797 г. до Р.Хр. Из этого видно, что в тот период кочевая была сильна боролась с земледельческим, и кочевники обращали в своих изжившихся инвалидов с ногами.

Но скоро времена переменились. Окрупивший культурный Китай начал образовывать в стенах и на севере земледельческие поселения и колонии. Основание этих колоний является даже стратегическим средством Китая. В 105–100 г. до Р.Хр. китайский двор на западе, говорит китайская история, открыл сообщение с Южчжи и Даах и выдал царевичу за усунского вицедела*, чтобы отослать от хуннов союзные государства на западе, распространяя казенное хлебопашество до Джань-люй. В Хань-шу-инь-я сказана: «Кжань-люй (Киль?) есть название страны, державшей от Усуни на север (г. Семипалатинская область и Западная Сибирь). Позднее эти казенные земледельческие народы в Монголии и Джунгарии составляли главную заботу китайцев. Распространение Китая на север достигло Иртыша, Оби, тему слу-

* Усуни жили в Джунгарии по р. Или сквозь Иссык-Куль; столица их была Чи-Ту.

жит доказательством масса находимых китайских древностей в Сибири. Но кроме Китая, и тюркское владичество в Сибири, выдвинувшееся из середины Азии древнее переселениями оседлых кочевников, иппо-скифов, саков и т. д., не могло оставить без наследства для Сибири.

Такие исторические свидетельства павловят на мысль, что север Сибири не мог не усвоить некоторой культуры, перенесимой с края сошествиями и завоеваниями, и существование когда-то оседлых культурных центров здесь — вне сомнения. Есть свидетельства, что сама Монголия и ее степи представляли в даргине времена иной эпохи. Они были более обитаемы. Во многих местах видны следы оброчения, каналов и городов. Ясно, что здесь были когда-то условия, более благоприятные для жизни. Но если даже представить себе степь как пустыню, отдаленную север Азии, мы все-таки можем представить себе, как сюда по оазисам переносится земледелие на север и среди предгорий и на плодородной почве юга Сибири возвращается в весьма древнее время. Самый род хлеба культивировался наиболее устойчивым, мог быть перенесенным с предгорий Тибета. История указывает, как и археология, что Амур, Забайкалье, вершины Енисея, Минусинский округ, алтайские долины и Семиреченская область были обитаемы оседлыми и культурными племенами. То же подтверждает и этнография. Несколько раз эта культура могла уничтожаться и стираться в продолжение тысячелетий при движении диких орд кочевников, но слабые зачатки ее, как мы видим, не исчалились, а памятники и свидетельства историком напоминают о существовании здесь культурного мира. Самые многочисленные государства Азии подвергались той же участи; и отчичие их от европейских в том и заключается, что бушующее море кочевых народов беспрестанно поднимало и потоками усиленные острова рождающейся цивилизации. Иная судьба выпала на долю Европы, воспременницы древней оседлости.

Настоящая статья составляет извлечение из многих глав из этнографического сочинения, посвященного очеркам истории культуры устро-алтайских племен. Самый труд расположжен во многих главах и состоит в описании топографических и физических условий на севере Азии между Алтаем и Уралом, расположение инородцев, в описании их быта, промыслов, жилищ и обстановки, в указаниях на зачатки земледелия, выдел-

ку ткани, первобытную разработку руд, выделку металла, и т. п. Изложив культуру и переходные стадии в современной жизни степняков и лесников, автор не мог упустить из виду, что эта культура тесно связана с предшествовавшую историей и культурой инородческих племен на севере Азии, весьма мало доселе исследованной. Сюда археологических изысканий в связи с этнографическими обнаруживает существование в Сибири весьма древней культуры, принадлежащей многим народам, в числе которых так называемая чудь или финскиеaborигены составлявшая только часть многих племен*. В числе племен, обитавших в Монголии и Сибири, по китайской истории, были гунны (хунну), предки монголов, шаньмынь, лява, синийбыты, хидзы, усунь, хакасы, уйгуры (урал), жунь-жанды, вытесненные в Европу под именем аваров, славы, по Витерсгейму**, обитавшие в иниссской степи, саки или скифы, обитавшие в Семиреченской области, юсачи или юсты, они же геты и масагеты, по объяснениям ориенталистов, наконец, возникшие монгольские и тюркские племена, составившие империю Чингиз-Хана, все они не могли не оставить следа, и действительно находки и древности свидетельствуют, что здесь существовали государства, оседлость, земледелие, добывание металлов, а предметы, находимые здесь, в виде оружия, щитов, панцирей, чепи, зеркал и других принадлежностей, указывают на известное искусство этих народов. Могильные за-

* Собственно в великом труде этого писателя изложено сказание о японцах белоглазых есть предание, передавшее к русским, вероятно, от татар. В китайских источниках встречаются нарк-чили, или красные, северные кочевые. Они же называются в китайской фольклорной литературе и в некоторых сказках об «урасах», которых называют ак-корок, белыми и белоглазыми; они были первоначальными жителями края до приступления короля Китая также упоминаются в белокутумских сказках о сражении от Тапу. Сюда же относятся и другие фольклорные сказки о зеленых и красных людях, Китаю и даже до глубины Азии; у китайцев, кроме чи-ди, встречаются казахи на юров исаке, на нарэл по-тулу, ишаки эзин-чу, или желтопозиные. Далее, в персидских, как бы фольклорных фабулах, встречаются в центре Азии, восточном Китае и в других Гималайских горах, что трактуются как кочевые, но не кочевые, с селами на юге Азии по плещезе, причем несомненно не только киргизы, но и симиты, отрасль, которую индийские писатели называют симитами, а китайские — симитами и Гань и затем наследия Деканский науздиров (см. о скифском городе сакх, Гималеи, стр. 200). Но археологическое исследование Б. В. Радковского показывает, что предшествовала уро-самоцкая. Родство же между персидскими сказками на север и сказками этих племен в лице каббасов и сюндов на юге вполне очевидно и вполне фиктивически изъяснимо.

** Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig. 1859. I. 272.

146 Н.М. Яоринцев. Сибирские инородцы, их быт...

матники, монументы в виде каменных баб, обнимают все юг Сибири от Монголии до озера Иссык-Куль и дальше до южной России, показывают на переселение одних племен или существование одинаковой культуры и обычая у многих. Исследование этой древней культуры в связи с современной инонродской представляет огромный интерес. В современном инонродском быте мы находим намеки на прошлое, а древность получает объяснение в остатках современной культуры. Сравнительные изыскания привели нас к заключению, что в древние времена инонродская культура в Сибири имела более совершенное развитие и достигла высшей степени, но позже —шие перевороты и завоевания стерли ее, и наименший инонродский быт отступил и сохранил лишь отчасти древнее искусство народов. В дополнение к археологическим изысканиям весьма определенные указания на древние народы в Сибири делает китайская история, на сношение народов севера с Китаем, с центром Азии, с Туркестаном, Аравией и Тибетом указывают многие восточные писатели. В богатых изысканиях Френса и посвящениях В.В. Григорьева о куфических монетах разъясняется сношение Востока с Западом с VIII до XI в. через хазар; уральские болгары также сносились с Аравией, стало быть, тем более сибирские народы. Буддизм проник далее на север Азии. Китайские и киевские города были близ Орхона и, может быть, в некоторых частях Сибири. Древняя китайская география, к сожалению, мало разработана, лист впоследствии богатые указания для сибирской археологии. Сношение Сибири с Китаем в древние времена все более подтверждается находками, в различных местностях Сибири все чаще открываются пайды, досочки с повелениями древних китайских и монгольских императоров. Китайскими предметами наполнены были могилы Минусинского округа, земледельческие орудия иногда носят след китайских клейм.

Север Азии, Сибирь, как и степи Монголии, в древнейшие времена, начиная с 2000 л. до Р.Хр., извергал народы на юг и запад. Эти народы поочередно завоевывали Китай, как гунны, киданы, монголы, уйгуры, Чиниз-Хан, монголы. Эти народы, наступая и отступая, перепливались на всем пространстве между Тибетом и Сибирью. Собственно Монголия является каким-то кратером и лабораторией, откуда выходило то одно, то другое конческое племя. Обмен культур между завоевателями и завоеванными был неизбежен. Обыкновенно принято думать,

что варвары-кочевники, как гунны и монголы, лишь уничтожили высокую культуру; но история востока показывает, что они и воспринимали ее у побежденных культурных народов, как китайцев и туркестанцев. Здесь повторялось то же, что случалось и в Европе. Двигавшиеся варвары ассимилировались и сплавились с другими племенами. С другой стороны, север Сибири, имел также народы совершенно другого характера, чем кочевники, монголы и гунны, пробовал защититься от нападения кочевых варваров и составлял свои союзы; так основался союз боротов, или лесных жителей. Если нападения народов севера на юг имели огромное значение в судьбах Китая и Азии, то гораздо более важное культурное значение имели для всего севера Азии передвижения с юга на север, а затем с востока на запад, сказавшиеся в переселении киданей, усуней и Туркестан, и т. д. Несомненно, в этих переселениях и миграциях играли роль не одни варвары, но и культурные народы, захваченные или вытесненные варварами. Эти переселения и переселения влились на судьбу и историю, как известно, не одной Азии.

Те же народы, жившие и передвигавшиеся в степях Азии, двинулись, торной дорогой, равнинами Сибири, и в Европу. Путь для населения Европы был, конечно, не один Кавказ. Часть этих передвижений сохранился в новейшей истории Европы, но множество предшествовавших переселений, положивших начало европейским поселениям, происходило в доисторические времена. Таким образом, самая европейская история и культура не могли обойтись без влияния этих народностей. Арийские племена также не миновали севера Азии и Сибири.

Уже исследование Клаптота показало существование на севере Азии племен не только финского, но и арийского происхождения*, глядя белокурых и голубоглазых заметны

* На супоставление белокурых племен в Азии и в Сибири указывают многие этнографические свидетельства. Среди киргизов, сартов, татар, алтайцев встречаются поистине смешанные типы, смешанные кара и сара в отдельных семьях. Важно отметить, что в сибирской языке Клаптот в своем труде указывает на склонность индо-европейских племен на севере Азии к смешению их с монгольскими и тюркскими расами. В истории китайцев в преселах Сибири указывается на многочисленность племен белокурых и с голубыми глазами, а также на то, что в сибирской языке есть слово «бело» (Ильинский Шаг и Клаптот). Но почему касксы в Ганзейской губ. Клаптот говорит: Ce fait car, pour la certitude que nous avons que le Kia-Kuen, ancêtre de Haks, émett les yeux bleus, la peau très blanche et la chevelure blonde, fait sans doute les relations avec les tribus qui ont vécu dans l'Asie et celui de l'Europe, étant plus fréquentes et plus unies qu'on ne l'a jusqu'à présent (Tableau Historique de l'Asie. Peuples de Race Blanche, p. 174).

1.8 Н.М. Ядринцев. Сибирские народы, их быт...

и иные среди алтайских племен. Антропологические исследования должны еще более осветить этот рябовский вопрос.

Филологические изыскания сделали уже важные шаги в исследовании алтайских тюркских народов. Эзых, народная поэзия и предания представляют здесь богатый материал. Открытие в клинообразных ассирийских надписях урало-алтайского языка и исследование турецкой-акадской цивилизации, предшественницы ассирийской, проливает свет на связь североазиатских племен с древними центрами цивилизации. Многие древние народы оставили на скалах Сибири памятники письменности, такие, напр., минусинские надписи. Надписи эти собраны и помещены в издании Финляндского Археологического Общества «Inscriptio de L' Ienisse», возбудили живое любопытство европейских ученых. По типу они напоминают надписи скандинавские. Байер и Тихсен видели в них сходство с древними кельтскими и готскими письменами. Раммель признает их скандинавскими или греко-готскими. Клапрот находил, что эти надписи скорее имеют вид европеистский, чем азиатский. Абелль Ремюза принписывает татарским письмом, схожим с северными рунами и бывшее в употреблении у того поколения индо-готров, которое известно под именем у-суней и которое обитало за 100 лет до Р.Х. к западу от Иртыша и с. Зайсаны. Риттер и Эихвальд в минусинских письменах видят сходство с дулгасскими табличками. Риттер принписывает это письмо хакасам Енисейской губ., также индо-европейскому племени; по Кляпину, это подтверждается и изысканиями Висделу. Письмена эти предполагались также древними Уйгурскими (см. о рунических письменах в Минусинском округе Н.Попова, т. V, номер 2 «Извест. Сиб. Отдела Императ. Географического Общества»). В последние годы путешественники открыли их в Монголии на р. Орхоне близ Кара-Корума, и есть основание думать, что они тувозские.

Алтайские народы в первоналичии сохраняют древнейший культ шаманизма, вероятно, предшествовавшего буддизму и когда-то имевшего обширные распространение от Индии по всей Азии. Богатое собрание легенд в Монголии и Алтае, собранное Г.Н. Потаниным в обширный том, снаженное сравнением этих легенд с европейским и азиатским мифом, открывает любопытнейшую сторону древнейших верований. Первобытный миф, потерянный для человечества, сохранился,

ется здесь во всей своей чистоте. Среди алтайских племен мы видим древнейшие обычай западных скифов, выражавшиеся в жертвоприношениях и обычаях при погребении. По многим предметам мы можем проследить древние сношения народов*.

С передвижением народов и племен в Азии и из Азии в Европу неизбежно должна была следовать и преемственность культуры, преданий, обычаям и верованиям. Из всего этого видно, какой огромный научный интерес получает историческое, археологическое, антропологическое и этнографическое изучение в Азии. Наша этнографическая литература также должна следить шаг в этом открытии.

Считая сплошной обширную и испоспленную задачею связать историю сибирских племен, как остатков древних азиатских народов, вообще с древней историей Востока и Азии**^{*}, автор настоящего труда ограничился более тесными памятками «очерков» чисто языческой первобытной культуры

* Дослед археологи ще не имели времени сравнивать иерусинские и болгарские древности с алтайскими, между тем как есть основания предполагать по некоторым предметам склонность и родство. Миа имели возможность сличить некоторые болгарские находки с образцами

этих народов с их обстановкой и занятиями, причем поставил целью осветить их только некоторыми историческими и археологическими указаниями. Быт и жизнь лесников дали ему основание проследить так называемые переходные культуры и зачатки оседлости. Изучение начал этой первобытной оседлости последующих с ней изменений, не только в матричной обстановке, но в складе характера и мироизбрания и методе мышления (по нашему мнению, здесь начинается метод индуктивного мышления и начало положительных знаний), может дать некоторую разгадку к истории шивилизации, как и в различии древнего азиатского мира от нового европейского*.

* Сочинение мое по истории культуры уgro-алтайских племен содержит следующие главы: 1) Распределение Алтая и алтайских племен, современное их положение и их будущее; 2) Славы и ритуалы с древними и средней Азии. 2) Быт алтайских племен в связи с древними историческими условиями местности. Степняки, горные кочевники и лесники. Перекочевки и начало оседлости. 3) Типы первобытных жизней, летовки и зимовки племени, юрты и избы. 4) Занятие алтайских племен земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, землемерением и землевладением на севере Азии. 5) Домашний быт, обстановка и развитие ремесел у алтайских племен. 6) Добыча металла и мистерия обработки его по образам сибирских превестий. 7) Оружие алтайских племен. 8) Культурные памятники Алтая: деревянные храмы и клаудиши, каменные бабы в связи с древними образами погребения. 9) Остатки различных памятников, городищ, развалин, буддийских храмов, башен и проч., в связи с историческими показаниями о древней оседлости в Сибири по литературе Востока.

Причины вымирания инородцев и способность их к культуре

Сводя общие итоги современного положения инородцев в среде исследований нами племен, мы должны прийти к заключению, что был инородцев далеко не находятся в удовлетворительном состоянии. Множество исторических данных свидетельствуют, как безутешен был бы инородец, сколько несчастий окружали их, какие потери они несли при занятиях и какие эпидемии губили целые племена. Об этом свидетельствуют и ученые и путешественники Краеведы Клавдий Гмырин, Михаил Гогти, Кастрюк, министро флота, вымиравшие племена, привнесшие последнее бремя у Миддлморфора, Павел Нейман, Радзинь Шапова, поставивший особую монографию инородцам в Сибири в XIX ст. и otherу Российской-американской компании⁷.

Мы пришли на основании предыдущих исследований данных, показывающих ухудшение быта инородцев в разных районах Западной Сибири и вместе с этим уменьшение населения. Если мы приложим внимание многие неблагоприятные условия в обстановке инородца, исторические обстоятельства, нам станет понятна причина обесценивания и затем уменьшения инородческих племен.

К сожалению, многие теоретики и ученые старались рассматривать инородческий вопрос и самое вымирание инородцев совершенно с особой точки зрения. Они унаследовали то

⁷ Т. И. Путешествие по России и Сибири; Гогти, Описание народов Российской империи; Гмырин К. Путешествие в Сибирь; Путешествие на Амур; Кастрюк и др. О инородцах К. «Из «Дневника путешествия» 1790». 1863 г.; Панков Исторические этюды, т. II. Письма о путешествии в долину реки Оби, Алтай, Непал; История обитания инородческих племен в землях Восточного Сибири; Гогти, Сибирь; Сибирь 1871 №№ 4, 5; М. А. Маркович, Путешествие из Енисея в Сибирь; Сибирь в Березовском округе д-ра Соколова Ара Судеб. Мани. 1867 и др.

12 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

предубеждение, которое существовало в древние времена, что «варвары» должны подвергнуться истреблению и что они — существа низшие. Патовая теория о различии рас и разделение их на низшие и высшие действовала этому заблуждению. Особенно выразился этот предрасудок по отношению к нечестивым неграм. Такие учёные, как Бурмейстер, Карус, Гобино, Чули, Агассис, Карл Фогт, Гекель и Ф. Миллер, старались отнять у них общие человеческие свойства и способности. И тем не менее, напрекор препрассудку, мы видим побегу справедливости и человеческости выразившуюся в эмансипации Петром I в американской войне за освобождение черного. С таким же предубеждением европейцы относились к австралийским дикарям, истребив многие племена; таково же отношение было к индейцам, и недавно еще американцы, освободившие негров, не переставали истреблять индейцев, чтобы воспользоваться легче их территорией. Нечего говорить, что в кровожадных и зверских поступках, а также в подвигах истребления не могло быть ничего, оправдывающего их. Убийство всегда остается убийством, чем бы оно ни было мотивировано. Множество фактов и антропологических данных опровергли прежние предрассудки, а новые исторические жизни в Америке, на островах и в Австралии доказали, что прежде считавшиеся низшими расы, по своим способностям, сделали значительные успехи в культуре. Негры получают образование, издают газеты, выявляют талантливых людей: индейцы, как доказал Герланц, при благоприятных условиях не обнаруживают ни малейшей склонности к вымиранию. Тем менее можно приравнивать к племенам, осужденным на вымирание, расы переходные, расы которые весьма близки к арийскому и кавказскому племени, близкие до того, что мы с трудом иногда подаемем переходные ступени: такую расу являем желязь монголоидная раса, а затем сибирские, финские и горские племена Азии⁴.

Тем не менее твердь укоренившийся предрассудок, перешептился от варварских племен и занесенный к ним с почвы, где разрывалось рабство и всякое насилие, пережил свое время и мешает установлению более верных научных взглядов и более справедливому человеческому отношению к другим племенам.

⁴ В этом отношении замечательны наблюдения Миддендорфа и Кастраша, племенных учёных и наблюдателей инородцев Азии, которые не могли найти резких отличий монголоидной и кавказской расы.

менам. Их первобытная стадия, их дикарство, их детский возраст объясняются, как состояние косности и постоянного застоя, их быт, привычки, способы пропитания, обусловленные особенностями страны, объясняются неспособностью перейти к высшей культуре, их сопротивление насилию и принуждению изменить образ жизни ставится им в вину, а недостаток знания и отсутствие культурных познаний признается за врожденные качества и отсутствие способностей. Словом, здесь временный момент и известный возраст в истории культуры принимаются за постоянное и, конечно, выражение явления. Все бедствия и несчастья инородцев, порождаемые внешними историческими обстоятельствами, объясняются «слабостью расы» и оправдываются желанным законом «борьбы за существование», «естественному подбором», законным торжеством физической силы и тому подобными «законами человеческой природы», которые, не имея на самом деле свойства непреложных законов, тем менее могут иметь места в человеческом обществе, где разум, знание, умение преодолевать бедствие и зло так же, как ищет правды и справедливости, должен составить противовес и цель человеческого существования. Точно так же неблагоприятные естественные условия, в которые поставлен инородец случайностью борются с непреодолимыми силами природы, несомненно мало поклоненных знати, а также гибель его от разных бедствий и болезней, объясняются как рабское бесセンлье. С этой точки зрения оправдывается истребление инородца и факт вымирания. Вредные культурные влияния, грехи колонизаторов, эксплуатация инородца, недобросовестные торговцы европейцев, соблазны, окружающие дикарей, распространение среди них вина и спирта, действующих на них губительно, объясняются «натурой дикаря», не обладающего силой воли и способностью противостоять соблазну, т. е. опять «слабостью расы». Занесенные болезни и опустошающее их действие на дикарей приписывается также организму дикарей, восприимчивости его, а не тому, что инородец, при своей убойной обстановке, лишен возможности ограждать себя от болезни и находится вне всякой медицинской помощи. Занесенные болезни и многих бедствий признается как *неизбежное явление* при столкновении дикарей с культурными племенами, и с этим фактом готовы также многие примириться. На конец, вымирание племен, явившееся как последствие бед-

ности и ухудшившись быта, стеснение головой, объясняется потерей подвижности при утрате прежней ликарской независимости. Масса придуманных слов «неустойчивость», «слабость», «бессилие» рисы и т. д. стали разрешать вопрос метафизический, когда он имел простые и сложные, по очевидным причинам, коренившиеся не в природе ликаря и инородца, а в новых неблагоприятных условиях, изменивших же его.

Не вступая в спор с этими теориями, пробовавшими опровергнуть истребление и вымирание инородческих племен и желающими представить это явлением «неизбежным», как бы законом социологическим и антропологическим, мы достаточно целико на основании собранных данных выяснили, действительно ли в этих явлениях коренится незбежность, точно так же и несколько подтверждается указания теория о слабости, неустойчивости рас и способности их сделать шаги в культуре? Нам казалось, что без изучения причин явления, а также самого факта во всем его подробностях невозможны никакие выводы.

В нашей монографии, обзоре современный быт различных инородцев уgro-алтайского племени, мы можем распространять и отличить главные причины вымирания или уменьшения в числах инородцев.

Эти причины заключаются в ухудшении быта, в обеднении инородцев с лишением прежних угодий, в осуждении промыслов рядом с расширением их потребностей, как последствии сближения с народами культурными. Мы видим, что инородческие племена переживали какой-то экономический кризис и что условия их существования изменились. Предшествовавшее же их положение хотя и не было полное в культурном отношении, но давало им способы существование и обеспечивало плодовитость, чему служит доказательство рост и существование этих племен до присоединения завоевателей.

Остановившись на факте вымирания и уменьшения в числе инородцев, мы должны, однако, проверить, насколько свойство рисы имеет здесь значение; иначе мы должны задаться вопросом: «какие племена могут считаться приговоренными к вымиранию судьбою и какие нет», где этот «закон» действует постоянно, непрерывно и где случайно, наконец, насколько он неизбежен сам по себе, иначе — насколько он «закон»?

Причины вымирания инородцев... 155

Прежде всего мы видим в Сибири довольно разнородное инородческое население. По составленным таблицам в Западной Сибири оно состоит из бухарцев, татар, алтайских тюрков, киргизов, из финнов, воротов и остяков, и из самодлов сибирского происхождения. Среди каких же племен существует вымирание и уменьшение? Можно ли, наприм., указать, что должны вымереть татары, торксско-племя или финское, или монгольское, или все они одинаково обречены на вымирание?

Прежде всего мы не имеем никаких данных и свидетельств вымирания целого племени, но мы имеем дело с частными явлениями. В то время, когда часть племени финнов, вогулов и остяков, как и самодлов, находится в печальных условиях, обнаруживает умнышление в числе, другая часть продолжает умножаться. Точно то же мы видим у тюрков и татар. Вымирание и умнышление заметно у тобольских татар, тарских, барабинских, но оно проявляется не во всех волостях и управах олинаково; другие тюрки, алтайцы, телуты, черные татары и кочевники киргизы продолжают плодиться и множиться. Монголов, то есть племени по физическим признакам более низкого типа, чем тюрки и финны, совсем не коснулось вымирание. Что касается образа жизни и культурной стадии, то она здесь опять не имеет никакого значения. Мы видим, что вымирание и умнышление в числе среди оседлых татар Тобольской губернии и бухарцев — факт поразительный, принимая во внимание, что это оседлое земледельческое население подобно казацким татарам, бухарцам же сибирские родственники бухарцам Туркестана, те и другие при обеднении выказывают склонность к уменьшению в числе. Напротив, среди кочевников киргизов, которые стоят на низшей степени культуры, чем оседлые татары, видна прибыль населения, как и у алтайцев. Таким образом, убыль населения и вымирание далеко не преследуют все инородческие племена; напротив, некоторые племена не только живут, но и множатся. Народности эти представляют компактную массу, которая достигла значительной численности. Киргизы, кочевники Оренбургской степи, в Акмолинской и Семипалатинской области представляют $2 \frac{1}{2}$ миллиона человек, якуты около 200.000 человек, численность бурятов в Восточной Сибири определяется в 250.000 чел., и среди этих народностей торкского и

14 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

монгольского племени не видно никаких признаков вымирания. Эпичетальная часть кочевых племен наклонна, напротив, спллюзаться; таким образом, мы не видим здесь какого-то постоянно действующего закона, он не привязывается, не притягивается к какому-либо данному племени, часть племени может существовать и плодиться, другая часть уменьшается в числе. Ясно, что здесь причина частные, местные. Вымирание и различная плодовитость замечается в отдельных мелких группах. При подробном анализе и исследовании мы видим: чем более группа, тем хуже ее экономическое положение, чем она обездоленнее, разореннее, тем больше здесь смертности, и тем слабее плодовитость. Причины, содействующий вымиранию, энзэт, чисто экономическая

Из статистических данных мы видим, что положение волостей инородческих до бедственности различно. Нет такой волости, где бы не было вымирания, было задано и необходимо; рассматривая условия быта, мы открываем и его причины. Всё это приводит к заключению, что вымирание и уменьшение инородцев в разных группах случайное, локальное, но не постоянное, ненебожское и не-прелестрательное. Тё же племено в других моментах существования, при других условиях и при всякой перемены хужеющему обнаруживают все залоги жизненности. Обратим внимание, напр., на эпиземные среди инородцев.

Вот что напечатано было в статье «Инородческий вопрос и осла в Сибири» в № 17 «Вост. Обзор» 1883 г.: «Недавно местные сибирские газеты прнесли неутешительные вести из Сибири. По всей нашей восточной окраине холит осла. «В Иртыше, пишут, появилась непрошеная гостья, осла; ранее она тостила по селениям Парафельской волости и унесла много детей!» Из Якутска пишут: «Уже мессища три, как в Якутском округе и в городе появилась осла. Кто помнит, как эта «бабушка», как называют ее якуты, свирепствовала здесь в 1872 году, то со страхом наблюдают теперь за ее развитием. Жители города осаждаются оспопрививаться ежедневными приглашениями, и он, застинутый врасплох, не имея хорошей оспенной лимбы, должен только теперь вырабатывать ее на здоровых детях, предлагая желающим жадить очереди от одного ребенка до другого. Открыто отдельное помещение для оспенных больных, город разделен на участ-

тки по числу наличных врачей и на более мелкие участки по числу санитарных надзирателей, выбранных из горожан. На обязанности последних лежит возможно чаще осматривать и опрашивать свой небольшой участок и, буде где появится больные, извещать о том врачу, в ведении которого находится участок. Последнее сделано на тот конец, чтобы якуты, живущие в самых дурных гигиенических условиях и не особенно расположенные к медицинской помощи, не ускользали от медицинского надзора или не уезжали за город, да и русские не стеснялись бы приглашением врача только потому, что у них достатков нет или просто по небрежности». Наконец, та же лезчаль и в Туруханском крае «Положение Туруханского края в нынешнюю зиму крайне исключительно, благодаря, во-первых, осеннею эпидемии, во-вторых, плохому улову рыбы и пушинны и, в-третьих, недостаточному азоту хлеба, так что еще в сентябре прошлого года многие из жителей, ниже Туруханска, были уже без хлеба. Положение бесцеходное, в особенности при той силе эпидемии оспы, которая гонит инородцев в глубь тундра, в тайгу, подальше от жилых мест. Плохая ловля рыбы и пушинны лишает жителей нашего северного Севера послепленного зимнего заработка, результатом чего является полная кабала, при отсутствии всякой помощи, и неизбежное вымирание». Доносились и из других мест известия об оспе: из Омска, Оренбурга и Казани; один из трех алтайских зайсантов, ехавших в Петербург, ходатайствовал об усвоении зородных нужд алтайского кочевого населения на переднем пути в Челябинск умер от оспы. Большое города может быть, отделяются ничтожными жертвами, но отдаленные, глухие уездные городишки пострадают прежде, чем администрация успеет что-нибудь для них сделать. Просим читателя обратить внимание на то, что все три корреспондента указывают, как на первоначальную почву болезни, на местных инородцев, якутский корреспондент говорит о якутах, туруханский о туруханских инородцах, нарымский о Парафельской волости, т. с. волости, исключительно населенной остиками. Эти жертвы, падающие теперь от зараженной в города оспы из инородческих стойбищ, есть, таким образом, оплата за ранее равнодушие к экономическим невзгодам, в которых постоянно живут наши инородцы. В той же газете номерами двумя ранее была помещена статья о ногудах, производящая

15 *И.М. Ядринцев. Сибирские икороды, их быт...*

тяжелое впечатление на читателя сообщаемыми в ней фактами. Автор сс., г. М. М., набрасывает одну за другой несколько маленьких картинок. Вот первая «Небо, лес, глубокий снег и ничего более!.. Только вот на небольшом возышении несколько померзлых, полуразвалившихся, небольших срубов, из которых только опин свою правильной крыши и окна напоминает нечто похожее на человеческое жилище. Это пауль, состоящий из 3 домов. В первом едят мелкую, в полперника длиною, рыбину и жуют какими-то лепешками, в другом переваривают кости, подсыпают толченый урак и крошки картофеля. В этих обоих домах только женщины и дети; их воодушевляет надежда: мужики уехали в лес и привезут скоро оставленные там две, три туши лося. Войдем в третью избы. У чучала (род печи), согнувшись, сидят отцы в длинную женскую рубаху вогул лет сорока: он как-то уныло, тупо смотрит на колеблющееся пламя; щеки впали: кости злокостей и плеч острыми углами обрисовываются под грязной рубахой. В углу спят двое детей. Посреди избы на полу лежит расстretchedая шкура лося с обрызганными и изъеданными краями. Знаете ли, кто живет и грыз эту твердую, покрытую грубой шерстью кожу? Эти белые спящие дети и их несчастный отец? Мать (семьи) умерла в прошлом году, потому-то отец и нарядился в ее рубаху, у него другой нет. Он проболел осень. Она падежка семьи на эту изгрызенную лосину! Другая картина: «Вхожу... Сам — старик; никого у него, ни бабы, ни детей... Вижу, поставил на таган половину разбитого чугунного котелка, налил туда воды и варит олены рога... Говорю: что же, мол, из ротов-то нанарится? Вода водко и будет!.. Молчит. Замахнул было руком, хотел будто что-то сказать, да так... ничего... наклонился опять к тагану и стал ложкой помесивать свое варево»... Страх берет, когда подумаешь, что такие картины возможны в христианском государстве, на глазах у народа, который считается самым добродушнейшим в мире. Правда, картины подобной бедности могут встречаться и в русской среде, но там они случайны; здесь же не то: здесь они обычное, повсеместное явление; это конец, к которому подано или рано должно принять каждый отдельный род. О том, что это явление общее у вогулов, свидетельствует вымирание племени. Тот же автор пишет: «Все пельмские жители уверяют, что племя вогулов заметно и быстро

нырождается и вымирает; печальными и достоверными свидетельствами этого факта являются пустые, то заселенные, то полуразвалившиеся избы, которых в ином насле встречаются более, чем жилых домов. Недалеко от села Троицкого есть пугул, состоящий из 30—35 домов, из которых в настоящее время обитаемы 6—9, точно чума или поваленный мор какой опустошил их; около Пельмы было несколько пугулов, от которых осталось всего несколько семейств. Если условия жизни не изменятся, то не без основания можно утверждать, что через каких-нибудь 30—40 лет останутся только смутные воспоминания об этих инородцах». Автор рассказывает далее, как на счет этих бедников наживается окрестное русское население: «Во владении пугулов, — говорит он, — находятся прекраснейшие лесные юрточны для охоты за соболями, белкой, лосем, обильнейшие рыбные уголья, богатейшие кедровники». Но пугулы проигрывают свою богатую добчу русским торговцам за ничтожные цены: «задаром же они отдают свои уголья и в карточку». Например, за пользование одним кедровником русская артель платят пугуловам за три урожайных года всего 12 рублей, а в одном прошлом году за один сбор эта артель промиссила орехов на пять тысяч рублей. «Пряя набье вино сделало свое дело», прибавляет автор. То же вино всегда фигурирует и в оставшейся торговле с пугуловами, отчего и получается такие цены: вино в соседнем городе Пельме 35 коп. бутылка, в земле пугулов 1 р., мешок ячменя в Пельме 1 р. 80 к., у пугулов 4—5 руб., 1 фунт дроби в Пельме 15 коп., у пугулов 36—84 коп. Желать, чтоб русское соселое крестьянское население относилось к пугуловам иначе, без спаивания, обвещивания и прижимок, конечно, следует, но винить его за это никто не будет, это такая же темная масса, как и пугулы. Но кому недостестительно равнодушна к судьбе несчастных инородцев, так это образованному обществу, кичающемуся своей цивилизацией. Из его среды не вышло ни одного человека, который поразился бы положением этих медленно, трагически умирающих людей, умирающих иногда разом целой семьей от голода, и посвятил бы свою жизнь на служение им! Ни одного крупного акта милосердия со стороны общества в пользу этих несчастных, никакого коллективного усилия, чтобы прекратить такое положение дела, которое служит упреком для христианского общества и XIX века. Не-

сколько лет назад была помсажена прекрасная статья в «Церковно-Общественном Вестнике» — «Вымирание племен», № 46, 1883 г., которую можно было рекомендовать духовенству, заведующему инородцами. У наших же, даже лучших людей гуманности, интересуется одним вопросом о крестьянах. Отчего же обязательна забота об одном крестьянине, а не вообще о человеке, мы говорим о человеке, живущем не в Африке или Америке, а в пределах той же России, притом платящем подати, следовательно, доставляющим деньги на удовлетворение высших потребностей образованного общества? Наша литература почти не касалась вопроса об инородцах, часть ее даже проводила теорию, которая была на руку беспечному обществу и ленивой администрации. Теория эта гласила о расах, которым было преопределено продолжать цивилизацию, «плодиться и множиться и населять землю», и о расах, рождающихся супыбь которых заключалась в мелленном вымирании. Эта теория освобождала сибирскую администрацию от всяких забот об инородцах. При hvordanий инородцев к крестьянскому населению в деле административной заботливости — слушится осна, головы, надо посыпать курьею, докторами, чиновниками особых поручений, устраивать больницы, передвигать запасы хлеба. А с этой теорией отлично. Начни умирать сотнями, пу, значит, ближе к концу, которого будто бы никакими мерами не от不至于.

¹ «У нашего христианского общества есть специальное «общество для покровительства умирающим людям», и нет «общества для покровительства умирающим животным», которое бы прекращало такие раздирающие картины, как умирающий отец, оставляющий одиночных детей с мыслью, что через сутки и они будут умирать тоже же смертью. Справедливо могут заметить, что для белых людей есть более могущественный покровитель, а для инородцев специально христианские миссии. Но мы уже говорили, как относятся к вопросу о вымирании инородцев представители сибирской администрации. Бывали в Сибири ясачные комиссии или комиссии для устройства быта инородцев, завоинились многотомные дела о том же, но под этим «устройством быта» разумелось изобретение мер к увеличению поступлений с инородцев в казну платежей, а не о мерах к прекращению вымирания;

Причины вымирания инородцев... 161

много-много, если говорилось о равномерном разложении народов, да и то в видах все того же увеличения поступлений. Миссии надеялись устраивать местами больницы, приюты, богадельни, но только для инородцев крещеных, для обрученых или полубрасльях, а отнюдь не для язычников. Случай же голодной смерти бывало только у последних. В утешение мы говорим бедствующему язычнику-инородцу: обруссей, и тогда мы будем на тебя смотреть, как на предмет, подлежащий разной заботе с другими! крестись, и тогда мы тебе окажем милосердие! Но разве говорим мы не вопреки великому Учителю, сказавшему притчу о самарянине? Возьмите спиритуальные ведомости или другие органы журналистики, в которых печатаются письма и труды наших миссионеров: много ли мы найдем статей здесь, в которых заключался бы призыв к обществу противодействовать этим голодным смертям? Отчего бы нашим миссиям не заняться убежжением для осиротелых и обессиленных стариков-язычников и приютами для их детей вместо свечных заводов и тому подобных заведений? Такое милосердие могло бы привлечь языческую массу к мнению, что учение Христа есть действительно проповедь о любви к людям. Сибирским отделам Географического Общества мы рекомендовали бы направить свои силы к изучению экономического быта инородцев и к исследованию причин их вымирания, эпидемий и случаев голодной смерти. Кроме того, необходимо правительствуенной комиссии, назначенной из Петербурга с целью описания экономического быта инородцев, которая в заключении своих работ выработала бы обязанности для местной высшей администрации на случай катастроф с инородцами, вместо инициативного безуспешного отношения ее к их бедствиям.

«Полтому фраза: «Пусть вымирают! тем лучше! место очистят для более здоровой, культурной русской расы!» — выражения необдуманные и злодейские с точки зрения общего благополучия в государстве, мало того, они безнравственны. Случай оспы в Омске, Оренбурге и Казани показывают, как далеко могут простираться последствия от невнимания к нуждам белых обитателей наших тундр, они внушительно предупреждают, что это невнимание и небрежность сибирских властей может отражаться и на благополучии русских обитателей отдаленных от тундры областей. Далее — это невнимание

162 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

ные властей, общественных благотворительных и ученых учреждений, журналистики и литературы к инородческому вопросу невыгодно может отражаться и на духовной жизни русских. Русские, живущие по окраинам, присланные к инородческим стойбищам, относительно добродушия заметно уступают тем крестьянским наслаждениям, которые залегают подальше от окраин. Эти соседи инородцев, избалованные легкой жизнью от горожан и сделок с последними, являются в большинстве случаев народом праздным, любящим пожить на счет простоты постороннего человека; в этом роде г. М. М. рисует русское население Пельмешского края, которое греется около простотах vogulich. Наконец, какие высокие идеалы может выработать из своей внутренней жизни общество, которое в деле милосердия различает расу, что было свойственно только дохристианским обществам, но неприлично обществу, которое называется христианским? Социальное, нравственное и воспитательное значение инородческого вопроса огромно. Народ, питавший жестокосердие к иным племенам и расам, сяди ли способеннести и в свою среду гуманные отношения».

Рядом с вопросом о вымирании инородцев и оставлении ими исторической сцены стоит вопрос о культурных способностях инородческих племен и способности воспринять общечеловеческую цивилизацию. С этим вопросом теоретики и култураптеры сосилинчи также приговор инородческому существованию. Все бедствия инородцев и лишения обяснялись их управством, нежеланием или неспособностью перейти к высшей культуре, когда условия жизни изменились. А раз инородческое население неспособно сделать этот шаг, по мнению култураптеров, приговор ему подписан. На этом же основывались разные побуждения и искусственные меры заставить инородцев перейти к высшей культуре, на этом основывались все проекты «оседления», обрусения, обращения инородцев от кочевого быта к земледелию и т. п. Полобными опытами заваливались многие администрации; хозяйственный быт инородцев при этом рассматривался как быт дикарей, достойный пренебрежения, инородческие промыслы считались незэкономными, низкими, недостойными поддержки и покровительства и самое уничтожение этих прежних промыслов должно было содействовать к переходу инородцев в высшую культурную стацию.

Вопрос этот, разрешаемый в области теоретических сображенний, точно так же не имел почвы и повел ко многим заблуждениям и препрассукам.

О самой культуре инородцев, об их хозяйственном быте, промыслах и способах существования мы имели слабое понятие, а тем менее знали о происходящих изменениях в их жизни, между тем изменения эти происходили как в прошлой их жизни, так происходят и теперь. Представленный нами в особой главе очерк культуры показывает то движение и то постепенное изменение быта, которое совершилось и совершается в инородческом мире. Это переходное движение и развитие культуры, постепенные шаги от первобытной стадии к более высокой, переходы от охотничьей жизни к кочевой и от кочевой к полуседельной происходят совершенно естественно, без всякого побуждения; они совершаются издавна, и русские, прия в Сибирь, заставят уже инородческие племена полуседельными. Нечего говорить, что кочевники, лесники, многие охотники, звероловы, рыболовы далеко ушли от первобытного положения дикаря и от периода каменного века, хотя остатки и призыники от перекитых эпох и могли сохранять. Во всяком случае, нации инородцы и алтайские племена не могут сравниваться с дикарями Австралии и Полинезии. Это тюркские и финские племена, представляющие уже известную стадию различия и культуры. Поэтому нет никакого основания отрицать среди инородцев известного культурного прогресса даже в предшествовавшей жизни. Все дело в том, что этот прогресс и переход от одного занятия к другому совершается очень медленно.

Обращаясь к современной картине инородческого быта, мы видим, что по образу жизни и занятиям они различаются на бродичи охотников, тип их на севере Сибири, они же сленговоды; таковы самослы и остатки, часты их рыболовы, остатки по Оби и в Нарымском округе; к охотникам и рыболовам мы должны причислить и вогулов. В Восточной Сибири к этой группе относятся самоэлы, тунгусы, юралы, камчадалы и многие гипербореиты, как маньчжурские племена Амура. В этой охотничий группе мы, однако, видим уже различные стадии и формы быта. Жизнь самосла Крайнего Севера нельзя сравнивать с жизнью вогула и парымского остатка. Последние представляют тип полуседельного охотника и рыболова. Точно так же огромную разницу представляет

"

15 Н.М. Янды чык. Сибирские инородцы. их быт...

от самодела лесной житель Алтай и Кузнецкого Алатау. Эти инородцы носят все за�оты лесной полуоседлой культуры, несмотря на свой охотничий промысел, и представляютесь близкую стадию к оседлому быту. Как у тех, так и у других оконников Сибири мы видим, кроме переносных шалашей, лимовки, землянки, «карамо» остатки, «йай» в Алтае, наконец срубы, подобные изб и т. п. Что касается кочевников, номадов или скотоводов, раскинувшихся в южных степях, то и здесь мы видим различные переходы и ступени кочевого быта. Нечего говорить, что самое кочевое хозяйство, основанное на эксплуатации прирученного домашнего скота — овцы, лошади, коровы и верблюды, представляет уже высшую стадию культуры, сравнительно с оконником, и услуги, оказанные кочевым хозяйством в истории человечества, несомнены; без этой стадии не могло быть поступательного движения вперед. Полуседельные лесники, приблизившиеся к оседлому быту, принесли из кочевого быта домашнее животное в свои леса, а это животное явилось помощником и новым силовым в культуре. Самы кочевники и номады мы находим в застое, быт их с веками и с переменой места изменяется. Кочевание среди привольных степей Центральной Азии в древние времена представляло более разнообразия и было более подвижно. На Севере, близ границ Сибири, оно должно было изменяться по климатическим условиям и потребовало зимнего перерыва; точно так же кочевки и перекочевки изменяются в горах и предгорьях; суживаются, еще более переменны мы видим в лесах. Киргизы и буряты ныне представляют особые формы кочевого быта; они строят зимовки, остаиваются на зиму и могут считаться полукочевыми племенем. Еще более задатков оседлости представляют якуты — скотоводы, имевшие зимние жилища, избы, и, наконец, еще ближе к оседлому быту башкиры, живущие деревнями.

Далее, рассматривая занятия инородцев, мы видим, что каждый промысел в отдельности совершенствуется с течением времени: у охотника мы видим переходы от лука к ружью, винтовке, у кочевников лучшие способы ухода за скотом, заготовку сена, чего прежде не было, у бурятов, якутов, алтайцев. Мало того, в самой ранней стадии у кочевников и лесников мы находим задатки земледелия и хлебопашства. Многие народы до пришествия русских умели па-

Причины вымирания инородцев... [5

хать хлеб. В десах Алтая и у кочевых алтайцев-скотоводов мы напиши первообытное земледелие и первообытные земледельческие орудия. Киргизам также было давно известно земледелие, как минусинским инородцам и бурятам; оно существовало рядом со скотоводством. На древнее земледелие указывают остатки ирригации в разных местах Сибири. Канавы в Айтле, виденные нами, канавы и арыки в Минусинском округе, по исследованиям Клеменца, остатки ирригации за Байкалом, близ Баргузина, указанные Палласом. Обычай ирригации остался доселе в Айтле, на Бухтарме, у киргизов Семипалатинской области, где земледелие весьма значительно; у лесных татар Алтая и Минусинского округа также существует земледелие. Стало быть, нации представления о том, что инородческие племена, скотоводы и кочевники, не знают земледелия — было совершенно неверно, они давно знают способы посева, но заняться земледелием им не позволяли физические условия: степи, безводные пространства, солончаковые местности (напр., в Акмолинской области), наконец, они предполагали скотоводство как господствующий промысел, потому что он в данную минуту более выгоден и дает более средств к обеспечению жизни. Каждое занятие инородца и его промысел были обусловлены климатом, физическими условиями страны, естественными производствами и свойствами, благоприятствующими развитию той или другой формы хозяйства. Культурный прогресс стоял поэтому в зависимости от этих условий. Мы видим, что инородцы во многих местах приближились к форме оседлого хозяйства, помимо всякого внешнего принуждающего влияния, и это доказывает вполне их способность к развитию высших форм культуры. Обращая внимание только на высшие формы быта, видя полулихих звероловов или коченников, постоянно перемещавших места, мы составили себе самое ложное представление о быте инородцев, признали, что формы эти, постоянны, исполнены из века в век, обвинили инородца в косности, в упрямстве, в неспособности делать культурные шаги и стали придумывать, какими бы насильственными и искусственными способами заставить его перейти к осадости и земледелию. Когда мы придумывали разные способы для побуждения инородцев к другим занятиям и стеснению или ограничению их пастбищ (проекты ограничения перекоче-

166 *Н.М. Яорицев. Сибирские инородцы, их быт...*

вок), мы игнорировали весьма важный факт в инородческом мире, мы не замечали, что в другой полосе, на границе лесов в Алтае, в кузнецких лесах, в Минусинском округе, в средней полосе Сибири, у прежних сибирских племен совершились уже переходы к оседлости и земледелию совершенно естественно и что надобно было только внимательно относиться к этим культурным переходам у других племен, облегчая им переступить эту стадию, но не насилия их. А между тем, необходимо было только там, где жизнь совершила свое дело, где культурный переселок начал, где он вызван естественными условиями и необходимостью и где инородческое полусословие население тесно сблизилось с русским населением; таковы инородческие управы и кочевые лесные волости Бийского, Кузнецкого округа Томской губернии, vogульские волости, селения полуоседлых остатков, поселения полуоседлых якутов, башкир. Мы видим, что даже киртизы на границах с русскими начинают заниматься земледелием, как и буряты; таким образом, всякое принуждение здесь излишне.

Значительная часть сибирских племен уже перешла к оседлости, и это видно на распределении населения, особенно в Западной Сибири.

По образу жизни мы подразделили инородцев Тобольской и Томской губерний в особой таблице на три группы оседлых: полукочевых, кочевых и бродячих.

Селевых инородцев в Тобольской губернии	39.632 чел.
В Томской губернии	38.889
Полуседлых инородцев	
в Тобольской губернии	20.729
В Томской губернии	5.791
Затем кочевников и звероловов	
в Тобольской губернии	13.839
В Томской губернии	40.766

Из этого мы видим, во-первых, что оседлых инородцев в Тобольской губернии более, чем в Томской, точно так же более в Тобольской губернии и полуседлых, чем в Томской. Кочевые и бродячие племена, в числе 40.766 чел., преобладают в Томской губ. В сущности, кочевых и бродячих инородцев в двух губерниях, однако, менее, чем оседлых.

Причины вымирания инородцев... 167

Оседлых 78.521, кочевых и борзячих — 114.605. Картина эта, однако, не будет полна, если мы не примем во внимание прымывающие к Тобольской губернии с юга степи, населенные киргизами,nomадами, и находящиеся в Акмолинской и Семипалатинской областях, а также Семиреченской. В двух областях это население равнялось 700.000 человек, а во всех степях до 2.000.000.

Рассматривая оседлое население по племенам, мы видим, что культурное развитие доступно однаково всей алтайской расе и всем племенам тюркского, финского и монгольского происхождения. В числе оседлых инородцев Томской и Тобольской губерний мы видим сибирских татар алтайского происхождения; когда-то они были *тиунгачечными*, как и *бабайцами*, ныне они вполне оседлы. Мы видим несколько оседлых управ в Бийском округе и в Кузнецком Томской губ., наконец, полуоседлые племена ногулов, остиков и Тобольской губерни, лесных татар Бийского и Кузнецкого округов. Заметим, что алтайские татары монголообразны и поэтому составляют смесь тюркской расы с монгольской, как и якуты. Буряты же чисто монгольское племя, а между тем мы видим у них ту же наисклонность к полуоседлому быту. Якуты вполне оседлы, хотя остаются скотоводами.

Рядом с переходами к культуре мы видим у инородцев вообще поступательные шаги в занятиях и ремеслах, причем часто выражаются их оригинальные способности. В самом охотническом и рыболовном быту мы видим много изобретательности и усовершенствования. напр., при устройстве ловушек, сетей, лодок, в коем случае лучше сохранять и расплющивать скот. На известной ступени развития появляются ремесла; выделка кожи и замши поражала Миддендорфа, точно так же, как и искусство приороновывать меха и звериные шкурки для одеялки.

Вообще население даже полярных дикарей высказывало множество способностей приороноваться к природе, ограждать себя, сохранять свою жизнь, пользоваться окружающей обстановкой и продуктами, утилизируя их и совершенствуя. Не можем не привести в этом случае слова глубокого знатока Севера, Мишлендорфа, об инородческой культуре:

«Европеец, налегающий, что и глади самого бесприютного Севера ему наконец удастся отдохнуть от повседневности мира, моды, вскоре разочаровывается и своей надежде,

18. М. Ярринцев. Сибирские инородцы, их быт.

видя, что мозг властвует везде, куда только успеет проникнуть человек на земном шаре. Само собою разуместся, что я говорю тут о разнообразии нарядов и о том, насколько покой их приспособлен к различным условиям жизни, при которых каждый народ ведет свое хозяйство. В этом отношении рассудительный путешественник научается сидеть на день правильные судить о том, что сначала ему казалось странным, или, пожалуй, смешным. И даже, чем он рассудительнее, тем чаще он ловит самого себя на увесистом прыжко, а потому одновременно и пренебрежении суждения, которое запад у себя дома. Очень трудно отвыкнуться и делу сортировки обесценить. Тогда вы же мало можете заниматься, сколько ручательств в нашей жизни есть привычка и как мало они соответствуют полнейшей практической сущности.

Существуют только два средства, чтобы вникнуть в эти условия без всякого предвзятования: или нужно поморститься как можно ближе к нашим высшим европейским положениям с их величием обстановкою южеского принципа и всевеческой минимой важности; или наоборотом великим влечь в широку коленника: сдаваться, угрываться, ципаться и жить, как коневник, и стараться, так ли ива не так, доказать то, что он делает. Но успеши оглянуться, как чувствуешь себя разбитым на всех пунктах, как в наименшем споре ты не останешься следа спеси, и ему станет ясно, как день, что в первобытных условиях жизни заключаются своего рода совершенства, которые развиваются посредством тысячелетних усовершенствований до тех пор, пока они в долгом напряжении становятся недоступными для дальнейшего совершенствования и вступают в период оленинения. Слесарный сваропесец, не упускающий случая сначала устраивать все по-своему, лучше глупых туземцев северной Азии, вскоре, после жестоких уроков (которые своеобразности природы и жизненные условия немножко дают ему, изолированно стоящему культурному человеку), отдающийся от всякого уничтожения, и если не хочет погибнуть, может сохранить себя только тем, что сам преувеличивается в контурах азиата. Он ежечасно начинает сознавать, что все его европейское житье-бытье кроется только в обмене промышленных, торговых и подобных выгод социального хозяйства. Но ведь как скоро истощается запас пороха, портится курок или дуло, изнашиваются привезенное белье и верхнее платье и т. д.!

Причины вымирания инородцев... 169

Да, переходы от лука и стрелы к отистрельному оружию, от меховой к тканой одежде, составили скачки, повергавшие человека в новый мир. Я живо припоминаю чувство сожаления, которое я испытал, когда, вскоре по возвращении из путешествия прошел в Динглеровом «Polytechnischer Journal» подробное описание и громкое восхваление необычайноенных преимуществ нового изобретения по части отделки замши при помощи мозгов и яичного желтка. Это было не что иное, как способ, исколи мастерски употребляемый полярными народами Сибири, но более усовершенствованныйими начальством, средствами разных мелких уловок, а в отвлечении последнем прокапчивания, и позволяющий действительно присвоюю *выделанную замшевую шкуру подвергнуть сырости без маевшего вреда*. Дело в том, что *мягкость* (вопреки сильнейшей стуже) и сухость меховой одежды составляют необходимые условия для того, чтобы человек мог переносить сильнейшую степень мороза. Чтобы правильно понять чрезвычайную важность этих свойств, нужно только позуметь в противоположную крайность. Охотник, который захотел бы лучше оберечь себя от мороза при помощи смеси однотипных писку северных оленей, заснул бы, закутавшись, пожалуй, прекрасно, но на следующее утро увидел бы, что без чужой помощи *безъядко* замерз бы в самых тесных оковах. Вот почему все северяне щательно снимают все с себя на ночь, что тем несомненно, чем сильнее мороз, которому они намерены противостоять под открытым небом или в шалаше. В другом месте (стр. 322) я уже коснулся этого предмета. Так просто разрешается исполнение для непосвященного в дело иззвестие старика Витсена, что *самодети «wstric'harekleideren des nachts bilden de tent»*.

Этим-то и объясняется превосходная отделка замши у полярных народов.

Я нашел даже, что чес более я удалялся от центров цивилизации в Сибири, тем техника дубления была более развита. Ближе к ним, у остяков, тунгусов и самодотов, встречались, правда, еще те же самые более усовершенствованные инструменты, которые употребляются и русскими в Сибири.

Таким образом, философ европеец должен отнести не с пренебрежением к способностям и первобытной культуре этих племен, но с почтением и удивлением. Мы рекомендуем также прочесть прекрасную страницу из Оскара Пешеля об эс-

176 *Н. М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

кимосах. «Конечно, эскимосы не вывели по известным отклонениям в движении луны заключения о привлекаютной форме земли, они не разложили воду на два составные газа, не создали мировой религии, но зато они первые своими собственными силами и собственным искусством проложили себе пути к тем пейзажам земли, где зима сковывает землю на десять месяцев, где не растет ни одного дерева, где даже морем не проникается столько лесу, чтобы можно было сделать из него ярко копья». Они, однако, научились делать сани, копья, стрелы, они делают хижины, возводят склоны из камня, о чем не думали народы Мексики, они привучили собаку и употребляют ее в хозяйстве. Одни уже заселение Крайнего Севера должно быть признано культурным почином. Эти эскимосы завоевали себе жизнь на Севере и помогли другим сделать географические открытия, они спасали и руководили здесь европеицем. Когда раздается на корабле, затертом льдами, крик «Эскимосы пришли», как будто бы рука друга растворила двери арктической темницы, говорит знаменитый мыслитель-антрополог (Народоведение. Оскара Пещеля, вып. III, ст. 405-406). Если мы видим среди полярных дикарей искусства и изобретательство, то другие племена еще более обнаружили их и оказали услуги человеческой культуре. В лесах Сибири мы видим образцы плетения и выделки первой ткани из крапивы, из дикого льна, конопли или из кенцидри (первообытный ткацкий станок известен лесным татарам Алтая и финнам). Мы знаем, что инородческие племена, как финны, мордвы, черемисы, умеют производить прекрасные узоры на тканях, точно так же как замечательным вкусом в этом отношении отличаются и тунгусы. У кочевников является умение выделять сукно из верблюжьей шерсти, как, напр., у киргизов. Монголия когда-то славилась вышкой той же ткани, и у лесных инородцев кумыцинцев производятся одеялы и чулки из овечьей шерсти. Войлок был утилитарнейшим продуктом кочевника.

Кроме выделки из кожи посуды (турецков), сбруи, обуви, мы видим у инородцев искусство обдевать дерево, бересту, наконец, кость. Костяные ажурные работы особенно славятся у якутов. Наконец, инородцам Сибири изранна был известен металл, употребление которого перешло к ним от древних народов Сибири, обитавших в Алтае и в Саянах. Самый металл и искусство его обработки перенесено из Азии

Причины вымирания инородцев... 1/1

в Европу, и знаменитая Колхиза находилась в недрах Азии и, по логадкам некоторых учёных, чут ли не в Алтае. Путешественники и геологи обнаружили в Алтае, в Саянах и в Нерчинском крае, как и на Амуре, множества заброшенных коней, чудских рудников, где произошла разработка меди, серебра и даже золота, иногда находились даже засыпанные руинами (в Алтае). Все сибирские рудники основывались там, где уже ранее какие-то народы пробовали шахты. Лучшие честорождения металла открыты для русских людем в первое время инородцы: тунгусы, татары, алтайцы, буряты и т. д. Археологи открыли огромное количество металлических орудий в древних могилах Сибири и особенно превосходнейшие коллекции бронзовых орудий, которые наполняют ныне сибирские музеи (особенно Минусинский и музей Сибирского университета в Томске). Все это были слепы какого-то древней культуры предшествовавших инородческим племенам в Сибири. Исторические показания китайских историков несомненно говорят о древних племенах Сибири, рождавших впоследствии торков, алтайцев, якутов, киргизов и других. Эти драгоценные указания можно найти в трудах Клапрота, отт. Иоганна, Паллави, у Абель-Рене, Стадиана, Жюльена, у Шотти и других авторов. В VIII и IX вв. в Балканах, Греции и в Минусинском округе жили люди, называемые (киргизы), которых знали наименуя железо и побывали его. Они соединились с Китаем и сообщали китайцам о выделке железа. В Алтае народ тухо (сугут по Иоакиниду) умел высыпывать металлы и называли плавильщиком. На Амуре и во Благовещенске перешла и к дальнейшим инородцам Сибири. Выделка металлов перешла и к дальнейшим инородцам Сибири. Русские в XVI в. покоряют алтайских кунецов татар, которые выделявали из меди котлы и разные поделки, которыми платили дань в Китай, от того получилось и название города Кунеинск. Железное производство существовало у енисейских инородцев и поэтому дано название Кунеинской волости: плавка железа посл. перешла к русским крестьянам (см. Паллас). Железо умели выделывать и тунгусы. У алтайцев до сих пор существует кузнечное дело, как мы убедились сами и как засвидетельствовал известный ориенталист и исследователь Алтая В.В. Радлов. Алтайцы-кочевники и лесники не только умеют добывать из руды железо, но

172 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

закаливают сталь и доводят ее производство до известного совершенства. Затем мы видим сохранившееся искусство выделять из железа и серебра различные веци у якчотов. Замечательные образцы украсивший якутских из серебра приведены в рисунках в путеводитии Маака: кроме того, изящная коллекция их находится в Иркутске при музее географического общества. Замечательно, что многие инородческие веци и их орнамент совершенно напоминают курганные веци, показывая связи древней культуры с сохранившимися ромесном у инородцев. Мы должны сказать, однако, что прежнее искусство и ромесленность у инородцев падают и исчезают как следствие того, что самой был их ухулился, затем месторождение металлов и эксплуатации его перешла в руки русских и, наконец, купеческое искусство русских и приезд фабричных металлических изделий не позволяют конкурировать местному производству. Но прежде чем культура завоевателей заняла место, мы видим, что все инородческие племена имели самостоятельную культуру, обнаружили свои способности и искусства, что вполне опровергает предрассудок и заблуждение о том, что инородческие племена неспособны были совершенствовать быт свой и лишены способности совершать культурное развитие.

Напротив, мы должны пожалеть, что этот дар, эти способности инородцев утратились, не имели надлежащего выхода и применения; иначе мы не воспользовались ими так, как они принесли бы пользу в общей культурной работе человечества.

Взаимодействие русского и инородческого населения

Горсть русских, вторгнувшись в Сибирь в XVI ст., была, конечно, гораздо малочисленнее инородческого мира, раскинувшегося от Амура до Урала и южнорусских степей. Только сплоченная сила, организованное движение, необыкновенная отвага с некоторым преимуществом огнестрельного оружия могли оказать здесь успехи и прорвать инородческую массу, разделить их, разбить по частям и обезоружить. Нечего говорить, что завоевателям здесь благоприятствовало много обстоятельств. Впоследствии колонизационный поток и ринувшаяся эмиграция из России подкрепили завоевание, но тем не менее число русского населения все-таки было невелико. К началу наинешнего столетия оно не превышало миллиона на всю Сибирь, между тем как инородческое население охватывало со всех сторон русских. Чтобы представить себе, как уравновешивается инородческое население с русским и объяснить себе их взаимодействие, следует обратиться к таблицам и данным, показывающим процентное отношение инородческого населения к русскому и обратно.

Мы видим, что пропорция русского населения к инородческому в разных частях Сибири была и есть весьма различна. Приведенные таблицы показывают распределение инородцев в различных округах Тобольской и Томской губерний. В то время, когда в более населенных русскими округах процент инородческого населения равняется 3,05% (Ялуторовский округ), 6,72%, 7,06%, 9,34%, 16,92%, то есть значительно менее русских в северных округах, как Березовском и Сургутском, инородческое население преобладает над русским и пронести его на русское равен 354,67% и 445,90%; в Томской губернии число инородцев значительно более в Бийском и Кузнецком округах, а именно: 12,89% и

16,48%, но в Канском округе составляет 1,83% русского населения. Зато в области Акмолинской и Семипалатинской, т. е. в южных степях Сибири, замечается опять полное преобладание кочевников киргизов над русским населением, а именно: в Акмолинской области 428,04%, сравнительно с русским, и в Семипалатинской 854,92%. Вообще же в степях, принимая во внимание Оренбургскую область и Тургайскую, киргизы составляют 91% общего числа жителей. Чем далее мы пойдем на восток, тем пропорция инородцев является значительнее. В Енисейской губернии, на севере, в Туруханском крае находится 7.020 бородачей инородцев, а русских только 9.783; но недавно русских было менее инородцев. Еще поразительнее пропорция инородцев в Якутской области — русских, по отчету губернатора, в 1887 г. составляли 2% всего сельского населения области. Вообще в области находилось 255.671 житель, из них только 16.551 русских, евреев, немцев и поляков, 239.120 чел. было якутов. В Иркутской губернии и в Забайкалье насчитывается 200.000 бурятов. В Забайкальской области на 539.600 жит. с войсками приходилось 154.000 тувинцев, бурятов и тунгусов. 27 лет назад в Амурской и Приморской областях русского населения почти не было, ныне на 95.600 русских приходится 66.800 инородцев, причем в некоторых районах, как в северных окрестах Приморской области, на 2.800 русских приходится 16.700 инородцев, а во Владивостокском губернаторстве на 6.500 русских 5.400 корейцев и китайцев. Такая непропорциональность населения и преобладание в некоторых местах инородцев не могло не отразиться на русском населении, и мы не можем игнорировать явления метисации и смешения с инородцами, выразившиеся довольно чувствительно. В этом отношении, вслед за завоеванием и установлением мирных союзений, русские не могли сохранить чистоту расы; с другой стороны, некоторая часть инородцев при сближении с русскими образовывала помеси, не сколько обруслася и mestами образовались деревни новокрещеных и обрусевших инородцев в Томской губ., в Бийском и Кузнецком округах, в Енисейской губ. в Минусинском округе.

Культурное влияние русского элемента должно было быть также обнаружиться в Сибири при союзениях с инородцами, но при низком уровне умственного развития русское

население оказалось менее стойко, чем можно было ожидать, и само отступило от культуры и подверглось инородческому влиянию. Мы попробуем сгруппировать многие факты, обнаруживающие взаимодействие русского и инородческого элемента на окраине, а также данные о совершающейся метасинии.

Смешение и перерождение русского племени на востоке совершилось двумя путями: при посредстве кровного родства и примеси к русской народности инородческого элемента, а также вследствие восприятия самими инородцами русского языка, образа жизни, смесиции с русским, а затем подного слияния и исчезновения среди русской народности. Такое смешение происходит на востоке с отцом давнего времени, под влиянием различных исторических обстоятельств. Оно началось немедленно по заселении Сибири, может быть, потому, что как засоветели, так и завоеванные в ту эпоху стояли на довольно близком уровне культуры и развития. Происходящее сибирской или меньшей массой такого смешанного населения в Западной Сибири, по географическим и историко-географическим условиям, было неизбежно. Просматриваая даже немногие сибирские акты первой половины XVII века, мы и в них находим довольно указаний на ближайшее и непрерывное бытовое общение и физиологическое смешение русских с азиатами, в особенности с татарами, киргизами и калмыками. Калмыки, бурятские и киргизские купцы постоянно присаживали с товарами в Тобольск и Ирбит, разъезжали и проживали по другим сибирским городам и по деревням партиями человек по 170 и более, имели здесь своих друзей. Многие из них селились в сибирских городах и деревнях, принимали русскую веру и женились на русских. По словам Миллера, «многие из бурятского народа поселились в сибирских городах».

Сибирские казачьи команды нарочно отправляются в улусы или юрты калмыцких и киргизских, чтобы, по словам актов, захватывать в полон калмыцких и киргизских баб, девок и ребят, и сибирская губернская канцелярия «взятою добчулю людей отдавала им в раздел». Многие русские покупали киргизских и калмыцких девушек и мальчиков; нередко сами уральцы или калмыки дарили русским старшинам и сержантам близлежащих сибирских крепостей «баб и девок и ребят калмыцких, круглых сирот», особенно в то-

17 Н.М. Ядрин *et al.* Сибирские инородцы, их быт...

людные годы. Таким образом, в состав населения западносибирских городов и деревень непрерывно прибывали казаки, киргизы и другие инородцы, принимая русскую веру и женясь на русских женщинах, постепенно русели: один из них находился в услужении и на работах у своих хозяев, другие обучались различным ремеслам и записывались в деди и т. п. Такой способ обрушения казаков и других племен утвержден был высочайшим указом от 16 ноября 1737 г. Русские, в свою очередь, женились на киргизах, калмыках и друг. С другой стороны, и в самые центры поселений или кочевья сибирско-азиатских племен невольно вносились больший или меньший контингент русского племени, и тем способствовало образованию и выделению обрусловленных поколений. Русская частью попадались в плен, а частко и сами добровольно уходили в кочевья казаков и киргизов, и там нередко женялись. Так, например, в коша⁷ калмыцких находились, между прочим, русские яицкие казаки, женатые на калмычках. Иногда бывшие русские солдаты укрывались у киргизов и женялись на киргизских женщинах. У казаковских родоплемянников, записанов или нойонов, русских пленных находился человек по 25; некоторые были мастера, устраивали заводы для пластики серебра, мели и литья пушек. Еще больше, кажется, было русских женщин в плена у казаков и киргизов.

Вообще, по свидетельству исторических актов, с начала XVII века славяно-русская народность в Западной Сибири более или менее подвергалась негерманскому и продолжительному смешению с местными азиатскими племенами и особенно с ногайцами, остыками, татарами, казаками и киргизами. Уже в первой четверти XVII века физиологическое смешение первых русских колонистов с азиатскими племенами до того усилилось, что московское высшее духовенство находило нужным прекратить или ограничить этот естественноисторический организационный процесс. Точно так же в первой половине XVIII века митрополит тобольский нередко вспылил против такого же безззорного смешения русских с женинами ногайцами, остыками, татарами, казаками и киргизами. И вот, вследствие такого физиологического смешения с различными сибирскими азиатскими племенами, славяно-русская народность и в западносибирском русском населении, естественно, более или

Взаимодействие русского и иородческого населения .77

менее подверглась некоторым изменениям в самом своем физическом типе, усвоила некоторые признаки или оттенки физического очертания татарского, киргизского, калмыцкого, остынского и ногулукского. Эти новоприобретенные особенности заметены были уже в прошлом столетии. «В них (т. е. в жителях Западной Сибири), — писал еще Татищев, — довольно смуглых, калмыковатых, и довольно от природы смешанной калмыцкой, татарской и киргизской». Смешение с азиатскими иородцами, конечно, должно было сильно отразиться на окраинах. В середине, как замечают исследователи, русское население еще остается чистым, но на севере, например, в Обдорском или Березовском краях, смешение русских колонистов с остыками, самодедами и татарами доходит до того, что русские совершенно превращаются в иородцев. Кастрен нашел в этом крае русских, совершивших смешавшихся с самодедами. Наиболее любопытные данные в позднейшее время по этому предмету дала турканская экспедиция, которая, кроме наглядных наблюдений, даст различные анатомические и краинологические измерения. Север Сибири когда-то колонизовали казаки и служилые люди, а часто и великорусские торговые и промышленные холопы, вынуждены преимущественно из уездов Холмогорского, Устюжского и Вологодского. Вместе с русскими поселялись там и эзрыне. Впрочем, главная масса переселенцев состояла из русских. Физиологическое смешение малочисленного русского населения с разными туземными племенами в Турканско-Кокандском крае началось с первого десятилетия XVII века и более или менее продолжается и до сих пор. В начале русской колонизации все иородческие племена Турканско-Кокандского края были, по выражению актов, «не мирны», т. е. возмущались против русских служилых, торговых и промышленных людей. Потом, после усмирения немирных племен, между ними и русскими торговыми и промышленными людьми установились более или менее мирные торгово-промышленные отношения. И вместе с тем началось более тесное бытовое сближение и физиологическое смешение русских и иородцев, продолжающееся и теперь. Надобно, правда, заметить, что в Турканско-Кокандском крае физиологическое или брачное смешение русского племени с иородческими племенами, по-видимому, еще не очень сильно. Причиной этому, относительно остыков, вероятно,

178 *Н.М. Ярниев. Сибирские инородцы, их быт...*

слишком низкая степень развития в них домохозяйственных способностей и привычек и отталкивавшая неопрятность этого племени, а относительно других инородцев — их наибольшая изолированность от русской недоступность, вследствие их уединенности и разбросанности в тундрах и лесах. При всем том, хотя и поэплическое и медленное, но неизбежное, непрерывное и повсеместное смешение инородцев с русским населением и в Туруханском крае составляет существенный исторический или этнографический факт. Начиная с Верхнемимбака (63° с. ш.) до Дудники (69° с. ш.) простирается область племенной метисации, сравнительно более слабой или менее заметной. С Дудниками же по низовью Енисея и за Тундрой, по уверению туруханского миссионера, священника Добротолю, и долго находившихся там казаков, представляется настоящая область смешения или, как говорят туруханские казаки, «смешинь» племен. Как ни мало заметно смешение русских с остяками и другими азиатами в имбакских пределах, но «мы», — говорит г. Шатлов, член туруханской экспедиции, — даже при самом скромном проезде от Верхнемимбака до Туруханска (63°—65° с. ш.), еще не задаваясь вопросом о смешении русских с туземными племенами, видели уже несколько примеров русско-инородческой метисации, резко бросавшиеся в глаза. Так, в Верхнемимбаке один поселенец из духоборцев женился на остячке и до ранней смерти ее прижил к нею пять детей со смешанным русско-остяческим обликом». На низу Енисея и за Тундрой русские, по недостатку своих женщин, еще чаще жениются на инородцах или, как говорят туруханцы, на «азиатках». Туруханские казаки, долго жившие там вахтерами при лебяжих магазинах, единогласно утверждали этот факт. Вот слово в слово их рассказ: «На низу — народ смешина: русские берут азиаток, азиаты берут русских женщин. За Тундрой то же; самоды женятся на тунгусках и долганах, долганы (помесь тунгусов с якутами) и тунгусы берут — и самодок, и тунгусок, и якуток, и долганок, и юраток²⁴, и остята. Дальше до Анбары — тоже народ все смешина: долганы, якуты и крестьяне друг у друга берут баб». Так, по общему наблюдению самих туруханских жителей, русское население в их крае довольно сильно смешивается с инородческими племенами. Точных и подробных статистичес-

Взаимодействие русского и инородческого населения 17)

ких сведений об этой метисации, конечно, в туркменском «отделном управлении» нет, да и собрать их чрезвычайно трудно. Но и за отсутствием общих числовых показаний, представленные нами факты, при всей их отрывочности и неполноте, с полной достоверностью и достаточной убедительностью подтверждают то общее заключение, что и на севере Енисея, и по сторонам его славяно-русская народность постоянно более или менее смешивалась и смешивается с туземными языческими племенами.

Такое же смешение с инородцами мы находим и далее на южоке. «Если мы взглянем на русскую народность в Якутской области, — сообщает журнал Сибирского Отдела Географического Общества, — то увидим и там, быть может, еще более поразительный пример ее физического и психического видоизменения. Здесь в видоизменении ее охота действовали вместе физико-географические и этнологические условия края. Русские колонисты, при их малочисленности в сравнении с туземным якутским населением, неизбежно должны были утратить свою национальную самобытность и устойчивость, и во всем, зодко с якутами, топившимся местным физико-географическим и этнологическим условиям. И вот они почти совершенно слились с якутами, обогнувшись с ними брачным смешением и образовав своеобразную смешанную якуско-русскую народность. Черты лица и все физическое строения русского или обрусевшего и смешавшего якутско-русского населения почти вполне уступили признаки племенного типа якутов. Природные якутские уроженцы, пребывающие в Иркутске и сами в своем лице довольно заметно пристрастляющиеся к природным чистым якутам, так характеризовали нам физический тип обруселых якутов и русских, происшедших от смешанных якутско-русских браков: «Народ этот более склонный, как и коренные, природные якуты, и смуглый, но уже не так, как настоящие якуты, которые весьма смуглы. Волосы у чистых природных якутов черные, даже «спелые», и жестки, а у обруселых якутов или у якутских русских — весьма темные-русы и менее жестки, но нередко бывают также и очень черны и жестки. Белополосых или рожковолосых волос нет ни между чистыми якутами, ни между обруселыми. Глаза у обруселых якутов и у природных якутских русских жителей больше походят на глаза природных чистых якутов, чем на глаза российских поселенцев, но менее узки, чем у китайцев».¹²

18 *Н.М. Ядринцев. Сибирские и пряды, их быт...*

или монголов. У обрусских якутов, равно как и у давнишних, природных русских якутских жителей, скулы несколько выпуклы, но менее, чем у природных, чистых якутов; нос плосковатый, но «не превзывайно». Якутки красивее буряток, и потому русские силохь и рядом берут их за себя замуж. Оттого природные якутские русские жители, представляющие четвертое, пятое или шестое тумажное смешанное поколение, по наружности почти никако не различаются от якутов или весьма мало в чем различаются».

Но если мы находим смешавшиеся и почти превращающиеся в инородцев русское население на севере Сибири, поглощение которого могло бы быть объяснено его незначительностью, то подобно же бедности и недостатком русского элемента оно не может быть объяснено на юге, куда русское население пополнило к инородцам, так сказать, сплошной стеной. А между тем здесь совершаются те же явления, как на севере: русские смешиваются с тунгусами, якутами, бурятами. Смешение населения здесь происходит также лумя путями: обрусением некоторых инородцев, браками их с русскими женщинами и внесением своих национальных признаков в спрему русскую, точно так же и обратно, в силу брачного влечения русского населения к инородческому.

В Юго-Восточной Сибири, говорят «Известия» Сибирского Отдела, в первых Ангары до Братского порога, особенно в ворковых Ленты до р. Илги, по р. Иркуту, в окрестностях Байкала и во всем Забайкалье до Амура, сплавно русская народность поверглась не менее заметному и, кажется, еще более типичному видоизменению в физическом строении. Здесь в изменении ее главным образом действовали не столько физико-географические, сколько этнографические условия, не сколько климат, почва или вообще физическая экономика края, сколько физиологическое смешение славяно-русской народности с монголо-бурятским и отчасти тунгусским племенем. Самое характеристическое явление в этнографической организации восточно-сибирского населения представляют так называемые «ясачные». Это крещеные буряты, живущие на русских женщинах или иногда на крестьянках бурятках и живущие особыми дворами или селениями, отделенными от бурятских усадеб. Они частично поселены в особых селениях или деревнях, частью рассеяны по русским селам, деревням и даже городам. Так называемые «ясач-

«селения» большую частью целиком населены синими «яичными», т. е. оседлыми и обруслыми бурятскими поколениями. Таких селений, например, в Галаганском округе 13, в Верхоленском — 7; одна ли не больше всего их в Забайкальской области. Другие яичные водворены вместе с русскими крестьянами в русских селениях. Во многих русских селениях половина жителей состоит из русских крестьян, а другая половина из обруслых бурят или яичных.

Вот что-то своеобразные жители юго-восточной части Сибири, так называемые «яичные» и «оседлые инородцы», по всей национальности представляют нам самый типический пример взаимозамещения славяно-русской народности под влиянием физического смешения ее с яжистским племенем, совершенного другой разы. Достаточно взглянуть на представителя этого яичного, бурятско-русского населения Восточной Сибири и сравнить его с ролоначально-русским типом или с болгаром, чехом, сербом, поляком, чтобы увидеть, до какой степени вырожденился чистый славянский тип в этом восточно-сибирском яичном населении, вошедшем в состав русской народности и гору полуночью смешавшись новыми поколениями, приходившими в состав его из бурятского и тунгусского племен. Но и помимо яичных селений, везде в Иркутской губернии и особенно в Забайкальской области, постоянно совершаются естественноисторический процесс местного этнографического видоизменения русской народности вследствие постоянного сожительства-бытового смешения русского населения с бурятским племенем. Вероятно, многие, а местами, быть может, и большая часть крестьян, которые, числились под этим именем в реческих сказках и церковных ведомостях, живут вместе с яичными в одних селениях, не что иное, как «выродаки» (по туземному сибирскому выражению), или потомки более древних яичных, живших еще в XVII и XVIII столетиях, а теперь уже совершенно слившимся с русским населением, или мало-помалу перешедших в состав и категорию сословия крестьян или же разочинцев, купцов и мещан. Иные имена наследия обывателей, например, таких сплошь и рядом встречающихся явлений, как бранчовый тип многих из старинных урожденцев так называемых чисто русских крестьянских сел и деревень и, в частности, часто встречающейся, особенно в Нерчинском крае, в духе венецианской и сто потомстве. Эрман также описывает, как заме-

12 Н.М. Ядринцев Сибирские инородцы, их быт...

чательную местную этническую особенность, почти повсеместное распространение в русском населении города Иркутска и Забайкалья монголо-бурятского типа. В самом городе Иркутске, не только в простонародье, но и в среднем сословии, он встречал множество лиц, как мужчин, так и женщин, которые поражали своим монголо-бурятским обликом. А в Забайкальской области он сплошь и рядом видел мещан, купцов, и особенно крестьян и казаков, почти совершенно обуревшихся по наружности, языку и быту*. Доктор медицины Шперк, долго занимавшийся медико-топографическими исследованиями и наблюдениями в Восточной Сибири, в забайкальских казаках также заметил сильное изменение русской народности под влиянием бурятской крови. «Забайкальский казак, — говорит он, — это смесь русского выходца с забайкальским буратом; в наружности бурятский тип даже значительно преобладает: кровная помесь с бурятами имеет влияние и на черты лица, и на все физическое строение тела, и на самую психическую сферу забайкальских казаков»**. В некоторых прибайкальских деревнях, например, в Алашах, в 1801 году водворены были вольные военные поселенцы, служившие в России при Суворове. Они, по словам Мартоса, пережилились здесь на бурятках и уже имели (около 1827 г.) взрослых детей. При первом взгляде на взрослое поколение тотчас видно нечто общее с характеристикой монголов. То же замечено было уже давно Палласом.

Подобное же слияние с инородцами мы замечаем во всей Сибири, как в Восточной, так и Западной; но Западная Сибирь до сих пор исследована менее.

В некоторых местах Сибири жители прямо называют себя смешанцами, смешанным народом, выродками. «Из обюдных или взаимных браков бурятов и русских происходит, — пишет Паллас, — род музатов, которые имеют несколько монгольское обличье и черные или очень темные волосы, но в то же время привильные и прямые черты лица, они известны под именем *карымыс* или *карымок*. Таким образом, потомки, происходящие от подобной помеси, получили даже областное местное название. Мы уж говорили о смешанной расе, образованной от смешения якутов с русскими; обратимся теперь к остикам карымкам.

* Етапы. Том. II, 259.

** Медико-топограф. сборн., стр. 66.

Вследствие физиологического сменения с северо-европейскими азиатскими элементами, преимущественно с остиаками, физическое строение русского туркменского населения, естественно, более или менее подверглось некоторым весьма заметным изменениям. В физиономии русского туркменского населения сплющ и рядов пропадают черты обычных остиаков, тунгусского, самодийского якутского. Дети от браков коренных, природных русских туркменцев с остиаками сохраняют общие черты остиакской наружности, большую или меньшую выпуклость скелета, смуглый цвет лица, черные, жесткие волосы, общую суховатость телосложения при несколько выраженной остиакской неуклюжести, непроторопильность частей в общей структуре тела. А дети от браков новоприходивших русских поселенцев с остиаками более принимают черты русского облика, белый цвет лица, светлые волосы, большую стройность и крепость телосложения, но все-таки несколько разнятся от чистокровных русских людей. Здесь даже русские, не смешавшиеся с инородцами, в последующих поколениях изменяют склад тела и становятся несколько похожи на инородцев, особенно на остиаков. У многих русских, особенно у мещан туркменских, цвет волос, лица и всей кожи на теле, а также сложение костей лицевых, плечевых и ножных почти совершенно такие же, как у остиаков. Оттого они, подобно остиакам, при довольно низком росте, более или менее ступноваты, корсакты, с плечами широкими, большую частью густошерстисты, часто с заметно кривыми и довольно массивными ногами, выглядывают, подобно остиакам, несколько исподтихи.

Такой же новый тип встречается и в ясачных селениях от смеси бурятов с русскими. «В большей части ясачных селений в настоящее время живут уже по преимуществу почти совершенно обруселые бурятские поколения. В них сначала поселены были крестьянские буряты, жнантые, большую частью на русских женщинах. Теперь в них живут их дети и внуки, женятся также на русских или ясачных и обрусленных из буряток женщинах. По наружности, при поверхностном взгляде, эти обруселые бурятские поколения часто кажутся уже совершиенно русскими крестьянами, хотя с первого же взгляда кажутся и отличными, отмеченными чем-то от них. Цвет лица и кожи у обруселых потомков первоначальной русско-бурятской помеси становится иссмуглым-белым или

смуглозватым; у женщин, при черных волосах и бровях, часто значительно более или ярче окраиной, чем у мужчин; волосы делаются более мягкими, но большей части сохраняют черный цвет, но иногда бывают и темно-русы; узкость глаз и выпуклость щек или верхней части скул, хотя и не вполне, но значительно уменьшается, у мужчин является даже борода, хотя большую частью и даже почти всегда небольшая, короткая, ряжая. Все эти изменения окончательно или наиболее выразительно обозначаются во втором, но большую частью в третьем поколении. Но, с другой стороны, нередко в четвертом и даже дальнейших коленях бывает хотя и не полное, но весьма заметная рецессия или довольно резко бросающееся в глаза возвращение к признакам бурятского прародительского типа. И вообще, во всех тех смешанных поколениях, которые первоначально произошли от смешения бурятами с русскими женщинами и русскими с женщиными бурятами или ясачными, и потом от времени до времени подвергались повторному скрещиванию с бурятами или ясачными, образовалась такой своеобразный народный тип, который представляет более или менее однородные характеристические признаки, но вполне или не во всех отношениих склонные с признаками родоначальных, прародительских типов — главного русского и монголо-бурятского. Во всех этих поколениях более или менее сохраняется черный цвет волос на голове. Свойственный бурятам, большая или меньшая склонность или как бы сплющность глазных век с правой и левой стороны лица, большая или меньшая выпуклость и массивность верхней части скуловой или челюстной кости, часто большая или меньшая кривоногость, или выпаивающаяся в разные стороны изогнутость коленной части ног, походка с болезнью или мелкими перекатаиваниями с боку на бок и часто довольно подвижная, живая. Наконец, борода большую частью бывает, как мы сказали, короткая и ряжая или жидкая и нередко проявляется даже стремление к бородоплытию.

Точно такие же типы образуются от помеси с тунгусами, коряками около Охотска, с березовскими острожками, киргизами и т. п. Все эти помеси носят общий характер монгольского или финского типа; в Западной же Сибири подобный отпечаток в физиономии называют калмыкостью. В казачье войско Западной Сибири входило много различных

рас в виде выкрепленных плетников; кроме сибирских инородцев, на семиняйтинский рынок привозились на продажу рабы из каракалпаков, бухарцев, индийцев и проч. Поэтому у сибирских казаков нет общего типа, как, например, у уральских; в сибирском войске замечается необыкновенное разнообразие, и, по словам одного наблюдателя, можно и теперь еще узнать чисто русскую кровь по широкому и кругому лбу — таковы фамилии, произошедшие от драгун, записавшихся в казаки или от малолеток. Есть типы необыкновенно красивые, может быть, происходящие от бухарцев; но много широкоскулых физиономий, обличающих монгольское происхождение; последние, кажется, преобладают. Встречаются иногда странные типы, так, один тип подходит вполне под описание гунна, приведенное Миль-Эвардисом, другой тип напоминал китайца до такой степени, что казаки звали его «ворочтэ» (по-киргизски — китаец). При смешении русским переложаются инородческие черты: узкоглазость, небольшая скрустость, смуглый цвет лица и волос; зато и породы получают русские черты, смягчающие резкие отступления низшей расы.

Смешанный тип так распространен в Сибири, а в некоторых местах, при недостатке великорусского чистого населения, достиг даже такого господства, что чистый великорусский тип считается за нечто исключительное и также получил местную кличку «маганый». Маганый — это белокурый принадлежащий к великорусским типом, противоположность метису-караму. Когда хотят их отличить, говорят: «Это маганый, это — карамы». Сибирский деснишка говорит, например: «Я не люблю маганого, я люблю карамы».

С своеобразный, полунородческий тип карамы не предстаивает резкого безобразия; некоторые находят его даже красивым в европейском смысле. Вот, например, отзыв Шапова: «Вообще евреи мы опищемся, — говорит он, — если скажем положительно, что в общем составе или результате как мужчины, так и женщины, происшедшее путем смешения русского племени с бурятским, представляют собой часто довольно красивый физический тип или облик, несколько покожий на тип греческий или иногда цыганский, а по замечанию некоторых других наблюдательных лиц, покожий и на тип итальянский». Очень может быть, что такое сходство получается в силу южного отпечатка, кото-

рый носит на себе инородцы. Полобные отзываы о немеси с инородцами в крайних своих сравнениях с италийками и гречанками, может быть, и грешат некоторою преувеличенностю, но указаний, что тип этот находит вообще не не-принятным, подтверждается таким беспристрастным судей, как Паллас. Он говорит, что караимы обладают «правильными и приятными чертами лица». Тип этот, во всяком случае, может считаться если не особенно красивым, то привлекательным или, в крайнем случае, не безобразным*.

Постепенное смешение с инородцами не могло не повлиять на привычки, вкусы и влечения русского населения на востоке. Так, у местного населения образовалось ложе особенного расположения к бракам с инородцами. «Благосостоятельные русские сельские жители, — говорит Паллас, — а также и многие горожане с давних пор уже имеют обычай выбирать себе в жены бурятских или монгольских женщин, крови которых, по их уверению, горячие крови русских женщин, и буряты, побуждаемые временным вынуждением или расчетами, охотно дозволяли своим дочерям краситься и выходить замуж за русских. Встречаются и такие примеры, что богатые буряты красятся из-за того только, чтобы иметь возможность взять замуж за себя русских женщин». Расположение к бракам с инородцами на восточной окраине замечается не у одних простолюдинов, часто подчиняющихся горьким необходимости; она встречается и в более требовательных насчет красоты состояния. Вот что говорят по поводу этого «Известия Сиб. Отдела Г.О.»: «Брачковатый или бурятский тип и обличье появляются постоянно в сибирских туземно-урожденных родах казачьих, мещанских, купеческих и чиновничих. Все чаще и чаще русские женятся на красченых бурятах, а поколения их оголяясь сливаются с русским населением, привнося с собою в народный склад его более или менее своеобразные особенности». И далее: «остоит замечания,

* При исследовании инородцев в 1880 г. во время нашей экспедиции в Агинь мы видели весьма многие инородческие типы и нашли, что типы северных алтайцев, живущих в лесах Бийской и Кузнецкой складки, отличаются от южноалтайского типа. Североалтайское же население кумыкующее представляет очень привлекательный тип, весьма приближающийся к кавказскому. В некоторых местах выражение произвело то, что невозможно отличить русских от потомков инородцев, смешанных с русскими.

Взаимодействие русского и инородческого населения 17

русско-сибирский вкус более или менее согласуется с вкусом бурятским и нередко *пленяется* бурятским идеалом женской красоты». Обольщение инородческой красотой явилось на востоке настолько же чисто физиологическим процессом, насколько и проявлением сердечного чувства. Забайкальский поэт Баульгауф стихами изобразил истинную историю русского, влюбившегося в тунгуску. Русский полюбил ее за дикую смелость, за своеобразную прелест ликарки, отдающей беззаботно свое сердце. Идеал инородческой красоты поэт передает следующими стихами:

«... он пожирает
Очами чудные красы.
Тунгуски черные волосы
Кругом повиты огузаном (поясом);
Он, разукрашенный маржаном,
На стройном девственном челе
Горит, как рапут во мгле.
В се устах не дышат розы,
Но лисий огненный ургуй (сибирский полевой цветок)
Матит любовь и поцелуй».

В другом стихотворении, посвященном бурятке, поэт вспоминает о белой инородке, подарившей участем его, больного и единственного, среди пустынной степи; он с приятельностью говорит о ее самоотвержении. По всей вероятности, не раз подобные чувства играли роль в привязанностях русского человека, закинутого на далекий восток. В одной русской песне, распространенной в Сибири, поется, как добрый молодец долго блуждал по пустыне, пока не нашел «полониночку», т. е. инородку. Любовь руководит фатально красивую бурятку, уходящей из семьи, чтобы сединиться с белым русским парнем, как и чувствами нередко вполне развитого русского и обладающего тонким эстетическим чутким. Таинственный голубой цветок любви отыскивается во всех широтах; русский находит этот «милый цвет также и в Даурии пустынной и угромой».

Вкус к инородческому типу сильно развит в современной Сибири. Пряятный тип, проходящий от последовательной метисации, великорусская национальность из постоке лаже предпочитала своему и отдала ему все свои симпатии. «Несколько черноватый или смуглый цвет лица, — говорит Шатов, — сибирякам, по-видимому, нравится более,

чем рыжий или красный. По крайней мере, во многих массах Сибири, особенно Восточной, слово «краснорожий» синонимично слову «безобразный», и употребляется как бранное слово, тогда как слова «чёрномазый халзан, харым или каримочка» употребляются, сколько мы слышали, как слова ласкательные или любеблю-шуплиые, например, относительно детей или девиц. Блондины, рыжие и краснолицые великолороссы поэтому не в ходу в Сибири, и местный вкус ставит идеалом красоты брюнетов. Это подтверждается, например, следующим наблюдением. Раз в Иркутске, в одной мещанской семье, переселившейся из окрестностей Байкала, несколько девушек, природных русских сибирячек, рассматривали картину, изображавшую преимущественно монгольские или китайские лица. Когда они сообщали друг другу свои мнения о том, которые лица, мужские и женские, казались им «хорошенькими», то оказалось, что все это были тоже лица, которые по преимуществу или даже с особенной типичностью выражали собою чисто азиатский, монгольский или китайский тип: узкие глаза, широкий нос, широкие и толстые склады и проч., только при большей пропорциональности и округлённости общего очертания лица. Лица, смазанные несколько на черкесов, татар или цыган и греков, казались им «странными».

При такой склонности сибирского русского населения к слиянию с инородцами необходимо заняться исследованием, к каким последствиям, как физическим, так и нравственным, приводят это слияние. Необходимо исследовать, какие дурные последствия происходят от смеси с расой низшей, более слабосильной и развивающейся в крайне скучных естественных условиях. Таковы изменения в росте, силе и в потерях многих культурных черт и инстинктов. Этнографические наблюдения доказали особенную нынешнюю для славяно-русской народности при смешении с северными инородцами. Физиологическое смешение русского туркменского населения с туземными азиатскими племенами весьма заметно сопровождалось некоторыми изменениями в его росте. Нет сомнения, сурский туркменский климат и скучное питание составляют существенную причину общей малоростости природных туркменских жителей. Но несомненно и то, что и постоянное, из поколения в поколение передававшее смешение русских с остяками и другими тузем-

ными инородцами оказывает не менее существенное влияние на уменьшение роста русских туркменских поколений. В средней и особенно южной части Енисея климат благоприятнее, а русское население, по-видимому, более склонно от приемов инородческой крови. Там и население выше ростом. Из русской жителей Туркменского края туземные уроженцы, казаки и особенно мещане, у которых не отысь только, но и деды и прапредки родились в Туркменском крае, ростом, с одной стороны, немножко выше туземных остяков и тунгусов, с другой стороны они в времена до трех веков смешивались с переселенцами бывших союзов, а с другой стороны — никс южно-сибирских русских жителей и новокупирских из России переселенцев. Средний рост остяков енисейских и байкальских — 2 арши. 1 верш., самые высокие из них достигают до 2 арши. 5 в., у русских жителей Туркменского края средний рост 2 арши. 3 вер., высший — 2 арши. 5½ верш. Жители южных частей Енисея уже выше ростом, даже казаки туркменские, у которых отцы или деды родились там, на юг Сибири, ростом до 2 арши. 6 верш. Точно такое же влияние производит смешение с северными народами и на понижение силы. Физическая, мускульная сила русского туркменского населения также, по-видимому, несколько понижена, — в силу вследствие смешения его с такими слабосильными инородцами, как остяки, тунгусы и пр. У верхне-имбайских остяков, по собственному их сознанию, самый сильный человек легко поднимает 5 пудов. По сравнению байкальским остякам у них самой сильный поднимает 6 пудов и весом редко 7 и 8 пудов, средней силы байкальский остик поднимает только 4 пуда, так же, как и корах. Русские обладают способностью остиков тем, что они мало едят мяса, хлебов, а больше едят рыбу, поросль, изредка пробавляясь этой мясом, например, оленным, моржевым и больше всего беличиной. Но и среди русских туркменских жителей большую частью немножко сильнее остиков. Из 12 туркменских мещан и казаков, при навозоносивших с возов на плечи и переносявших в амбар кури с мукой, на расстоянии не более 2 сажен, человек 10, помоложе, могли сами поднять с воза на плечи и нести в амбар кури пудов 5 или 6. Некоторые могли поднимать и пудов 7 тяжесть. Вообще же, почти все эти 12 человек, хотя в неодинаковой степени, но с большим или

190 Н.М. Яоринцев. Сибирские инородцы, их быт...

меньшим трудом и усиленным напряжением поднимали и переносили кули пудов в 5 и 6. Особенно слабее слой оказывались, по-видимому, те прибрежные русские урождены Туруханского уезда, у которых и гедоложение, и обиные наиболее представляли оттенки остицкой породы. Вообще, по всей северной линии Енисея, между 61° и 65° с. ш., сколько мы могли разузнать, средней мерой силы считается способность подняться 6 пудов, и сами «изюмые» сибирские жители соглашаются, что они малоослабленные «перековы» русских жителей. В селе Верогово (61° с. ш.) один 60-летний старик нам говорил: «изюмой народ мы так полагаем, силой против верхового не будет; мы полагаем, гондина силы признает человека, иог на присках верховые живут на головице и поднимают по 8 пудов, а мы, как езим одну рыбку, то с трудом поднимаем и 6 грудов». Самы русские турканские жители сохранили предание, будто прежде, особенно в начале, когда отцы их пришли из России, они были сильнее, а нынешние поколения совсем измельчили и обесцветели.

Самая невыгодная сторона новой расы, прошедшей от смешания, это уменьшение плодовитости. Плодовитость русского смешанного турканско-остинского населения ослабела в сравнении с плодовитостью эстонского, частью под влиянием сурового повариного климата, недостаточного питания и усиленного напряжения рабочей энергии в угловой борьбе с дикой природой, а частью вследствие употребления более слабой плодовитости путем смешения русских с остицами, тунгусами и другими северо-сибирскими инородцами. Русская турканская женщина несильно плодовитее женщинами остицкой, но значительно менее плодовита в сравнении с женщиными южно-сибирской или великорусской (особенно в заключительных семьях). По словам никаким образом остиц, у них женщины никогда не рожают более четырех детей; также плодовитость составляет редкое исключение, обыкновенно же они рожают не более четырех, и даже трех детей. Несколько южнее, у верхнеямалых остицов, женщины рожают иногда даже девять детей. Байкальские остики-самоцы уверяли нас, что прежде женщина рожала у них до десяти детей, и это было самое большое число рождений, ныне же из 43 остиков только у одного жена родила восемь детей. Русские турканские женщины рожают больше, чем инородческие, но меньше, чем русские женщины в более умс-

ренных и теплых полосах России, в среде иной этнической метисации и при других, более благоприятных условиях скотоводческого и земледельческого способа пропитания. Вообще, производительность русских женщин, не только по мере удаления в сфере сурового полярного климата, но и по мере усиления русско-инородческой метисации, все более и более ослабевает, частично вследствие климатического влияния, частично вследствие наибольшего расхода силы на трудное добывание пищи и других средств жизни, а частично и вследствие физиологического смешения русского населения с наименее плодовитыми племенами, каковы остики, тунгусы, самоеды и другие северо-азиатские племена. В частности, от браков русско-остицких метисов рождаются всех детей, сколько мы узнали, шесть, семь и самое большое — девять. Такие последствия, вместе с уменьшением роста и силы, конечно, должны считаться печальным утратой лучших национальных и расовых черт русской народности; они вынуждают собою понижение и вырождение высшей расы. Факт этот заставляет сердце замирает.

Мы имеем основание, однако, лумать, что не везде и не со всеми инородческими племенами метисация производит ослабление плодовитости. При наших исследованиях мы видели примеры, где потомки русских, смешанных с инородчами, весьма размножились. Так, по ревизским спискам мы проследили нарастание населения в Кумышской инородческой управе, где было до десяти семей инородцев в прошлом столетии. Ныне же потомки их образовали целые деревни и представляют многочисленное поколение. Инородцы Кумышской инородческой управы притом совершенно выродились и утеряли инородческий тип; та же замечается на Быстрецкой управе Бийского округа.

Любопытно было бы проследить, какие изменения происходят при смесиции в отдельности с каждым из туземных народностей Сибири национального русского типа, чтобы судить о тех или других наследственных последствиях. Как мы видим, помеси с низинными северными инородчами ведут к прямому ущербу, но, может быть, этот факт имеет место только при смесиции с северными инородчами, а при смесиении с другими последствия происходят другие, не столь опасные и ведущие к совершенству вырождению расы. Затем необходимо определить, какие изменения в типе по-

192 Н.М. Ядринец. Сибирские инородцы, их быт...

томков, происходящих от метисации, можно считать неважными и какие ведут к ослаблению физической организации, силы и способностей. Известно, что уменьшение роста не всегда сопровождается уменьшением силы; известны национальности низкорослые, но приземистые, коренастые и плотные, отличающиеся значительной силой. Точно так же инородцы-ликары обладают при низкорослости иногда замечательной ловкостью, гибкостью, проворством, например, бурыты в борьбе, и так далее. Любопытно поэтому знать, переходят ли к русским при смешении подобные способности. В умственном и духовном отношении точка так же не все инородческие расы лишены способностей; нередко они отличаются замечательным развитием их. Мы чрезвычайно мало знаем наших инородцев и с именем киргиза, бурата и якути привыкли соединять тупумие и отнестися к ним предвзято. Но вот что сообщают, например, русские и иностранные путешественники об якутах: «Трекрасно одаренные во всех отношениях, искусные во всех ремеслах, которые быстро перенимают у русских, и при этом, как казахи, имеют требование, якобы производят мирные завоевания даже русской народности, т. е. обыкновенно русских. Своими склонностями, хитрой ловкостью и бесстыдством якуты, особенно городские, напомнили Миндендорфу жидов. Народ, который, таким образом, умеет государствовать, несмотря на чужое владычество, во всяком случае, заслуживает нашего внимания, и какие бы ни были недостатки этого народа, ему нельзя отказать в силе его народности». Точно так же замечают, что киргизы обладают развитой фантазией, замечательным поэтическим и художественным чувством и самим веселым юмором. Интересно исследовать, насколько подобные способности отражаются на русских при физиологическом слиянии. При смешении рас обычноенно замечается закон, по которому, при слиянии с новыми народностями, присоединяются и некоторые новые качества, не бывшие в прежней расе. Как ни поверхности этнографические наблюдения на нашем востоке, но и здесь замечается, что некоторые особенно изощренные способности, выработанные инородцами в условиях их местного быта, передаются и русским. Так, тунгусы известны, например, своим зоркостью. Когда один путешественник в Сибири следил за затмением слугников Юпитера

Взаимодействие русского и инородческого населения

93

ра при помощи телескопа, инородец видел простым глазом и объяснял, как большая звезда проглотила и выплюнула маленьющую. Георги пишет о них: «Тунгусы чрезвычайно зорки и чутки, но тем тупее у них обоняние. В стрелянин из луков они метки. В местах, где они кочуют, им знакомы почти всякие деревья, всякий камень и проч. Следы зверей узнают на утоптанном холме, траве или просто по знакам на голой земле, где посторонний человек никак не может прimitить ничего особенного. Когда хотят иметь свидание в других местах, то место умеют отыскивать так точно, либо делают напльв на снегу или на земле такие чертежи, что непременно где-либо сущутся». И туркменские тунгусы обладают такою же зоркостью, остротою и приметительностью органа зрения. «Они знают в лесах и горах при чепчигирских тунгусах олений туркменский камак (Кашин), который вырастает из камня — «каменный кот», сидит на хребте, камень камень, камешек дерево. Их заприметишь всякая тварь, нюхага чуть заметная дорожка в лесу, они узнают след всякой мыши, белки, волка. По следу на земле или на снегу, проплавленному зордуками медведя или волка, узнают средний или нет медведь, оглазный или нет для их оглазий, антилоп или нет волк. Своих они узнают по разным следам лис, по размашке шагов, по кругам на снегу, по задомам на деревьях, по сучкам, набросанным на дорогу, по оббитенным на снегу следам. Каждая баба узнает след лыж своего мужа. Есть такие зоркие тунгусы, что видят далеко, с хребта на хребет, с камня на камень, за 7 верст пересчитывают стадо ланых олений, стравляют и никогда не простираются никому».

«Русские, — сообщает этнографическое исследование Шапова, — вследствие скрещивания с охотниками и гулусами приобрели, хотя и в слабой степени, те же их особенности. Так, они усвоили замечательную способность тунгусов — особенную угтонченность зрения. Точно так же и русские туркменские урожденцы, особенно изловые, «затуццаренные», отличаются такою же зоркостью и приметительностью. Они приобрели эту особенность частью вследствие усиленного употребления органа зрения, какое необходимо обуславливается у туземных зверопромышленников блужданиями по лесам и туларам, а частью, быть может, и вследствие унаследования этого свойства от тунгусов путем физиологического смешения с ними. Несмотря на то что на излу Енисея и за тундрой страшные

пурги и метели заносят и без того сда проторенные, чуть видные дороги, и нередко случаются там так называемые галлюцинации пустыни и снежная слепота, какую испытывали и Миддендорф природные пиковые и затундренные жители никогда не сворачивавшие, не уклоняющиеся с дороги и не забуждающиеся, тогда как новоприходящие поселенцы нередко теряются без чести в тупице, не имея возможности никуда убежать. Природные низомые и затундренные жители примечат и узнают дорогу по так называемым ими «кычам» или по расположению курганов и зоннелестей на деревьях, по нахождению или, как их говорят, «приискающим травы» на тундре, по направлению конусообразных сторон, заслуг или суребров и суметов снега и т. д. В показательство этого приводится следующий пример: «Раз Кирсан Ефимович Ильинский, крестильщик за Толстым Носом, с Толстого Носа ехал домой; ниже, в Коргу, взял да нарочно оставил дорогой стойку вина, чтобы попробовать сына, может ли он сидеть в темную дорогу, в пургу. Принес домой, да и послал сына найти фуру. «А в котором ветру ты ее оставил, по какому петру ехать?» спросил сын. — «Поехал, как знаешь, как глаза изучай». Поехал сын и в темноте разглядел и нашел фуражу».

Из сделанных доселе наблюдений, таким образом, оказывается, во-первых, что славянская раса при смешении своем с инородцами нередко оказывала весьма слабое влияние и терпела понижение в своих качествах; отсюда явилось вырождение русской народности, но рядом с этим нельзя было не заметить в других случаях, что русская народность, ассимилируя инородческие племена, приобретает не одни отрицательные признаки, но и разнообразит свои способности, а также заменяет некоторые положительные качества в изощренных способностях и оценениях. Каковы бы ни были новые положительные качества, приобретаемые расою, другая сторона явления даст, однако, известное предсторожение и указывает на необходимость принять какие-либо меры против понижения славянской расы в Сибири.

Из наших личных наблюдений и исследований по этому предмету мы вывели, что восприятие и преобладание инородческих признаков зависит от числа русских и инородцев и численного преобладания того или другого племени, как и процентного отношения в той или другой местности. Так, на севере в Березовском, Туруханском крае и на Лене встречает-

Взаимодействие русского и инородческого населения ¶ 5
ся чаще вырождение и быньорничание русских и понижение расы, чем в средних округах Сибири. Пробладание на севере инородцев выражается в 354% — 445% над русскими, а в середине Сибири от 3% до 16% на русское население.

Далее смешение с различными племенами и расами дает различные последствия. Наименее выгодны в этом случае смешения с наиболее низшими расами и индифферентны или выгодны с равными и высшими.

К наиболее низшим инородцам в Сибири по типу, культуре и образу жизни могут быть отнесены: остыки, самоды, кочевые казаки, киргизы, буряты, тунгусы, кораки, ууччи, камчадалы-тиляки и т. п. Это низшие представители финской и монгольской расы.

К более высшим: тюрки, бухары и сарты, татары, часть оседлых алтайцев, как кумандинцы, кузнецкие чернавые татары, ногулы, эзрные.

Смешение с последними отражается меньшими изменениями в типе и понижением расы, в качественном достоинстве. Мы не могли не обратить внимание, что культура и образ жизни, который ведут инородцы, весьма способствуют расовым особенностям и различиям. Поэтому все племена, переходящие к высшей культуре, изменяют и свои качественные способности. Истина может быть, но вполне доказанная, но подтверждающаяся некоторыми научными соображениями и отдельными наблюдениями. В зеле смешения культурная сторона инородцев дает себя чувствовать. Указанные высшие типы сибирских инородцев обладают и более развитой культурой. Очень не мудрено, что по мере повышения в культуре и образе жизни остальных низших племен поднимается несколько самая раса и смешение будет иметь менее невыгодных сторон.

Но если славяно-русская национальность, при сближении и слиянии на постоке с инородцами, была часто беспомощна сопротивляться физическим и физиологическим изменениям, подчиняющимся законам метасинезии, то любопытно взглянуть на сохранение ею культурных черт и традиций, принесенных из-за Урала, которыми должны изменяться ее нравственная высота и культурная устойчивость населения. Культурное значение славяно-русской национальности при сближении с инородцами должно было обнаруживаться, во-первых, отставанием собственных культур-

ных качеств от инородческого влияния и, во-вторых, влиянием этой культуры на самих инородцев. Но как при jedem сближении, здесь не могло не произойти взаимопоглощения и, вместе с передачею инородцам кое-чего русского, усвоения и многоного инородческого. Способностью этой передачи и степенью заимствования от инородцев может измеряться только степень нашего культурного влияния за Уралом. Культурные черты всякого народа выражаются в его бытовом складе, занятиях, привычках, обычаях, мировоззрении, вероисповедании и языке. Русские принесли с собою, конечно, то и другое. Культурные черты русской национальности были, без сомнения, выше инородческих, вот почему она должна была бы мало того что отстоять свою культуру, но и привить ее к среде низней. Влияние русской народности на инородцев действительно не могло пройти бесследно, но точно так же произошло и обратное действие, т. е. русские сами восприняли многое от инородцев. Заимствование инородческой культуры, общаясь с языком русскими на востоке составляется несомненным фактом. При этом, конечно, играл роль тот уровень развития, которым болграды русской расы за Уралом, точно так же, как и многие другие внешние условия. Тем не менее этнографические исследования убеждают нас, что здесь русские теряли очень часто вместе с типом и своим характеристическими признаками, привычками, веру и даже язык, — словом, утрачивали свою национальность. С как бы они ни сталкивались, остатки, тунгусы, якуты, буряты и киргизы имели на них сильное влияние, и русские им уступали. Особенно заметные обычно-народнические русской расы мы замечаем, конечно, на окраинах. С самого момента завоевания обнаружились уже склонности русских к подражанию многим инородческим обычаям. Затем, при совместной жизни с инородцами, заимствованные привычки получили еще большее развитие.

Многие точные изыскания свидетельствуют, что подобное обычнородничествование происходило уже в XVII и XVIII столетиях. Прежде всего, имело место оттарение русских и полигамия среди русского населения. «Вообще, как ясачные, крещеные полубородоселые татары, так и смешавшиеся с ними русские, — сообщается в географическом журнале, — долго сплошь и рядом отличались татарскими полигамическими наклонностями, сладострастию чувственностью и

Взаимодействие русского и инородческого населения 97

непокорностью православно-церковным русским нравам и обычаям. По свидетельству одного документа 1746 года, как русские пленных киргизов крестили, так киргизы русских «вбасуманивали». Как киргизы и калмыки, принимая русскую веру, принимались и за хлебобащество, так иногда беглые солдаты, по свидетельству одного ранюра 1748 года, «принимали киргизскую веру и стала овечьи пасли». При замятнике наклонности русского сибирского населения подражать азиатам, иногда сами сибирские начальники находили необходимым или полезным усвоить некоторые азиатские обычаи, например, калмыки, и плодить их в быт русского населения. Вообщем, по примеру киргизов и калмыков и сообразно с местными условиями климата и степей, западносибирское и особенно праялтайское русское население было сделано скотоводческим, чисто земледельческим, обзавелось посредством выменя у киргизов и калмыков большими табунами лошадей и стадами рогатого скота, даже большую частью вели полукочевой образ жизни, постоянно перемещаясь из одного места поселения на другое. В самом земледелии русские усвоили некоторые приемы коренных туземных азиатов.

Вследствие тех же исторических условий русское население до последнего времени обнаруживает подобные же свойства. И теперь русские, в отношении усвоения ими инородческих обычаяй и отступления от национальной культуры, стоят почти в том же положении, как и их предки. Отныне путешественников, ученых и этнографических отчетов, которые дают нам записки чинового общества, представляют картину даже более беззрадную, чем можно было предполагать. Вот, например, свидетельство Кастрея о русском обдорском населении: «Обдорские жители, представляющие разнородную помесь, заброшены судьбой на ледяные берега Ледовитого океана. И дуя их окован узами, которые так же крепки, как этот лед, который опустняет сердце природы в их тепречнем отечестве. Оковы эти — грубость, невежество и ликость. Правда, эта грубость соединена со многими прекрасными, любви достойными качествами, с хорошими инстинктами, с невинными чувствами и добросердечностью, но при этих прекрасных, добрых и благородных чертах, к несчастью, встретил я у этих же людей так много

* Матер. для истор. Сибири, стр. 152.

отвратительного, так много звериной грубости, что, наконец, я их менее люблю, чем сожалению оплакиваю... Русская колонизация началась здесь (в обской тундре) столетие назад; большая же часть колонистов утвердились здесь в последнее 30 лет. Коренные жители этой страны — остатки и самоеды. Как у них, так и у русских, совершенно им уподобившихся, нет никаких умственных интересов, хотя сколько-нибудь выходящих из ряда обыденной остатко-самоедской жизни. В своем образе, даже в способе питания, русские здесь уподобились туземным остаткам и самоедам. Когда я в первый раз приехал в Обдорск и вошел в дом одного медведя, переселившегося сюда из Тобольска, я нашел всю его семью на полу и пожирающую сырную рыбу, которую сам хозяин дома разрезывал на части. Образованнейший житель города хвастался тем, что в течение целого полугода ед одно сырое мясо. Проживавший там поляк, хороший повар, живший прежде в Петербурге, жаловался, что сто искусно приносит ему мало пользы в Обдорске, так как люди здесь живут по-самоедски. Одежда у русских здесь такая же, как у самоедов и остатков. Многие из них схожи с самоедами и в том, что держат более или менее многочисленные олены в стадах. Наконец, русские жители Обдорского края стали так же дики, боязливы, как туземные остатки и самоеды. Живет здесь одна старинная русская фамилия. Их правопреемники во времена войны Петра Великого с королем шведским изменили парю и бежали в этот отдаленный уголок света, чтобы здесь избавиться от напастей. Сочлены, родичи этой фамилии не хотели иметь со мной никакого сообщения. Встретил я их на улице, в расстоянии на выстрел, так они побежали и заперлись у себя дома. С таким же страхом и неприязненностью принимала меня и большая часть прочих жителей города, которым я казался опаснейшим проходом в коммерческих сделках». Наконец, вместе с умонасторонним и понятийным остатком, самоедом и татар березовские и обдорские русские жители усвоили и много слов остаточных, самоедских и отчасти татарских. Так, например, в одном Березовском крае из 78 местных русских слов, записанных г. Абрамовым, до 28 слов остаточных и татарских. Подобные черты приводятся о столкновении и взаимодействии нацием с бурятами: «Сообразно с большой или меньшей физической ассимиляцией, и умственный склад рус-

ского населения в дауро-монгольской, а равно и в верхоленской стране, во многих отношениях весьма замечено приспособился к умонастроению монголо-бурятского племени и усвоил немало его умственных и нравственных качеств». Паллас, сказав о физиологическом смешении забайкальского населения с бурятским племенем, замечает, что «вследствие этого смешения, русские жители усвоили и бурятский язык, так что последний сделался почти господствующим языком простого народа». Шперк также замечает: «кровная помесь забайкальских казаков с бурятами имела влияние не на одни черты лица и физическое строение тела; она обнаруживается и в психической сфере. Этому, конечно, много способствовали и обстоятельства жизни казака в Забайкалье. В результате вышло, что казак сделался более зверопримыщением и пастухом, чем домочинным человеком и склонением». Вследствие этого скотоводство нигде в Восточной Сибири так не развито, как в забайкальских степях. В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило излишний, обычные, поступки и споры бурятских. Так, например, русские бабы, по примеру буряток, щьют по бурятски «яргачи» — козырные или тарбаганые шубы, у которых на груди нашиваются щелкы разные узоры, и переняли пола деляться шире исполней, при опоясывании накладывается над верх другой полы, застегивается на боку шее, так что пол покрывает грудь. У бурятов русские заимствовали умение или обычай выделять пуповины и корольки из разных костей. У бурятов русские переняли обычай и искусство делать у ножей черепики kostинье, по бурятскому образцу; по тому же образцу они стали делать разные веши, относящиеся к конской сбруе — стреможники, узды и проп. Попражки бурятам, русские приучают, посредством стреможивания, по всем правилам бурятского наезднического искусства, самых личных лошадей останавливаться вдруг, куда приедут, и стоять без привязи на одном месте. У бурятов они заимствовали и все принадлежности седлания лошадей, уздечки и названия бурятские. Подобно бурятам, русские «сидят арака» — вино, только не из кобыльего молока, но по всем правилам бурятского винокурения и со всеми бурятскими орудиями, усвоив при том и бурятские названия этих орудий. По примеру

* Pallas, Rese, III, S. 275.

200 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

буяров тщательно приготавливают «секуну», т. е. варят кровь животного и, смешивая кровяной суп с жиром, снят с таким же удовольствием, как и буяры. Подражая буярам, русские научились искусно есть полусырое мясо из-под ножа, разрезывая его у самых губ снизу. Казаки обикновенно «бросают в воду целого барана, в большой котел, скипятят кое-как и едят, ссылаясь на то, что ноги по-буярски и по-бурятски же разрезывают куски мяса ножом у самого рта, под нижней губой. Попробою бурятам, русские, за неимением трубок, курят из земли, выкапывая ямку и вкладывая в нее какую-нибудь дудку от растения, соломинку и т. п.». Мало того: в самом умонастроении, в понятиях и верованиях забайкальских русское население значительно ассилировалось с бурятами. Например, почти все забайкальские казаки и крестьяне, и мещане, у которых отцы и деды родились уже там и многие предки бурятско-русского смешанного происхождения, вовсе не верят в бурятское шаманство или ламаистское пророчество. Это замечено не только в отдаленной глухни Забайкалья, в средоточии монголо-бурятского населения, но и в окрестностях Байкала, вблизи Иркутска, например, в селениях Култуке, Тунке и др., где, по словам одного миссионера, русские дерут даже и бурятских идолов, истуканов или божков на пищиках своих домов и там шаманствуют тайком. В Нерчинском округе русские лежат у шаманов, к шаманам обращаются с просьбой пошаманить, когда потеряют какую-нибудь вещь. Согласно с бурятами, русские, отправляясь в путь, на половине дороги кладут что-нибудь на дерево — деньги или хоть волосок с головы, в благодарность за то, что благополучно прошли до половины дороги.

Наконец, множество слов монголо-бурятского языка вошло в состав русского языка, которым говорят казаки и крестьяне; так, в сборнике слов русского наречия Нерчинского округа, составленном одним тамошним священником, записано 96 слов чисто монгольских или бурятских, совершенно усвоенных местным русским наречием и бессознательно произносимых, как коренные славянские слова.

Как в Забайкальской области, так и в Верхоленском крае русское население значительно ассилировалось с туземными бурятами и тунгусами. По рекам Илге и Тутуре, особенно в селениях, находящихся в вершинах этих

Взаимодействие русского и инородческого населения 201

рек, крестьянс, подобно местным тунгусам и бурятам, более занимаются звероловством, чем хлебопашеством. Во всех селениях Верхоленского округа крестьяне, подобно окружающим их бурятам, завели так называемые по-бурятски «утуги» или особые загороды за огородами и гумениками или позади селений, делящимися на 2 до 4 и более, частью для пастьбы в нем телят, по главным образом для кошения лучшего, так называемого «утужного» сена, состоящего преимущественно из пыря. Подобно бурятам, богатые крестьяне имеют обычай держать сверх надобности, более или менее многочисленные табуны лошадей и стада коров и овец, которых, как и у бурятов, «ходят на воле» или пасутся в степях без пастуха. Наконец, подобно бурятам, многие русские крестьяне, особенно в прежнее время, имели обычай строить хотя на одном дворе два дома: летний и зимний; зимняя изба называлась «зимовьем» и как бы соответствовала зимникам или зимним избам бурятов.

В некоторых домашних изделиях русские также усвоили бурятские образцы. Например, форма колес у телег и особенно одноколок, «крюк», устройство трубиц у них, а также большие деревянные чашки грубого изделия, халбагаи или большие деревянные ложки, деревянные ганзы или трубы, берестяные чуманы и т. п., все это принято от бурятов и отчасти от тунгусов. Некоторые русские даже нарочно называли ясачных из бурятов работников для делания колес по образцу бурятскому и продавали эти колеса русским на телеги: их хорошо раскупали и расхваливали. В обыденной жизни русских крестьян Верхоленского округа также немало привычек и обычаяев, схожих с бурятскими. Они, подобно бурятам, не брезгают есть мясо вонючее, с червями: убивая скотину, тут же варят в котле начиненные кровью кишечки и слят их. Подобно бурятам, и крестьяне варят «саламат» из сметаны с мукой. Подобно бурятам, они едят большею частью без вилок и ножей, из деревянных чашек, подобных бурятским и делаемых нередко бурятами. В одежде русских жителей Ленского края также кое-что перенято от бурятов или тунгусов. Подобно туземцам отдаленным от Иркутска бурятам, и русские ленские жители в значительной степени отличаются диконостью и тупостью. При всяком внезапном и новом впечатлении они «пивуются» и как бы с дикар-

скою рефлективностью, влескивая руками и разиня рот, восклицают: «а-а-а! ах! Ой — дивонъки!» или совершенно по-бурятски: «ай-нохой, ай-нохой!». Когда ссыльные поляки стали делать в верхоленских селах колбасы, шить сапоги по европейскому фасону, то местные жители, по словам одного ленского жителя, «дивовались» всему этому и говорили: «диковинка, калбазы какис-то стали делать, сапоги косые; хитро!». Как буряты, по словам Болдонова, побывавши в городе, с ликим удивлением рассказывают как о диковинках о хороших домах, о хороших экипажах и лопатях, обо всем, что видели на базаре, в лавках и магазинах и т. п., так и ленские крестьяне, изредка бывая в «Иркутском», как они выражаются, тоже всему там «дивуются». При грубости и дикости, русские жители Верхоленского округа наравне с бурятами и тунгусами отличаются высшою степенью азиатской лени и неподвижности. «Говоря о хозяйстве верхоленских крестьян, — замечает Шперк, — нужно сознаться, что, при грязи и бедности, совершенная апатия к разумному хозяйству так и проглядывает на каждом шагу, показывая совершенно отсутствие стремления к улучшению его». Подобно бурятам и тунгусам, многие ленские мужики, особенно «лизовы», сваливают всю тяжелую работу на баб. Наконец, и в умственном отношении русские жители Верхоленского округа значительно освоились с бурятами и тунгусами. И здесь многие крестьяне верят в шаманство и нарочно ездят в бурятские улусы шаманить по бурятской лопатке, когда кто занеможет в семье или потеряется что-нибудь. В русском наれции ленских жителей также немало слов бурятских и тунгусских, как и в Забайкальском. Они также говорят, например: аали (подобно), галахай (крапива), качирик (двухголовый бычок), нохой (собака) или нох-нох-нох! (скликанис собаки) и т. п. В самом русском языке они выговаривают некоторые буквы как буряты, напр., букву с — как щ: вместо «Семен» говорят «Шемен», вместо «все» — «вите» и т. д.

То же явление замечается и при столкновении русской народности с якутами. Соотносительно с физическими изменениями и в умственном складе якутско-русской народности можно подметить более или менее значительные уклонения от славяно-русского умственного типа. Воспитание молодых поколений, происшедших из смеси русских с

якутами, их понятия, нравы и язык — все подверглось преобладающему влиянию якутской народности. «О воспитании детей здесь заботятся мало, — пишет Врангель о русских жителях города Якутска, — ребёнка с малолетства отдают обыкновенно какой-либо якутке, которая, вскормив посильно и по крайнему своему разумению, года через два или три возвращает воспитанника, конечно, уже несколько объякнутого, родителям; дома он дорастает и, научившись несколько грамоте у священника или причастника, посвящается постепенно в таинства сибирской торговли пушным товаром или определяется в писцы какого-либо присутственного места, для достижения чинов, на которые и в Якутске бывают крайне падки. Таким первоначальным воспитанием здешнего юношества объясняется с первого взгляда странным кажущееся явление, что даже в несколько высшем кругу общества якутский язык играет почти столь же главную роль, какую французский в обеих наших столицах. Это обстоятельство крайне поразило меня на одном блестящем праздничном обеде, который давал богатейший из здешних торговцев мехами в именины своей жены. Общество состояло из областного начальника, почетнейшего духовенства, чиновников и некоторого числа купцов, но большая часть разговоров была так испещрена фразами из якутского языка, что я, по незнанию его, принимал в беседе весьма слабос участию». Гартиг, основываясь на словах Мидлфорфа и других путешественников, высказывает даже такое замечание: «якуты представляют нам замечательное явление покоренного народа, навязанного победителям свои обычай и языки, — народа, не только не подвергшегося влиянию завоевателей, но, напротив, втянувшего его в свою сферу. Так, в Якутске или городе якутов (этим именем называют себя, не без некоторой национальной гордости, все тамошние урожденцы) несравненно более говорят по-якутски, чем по-русски, ибо почти все тамошние ремесленники — якуты, все нянки — якутки, и даже богатый русский пушной торговец искрекоженится на якутке». Не менее поразило Мидлфорфа, что, вступив в Якутскую область, он встретил русских только по происхождению, а по образу жизни совершенно объякнувшихся; даже трулно было в земледельческой, первоначально русской колонии Амгинской найти проводника, говорящего по-русски. Точно так же удивляло Мид-

дендорфа, что в пустыне между Якутском и Охотском не только тунгусы и их жены говорили чисто по-якутски, но и в самой прислуге путешественника находился тунгус, не понимавший другого языка, кроме якутского. Ни один русский не задумается вступить в брак с якуткою. В домашнем быту русское якутское население во многом ассимилировалось с туземными приородными якутами. Дома в селах строятся «на вкус якутский», как выражался один беседовавший с нами русский якут, проживающий в Иркутске. В домах на якутский лад подделаны сплошные лавки от стены до стены из цельных, «четвероугольно» обделанных и вместе сплоченных бревен, наподобие нар, с аршин шириной.

Наконец, и русский язык в Якутском крае подвергся значительному влиянию языка якутского. Большинство окрестного населения Якутска, хотя и знает русский язык, но довольно плохо, и говорит по-якутски. Еще более поразительные лапидные представляют нам ученые исследования об одичании и об ипородничестве Туруханского края. Еще в 1814 году смотритель туруханских поселенцев Давыдов справедливо заметил о русских жителях верховых станков Туруханского края: «по замечанию моему, в 18-ти зимовьях зимовщики поступками своими более походят на азиатцев». И действительно, как свидетельствуют «Записки Сибирского Отдела», туземные или природные русские туруханцы и в психическом отношении довольно выразительно разнятся не только от великоруссов, но и от других юго-восточных сибиряков. Недаром они и сами представляют юго-восточную и юго-западную Сибирь другую, несколько чуждою или этнографически отличную страну и называют ее «Русью»: «мало ли что у вас там на Руси не понапеву, лучше», говорил один туруханский мещанин, по виду похожий на остыка, когда у нас зашла речь об южной Сибири. Природные русские туруханцы до того чувствуют себя чуждыми прочим местностям Сибири, что запуганные моловой об упразднении города Туруханска и о переселении их на юг, они хотят лучше переселиться еще дальше на север, на низ Енисея, чем, напр., в Минусинский край. Как остыки, которым мы советовали переселиться куда-нибудь в южные края Сибири и заняться земледелием, наотрез отвечали нам: «нет, душе неохотно, сердцу неугода», — так и русские туруханские мещане на тот же совет энергически возражали нам: «мы неподходящи тута, нам неохотно оставить свое место, где родились, да и не

умеем взаимно за тамошние работы». Вообще, при всем замечательном отличии их добродушини, простосердечии и откровенности, при близкайшем, простом и кротком обращении с ними, они обнаруживают, однако же, подобно осякам и тунгусам, некоторую недоверчивость, болезнливость, скрытность и лукавство в отношении новоприезжих «из Руси», особенно на людей чиновных они поглядывают скептически, как бы исподлобья, отвечают на вопросы как будто нехотя, желая поскорее отплыть от них. Далее, вследствие давнишнего смешения и сожительства с инородческими племенами, коренные русские туркманы, естественно, унаследовали, вместе с инородческой кровью, множество инородческих свойств и привычек. Образ жизни их во многом походит на образ жизни туземных осяков самодов, якутов.

Подобно осякам и другим туземным инородцам, они любят есть сырую рыбу, листом, во время рыболовства, живут в чумах отдельными семьями. В домашнем употреблении у них искало тунгусских и особенно осяковых принадлежностей или изделий, вроде «ногакум» — кожаного синевоража тунгусского, или вроде «этона» — берестяных корзинок в $1\frac{1}{2}$ четверти длины и в четверть ширини, яроке «унтиче» — берестяных ведер для поиски воды, или «балитти» — из бересты согнутых, круглых и низеньких шкатулок для ниток, иголок и проч. Подобно бородичим инородцам, тунгусы и затушенренные самодовы или долганы, и русские поселенцы или посадские города Турканска до 20-х годов нынешнего столетия предпочитали бородичий образ жизни зверопромышленника сеющей городской жизни. Многие турканские мещане «отходили» на реку Енисей, за тундуру, для звероловства и, подобно тамошним инородцам, жили разрозненно в так называемых «отъездных зимонях», похожих на тунгусские «голомы». В начале нынешнего столетия за тундру было до 26 таких отъездных зимоний. Вообще, наименее к бородичему быту переселилась в турканских мещанах великорусскую народную наклонность к городской, промышленной оседлости.

В умственном складе и понятиях природных русских турканских жителей также много сходного с примитивным мироозерцанием туземных осяков, тунгусов, юрков и самодов. Справедливость, впрочем, требует заметить, что природный здравый смысл у них, вообще, развит достаточ-

но, есть смелость, находчивость в трудных обстоятельствах жизни. В рассказах своих и беседах с нами они обнаруживали довольно смыслености, остроумия и наблюдательности. Но всем том и ум их заметно поддался влиянию туземных азиатских понятий. В низовьях Енисея русские придерживаются даже некоторых инородческих суеверий: за образами, например, на божницах держат «инородческих истуканников» или божков и занимаются, вместе с туземными инородцами, шаманством. Как тунгусы туркменские, проникнутые фанатическим страхом таинственных сил природы, поклоняются, например, высоким горам и приносят в жертву им белку, соболя, горностая или лисицу, чтобы эти высокие горы не задержали их, так и русские туркменские казаки и промышленники некогда со страхом проплывали мимо одной высокой горы на Нижней Тунгуске, так называемой «Шапаниной-Сопки» и, боясь, чтобы какое-то горное чудовище — Цапан не задержал их лодки, клали на берегу у горы несколько соболей, белок и проч.

Наконец, вследствие смешения с разными туземными племенами русское население Туруханского края приобрело и некоторые лингвистические особенности. Местное, областное наречие его усыпало немало наришний и отличий под влиянием языков останского, тунгусского и проч. В Туруханске некоторые казаки и мещане умеют говорить по-остански и по-тунгусски. А на низу Енисея и за тундрой русские почти вовсе не употребляют русского языка, а говорят на местных инородческих языках — то ахтюком, самодеском и тунгусском. Наконец, самый выбор некоторых звуков и тон разговора или повышения и понижения голоса в речи, характер вокализации у русских туркменских уроженцев отличаются, сколько мы заметили, почти теми же особенностями, как и у останцев. Например, подобно останцам, они вместо букв *ч*, *ш*, *ж* и *р* выговаривают *с*, *з* и *л* или *ра* и т. п.; говорят, а также осенью болеют дозорь, в избе сырко зарко, белляксы худо зиуют, мерло альпин...

Не менее русские подвергались инородческому влиянию и в других местностях, как, например, в Западной Сибири, на границе Киргизской степи, где казаки мало того что перешли местами к скотоводству, но замкнулись у киргизон оледду, обычая и языка. Инорвы эти проникли даже в среду офицерского сословия. Иногда офицеры являются в города со-

вершено окирлизовавшися. Крестьянство на Бухтарме и южной границе Сибири также усваивает азиатскую одежду и т. п. Подобную же азиатскую окраску приобретает, как говорят, и русское население в Туркестанской области. Что касается влияния русских на инородцев, то нет сомнения, что и это обратное влияние действовало довольно ощущительно. Такому обретению особенно подверглись буряты, которые при смешении с русскими усваивают земледелие, начинают жить оседло, принимают русский язык и веру. Точно так же мы видим укытское население, не только перешедшее к русской культуре, языку, совершенно обрившееся, но и славившееся самым промышленным и способным населением Восточной Сибири. Зато некоторые инородческие национальности не только тут поддаются влиянию русской культуры, но решительно призывают ее себе. В этом случае мы видим, так сказать, различную упругость и стойкость рас, которые замечены и во многих национальностях. Есть национальности, которые способны необыкновенно быстро перейти к другой культуре, верованиям, языку, как, например, энгрие, vogулы, но есть и такие, которые отстаивают свою национальность вскаки, как, например, евреи. Точно так же и в среде азиатских народностей любопытно сделать годобную этнографическую классификацию. Рядом с этим многое в жизни наших инородцев зависит от их объема, численности, плотности, а какой они живут и соприкасаются с русским населением, от высоты их культуры, свойств религии и способности сливаться с другими расами.

Склонность к смешению и слиянию русских в Сибири обнаруживается, по нашим наблюдениям, наиболее и совершается легче с финскими племенами и тюркскими, причем с новокрецеными из язычества более, чем с переходящими из магометанства, которых число очень невелико. Скращивание и полное смешение целых волостей, как и вырождение инородцев, замечается среди vogулов, алтайских черненых татар в Кузнецком, Бийском и Барнаульском округах, где находится совершенно выродившаяся Кумышская инородная управа.

Помес с киргизами, монголами, тунгусами и т. п. также попадаются, но составляют менее обычное явление.

Определить в точности все физиологические, психические, как и культурные метаморфозы русского населения,

сопротекающие в различных местностях на нашем востоке, точно так же, как и выяснять законы миграции, предстоит, без сомнения, дальнейшим этнографическим изысканиям, но собранные уже ныне данные дают некоторый материал для некоторых социологических выводов. Первое, к чему можно прийти, — это к тому, что если русские, в силу своего расового и культурного происходства, наконец, в роли завоевателей, хотя и погнали на инородцев подчинение их расы при помощи миграции, передаче им своей культуры, языка, некоторым нравственным и умственным качествам, то в то же время не могли и сами перенести подобного влияния без потери своих расовых черт и без изменения в своем типе, физиологическом складе, способностях и даже бытовых и культурных черт. Пополнение и отступление это было временным в такой степени сильно, что уподобило их совершенно инородцам. Мы видим, что смешение, как и бытовое сожительство нашего населения на востоке с инородцами, отразилось не одинм физиологическим изменением, как следствием миграции, по и выразилось в духовном и нравственном родстве с азиатскими племенами, в переносе везерий, нравов и образа жизни. Из приведенных примеров видно, что, в общем, русские переходят к полигамии, к инородческим взглядам на женщину; они воспринимают фетишизм, антропоморфизм, шаманизм и идолопоклонство, усваивают предрассудки, приметы и суеверия инородцев, изменяют одежду, переходят к образу жизни и промыслам инородцев, паконец, забывают русский язык и воспринимают инородческий. Все эти явления одичания нашего населения уже теперь дают себя чувствовать. Постоянное заимствование от инородцев входит в обычай вообще русского населения за Уралом и влияет на весь его склад. Многое незаметно вшло в празы, инос смешалась с предрассудками, с мифологией и демонологией русской, третье находится в сыром виде и путается с русскими обычаями, как часто полуязыческий костюм с русской рубахой. А это дает нам повод заключить, что расовая устойчивость русских на востоке далеко не так прочна, как предполагалось, что русские во многих случаях склонны были скорее покинуться инородцам, чем над ними господствовать, и что они более заимствовали от инородцев, чем передали им. Всё это наводит на вопросы надо ли считать наше слияние и четися-

Взаимодействие русского и инородческого населения 109

цию с инородцами при настоящих условиях выгодными для русской национальности? Что будет, если на таких же условиях она будет продолжаться в будущем? И каковы должны быть предпримиты меры, чтобы избавиться от тех невыгодных последствий, которые ныне обнаруживаются? Полобные вопросы имели тем более значение в нашей истории, что Метисация с инородцами на востоке далеко не представляется явлением отжившего, законченного; она только еще начинается и дальнейший процесс ее развития угрожает в будущем уменьшить большее число русских. Без знаний, без тех преимуществ, какие дает индустриализация, конюна русского населения, превращаясь среди инородцев за Уралом и издали совершая завоевание, становится похожа на отряд пионеров, высланных вперед прочинять дорогу бес кирок. топоров, лопат и других инструментов.

Единственный залогом и умственного, и социального преобладания русского населения должна быть стоящее культурное развитие. «Чтобы выдержать борьбу, — пишет один из учеников географического общества Нейман, — и в то же время исполнить культурную миссию относительно превосходящего и поставленного в лучшее положение инородческого населения, нужно иметь достаточный запас существенного развития, энергии и воинской нравственной силы» (Извест. Сиб. Отдела, 1871 г., № № 4 и 5, стр. 51). «Прогресс будет еще больший, если вы дадите русскому населению николю», — говорит в другом месте путешественник. Чем более играет роль физиологическое выражение и понижение расы, тем более должна быть гарантировано повышение культурное. Если просвещение и цивилизация составляют естественное право человечества, то здесь оно имеет особое значение, как единственный спасение народности. Понятно, какие жертвы и усилия необходимы здесь, чтобы поднять население на высшую степень развития и дать ему, так сказать, нравственный пересел. Надо помнить, что от умственных и просветительских средств будет зависеть судьба нашего существования на востоке*.

* Любопытные наблюдения о склонности ногулов с русским деланым я только что вынесшим груз: «Экономический быт государства. крестьян и оседлых инородцев Тунгусского округа» А.А. Кауфмана. Изд. Мин. Государ. Имущество, стр. 43—45.

Влияние культуры и просвещения на инородцев Сибири

Когда миновал первый период завоевания инородцев, а затем покорения и усмирения их, должно было наступить время мирных отношений. К сожалению, предшествовавшая история оставила столько горьких воспоминаний, совершенено было столько несущих жестокостей, а поднесенная эксплуатация инородцев и обиранье их так опровергали всякие дружественные и братские чувства, что между русским и инородческим населением находится доселе пропасть и полное недоверие со стороны инородца.

После завоевания Сибири прошло два века, когда борьба с инородческими племенами продолжалась в виде усмирения и подавления всякого инородческого самостоятельного движения. Тут было не до культуры и не до просвещения.

Между тем в широком историческом значении не так был важен этот акт военного завоевания и покорения, как дальнейший шаг — это вовлечение гражданственности, внесение в инородческую среду христианских идей, начал гуманности и цивилизации, иначе — культурное занесение и просвещение инородческого мира.

Конечно, подобные цели несогласны были с воззрениями первых русских завоевателей на инородца и также с поднейшими взглядами на них как на расу, обремененную к вымиранию и гибели. Но будем дивиться русским людям XVI и XVII веков, когда попытками изгладить свой век в Американских Штатах и применяются к беззащитному индейцу. Тем не менее вслед за периодом усмирения и завоевания так или иначе должны были измениться отношения, так как они изменяются вслед за поражением к покоренному и пленнику. Воинственный ярость, нетерпение, чувство мести, насмешливость, ослабевает, в душе появляется чувство жалости к поверженному неприятелю, страдальческие глаза его просят

тощады. Наступает время, когда должно явиться пресыщение в резне, нужно удержать тех, кто под влиянием омынения совершает еще расправу над беззащитными, покоренными, приходится взять их под защиту и положить предел, чтобы война не перешла в разбой. Поляковолен дает знак тогда сстановить преследование и обращает внимание уже на тех, кто бесчинствует и не исполняет приказа. Поэтому из истории Сибири мы видим тот же расчет и повторят в воззрениях и нородия, начавшийся вслед за покорением. Инородец с этого момента является «податной», «ясачной лушой» (слово «ясачный» дословно характеризует инородца). Эта податная, ясачная душа должна быть ограждена, сохранена, иначе са-мый доход падет и не будет извлекаться. Вот первые утилитарные мотивы явившейся гуманности, пощады и защиты инородца от обид и злоупотреблений военю и частных лиц.

С момента покорения указы твердили военодам, чтобы они обращались к «крайкам» с покорившимися, и служилым людям посыпалась «приказывать» накрепко, чтобы они, хотя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому нечинили, с собирали бы с них «яск лаское и приветство». Идея покровительства и заботы об инородцах еще разе выступает в наказах Екатерины II, которая смотрит на Сибирь как на инородческую колонию и русскую Идию, где необходима либеральная колониальная политика. Общечеловеческие идеалы XVIII столетия заставляют ее смотреть на мир, а также и на империю как на арену, где должны примиряться все племена. В это время императрица простирает свое внимание до выъоя инородцев-дикарей ко двору, до покровительства бурятам в Сибири, предоставления им многие привилегии, как торговому составию, и вооружению некоторых симовцов инородческого царства**. В своих указах Екатерина II является настоящей защитницей и покровительницей обиженных инородцев. Видя этот выразился довольно определенно в указе по поводу посылки майора Щербачева от переписи инородцев в 1763 г. «Монаршими напалим словом обнадеживаем, — говорилось в этом указе, —

* Истор. Собиравша, т. VII, 390, 391, т. IX, 430, 431.

** В Екатерининскую комиссию называлась также депутат от бурятов буддист Заслав; он поднесет Екатерине свое пуштешение в Тифе и получает золотую медаль, он же получает титул хамбо-ламы всех бурятских и тунгусских родов (Позднеев «Записки Восточно-Сибирского Отдела Импер. Архива»). Общество — 1887 г. «Вест. Особенный» 1887 г. №12).

что не только все подданные подданные наши ясачные, ранным образом и вреда в Империю нашу и в подданство приходящие, содержаны будут в желаемом спокойствии, почему мы всем сибирским повелеваем с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое любротство и не чиня им не только каким-либо притеснений, обид, грабительств, но ниже малейших убытков; если же кто за симodium Монголиям повелением дерзит чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения, а от ясачных в урежденных от нас правительствах присыпаны будут нам на кого во взятках и в прочем тому подобном жалобы, то повелеваем наистрахнейше следовать и с винами поступать по законам, а обидимых по справедливости заинчать без промедления холестого времени, о чём сей наш манифест по всей Сибирской губернии публиковать во всетарное известье (Манифест 1763 г., июня 13 дня). Вместе с тем при Екатерине II за оседлыми инородцами было весьма много укреплено земель. К сожалению, этот взгляд государей не получил признания в Сибири. В 1763 г. учтено было число инородцев в 186.000 человек и положен оклад 165.000 р. Притеснения инородцев между тем не уменьшились, несмотря на внушенные правительству, оклад продолжает оставаться неизменным до Спасского, т. е. до 1822 г., или скорее до новой ясачной комиссии; между тем число инородцев во многих местах изменилось. Так, в Туванском крас вымерло от голода и болезней до $\frac{1}{4}$ инородческого населения, тогда как остальные должны были нести весь оклад*. Уложение об инородцах Спасского в 1822 г. пытается ввести порядок в управление инородцем, разделить их на разряды по образу жизни и дать им некоторые гарантии самоупречинения, образовать инородческие думы, управы и т. д. Но и этот устав, замечательно доброжелательный по духу, не мог осуществиться и повел точно к недоразумениям. Прежде всего эта ли какая-либо классификация могла быть сделана без точного исследования быта инородцев одним канцелярским путем. Еще более явилось произвола при осуществлении этого устава и зачинении инородцев в разряды. Эти нелюстки в регламентации были обнаружены в 1828 г. новую ясачную комиссию. Ясачная комиссия старалась только поправить разряды и установить новый определенный оклад. Этот оклад

* Шапка Положение инородцев. Ист. этюзы, стр. 174.

лад по переписи 1835 года остается неизменным и доселе, а законодательство для инородцев, созданное Странским, продолжает существовать более полувековия в нашем слове законов. Несмотря на это благие желания урегулировать управление инородцами идать им некоторые права и законы, этот Устав решительно не привнес ни дел в Сибири. Дух его остался цепонятим, неусвоенным, а быт инородца остался в том же, если не худшем, виде, чем до устава Странского 1828 г. Уступки инородческому обычному праву не оказали никаких гарантий. Древнее самуправление исчезло, старый общественный союз разрушился, новые не создавались, и инородцы представляли стадо, запутанное земской полицией. Там, где инородцы обожгались организовать волости, там все вручались гражданскому писарю, который и являлся хозяином и посредником власти с властью. Распоряжения таких писарей инородческого судьбы вели только к массе злоупотреблений и поборам. Инородческая волость явилась подчиненной на деле одним земским заседателям, власти которых являлась бесконтрольной. Это давление земской полиции, ее бесперебойный характер, низкое развитие, отрывистое содержание в Сибири и своеобразные стремления не позволили вдоверить ни малейшего порядка и справедливости в волостях, а создали многочисленные злоупотребления, беззачетные поборы, практикуемый произвол, жестокие наказания, а особенно обложение с инородцем, уничтожение всякие следы законности. Важна от надзора мелкие исполнители и земская полиция с своими правами дискредитировали, таким образом, лучшие намерения правительства. Сибирские заседатели и исправники до последнего времени свидетствуют в инородческих волостях, ни указы государей, ни законодательство, ни гуманный устав Странского, ни страх закона, ни внушения человеческой совести не могли защищать, ограничить инородца и заставить уважать его человеческие права. При отсутствии знания инородческого быта, распределения инородцев и выяснении населения, переписка об устройстве инородческих волостей и общественного управления продолжалась несколько десятков лет, но, к сожалению, от неумения организовать это дело не привела ни к чему. «В течение 40 лет дело это ограничивалось мертвой канцелярской перепиской и не заключает ничего, чтобы можно было сделать заключение о том, что и как следует учредить

между инородцами». Тыков был официальный приговор этого дела*. «В основе административных началь, — говорит журнал Томской казенной палаты, — должен лежать благ народ, т. е. его нравы, обычаи, образ жизни, степень развития, а равно и местные условия; чтобы беспричинно определять, какой порядок управления свойственное и полезное для инородцев, необходимо знать их прошедшее и настояще, и для этого необходимо ум пытливый, наблюдательный, деятели научные и привычные к таковой роли трудам, между тем из 40-летней переписки видно, что столь серьезный труд возлагался на земскую полицию, на земских заседателей, у которых не было ни времени, ни умения заняться за это дело как следует, почему весь труд занялся в мертвый канцелярской отписке бумаг, парализовавшей все распоряжения местной чиновной власти». Но вслед за вопросом управления является не менее серьезным и, пожалуй, более важнейшим вопрос податного обложения инородцев. Ясачные сборы причинили сознанию немало беспорядков и служили гондолом к ухудшению бытия инородцев. Ясачные сборы с инородцами махом стали с первого же раза, благодаря недоброжелательности сборщиков, тяжестью и разорением для инородцев; несмотря на огромные поборы, за инородцами все-таки показывались недоимки. Вслед за покорением Сибири в 1596 г. мы находим сведения об обременении пельмских и нарымских инородцев сборами, вследствие чего уменьшалось с них сборы ясака и прошли недоимки. Те же явления продолжаются во все последующее время: инородцы жалуются на разорение, насилие над ними; правительство приказывает, по возможностям, шанить инородцев и взискивать долги только позять, но никакие меры и самое проишествие недоимок не помогают. В 1763 г. составляется Шербаченым перепись инородцев и на инородческое население в 186.000 налагается ясачный оклад в 165.000 рублей²; оклад этот не мог быть обременительным, если бы, по-первых, он взыскивался только в определенном казнью количестве, во-вторых, более соответственно с количеством рабочих душ. Но с 1763 г. в быте инородцев произошли замечательные потрясения и изменения, а оклад этот оставался тот же до 1824 г.

С распределением инородцев в новые разряды и с переводом некоторых в число оседлых, соответственно уставу

* Журнал Томской казенной палаты по 1864 г.

Сперанского, положение дел не только не улучшается, но поплатная система лежит си^и туже. Многие из инородцев, несмотря на оседлость, к этому времени совершили разорены. Платя до 1824 г. по 1 р. 50 к. с души, с этого года, с перевода в разряд оседлых посыпали, с них последовало обложение в 11 р. с душой, да по столкну же за умерших с ревизии 1816 года. Все это привело к тому, что с инородцев тобольских, вместо прежнего оклада в 127.819 р., с 1824 по 1832 г. приилось денежной повинности за 8 лет взыскать 1.359.845 р. Инородцы смогли уплатить в счет этой громадной суммы всего 735.397 р., следовательно, в недомимке за них состояло 624.648 р.; в таком же положении очутились и другие оседлые инородцы. Хотя ясачные комиссии обнажили всю неоразумность, всю тяжесть обложения и открыли при этом много несправедливостей, тем не менее они не могли улучшить быта инородцев и сократить оклады. Напротив, после ясачной комиссии в общем сумма сборов воззвалась. Так, инородцы с 1825 г. по обложению вместо прежних 146.460 р. 55 к. стали платить 525.162 р. 99 к. Злоупотребления при сборе ясака не уменьшились; кроме того, на них наложены были новые повинности. Резолюции и заключения, к которым пришла ясачная комиссия, были, однако, замечательны. Комиссия констатировала о сложении недомимок, «так как взыскать их было невозможно, не довлея инородцев до совершенного разорения». Недомимки по 1 января 1832 г. были, таким образом, прошены «по уажению расстроенного состояния инородцев от обременительной экспекции и других допущенных злоупотреблений», как сказано в указе Сената генерал-губернатору Западной Сибири. Но и за таким важным облегчением следы инородцы не в состоянии были платить полного крестьянского оклада, поэтому предположено было для них в проложение десяти лет, с 1840 по 1850, платить $\frac{1}{3}$ крестьянского оклада, а с 1-го января 1850 года полный оклад. Несмотря на сделанные облегчения и льготы, а также несмотря на то что некоторые из оседлых управ доселе обложены полатью только в количестве 4 руб. 41 коп. (оседлые волости татар Томской губернии), недомимки не только не уменьшились, но возросли. Так, с 1850 г. по 1860 г. увеличились недомимки у тех же тобольских оседлых татар и томских. Недомимки эти в 1873 г. по 4 скрутам равнялись 480 234 рублям. Накопив-

шины недомки взыскиваются обыкновенно самыем беспощадным образом, пролажю имущество инородцев, отдачею их в заработки промышленникам и только по истощении всех средств они представляются к сложению, то есть, когда разорение достигло крайних пределов; наконец, что еще важнее, самые оклады взыскивались всегда не в положенном казною размере, но в гораздо высшем, часто суммы, взыскиванные из инородцев, оставались в руках сборщиков и заседателей, а на них отмечались недомки: Подобные лживые сборы, как причина недомки, не всегда было удобно объяснять местному начальству; но, несомненно, они играли значительную роль. Что касается общих повинностей, падающих на инородцев, то они так были тяжель, что инородцы закладывали свои утоля и панимали для выполнения их русским. Мирские расходы ложились на инородцев болыпию тяжестью, чем самые подати.

Что касается ясачного сбора с кочевых инородцев, то оклад этот мог быть точно так же необразительным, если бы только он не отражался в увеличенных сборах и в тех затруднениях, которым сопровождалось внесение ясака мехами. Правительство, желая облегчить инородцам внесение подати, ввиду недостатка денежных знаков, предоставило им вносить меха, которые или в доход Кабинета Его Величества, то сбор меховых изделий был поводом для злоупотреблений в Сибири. Несмотря на то что инородцам предоставляется вносить ясак в казначейство деньгами, на практике является, что инородцы, напуганные чиновниками, что их запишут в оседлый оклад, предпочитают вносить мехами, между тем постоянное уменьшение зверя в Сибири и его «неурожай» ставят инородцев в большое затруднение. Самые ценные меха, в большинстве случаев, покупаются у торговцев, которые пользуются случаем взять с инородцев высшие цены, соболь покупается в 15 и 25 р., когда в казну сдается по 3 р. Затем, сбор в волости производится обыкновенно звериными шкурами с корты, причем собираются князьями и засланами не оценке, а произвольно; здесь должны войти все расходы по поездке сборников в города, на переносчиков, на сношение с властями. При случае ясака, во избежание злоупотреблений, закон предлагал для больших гарантий создать взнос в особом составном присутствии из казначея, исправника, стряпчего и т. д. Но это повело

только к тому, что в приеме ясака явилось более лиц заинтересованных. Удивительно, что при всей требовательности, с какою относятся приемщики, при огромной стоимости ясака для инородцев, результаты явились совершенно неожиданные. В Кабинет доставлялись мски хулигского качества, и вся вина сваливалась на несчастных инородцев. По поводу дурного яицка ясака не раз Кабинетом начинались переписки, местное начальство изыскивала причины ухудшения лова зверя, но истинной причиной как будто бы не открывало. Таким образом, несмотря на читокий оклад в 1 р. и 1 р. 50 коп. с души, сборы с кочевых инородцев удавались. Недомогки на кочевых инородцах были также часты, а между тем земские чиновники составляли себе состояния в несколько десятков тысяч. Такие злоупотребления, как мы убедились обзором инородческого района, продолжают существовать. К этому же присоединились образование волостей, содержание писарей в кочевых районах, которые внесли не столько порядка в управление, сколько новые незаконные поборы. В таком свойстве податной системы лежит одна из видных причин инородческого обещания и разорения. Податный вопрос, таким образом, заслуживает наиболее внимания, тем более что оклады инородцев остаются неизменными с 1835 г., а современная платежная способность инородцев не выяснена. Система взимания ясака и преобразование его в денежный сбор, в устранение существующих злоупотреблений, составляет также очередную задачу. Как попытки введения правильного управления среди инородцев, так и опека правительства в ограждение инородцев от притеснений, злоупотреблений, а также заботы об обеспечении продовольствием инородцев в моменты тяжких бедствий, к сожалению, не привели к должному результату. Правительство издавна запрещало ввоз вина в стойбища инородцев под каким бы то ни было предлогом. Сибирский комитет в 1830 году запрещает ввозить к самоеам лаже лекарства, настоинные на вине. Тем не менее винная пропажа везде проникла. Торговлю вином практиковали не одни торговцы, с жаждой барышника, но этим занимались священники, заседатели-управители инородцев и т. д. В настоящее время, благодаря проникновению русских, вино повсюду поставляется инородцам, и запрещение не привело ни к чему, разве только повысило цену вина. Являясь как запретный

плод и действуя на инородцев временами, периодически, оно имело тем более губительное влияние". Что касается создания казенных магазинов для продовольствия, то они позволили только накоплению долгов на инородцах, которые взыскивались с беспощадной строгостью: раздача хлеба вела, наконец, к многочисленным злоупотреблениям, так как находилась в руках казенных вахтеров. Г. Шаников пишет, что долг за хлеб в Тарханском округе простирался иногда до 200 р. на человека. В 1861 г. на 63 инородца считалось 13 000 р. с. хлебной испомыки. В Березовском крае в 1850 г. хлебный долг был лавен 12 947 руб. сер., в 1852 г. 17 000 руб. О накоплении подобной же недоломки в Нарымском округе в 50 000 р. и о тех же злоупотреблениях сообщает очевидец в 1881 г. («Сибирская газета»: «Инородцы Нарымского округа», 1881 г., №№ 21 и 22). Это снабжение хлебом имело чисто фиктивный характер; вахтеры записывали хлеб на инородцев, но сами продавали его торговцам, которые уже снабжали инородцев по двойной цене. Наконец, эта торговля кощулась разорением инородцев и накоплением состояния у вахтеров (см. тоже «Сибирь», газета о Нарымском крае, №№ 21 и 22). Магазины эти признаются ныне своеобразным сдвигом инородческим обществом с заведованием им избранными сторонами. К тем же злоупотреблениям вела продажа синицы и пороха.

Если, с одной стороны, в политике по отношению к инородцу господствовали «финансовые» меры и стремления, с другой стороны, со стороны русского населения осуществлялись промышленные цели идвигали корыстные побуждения познания, то при таких условиях нельзя было ожидать установления добрых отношений икультурного воздействия.

Самый умственный уровень и развитие местного русского населения в Сибири были невысоки. Мы видим, что русское население на востоке явилось безнадежщего просвещения. Большинство было невежественные, безграмотные простолюдины и аичный гордый класс. Просвещение среди русского населения слабо распространялось в Сибири, а невежественность и темная масса сдали что могла привить к инородцу. Население

² Против язва зодки и спирта в инородческие районы, при стремлении всего русского общества действовать инородцу, оказались бесполезными. Инородческие земли были заселены в основном злаками. Да и тех под инородца склоняются спиртом и ячменными спиртами, а в Якутскую область заселяются «адеколы», который сбывается как суррогат вина.

это, как видел в предшествовавшей главе, само отступало от культуры. В области хозяйства оно становилось охотниками и эксплуатировало зверя, в степях русские переходили к скотоводству и сами извивали пастушеские привычки, а земледелии они отступали от первобытной системе «перелогов» и конского земледельческого хозяйства. Самый быт русского крестьянства в его первобытной культуре далось не было устойчив, чтобы ворваться в Сибирь новые культурные приемы, и предлагают сие просвещать и распространять агрономические и технические знания среди русских. При эксплуатации природы поэтому многое было усвоено из инородческой среды. Мы видим поэтому только местами и единицами, где русская культура и промышленность распространяли среди инородцев земледельческий промысел и распространяли русские произведения. Конечно, и тогда им делала свое дело, познакомив инородца с железом, топором, ружьем, порохом, мануфактурой; но все это очень долго обходилось инородцу и не было граня, где начиналась услуга и кончалась бы форма эксплуатации.

При таких условиях и инстинктах русского населения весьма трудно было думать о цивилизующих нравственных влияниях, о просвещении и снабжении инородца лучшими духовными благами.

Что русские упустили свою роль в деле алияния, это можно видеть на религиозном вопросе. Среди сибирских инородцев распространяется несколько религий. Большинство сибирских инородцев были язычниками или шаманистами, в том числе ложе имиенные магометане и будисты. Тобольские татары приняли магометанство из Бухары тотчас перед присоединением русских, и эта религия получила огромное распространение уже во время владычества русских; так, барабинские татары принимают магометанство только в 1745 г., то есть более полтораста лет находясь под русским влиянием. Ныне из 142.191 инородца Тобольской и Томской губерний 47.326 магометаны, если мы присоединим до 78.800 сибирских киргизов, также принявших ислам, то увидим, что магометанство здесь совершило наибольшие победы. Во все времена Средней Азии снажила Сибирь своими проповедниками: ходжами, муллами, которые, ревностно проповедуя ислам среди инородцев, уже подвластных русским, обратили значительную часть их в свое вероисповедание.

Тоинь так же весьма сильно влияния имел на сибирских инородцев и буддистов. По свидетелям, собранным в 1748 году в Томской Синхире, оказалось, что большинство буддистов держится шаманской веры, то есть язычников. «У буддистов было только 11 дацанов и 150 лам, но в 1845 г. оказалось буддистов 85 060, а лам 3 514. В 1848 г. буддистов было уже в Забайкалье 125 000, а лам 4 546. Ниже между буддистами совершенно распространился буддизм. Влияние буддизма видно и на южных алтайских племенах. Что касается остальных язычников, то они составляют теперь уже меньшинство, по крайней мере, в Западной Сибири на 20.1.1910 г. Число инородцев остается язычниками 35.873 чел., то есть 4,3%.

Рассматривая отношения правительства к инородческим культурам в Сибири, мы видим, что оно держалось большого такта и предусмотрительности. Встретив магометанский мир из запада в Түркестане и Бухаре и имея в виду влияние его на наших татар и пограничных киргизов, еще не вполне поддающихся русским, правительство старалось обеспечить веротерпимость и успокоить инородцев, что на них не будет совершаться насилия. Екатерина II особенно старалась поклоняться инородцам, давая льготы. Когда приходилось «замирять» киргизскую степь в начале царствования ее, то принято было за правило, не раздражая магометанского духовенства и мулл, постараться только о том, чтобы муллы эти диникис-на-принцессами из Бухары и Ташкента, что было бы крайне опасительно в видах политических, а имбираний из татар, татарской же населенности внутренней Сибири было совершенно покорно и дружественно. Чтобы лучше обеспечить наблюдение за магометанами, правительство приказывало построить мечети в стени и назначало жалование определенным муллам. В Екатеринбурге был сооружен магометанский мечеть, он управлялся правительством и побирался из погор, известных преданностью русской власти. В Казани печатались магометанские книги. Таким образом, центр магометанства и его иерархия был, так сказать, выделен от Средней Азии и находился под нашим надзором. Ясно, что если где складалась политическая сообразительность и благороднейшая тактика, то именно в этом. Всякое другое поведение при воинственном настроении степи, выражавшемся в бунте Кензы, потрясавшем степи еще в 40-х годах, конечно, привело бы к отторжению киргизов. И доселе еще не прошла паника, навеянная завоеванием, но этого более трепещет инородец за свою веру. Это самое большое место, до которого приходилось касаться с величайшей осторожностью, чтобы не возбудить инородцев против русских окончательно. Такое же предусмотрительное действие мы видим у правительства и в отношении к буддистам и ламаистам. Некоторые исследователи отмечают факт, что Буряты в наших възлеяниях когда-то были шаманисты; значительная часть бурятов к северу от Байкала и до сих пор еще шаманисты. Но такое дело южные буряты, когда-то вылпнувшиеся к нам из Монголии. Известно, по исследованиям г. Позднеева, что в Екатерининскую комиссию явился

от бурят депутатом буддист и был награжден медалью. По переписи 1741 г. показано было за Байкалом 11 дацанов и 150 лам. Одно это ничтожное количество монахов лам на 11 монастырей ужеомнительно. На самом деле буддизм и ламаизм давно славили успехи среди бурятов. Он распространялся в Монголии с XVI столетия и даже ранее, множество развалин монастырей на пятих границах, как в Коннусе, доказывает существование древности буддизма в Сибири. Джунгария вся была буддийская. Близ Семипалатинска русские нашли буддийский монастырь. Все это опровергает то мнение, что буддизм проник и получил развитие в 1845 г. В этом году забайкальские ламисты и буддисты обнаружились только официально и число их оказалось 85.000. Собственно, это значило, что ламисты не боялись более скрываться и выразили свое доверие. В следующий период в 1848 г. они показали еще более откровенно число своих в 125.000 чел. Нечего говорить, что по мере увеличения монастырей развивалась и ламайская грамотность; при монастырях есть школы, все же выдвинувшиеся читать молитвы и жившие в монастырях, получают звание лам. Что же удивительного, что число лам увеличилось. В 1842 году их насчитывалось до 5 545 чел.* В каждом семействе буддисты желают иметь по священному; это особая честь и локазательство благородства. В Монголии в каждой семье есть лама. Обнаруженное число лам, однако, возбудило против ламистов подозрительность и опасение. Увеличившееся число лам и монахов побудило взять подножие о ламском духовенстве в Восточной Сибири в 1853 г., которое, однако, не вошло в свои законов. Положение это имело в виду урегулировать и определить штат ламского духовенства**. Признав главным духовным лицом хамбо-ламу за Байкалом, правительство желало иметь официальное лицо, которое несло бы ответственность в делах буддистов. Этому хамбо-ламе подчинены все буддисты или ламисты в русских пределах. Утверждением такого лица высшая власть опять-таки имела в виду установление иерархии в наших владениях и предупредить от-

* В 1845 г. у оных коптице оказались 4653 ламы (вероятно, занесены всех грамотных). В 1846 г. хамбо-лама показал, что у него 34 дацана, 144 храмы и 4509 лам.

** По положению 13 марта 1853 г. установлено штатом для бурятов иметь 34 дацана, 280 лам и 35 учеников веры. Нечего говорит, что это было недостижимо.

Влияние культуры и просвещения... 223

ношение наших буддистов к Монголии и Тибету. Затем, чтобы ламское духовенство не ложилось тяжестю на оставленное население и не было излишних поборов, положено было отвести как хамбо-ламе, так и монастырям-дашанам земельный надел, хамбо-ламе до 500 десят. земли, шеритум 200 дес., ламам по 60 дес. За Байкалом разрешено было существовать 34 дашанам (монастырям) с известным штатом лам; сверх определенного числа посыпать их не позволялось. Это было уже ограничение ламства. Далее запрещено было умножать лаваны и молитвенные дома, наконец, хамбо-ламе допущены выезды из монастыря и прихода лишь каждый раз с особого разрешения. Таким образом, эти правила хотя и допускали существование ламаизма и буддизма, но ограничивали их витами. Ламисты не могли не считать, по последнего времени это ограничение стеснением вероисповедания. Так, например, высшее духовное лицо лам не только не могло выезжать без разрешения по области, но не может отлучаться и из монастыря. Производство в ламы ограничено, как и постройка храмов. Но эти правила некоторым показались недостаточными. Некий речтый чиновник Гучин проектировал запретить ламам буддистам испытывать трабы, запретить ламам появляться им монастырям в узлы, всяких земли и содержание от них отобрать, звание хамбо-ламы уничтожить, устоногеть для всех бурятов единожество, в тайши (полностные начальники) к бурятам-буддистам назначать только крощенных и знающих русский язык. Просект этот был так некр, что не мог быть осуществлен, даже мыслине стеснения были чувствительны и возбуждали ропот населения и сознание угнетенности.

Всякие меры против буддистов и ламистов пробуждали опасения у инородцев. Ламисты, соединенные одним языком, верованиями, своей церкви организацией, представляли сплоченную массу единомышленников, связанных одним чувством, весьма осторожную и чуткую. Г. Позднеев, профессор и монголист, видевший недавно сплоченную организацию бурятов, сообщал, что они походили на сплоченные общества, у которых был обмен и пересыпалась блестки и новости относительно распоряжений и мер, угрожающих ламизму. Тревожные слухи о насильственном обращении бурятов в православие только волнуют их и вызвали ниркулья байкальского губернатора, который мы здесь приводим.

«Братья Агинского ведомства в письме ко мне от 4-го июля 1886 года заявляют, что статими, часто появляющимися в духовных изданиях, а также Забайкальской православной миссией, их ламы и родонаучальники несправедливо и к общему их беспокойству обвиняются в пропагандации инородцев, принявших православие, что сами они, буряты, претерпевают будто бы стеснения в свободном исповедании их религий и проч. Заявление это я представлял лично г. приамурскому генерал-губернатору в проезде его высокопревосходительства и мысшим листом через город Читу, на что генерал-адъютант барон Корф в письме ко мне, от 10-го августа за №148, выражил недоумение, какие причины могли бы послужить поводом к беспокойству бурятов, так как бурятам должно было быть хорошо известно, что действия русской администрации клонятся ко благу русских подданных и основаны на строгой законности. Слухи, о которых упоминают они, ясно говорят, что они доходят до бурятов в искаженном виде. Что бы и кто бы ни писал в газетах и других изданиях, не может служить обвинением бурятов перед лицом администрации и если они обищут неудобно следовать указаниям закона, то и опасениям им не может быть места. С своей стороны прибавлю, что во время моего управления областью я официально не получал сведений о преследовании ламами или родонаучальниками крещенных инородцев, иные виновные в этом были бы наказаны беспощадной строгостью, потому что христианская православная вера есть нация государственная религия; благотворное влияние ее на людей доказано опытом многих веков, почему неприкословенность ее строжайше охраняется государственными законами. Поэтому-то и распространение ее между возможно большим числом людей более чем желательно. Но эта благая цель достигается у нас воздействием на сознание людей. Принуждение же и насилие в этом отношении противны духу русских государственных законов и самой нашей религии. И на самом деле я не имею официальных сведений, что буряты ком-либо стеснялись в свободном исповедании их религии, и жалобы их на это без указания частных случаев таких стеснений признаю голословными».

Между тем некоторые деятели изобретают такие меры к обращению бурятов, которые могут повести к обратному. Предлагают поддерживать деятельность миссионеров авто-

Влияние культуры и просвещения... 225

ритетом власти вместо духовного кроткого влияния. Пребегают при этом к земской полиции, требуя от нее того, что не входит в ее прямые обязанности, а именно «содействия» или воздействия при крещении ламанчиков и шаманистов. При проповеди миссионера, говорит, должен стоять полицейский чин и этим внушать, что это не только стремление духовенства, но и требование власти. Преследование и стеснение ламанчиков и шаманистов и проведение в число выборных станиц и тайши (прежде наследственных) агентов и обращенных *только* возбудило у бурятского населения крайний беспорядок, недовольство и сопротивление в области гражданского и административного управления, весьма ярко отражающееся в политическом отношении. Такие меры производят самое неблагоприятное впечатление на инородческое население. От грубых и беспактных мер, проникнутых фанатизмом и незнанием быта инородцев, можно ожидать самых дурных последствий. И крайнее стеснение, предлагаемое «реконструкцией на по разуму», должны быть иными сперхиваниями мудрой администрации. Они могли совершенствовать восстановление бурятского населения против русских. Можно желать, чтобы ламанчики и буряты просвещались и проникались светом истины, но значит ли это, что им нужно запретить их собственно перспективы. Правительство и власть совершенно основательно и благородизуя, положив известные пределы ламанизму, не прибегли к тем мерам гонений и фанатизма, которыми проповедуются людьми, не привыкшими уважать чужого культа, чужих святынь и чужой совести. В отношении политики, прилагаемой к инородцам в мерах обрушения, как и веры, весьма важно иметь в виду, что крайние и суровые меры породят такие последствия, такую политическую рознь и возбуждение населения, которые едва ли будут исправимы. И государство всегда будет право, если будет держаться на высоте своей точки зрения, а именно полной веротерпимости в видах чисто политических.

Неумелая проповедь в Сибири скорее отталкивала инородцев, и неумелые проповедники часто к духовным и религиозным целям примыкают другие светские цели, как «обрусение» и оседлость инородца, называемые рядом с крещением. Миссионеры, не умея убедить, часто прибегают к жалобам и требованиям затянуть замах выполнить их трябы, прибегают к земской полиции, словом, стараются

226 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

действовать средствами, которые рожают только проповедь и принципы православия.

Только этими последними грубыми и непоследовательными способами можно объяснить существующие неуспехи миссионерской проповеди и возбуждение инородцев вообще против русской культуры. При историческом обзоре прошлого следует не упускать из вида и напрасно скрывать те фальшивые взгляды и промахи, которые порождали нелогичности и восстановили против нас инородцев. Нужно сознать, что даже представители культуры и духовного просвещения не были на высоте своего призвания; напротив, в глухих инородческих районах сами проповедники и миссионеры опускались и не были примером благочестия и нравственности.

Попытки христианской проповеди были делаемы и иностранными миссионерами. Деятельность иностранных миссионеров за Байкалом когда-то получила европейскую известность, и мы в «Землеведении» Риттера находим о ней довольно подробных известий. Не можем не привести этого прекрасного отрывка, где в то же время рисуется взгляд самого ученика Риттера на миссионерскую деятельность. Дело идет о евангелическо-британской миссии. Эта миссия имела свои приемы, о которых упоминает Риттер. Впоследствии, вероятно по важным соображениям, ей предложили прекратить деятельность, но дамы о ней остались в виде перевода на бурятский язык Евангелия.

«Кохрен и Эрман сообщили кое-что об английской миссии, которая поселилась недалеко от города для обращения бурят в христианство. Кохрен (1821) говорит, что миссия эта эсмияков состояла из г. Стальбрасса и Юлл, с многочисленным семейством, и их товарища, г. Свана. На левом берегу Селенги, напротив города, в стране уединенной, степной, романтической, но не совсем удобной, на участке, подаренном миссионерскому обществу милостью Государя Александра I, построили они несколько красивых ломиков и обзавелись огорожами. Таким образом, река отделила их от города и затруднила спасение с ним. Способствование земледелию и промышленности не было в их плане, да и задуманы платят здесь слишком дорого, и покупка хлеба обходится для них выгоднее. Не непосредственное обращение в христианство, кажется, составляет их главную задачу, но приведение

ние к нему, через изучение монгольского языка, перевод Библии и раздачу христианских книг. Они изучали еще русский и манджурский языки, и в этих занятиях пролетели первые годы,期间 они предпринимали путешествия во внутренность страны с целью изучить местность и народ и завести сношения с бурятами и их замками. Впрочем, по уверению Эрмана (1829), они еще не обратили ни одного из них. Книжки, которые они раздавали языкчикам, хотя и были принятые сими последними, но едва ли буряты и их заглядывали, а находившиеся в услужении у миссионеров, по сидельству Кохрена, еще смеялись над безумием своих гостей и оставались у них для того, чтобы мене работать и лучше есть. Конечно, эти дурные служители презираются своими земляками как отступники. Кохрен*, который выражает самое глубокое личное уважение к своим землякам и имел счастье во все время своего трехлетнего путешествия слышать от них в первый раз назидательную проповедь на родном языке, полагает, однако же, что они нашили бы более восприимчивое и более нуждающееся поле для распространения евангелического учения вблизи своей родины, в Индии. Буряты же считают он еще мало способными к принятию христианского учения; они, говорит он, слишком недавно сделались ламистами и получили многочисленное духовенство, которое за 12,000 голов скота приобрело целую богословскую литературу на 30 языках из Тибета. С другой стороны, и православные священники крестят в свою веру многочисленных прозелитов⁷, и все это не благоприятствует миссионерам. Впрочем, об успехах миссии нельзя судить схематически. Она имеет свой собственный ход развития, но чтобы можно было надеяться на успех, нужно повести дело со всем доступно для человечества мудростью и надлежащим осмотрительностью. Но если бы дело шло и в этом смысле, то и в таком случае успех проповеди учения Христа через посредство слабых орудий может зависеть от Господа; а порицать дело истинных апостолов Евангелия, переживающее целые столетия, было бы заблуждением или еще более дерзостью. Другое дело — указывать на то, что односторонне преподанное учение и слишком раннее раскрытие высокой цели человечества малодействующим еще народам, могут быть для них более преданными, чем незаданными. Всякий, кто прочтет историю миссий

* Cochrane. Редиции Юнк. Vol. II, стр. 131, 173.

228 *Н.М. Ябринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

за последние три столетия, почувствует умиление, а вместе с ним и некоторую печаль, видя, с одной стороны, какая благодать была разыта ими между разными народами земного шара, а с другой — что в иных случаях ими же посажено было начало некоторых зон? Те, которые привезены к великому делу миссионерства, должны прежде всего поднадышаться над самими собою и возвещать не одно голое слово Христа, для язычников исполненное, но осуществлять все евангельское учение, во всех его проявлениях, *словом и делом*. Пускай это, кстати, послужит ощущением на упреки, спасленные автору землеведения за его порицания некоторых миссионерских предприятий*. Кто сравнил относящиеся к этому предмету рассуждения, разбросанные в папках землеведения, тот легко убедится, что в нем нет ничего направленного против истинного распространения Евангелия, и что мы не высказываемся против миссий как таковых и даже не желаем запрещать какие бы то ни было личности, а говорим только вообще о некоторых печальных явлениях и недостатках, обмыкновенно сопутствовавших досел существовавшим евангелическим миссиям, и будем и впредь указывать на них, зная, где это относится до нашего землеведения, па нашем совести и к первым самим миссиям. Эти основные недостатки, и слуг которых уже многое было растрачено бесполезно, заключаются, по нашему мнению, в следующем: во-первых, в слишком одностороннем научном образовании миссионеров, особенно же в недостаточном знании того языка, на котором они передают слово Божие: даже в представлении к природе и ко всему Божеству миру, как будто мир этот есть сознание дьявола, и наперекор тому, что материальное благосостояние народов главным образом основывается на силах природы, и что каждый человек, несмотря на на какое сколько духовное различие, не может преобрести познанием этих сил. К этим существенным недостаткам нужно присоединить еще прецедент к цивилизации и религиозным понятиям нерхристиянских народов, к их весьма приобретенной человеческой мудрости, которая конечно, может с некоторой точки зрения казаться безумием, но во всяком случае не большим, чем то, которое иногда привлекается в кажущейся пыльности распространенных в Европе человеческих понятий и мудрости. Пренебрежение к част-

* Jahresbericht der Gesellschaft zur Beförderung der Evangelischen Missionen für 1830. Berlin. 1831, p. 93.

ным стремлением и индивидуальному развитию порождает везде вместо соглашений несогласия, возбуждает страсти и вместо христиатской любви порождает ненависть и нетримиримую вражду между народами, продолжавшуюся целые столетия. Далее к основным недостаткам миссионерства принадлежит еще и суеверие новых обращенных, смешивающих сосул с его содержанием и полагающих, что одно только слово в устах миссионеров равносильно поучениям Спасителя и его апостолов и столь же чудотворно, между тем как в делах и ныне совершаются чудеса, которых никто не в состоянии вызвать. Противоречия способом действия миссионеров как со стороны язычников, так и со стороны христиан обыкновенно привносят злое противу Христа, между тем как это противоречие есть не что иное, как действие одной человеческой слабости против другой, и неудачи миссий являются часто следствием собственной их слабости или безумства. Основным недостатком миссионеров остается еще ложное смирение, которое «насил горести»; на него следовало бы сделать более частные указания, подобные тем, какие мы делали, указывая на истинное смиление миссионера Шварца, в котором признавали наилучший образ миссионера. Если же мы были сколько-нибудь несправедливы по отношению к к-ру Ван-дер-Кемпу, то готовы охотно взять назад свою ошибку. Мы сами от души желаем, чтобы прогрессирующий, прекрасный, истинно святительский дух миссионеров, которому мы глубоко сочувствуем, рассеялся в скромном будущем всеми наши критические замечания, основанные на бесчисленных данных прошлого времени. Да и замечания эти были бы совершенно излишними, если бы везде светили такие светлыя обряды, каковы, напр., *Ганс Эхде, Шварц, Мартин, Геберт, Гастине, Штоббассер, Гоцайф* и др. Если же наше землеведение успеет исправить многочисленные заблуждения европейцев о чуждых им странах и народах, достаточно созревших для принятия Евангелия, и если явятся люди, действительно способные посеять святынекое учение, то высшая наша цель будет достигнута. Без познания же почвы, на которой должна произрасти семена, нельзя ожидать успехов от самого посева.

Монголо-английский и манджуро-английский словари, грамматика на обоих языках, руководство к геометрии и тригонометрии на братском языке и проч., составлены людь-

ми, только начинавшими изучать этот язык и суть весьма похвальные труды, которым отдает справедливость и повелевший наблюдать Эрман*. Но труды эти недостаточны для того, чтобы проложить сибирскому языку путь к сердцам язычников, точно так же, как и распространение печатных книжек между младенческим народом еще не может заменить живого слова, одушевленной речи, так же, как дела и примеры истинно христианской жизни. Весьма часто европейский миссионер на востоке Протражает сам себе путь к умам и сердцам язычников полным незнания ни их языка, ни их образа мыслей; между тем как они имеют свой собственный, вполне выработанный язык и целую литературу своих духовных отцов, хотя языческую, но для них священную, которую должно не презирать, а победить, прежде чем будет водружён крест на их земле. Без дара слова еще долго не лойдет слово Божие до ушей языческих народов Азии. Стоит только вспомнить о китайцах, браминах и магометанах, коих дух требует, чтобы золотой напиток был им подан в серебряных чашах. Высокое мнение европейца о самом себе должно быть совершенно уничтожено в том, который хочет поучить, и дух его должен слепиться свободным и живым. Каких огромных успехов можно было бы ожидать, если бы господствующие дважды над Китаем бурятские, монгольские и маньчжурские народы своим обращением дали опору христианству в Китае и Восточной Азии. Первый свет такого возможного просвещения, благодаря описанной миссии, замердал уже в Селенгинске, и эта заслуга остается за миссиями, несмотря на ее несовершенство; о духовных же качествах миссионеров мы судить не можем» (Риттер. Землеведение, т. V).

При распространении религий, кроме факта восприятия, весьма важно знать, насколько усвоена религия, понятие, и подтверждается ли религиозным воспитанием и примером культурной расы. Это зависит всегда от народности, ее принимающей. В результате борьбы мы видим, судя по числовым данным, что господство и преобладание далеко не остается за православием; это может объясняться как тем, что инородческие племена по своему мировоззрению более тяготеют к посточным религиям, как и ролюм происхождения, языка и проч., которое соединило инородцев с магометанами.

* Erman. Reisebericht I. c. Annals. 97.

ми-татарами и буддистами-монголами. Магометанство и буддизм являются поэтому довольно окрепшими в Сибири: проповедание же, совершая приобретение в среде низшей и, как мы сказали, языческой, имеет весьма слабое влияние на магометан и буддистов. С 1860 по 1869 г. из среды татар Тобольской губернии, составляющей 40 000 сплоченного фанатического магометанского населения, крещено было только 300 человек, а в последнее время в 3 лет 58 человек. С весьма давнего времени (с 1712 г.), как мы видим, крещена значительная часть остиков и вогулов, но время нисколько не укрепило их в приверженности; по отзывам всех ученых и путешественников, они признаются христианами номинально. «Две трети остиков, считающихся православными и с первой четверти прошлого столетия, не отреклись от языческих понятий», — говорит Губарев, посетивший Березинский округ. «Остяки окрещены 150 лет назад», пишет другой очевидец, — но руководствуются внешними обрядами и иконы лежат в заднем углу или под лавкой и вынимаются в редких случаях при приеме священника». Начальник Тобольской губернии в своем отчете за 1864 год свидетельствует то же. Обращенные в православие буряты и якуты остаются при прежних суевериях и продолжают сноситься с шаманами (см. Шапков. Инеродцы в XIX ст.). «Это наружное принятие русской веры, — по словам Шапцова, — не приносит им пользы, не просвещает их действительно и существенно». Весьма часто неуменные и неспособные проповедники христианства только вооружают и озабочивают инородческие племена своими приемами; создав несоконные обращенных, они прелюбимывают гонения на остальную массу язычников, вскружают инородческое население и отталкивают от обращения. Таков, между прочим, характер миссионерской деятельности в Сибири. Миссионерских центров было весьма немного, но и в них выражались все недостатки нашего духовенства и монашества, а также известная деморализация его. Миссионер в Сибири далеко не был человеком, высоко сознавшим свои задачи изучения народности и ее духа; прежде чем приняться изменять мироосозерцание, он не был даже человеком образованым. Изолированность и замкнутость самого его доводила до отчаяния, не принося пользы окружающей среде.

Принятие высшего религиозного культа и христианской миролюбивой религии требует большой подготовки и высо-

232 И.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

кого нравственного призвания, а главное, терпения и миро-любия. Прежде всего здесь необходимо изучить окружающую инородческую среду и поднять ее умственный уровень. Обращение язычника, полного суеверий, мифологических представлений фантастического мировоззрения, по-видимому, кажется легко. Шаманисты весьма легко соглашаются креститься, и поэтому наиболее обращенной слегка среди остижки, финнов, шаманистов-алтайцев, шаманистов-якутов, но нужно принять во внимание, что эти новообращенные остаются язычниками «плюсеверами». Мифологические представления и суеверия не изгнаются из ума человека бесследно, это можно видеть и среди европейских нетрагичных масс. Поэтому формальной стороной обращения обопытиться не следует.

Жажда жизни новокрещенных оседлых инородцев не раз обрашала внимание всех путешественников: Радионова в Алтае, Кастрена среди васконганских остижек, миссионера Аргентова среди чукчей. Последний приводит замечательный отзыв сибиряков инородцев о результате крещения при помощи принудительного обращения. Когда миссионер предложил одному старику крещение, он ответил: «Я был молод, русские ласкали меня и я окрестился, теперь я ляжу на бывшие имена, старикоскими глазами. Что принесло нам крещение? Люди беднеют, стада их уменьшаются, олени переходят, да самы люди переводятся, стариков почти исчезло, многие умрли и не по-людски. Нет, я хочу умереть то-пашему, по-человечески!» Этот страх вымирания при изменениях образа жизни и прежних промыслов отталкивает инородцев от православия, где оно является синонимом осадности.

Таким образом, факт непременного принятия оседлости с крещением является не всегда в интересах новообращенных, захват же земель и хозяйственные распоряжения еще губительнее действуют на остальное необращенное население. Такие экономические эксперименты приобретения огромных земель в пользу миссионерских монастырей и общин подрывают окончательно представителей православия в глазах язычников. Только этим, а не луком репинии, можно объяснить слабые успехи обращения инородцев миссионерами.

Замечательно, что там, где миссионеров не было, но шире распространялась русская колонизация, там инородцев перешло в православие гораздо более и совершенно добро-

вольно. Сравните население Кузнецкого округа, Томской губернии, где колонизация уже сделала успехи, с Бийским округом, где переселение в инородческий район запрещалось, мы видим, что в первом из 15.000 инородцев уже 7.300 оседлых, в Бийском же округе из 27 400 едва 4.500 душ. Православных в Кузнецком округе 13.800 душ, а в Бийском не более 5.000. Таково влияние русской колонизации.

Нет сомнения, что успехи православия и распространения культуры были бы гораздо шире, если бы рядом шло образование и просвещение инородцев; точно так же в этом умственном развитии инородцев и пробуждении их духовных сил мы видим могущее средство их спасения и залоги будущего существования. Да тех пор, пока инородцы будут под опекой, не сумеют сами заявлять нужд своих, не укажут средства для спасения существования и сохранения племени, трудно рассчитывать на постороннюю помощь.

Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческогоума. Ни ссыльные инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. Попытки основания школ были случайные, точно так же, как и поступок инородцев в русские учебные заведения. Никакого привлечения и поощрения здесь не делалось и опека над инородцами, столь разностная в других случаях, здесь совершенно устранилась.

В 1782—1784 году администрация спарадаст о распространении школ и обучении кораблю Татар и киргизов, но это было чисто магометанское, а не общее образование. В XVIII столетии были попытки основания нескольких школ, но они не оставили никакой памяти. В XIX столетии началось введение миссионерских школ. Такие школы были созданы при кондинской миссии у остяков; их показывалось в 1847 г. девять с 71 учеником, но, как обнаружилось, средства имелись всего на 12 мальчиков. Школы кондинская и обдорская, по официальному отзыву начальника Тобольской губернии в 1864 году, существовали скорее на бумаге. Прежде брали в кондинское училище 10 мальчиков у остяков принудительно, при помощи земской полиции. Мальчики учились по 3 и 4 года, но преподавание было так дурно и небрежно, что в них ничему не выучивались. При церкви в Берёзовском округе хотят и были предложены школы,

234 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

но не отрывались, так как духовенство не желало учить без вознаграждения; в Березовском уездном училище учился всего один остик. Все создававшиеся и существовавшие в весьма малом числе миссионерские школы отличаются вдохновом таково односторонностью, что обуившиеся мальчики не получают дальнейшего образования, а самое большее — зачисляются в причетники и служки миссии, стало быть, о способностях инородцев вообще к науке здесь ничего нельзя сказать. Что касается поступа инородцев в русские учебные заведения, то, конечно, он был весьма труден, и если попадали слова инородцы, то случайно.

Правительство не раз пытались попытать вопрос об инородческих школах: так, между прочим, в 1853 г. министр государственных имуществ граф Киселев спрашивал об этом сибирскую администрацию, но вопрос этот, к сожалению, не получил нормального направления и даже не мог быть основательно разработан.

Бросим взгляд теперь на те попытки образования и обучения, которые сделаны по отношению к инородцам Сибири, и на инородческую грамотность. Обратимся по порядку к татарам Западной Сибири.

Из прилагаемых нами статистических таблиц, иллюстрирующих быт Тобольской губернии, мы видим, что в 9 волостях татар и бухарцев находилось 14 училищ. Население этих волостей имело 17.192 чел. жителей, обучалось в 14 школах 340 мальчиков и 81 девочка, т. с. 421; грамотных, учиившихся в училищах, считалось 761 и дома 153, всего 914; детей, не учившихся никак — 774 мальчика и 833 девушки. Итак, процент грамотных на 17.192 насел. приходится 1.335 и 1.597 детей неучившихся.

В всяком случае, грамотность у оседых татар существует и половина детей в волостях грамотны; это благодаря татарским школам, в которых учителями являются в большинстве мулы. Магометане, как видим, позаботились о школах и грамотность считают необходимой, хотя она служит преимущественно для целей религиозных и укоренения магометанского закона.

В Томской губернии у городских татар существует также магометанское училище, а в волостях, где воздвигены мечети, там мулла учит детей грамоте. Перейдем к областям, где существует также магометанское население коче-

Влияние культуры и просвещения... 235

ных киргизов. В Семипалатинской области в 1876 г. считалось 38 городских школ и из них было 13 татарских магометанских с 796 учащимися. Зато на кочевое население с 513.833 душ, было 8 школ со 183 учащимися. Когда у оседлых обучалось 4,6% всего населения, у кочевников 0,03%; у русских в городах приходилось учащихся 1 на 20 жителей, а у магометан 1 учащ. на 17. И здесь мы видим магометанское население весьма заинтересованное в грамотности, хотя ни кочевое население выпала печальная ложь: число учащихся у оседлого населения в 129 раз превышает учащихся кочевников.

В Акмолинской области в городах также есть магометанские школы, как, напр., в Омске; что касается кочевого населения киргизов в 377.250, существовало 23 школы для кочевого населения с 583 учащимися; из 23 школ 12, однако, при мечетях с 379 учащимися и 10 уездных киргизских школ. Эти 10 русских школ для киргизов была единственная попытка грамотности для инородца. Они были основаны в 1876–1879 г. под именем *интернатов* для киргизских детей под наблюдением уездных начальников. В них введен был русский язык: учеников должны были доставлять киргизы обязательство: в школах учили огородничеству, а девочек рукоделию; они обязательно жили при училище постоянно и были вне кочевой сферы. Интернаты были предназначены подготовить киргизских детей к оседлому образу жизни и занятиям. Интернаты эти окончательно не удалось, не говоря о том, что киргизы были предрасположены против них и добровольно никто не отдавал. Ныне эти интернаты признано было тоже же администрацией преобразовать и приороровать к обучению земледелию: слава ли, однако, и это получит успех. Училища первоначального обучения слава ли могут быть земледельческой школой: ни возраст детей, ни средства не позволят осуществить это. Ясно, что здесь слишком большое претензии помещали простому делу. Во всех интернатах было 204 учащихся при обязательном доставлении учеников, а в магометанских школах 579, на кочевое же население вообще приходилась 1 школа на 1.486 душ и в 15 раз менее, чем у оседлого населения.

Но если у татарского и магометанского населения существовала какая-нибудь грамотность, то финские пле-

Влияние культуры и просвещения... 237

человиков и до 23.594 полуседых и оселых лесных татар. В Кунешком и Бийском округах считается до 19.433 крещеных. Между тем мы не знаем ровно ничего о школах для этих инородцев и видели, во времена нашего обзора в Алтае крещеных, большинство безграмотных. Выдается только одна деятельность алтайской духовной миссии, о которой мы и сообщаем сведения из последних источников.

Миссионерские школы алтайской духовной миссии существуют в Томской губ. с 1830 г. При первом ее начальнике, архимандрите Макарии, была открыта всего одна школа в 1838 г. в Улаге, Бийского округа.

При его преемнике, прот. Ст. Ланыщеве, открыто 4 школы; при третьем начальнике, архим. Владимире, впоследствии епископом томском, а иные нижегородским, открыто вновь 20 школ, в которых к концу управления Владимира было 500 учащихся, в 1884 г. при настоящем начальнике миссии еписк. Макарии открыто вновь 3 школы. Движение школьного дела в алтайской миссии в последние 10-летия лучше видно из таблицы.

	В 1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	п.
Школ...	16	16	19	22	25	27	27	30	29	
В них										
мальчиков	233	245	294	381	406	479	576	610	582	
В них										
девочек	120	145	160	183	176	226	192	215	201	

Эти школы находятся в селах и улусах; кроме них, в Бийске существует катехизаторская школа с 3-годичным курсом и начальни; в первой было в 1889 г. 22 ученика, во второй — 137 мальч. Первые готовят помощников миссии; в ее программах находятся, за исключением геометрии, все предметы уездных училищ, но в объеме значительно низшем.

Главное внимание обращено на преподавание Закона Божия и св. писания. Воспитанники катехизаторского училища живут в пансионе.

Сюе содержание миссионерские школы до сих пор получали почти исключительно из средств миссии: лишь одна уланлинская мужская школа имела вспомоществование в 60 руб. от сельского общества, да городская женская солержится на средства купца Я. А. Сахарова. Отпускаемые миссией средства на школу невелики; 11 школ получали менее 100 руб. каждая, а некоторые получали даже 15, 20 и 30 руб.

238 *Н.М. Яоринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

лей в год по 200 руб. и немногие более получали лишь 5 школ. В 1889 г. все 27 сельских миссионерских школ получили 1.428 руб. из земского сбора.

Учителями в школах являются исключительно миссионеры; лишь в одной из них, в Макарьевской, в 1888–1889 году была привлечена посторонняя учительница с гимназическим образованием, которая, однако, через год оставила свою школу.

Миссионерские школы находятся в собственных, приналежащих миссии помещениях, и хотя не отличаются удобствами, но в общем просторнее и счастливее церковно-приходских школ; лишь в четырех из них помещение очень убогое, в 49 куб. аршина, другие имеют от 171 до 252 и одна в 587 куб. арш.; почти все построены по одному плану.

Число учебных дней в году, за небольшими колебаниями, всегда было 168; библиотеки имелись в 10 школах; в каждой из них было не более 20–30 учебников и еще меньше книг для внеklassического чтения, которые состоят из житий святых и религиозно-поучительных рассказов.

По своим целям миссионерские школы, в которых на-положенную или более обучаются инородцы — киргизы и калмыки — много отличаются от прочих школ. На первом плане здесь стоит религиозное обучение, знание молитв, знакомство с церковной службой, обрядами; нравственное развитие, или обучение обязанностям человека к человеку, имеет уже затем; грамотность и письмо являются в качестве средств для первой цели; обучение инородцев разговору на русском языке имеет немаловажное значение. Этим исчерпывается почти все нюкльное воспитание и обучение; забота об остальных знаниях была бы неподъемна как для учащих, так и для учащихся, кроме русского элемента. Сама собой разумеется, что, кроме городских миссионерских школ, где преподавание велется особыми учителями, ни одна из них не выпускала учащихся со свидетельствами на право льготы по воинской повинности.

Таков отзыв исследователя г. Голубева. Мы должны прибавить, что, путешествуя по Алтаю, мы видели образцовую школу в Узлале,строенную для целей миссии. Преподавание велось на алтайском тюркском наречии. Богослужение совершалось также на алтайском языке; молитвы переведились. Кроме Узлала, мы не видели выдающихся школ.

Из алтайских школ инородцу не было никакого другого выхода, как поступить в службы миссии. Между тем мы видели здесь людей с выдающимися способностями, имевшими — братьев Чувакоша, из которых один достиг священнического сана. Отец Михаил своими познаниями служил для многих путешественников, а имени для Принца. Потанина — археолога Радлова, снабжал их материалами из области народного творчества алтайцев и их мифологии. Другой брат Чуваков оказался страстью к медицине, лечил больных, делал даже операции; он знал многое ромесса, выражавшую способность к музыке. Как жаль, что способности подобных людей не имели выхода; из алтайцев и телугов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телугута, хотя многие из них совершили обрусение. В нашу задачу не входит исследование образования у других племен и инородцев Восточной Сибири, но мы не можем не сделать несколько указаний в локерение общего обзора. Несмотря на значительное население инородцев в Енисейской губернии, мы не встречаем указаний на число инородческих школ: в «Памятной книжке» Енисейской губернии на 1890 год мы видим указание только на две татарские (матометанские?) школы с 83 учениками. Учатся ли обрученные инородцы в других местах — мы не знаем, но минусинские татары отличаются способностями, почему доказательством служит вышедший из них и дошедший до университетского курса молодой ученый Катанов. Что касается несчастного Туруханского края, о попытках просвещения здесь нигде не заявлялось, но мы встречаем в последней «Памятной книжке» Енисейской губернии на 1890 г. некоторые любопытные сведения о положении инородцев вообще. Здесь говорится о полном разорении инородцев, об их эксплуатации, о том, что положение нижне-ямбатского острогского рода безотрадно и что «многие семьи живут в юкотинских ямах». Значительная часть балхинско-остяцкого рода, проживающая в плохих чумах близи Туруханска (центра русской оседлости), представляет жалких нищих, пропитывающихся милостыней. «Караканско-остяцкая сюда находится еще в худших условиях жизни: большинство их сидит у запоров речек, в ямах или убитых чумах, почти голые и нередко голодные, питаясь только одной рыбой. Нередко в этой орде

240 *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...*

бывают случаи людоедство, так что инородцы других орд опасаются близко подходить к стойбищам» («Памятн. книж. Енисейской губ., 1890 г., стр. 290). Мы не спрашиваем уж, насколько проживавшему «в ямах» населению доступно просвещение, но думаем, что лучшие условия жизни, грамотность и развитие могли бы предупредить хотя случаи «людоедства», которые бывают «нередко».

Нам остается указать на весьма значительное племя бурятов, расположение в Иркутской губернии и Забайкальской области, население монгольского племени, но сделавшее значительные шаги в усвоении культуры, земледелия, научившись многие ремесла и обнаруживающее склонность к культурному прогрессу и духовному развитию. Школьы среди бурятов ныне начинают заводиться самими бурятами, созидающими пользу грамотности.

Недавно интересные сведения об учащихся инородцах в Восточной Сибири помещены в «Известиях Вост.- Сиб. Отдела Импер. Геогр. Общ.», том XX, книга 3-я, стр. 73 (сведения за 1 января 1889 года).

В Иркутском округе из 1 639 общего числа учащихся в народных школах бурятских детей учится 83, из них православных 32 и некрещеных 51. В Балаганском округе из 807 общего числа учащихся бурятских детей 121, из них православных 63, некрещеных 58. В Верхоленском округе из общего числа 284 учащихся бурятских детей 74, из которых православных 30, некрещеных 44; в Киренском округе из общего числа 298 бурятских детей 1. Всего в Иркутской губернии бурятских детей в народных школах учится 269, из них православных 126, некрещеных 143 (общее число учащихся в народных школах в губернии 3.444).

В городских училищах бурятов учится в *Иркутске* 4 и в *Балаганске* 5; остальное количество учащихся состоит в сельских и улусных школах. В некоторых из этих последних процент бурятских детей превышает число детей других народностей, и есть школы исключительно состоящие из бурятов. В Иркутском округе в кудинском училище учится 21 бурят при общем числе учеников 34; в капсальском — 26 бурятов и в торском — 28. В обоих этих училищах учащихся других народностей нет. В Балаганском округе, в аларском училище 10 бурятов на общее число 20, в балаганском мужском — 27 на 33, в идинском — 48 на 51. В ирхоленском-

ольzonовском — 29 на 30, в ользонском — 14 на 15, в хого-
товском — 16 на 24 и хорбатовском — 15 на 16. Самая значи-
тельная школа с господствующим бурятским составом Игин-
ская, находящаяся в улусе Бокан в Балаганском округе, со-
зданная благодаря заботам и жертвам образованного буриата
Сократа Александровича Пирожкова; в ней 48 бурятских
мальчиков и 8 бурятских девочек. Эта школа в учёбном от-
ношении обставлена лучше других. При ней находится библи-
отека из 665 названий в 2.096 томов; в балаганской школе
1.051 том, в других значительно менее.

О числе инородческих детей, обучавшихся в народных
училищах Забайкальской области, к 1 января 1889 г. сообще-
но в «Известиях Восточно-Сибир. Отдела Имп. Русск.
Геогр. Общества», т. XX, № 5, стр 23

В Читинском округе из 401 общего числа учащихся ино-
родческих детей 163; из них 133 православных и 30 некре-
щеных. В Акшинском округе из 354 общего числа обучав-
шихся иородцев 38; из них 15 православных, 23 некре-
щеных. В Баргузинском округе из 78 общего числа обучавшихся
иородческих детей 28; из них 1 православный и 27 не-
крайеных. В Селенгинском округе из 189 общего числа обу-
чавшихся иородцев 70; из них 39 православных и 40 некре-
щеных. В Троицко-Савском округе из 252 общего числа обу-
чавшихся иородцев было 2, из них 1 православный и 1
некрайеный. В Нерчинском и Нерчинско-заводском округах
обучавшихся иородцев вовсе не было. В городских при-
ходских училищах иородцев уилось в Верхнеудинске 1, в
Селенгинске 3, в Троицкосавске 5, и в лвухакасном начальном
училище в селе Кабанске 4; всего 13; из них 4 пра-
вославных и 9 некрайеных. Всего в области обучалось 3.062
мальчика и 300 девочек; иородческих девочек не обучалось
ни одной; общее же число обучавшихся иородческих маль-
чиков в области было 325; из них 193 православных и 132
некрайеных.

Некоторые школы в ведомости обозначены бурятскими,
вероятно, потому, что содержатся бурятскими обществами; в
Читинском округе показано ачинское бурятское училище, в
нем из общего числа учащихся 31 иородцев 30; в Баргузин-
ском все 28 учеников иородцы, в Селенгинском округе учи-
лище селенгинское с 28 учениками и кударинское с 51; все
учащиеся — иородцы. Кроме того, в Читинском округе в

242 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

училище земельном было 63 инородца из общего числа 70, в бирдинском 18 инородцев из общего числа 21; в училищах уральском 24 и маньковском 25 — все инородцы; в Верхнеудинском округе, в ачинском училище из 29 учеников 28 инородцев. Всего же в народных училищах Иркутской губернии и Забайкальской области обучалось инородческих детей 604 мальчика. Число это крайне невелико, принимая во внимание численность бурятов, а также близости их к русским волостям: соприкосновение с русскими и культурные замкновования; многие буряты могут считаться вполне оседлыми. На числа инородческих детей в двух губерниях приходилось учащихся крестьян в Иркутской губернии 126 и некрестьянских 153, в Забайкальской области крестьянских 193 и некрестьянских 132. Некрестьяне, конечно, более нуждаются в русских школах. Кроме того, нужно принять во внимание, что дети инородцев, не говорящие по-русски, ничего не побывают в подобных школах и им нужны школы переходные, приворожленные к обучению с сохранением родного языка.

Число инородцев, учащихся в средних учебных заведениях Иркутской губернии, Забайкальской области, Якутской области, а также в народных школах последней, рассчитывается таким образом: в читинской мужской гимназии уилось детей инородцев в 1884 году — 5, в 1885 году — 5, в 1886 году — 5, в 1887 году — 6, в 1888 году — 6, в 1889 году — 6. В иркутской учительской семинарии к 1 января 1890 г. было инородцев 7, в том числе иркутских бурятов 1, забайкальских бурятов 3, тунгусов 1, корейцев 2. В том же году в начальных школах при семинарии обучалось 8 инородцев: бурятов 7, монголов 1. Всего же учащиков в семинарии было в 1890 г. 82, в начальных школах при ней 68 мальчиков. В семинарии принимаются только крестьяне инородцы.

В иркутской классической гимназии в 1889 г. было 2 бурата, в иркутской женской прогимназии 2 бурятки девицы. Из этого видно, как целостиком для инородцев образование в средних учебных заведениях. Конечно, из 2 человек, учащихся в классической гимназии, трудно рассчитывать, чтобы они достигли университета. Так же целостично и женское образование, характеризующееся 2 бурятками девицами.

В Якутской области всех учебных заведений в 1889 г. было 15; из них 11 пансионов, в них учителей и учительниц 78. В мужской прогимназии в 1888 г. инородцев было 17 при

Влияние культуры и просвещения... 243

общем числе учащихся 60. В 1889 г. инородцев 18 при общем числе 83. В хешской прогимназии в 1888 г. *инородческая девица* была 1 при общем числе учащихся 54. В пизких училищах инородцев было в 1887 г. 156 при общем числе учеников 230; в 1888 г. инородцев 177 при общем числе учеников 271*. Прибавим к характеристике этих цифр, что все население якутов равнялось 220.000 душ и составляет $\frac{1}{4}$ всего населения. Классическая прогимназия привлекла якутов в весьма небольшом числе. Ввиду того, что заведение непригодно для якутов, возникла мысль о закрытии этой прогимназии и замене четырехклассным ремесленным училищем, о чем заявлено во всеподданнейшем отчете генерал-губернатора графа А. П. Игнатьева за 1886 г., но, во всяком случае, вопрос о преобразовании якутской классической прогимназии в более соответствующее инородческому населению учебное заведение стоит на очреди. Без этого способно, по всем видимостям, якутское население долго еще будет обращено на невежество. Заметим, что образование для якутов в этом суровом kraе необходимо, чем где-либо, борьба с климатом и природой здесь еще ощущительнее; рядом с ледянистым холмом полярная ночь и отсутствие солнца производит удручающее впечатление на человека. Всё сжимает здесь ум и сердце. Но здесь ли единственным теплым лучом должен быть луч знания и истины, могущий согреть человеческую жизнь?

Кроме того, для проведения грамотности в среду инородцев, еще в 1885 г., открыта в г. Якутске миссионерская двухклассная школа, находящаяся под непосредственным наблюдением самого преосвященного Иакова. В пансионе, устроенным при школе, сопрежалось в 1887 г. 19 мальчиков и приходящих было 23, всего 42, из них 32 — дети инородцев, остальные других сословий. Постепенное увеличение учащихся в школе якутов свидетельствует, что школа эта пользуется сочувствием инородцев. Число учеников было бы гораздо больше, если бы многим просителям, рассчитывающим на казенное содержание, не приходилось отказывать в приеме из-за недостатком средств и помещения.

В Забайкальской области в 1885 г. существовало до 19 миссионерских школ с 377 учениками, что составляло небольшой

* «Известия Восточно-Сибирского Округа Импер. Русск. Геогр. Общества», т. XXI, №2, стр. 77.

244 Н.М. Жаринов. Сибирские инородцы, их быт...

процент на общее население инородцев -- 0,21%, или 1 учащийся на 8287 инородцев; по многие школы за Байкалом были одновремя закрыты и упразднены.* Однако о школах у бурятов за Байкалом мы читаем следующее обращение амурского генерал-губернатора по поводу обзора бурятских школ (№ 4) «Забайкальских Губернских Ведомостей» 1889 г.:

«Поставив школы, содержащие при бурятских степных думак, я нашел, что обучение и них ведется весьма удовлетворительно, по числу учеников недостаточно. Увеличению благосостояния бурят немало должно содействовать распространение между ними просвещения, к которому они имеют и охоту, и способности. Как в читинской гимназии, так и в прочих учебных заведениях, много посещенных, ученики из бурят все отличались весьма хорошими способностями, прлежанием, хорошим поведением, а в успехах не только не уступали коренным русским, но даже преодолевали многих из них, несмотря на то что им приходится в большинстве случаев, сверх усвоивания наук, еще учиться и русскому языку. Весьма желательно, чтобы буряты воспользовались своими способностями и чтобы возможно большее их число посещало школы, но, конечно, такие, в которых обучение производится на русском, а не на каком-либо азиатском языке. Это необходимо не только потому, что просвещение надо искать не в Азии, отставшей в науках и искусствах, а в Европе, просвещение которой стоит неизмеримо выше, но и потому, что знание русского языка еще теснее связывает бурята с огромной русской семьей, неравнно жить с которой им судено на веки. Буряты должны быть не пасынками, а полноценными детьми России, а для этого необходимо возможно полное их слияние с русским народом. Крайне желательно поэтому, чтобы среди бурятского населения было распространено возможно большее число школ с курсом наших сельских училищ, так как бурятам нужно не несколько десятков лиц, получивших среднее или даже высшее образование, а сотни и тысячи человек, получивших русское образование. Необходимо также, чтобы ховрахи, обучающиеся при дацанах, непременно обучались бы русскому языку. Мы знаем уже, что буряты охотно изучают этот язык при сближении с русскими; но если им

* По отчету амурского генерал-губернатора, в 1876 г. было только 13 миссионерских школ.

будут запрещать собственный родной язык — этого они никогда не поймут.

Бурятское население обнаруживало не раз наклонность к образованию, и учащиеся проявляли полную способность к восприятию образования. Некоторые буряты успешно дошли не только гимназического, но и университетского курса, как Дарджи Банзаров, известный ученый ориенталист, Пирожков, мидж Батмасов. Из бурят вышли ламы, получившие образование, как Гомбоев, Хангилов, Доржев, С.А. Пирожков, некоторые из них — члены географического общества, занимавшие ценные этнографические материалы. Есть буряты, которые, не оставляя своего быта и веры, знакомятся с русским просвещением, как ЛомбоСеренов, Лумбуин и всякая очутившись относящейся к задачам просвещения наименний хамбо-лама Дамиль Гомбоев. Некоторые лица из бурят в последнее время сделались членами Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества и внесли похвальное для изучения бурятского племени учеными специалистами. Все это такого рода задачки, которые показывают, что понимание пользы просвещения не чуждо бурятскому племени и что они умеют понимать его в истинных его представителях.

Затем мы не можем не обратить внимания на другое племя в Восточной Сибири, которое еще более обнаружило наклонности к восприятию культуры и к способностях которого свидетельствуют с похвалою единогласно все исследователи и путешественники. Это дарвинитое якутское племя (юркской ветви), хотя и поставленное в самые неблагоприятные условия природы в Якутском крае. Это население не только соединило со скотоводством скончашение, давно обитает в оседлых жилищах, устроило ремесла, выказало способность к торговле, обучилось русскому языку, приняло в значительной части православие, но там, где пользовалось просвещением, выдигало способных и даровитых людей. Одним из них являлся, например, якут Николаев, дарвинитский представитель якутского племени, учившийся в прогимназии, бывший в выборных должностях, депутатом на коронации и заявивший себя множеством записок и холатистий о положении якутов. Он соединял в себе теплую любовь к своему племени вместе с уважением к цивилизации. Из якутов выходили также медики. В настоящее время в Якутске прогимназия

или не вовремя ремонтируют училище, или несвоевременно и в недостаточном количестве снабжают учеников глаштем и обувью, или пинту даю плохую и малопитательную. К причинам неудовлетворительности народного образования надо отнести также и плохое экономическое положение якутов, всеподданнейших средствами и часто недостаточно обеспечивающих школы в материальном отношении. Например, инородцы Колымского округа с большим трудом уплачивают свои 200 р. учителю среднеколымской школы, единственной на целый округ, а на другие нужды школы просят правительственный субсидии. Наконец, развитие учебного дела задерживается еще недостатком учителей, вполне преданных своему делу и сознательно выполняющих свое назначение, так что, по необходимости, приходится определять в народные школы учителей, мало подготовленных к читательской обязанности, иногда даже не знающих народного языка.

Соображая условия образования для инородцев, мы видим, во-первых, что оно далеко не для всех инородцев доступно, во-вторых, что даже татарская грамотность распространена более, чем русская, муллы и ламы более заботились об этой грамотности инородцев, и это не может не быть для нас, обладавших всеми средствами цивилизации, упреком. Мы видим, напротив, что у нас не сделано в некоторых местах даже попыток для обучения инородцев. Что касается миссионерских школ, то святого образования мы от них не можем и требовать: в русские школы инородцы не идут, не зная языка. Ясно, что здесь нужна особая школа для начального образования инородцев, которая бы удовлетворяла и их требованиям, и нашла бы практический путь заинтересовать их наукой, не оскорбляя их чувства и веры.

Вопрос об образовании инородцев с первого же раза вызывает несколько практических вопросов, требующих внимательного отношения и соображения с положением народности. Эти вопросы состоят, во-первых, в средствах, на которые должны содержаться школы, во-вторых, в принудительности, обязательности или свободном привлечении к образованию и, в-третьих, о самом характере преподавания для инородцев, причем является вопрос о выдаче распространения знания на русском или инородческом языках. Что

касается средств, на которые должны быть созданы школы, то весьма обширная переписка об этом предмете в 1853 г. привела к одному заключению, что создание школ у бородатых звероловов насчет инородцев невозможно и неосуществимо ввиду крайней жалкого быта и белноты большинства, находящегося в положении дикарей; вследствие новых налогов и тягости урожаю им окончательным разорением. Несомненно, что создание этих школ должно быть обязанностью высшей расы, имеющей в виду привитие цивилизации. На предложение инородцам завести школы они отвечали обыкновенно отказом и просбами: «Не заводить их, будущие предубежденными и испытав в своей жизни горькие последствия всевозможных мероприятий». С этим же связан вопрос об обязательности и принуждении обучения инородцев. Обыкновенно после от инородцев детей отбирали насильственно. Нечего говорить, как это вооружило инородцев против образования. Мысли об обязательности, а особенно принуждительности образования, неприменимы ни к какому населению, могла вытекать только из диких взглядов местного культурератора. Она мало того что не ложна в смысле обрезования, но ислумана сама по себе и нарушает всякую законность. Между тем другой системы местная земская администрация никогда не понимала, отсюда вытекала масса злоупотреблений именем просвещения: «Дайай деньги как отступное, или возьмем детей у тебя и сделаем русскими, обратим в иную веру и отдашь в солдаты!» Понятно, какой ужас могло навести на инородцев такое просвещение. И вот инородцы доселе находятся под влиянием такой мысли, внушенной им просвещенной сибирской администрацией. Недавно в некоторых школах и в интернатах киргизской степи вынуждаемые инородцы прибегли к покулике детей у бедняков и отдаче их в школы, которые кажутся им гибелью. Вопрос русификации, как жгучий вопрос национальностей, неумело и грубо применяемый, порождает весьма часто только насилие и возбуждает отвращение. К сожалению, эта русификация также предлагается по отношению к инородческим школам без размышления о последствиях. Если народность весьма сблизится с русскими и даже усвоила русский язык, тогда нет никаких препятствий, конечно, к обучению на русском языке, и вопрос обучения здесь свинцится с обыкновенным сельским образованием. Другое дело относительно на-

родностей и племен, пока весьма склонных удерживать свою национальность, свой язык, свои верования, стравливающихся нарушением их и всякого пригуждения. Для таких племен полезнее привить знания на приоронном языке и перевод учебников, как и самого священного писания на инородческий язык; при этом, смотря по предубеждению и характеру народности, нужно обсудить, что должно предшествовать грамотности: развитие ума, как начало дальнейшего образования и знакомство с высшим христианским мироустроением, которое является само собою признаком с христианской Наукой, или воспитание прямое религиозное. Нам кажется, что вопрос образования и знакомства с наукой должны быть выделены для инородцев, как относительно всех племен, держащихся иных вероисповеданий, где предполагается постепенное подготовление к иной религии, а не наивысшее ее, могущее дать обратные результаты. Просвещение на инородческом языке и знакомство с наукой, надо заметить, нимало не оттолкнут образованного инорода от русского языка и национальности, но более сблизят его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского. Мы видим, что успехи развития и просвещенияшли у инородцев быстрее, когда религиозные книги и евангелие переводились на инородческие языки. Доказательством служит деятельность английских миссионеров в Забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, эта миссия прожила около 20 лет, заложила ногайскую типографию, библиотеку, сделала превосходнейшей первую Библию на монгольский язык, обучала бурятов ремеслам и создала до 3 000 христиан. К сожалению, в начале сороковых годов эта миссия была выслана из Сибири и перенесла свою деятельность на Зондские острова. Ниже в успехах дела алтайской духовной миссии прибегла к подобным же переводам и преподаванию также на алтайском языке, хотя он не имел своей азбуки. Знакомство с языком инородцев дало большие знания народности и миссионерам. Далее добровольный миссионер Григорьевский в Нарымском крае основал остищую школу, перевел на осяцкий язык священное писание и деятельно распространяет христианство. Еще к более высшей просветительной деятельности мы должны отнести опыты переводов руководств на бурятский язык в 1860 г. Бодлоновым,

250 И.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

школу Гирожкова и т. п. Таким образом, вопрос об инородческой школе является весьма важным и очередным в Сибири, так как насилиственное привыкание к инородцам русского языка и обязательное преподавание на нем оливом терпит много неудач. Такие школы и заведения вызывают иные только жалобы, а со стороны русских сторонников просвещения полное осуждение. Так, например, недавно заявлено о плачевном состоянии образования среди якутов, где не только первоначальное обучение на русском языке, но даже гимназическое, не приносит никаких плодов, но служит истинною мукою для учеников. В Якутске основана, например, классическая гимназия на деньги якутов, где якутам предлагается сразу изучение 4-х языков; все эти языки преподаются ягодами, ис знающими ни слова по-якутски и не умеющими общаться с учениками. — Это горькие насыщено над наседением, — говорит один из очевидцев. — Для якута даже русский язык труднее, чем для русского латинский и греческий. Между тем у изгнания нельзя отнять жажду знания, оно хочет учиться. Кроме прогимназии, существует в улусах несколько начальных школ с полуграмотными учительями. Влияние этих школ ничтожно, потому что учителя их мало знакомы с преподаванием, при полном отсутствии какого-либо намека на страстное, любовное отношение к делу, а вовсе, все учебники и книжки для первоначального чтения трактуют на неизвестном языке еще менее известную природу и жизнь. Что принесет подобного образования!» (Сибирская Газета из Якутска, 1881 г. № 4). Попытки же неудачные попытки преподавания на русском языке бывали и среди киргизов; мы не говорим уже о созданных искусственных пансионах для них. Обрушение инородцев, в лице переводчиков азиатских школ, писаря и проч., являются обкционеменно самым дурным элементом и эксплуататорами, взятничниками и совершиенно не имеют никакого благородного влияния на среду инородцев. Таким образом, привлечение инородцев к школе и знанию без насилия, добровольно, не отталкивая от просвещения, само собою связывается с первоначальным преподаванием на инородческом языке, с созданием особых инородческих школ и подготовлением учителей из самих инородцев, знающих свою народность, ее характер и желающих ей блага. «От школы требуется, чтобы она вдохнула в инородца любовь к науке и просвещению, но в нем

уже есть любовь к окружающей природе и к своему племени», говорит один из знатоков инородческого бльта. «Школа должна воспользоваться этой, воспитанной помимо ее любовью, она должна перенести эту любовь на науку». «Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его истории, пусть он увидит описаным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнаст, что его племя совершило и что ему следует совершить. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать те идеи о будущем, какие волнуют образованного европеического человека, дайте ему наперед представление о его племени» (Сибирские инородцы. «Сибирь»). Этими словами указывается, что истинное образование инородца не должно порывать его связь со своим народом. Целью образования должно быть: внуcнение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи, вырвать его и предоставить массе ту же нищету, несчастье и вымирание. Только весьма немногие образованные инородцы сохранили связи со своим племенем и желали посвятить себя его развитию. В числе этих имен должно упомянуть Балзарова, Пирожкова, Болонова и Дорожева из бурятов, Николаева-Якута и Чекана Валиханова из киргизов, Каганова из минусинских инородцев. Как Валиханов, так и Балзаров получили высшее образование, они были дворянствами и учеными людьми даже в европейской среде и тем не менее их симпатии оставались на стороне их несчастного племени. К сожалению, такие личности только случайно пробивались из инородческой среды. Высшее европейское образование оставалось чуждо большинству инородцев, а между тем такие личности более всего могли бы принести услугу инородческому просвещению и позаботиться о судьбе своей народности. В пробуждении инстинкта любознательности, духовной жизни и в сознательном отношении к своему настоящему и будущему будут лежать задачи сохранения племен и вымирания и гибели. Мы думаем, что такое просвещение будет источником жизни и спасителем, который воскресит легендарного, умраченного от голода и белствий самое. Дух сибирского инородца остается привистенным, глубокая меланхolia лежит на нем, мрачная безнадежность сковывает его сердце, нет веры в лучшее, нет надежды на будущее. Вот это-то веру, эту общечеловеческую надежду и должно создать инородческое просвещение. Когда

23. *Г. А. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт.*

инородцы не увидят никакого насилия, опасности в деле пристигия образования, он научится уважать его. Мы видим, что инородцы охотно иногда отдавали детей в средние учебные заведения, как в омский кадетский корпус. Буряты иногда отдавали детей в гимназию.

Примеры получения высшего образования среди инородцев теперь редки, но будем надеяться, что местный сибирский университет прикалечет слова и представителей инородческой среды. Инородцы, как Дарахи Банзаров, Валиканов, ныне Кэтанов, оказали уже услугу русской науке. Не забыв свой язык, они явились наиболее способными учеными ориенталистами инесли неоценимые вклады в этнографии, изучая родственные племена и географию близких им окраин. Еще больший контингент таких ученых ориенталистов может дать восточный факультет в Сибири. Переводчики и драгоманы могут формироваться в среде инородцев, и если необходимы посредники для проведения широких контактов с соседними азиатскими племенами, окружющим Сибирь, то, конечно, это road-пункт всего подходит к нашим инородцам. Мы не говорим уже, что развернувшиеся способности инородцев, обнаруживающиеся даже теперь в исключительных и редких случаях, могут проявиться когда-нибудь шире и богаче, внеся свои вклады в общую сокровищницу знания и общественной цивилизации.

**Значение кочевого быта
в истории человеческой культуры***

(Доклад Н.М. Ядринцева 6-го марта 1891 г.
в Русском Антропологическом обществе)

Задавшись целью коснуться кочевого быта и его значения в истории человеческой культуры, мы должны сказать несколько слов о тех предубеждениях и ходячих взглядах, какие по рутине устанавливались на жизнь кочевников. Эти воззрения составляют характерную черту оседлого человека, смотрящего на всякую другую форму бытия как на крайнее заблуждение и другую привычку. Кочевник обижается наставляемся противоположностью культурного оседлого человека, его антиподом и алтагонистом. Все свойства кочевника выделяются как враждебные культуре и цивилизации. Кочевника считается варваром, угрожающим оседлому быту. Некоторые его называют «врагом природы» и приписывают кочевому быту опустошение лесов и превращение плодородных мест в степи и пустыни. С этой точки зрения проектируется и давно предлагается целый ряд мер ограничить кочевника, стеснить его передвижение и побудить его тем или другим путем бросить прежний быт и перейти к оседлости и земледелию. Меры эти, однако, не всегда удается и переход кочевника к другому быту в жизни встречает массу препятствий и является для известного времени неосуществимым.

К сожалению, враждебный взгляд на кочевников усваивали не одни ретинные культуристы, но иногда проникались им и несомнительные ученые. Ясно, что ученые заражались здесь теми же предрасудками культуристов и не хотели вникнуть в экономическую сторону быта кочевника, как рано упускали из виду точку зрения, которая побуждает смотреть на различные

* Мы считаем полезным присоединить приводящий доклад к исследование об инородцах, так как предмет его касается также инородской жизни.

формы были в их государственном историческом и культурном формате, от форм менее совершенных к более высшим.

Ложные воззрения на кочевой быт народов слагались у нас под влиянием двух предубеждений. С одной стороны, европейский мир знакомился с кочевниками во времена их нашествий и завоеваний, причем кочевники являлись угрожающим элементом для цивилизации. Под влиянием таких воззрений написаны исторические статьи известного ориенталиста Григорьева*, полагаем, что оценка кочевников в стиль исключительных моментов, как войны и нашествия их, в которые кровожадность и инстинкты истребления проявляются не у одних кочевников, но и у цивилизованных наций, недостаточно характерна, одностороння и слишком пристрастна. В это время кочевники вредны и опасны бывают не потому, что они кочевники, но потому, что они злобители, а так как по культурному развитию они ниже оседлого населения и не ценят гражданственности, ясно, что их военные действия беспощаднее и опустошительнее. Эти моменты были слишком неблагоприятны для изучения кочевого быта и исторические воспоминания здесь мешают спокойному отношению. Далее, приговоры кочевникам производят насилие оседлое, когда оно приближается к кочевым районам и запугивает бывает заселить их. Понятно, что и здесь оно относится к небеспристрастию и в оценке кочевого быта рассматривается его только с точки зрения своих интересов. Оседлое население считает огромным недостатком и варварством, что кочевники владеют огромными угодьями* у него является желание, чтобы «честь угощай перешла к нему; но так как кочевники не растягиваются со своими землями, отстаивают их, а оседлое население претендует на эти земли, то антагонизм интересов опять создает враждебное отношение к кочевому быту. Не говоря о том, что здесь нет научного беспристрастия, такое отношение к кочевникам ведет к ряду недоразумений и отражается полными неудачами в деле культурных воздействий.

Наблюдая жизнь сибирских кочевых инородцев и посетив недавно Центральный Азию, я желал бы указать только, что в этнографическом и антропологическом изучении должен быть более беспристрастный прием, и зашлая целью рассмотреть стадию кочевого быта как одну из стадий человеческого развития, без которой немыслима быта бы и последующая стадия

* Статья «Отношение между кочевыми народами и оседлыми государствами» Григорьева 1873 г.

развития. Я полагаю, что строго антропологическое изучение требует рассмотрения человека в данных физических условиях, среди которых слагается его быт, и при тех обстоятельствах при- поровления и присоединения природы к своим выгодам и пользуам, какие доступны были ему при известном накоплении знаний и опыта. Словом, я позволил себе рассматривать каждую из форм иностранных быта, как бы она несовершена ни была, как одно из звеньев общего развития.

Предметом моих наблюдений были иностранные племена урало-алтайской группы и кочевники Сибири. Изучая их в различных условиях, я пришел к заключению, что самый кочевой быт весьма разнообразен: кочевание на равнинах и среднеазиатских беслесных степях, среди солончаков, где травы носят особый степной характер, весьма различается от кочевания в горах, в долинах; затем, кочевки в лесах отличаются от горных и равнинных перекрестьев. В одних местах радиус кочевки длиннее, сезоны переходов продолжительнее, в других случаях в горах кочевник пользуется топографией страны, с появлением трав на горах и склонах на лето он поднимается в горы, к зиме спускается в долины. Леса не дают простора для широких перекрестьев, и обширное скотоводство здесь невозможно, радиус и колебание кочевого мантика поэтому здесь все более сокращается. В лесах мы видим, наилучшие трудности передвижений, переходы на наибольшие расстояния. Климатические условия и флора каждой местности дают себя чувствовать. На границе Сибири мы видим все переходы кочевников от степей к горам и лесам. Наконец, появляются зимние стоянки. Норма снимается только ранней весной идет до середины лета, а затем возвращается к осени и зимой уже стоит на одном месте, наблюдает за стадами. Кочевание возможно только благодаря постоянному подношению корму. Чем дальше к северу, тем зимовка у скотоводов начинает все более преобладать. Наконец, появляются запасы сена и скота, не оставляя промысла, делается почти оседлым. Таков, напр., скот; но скотоводство не допускает еще группировки селениями и скотовод пренебрегает располагать жилище усиленно один от другого.

Найдены различные формы и виды пастушеской жизни, мы видим, что они обусловлены строго физическим обстановкою природы. Изменяется окружающая природа — изменяется и образ жизни. Рассматривая географические условия Центрального азиатского плоскогорья, переходящего к Урало-Каспийской низменности, мы видим, что кочевники Центральной Азии, выби-

роя южные степи, постепенно подвигались к северу и вступили в гористые места Тинь-Шана около Иссык-Куля, в Алтайские, Саянские горы, в Байкальскую Даурию, и постепенно из Монголии переселили Хэнтай, прошли по Орхону, занимали вершины Столоно-Каргулуского и пригорода Амуря. Здесь их окружала гористая местность; постепенно они охватили часть лесной полосы и вступили в равнины и береговые стени Западной Сибири. Кочевание их и бужжание не совершаются произвольно; напротив, оно строго соответствует распределению трав и корма скота. Способы перекочевки строго распределены, как летники и зимовки. Поэтому на бужжание кочевника мы не можем смотреть, как на прихоть, как на привычку бродягничества. Это связано с естественными способами пропитания его скота и его самого. Там, где не благоприятствуют условия для постоянного нахождения трав, он замедляет движение и, наконец, располагает скотоводческое хозяйство иначе в отном пункте. Зимовка в последнем случае есть постоянное определенное место, собственность кочевника. Мы видим лес, так сказать, все переходные фазы от кочевания к оседлости. Люди не могут отстать от прежних привычек, и в кочевых лесных областях мы замечали не раз, что скотоводческий уже в деревнях и превративший зимовки в деревни, все-таки перемещает места, а рядом с избами стоят для летнего помещения шанши. Но переходы все-таки совершаются. Если вы расспросите кочевников и скотоводов о прежнем времени, о прежнем их способе кочевок и средствах пропитания, они расскажут вам, как киргизы, что прежде перекочевки их были более обширны, но постепенно сокращались с размножением населения и с ограничением районов скотоводства. Возникло тогда шахматное распределение летников и зимовок между родами и волостями. Распределение, пастбищ мы видим в довольно древнее время, напр., при описании древних кочевых народов китайцами. Исторические изыскания также доказывают, что прежние способы кочевания были другие. Хунну и гиенну (торки), а затем монголы имели более простора. Они кочевали на необводненных степях к северу от Китая. Передвижение было постоянное, кочевник даже не знал, где он остановится. Самое жилище или юрта была не только походная, складная, как ныне, но юрта была поставлена на телеги и с телегами перевозилась. Такие юрты были еще при Чингиз-Хане^{*}.

* Эти телеги описаны были Рубруком; они сопровождали обширные передвижения кочевников и запрягались лошадьми. Рисунок этих

Значение кочевого быта в истории... 257

Юрты эти впоследствии исчезли и заменились юртами, которые ставятся при каждой остановке. Если этот способ передвижения мы сравним с наименшим положением скотоводов-киргизов, полгода оставшихся на одних местах, если вы всмотритесь в деревни башкиров (совокупность зимовок), в зимники и летовки бурятов и, наконец, в быт оседлых якутов, вы увидите огромную разницу. Нынешних скотоводов придется признать скорее полукочевыми или полуседловыми.

Эти постепенные изменения кочевого быта, совершающиеся в недавний период, переносят нас невольно к истории кочевых племен более отдаленной и намекают на различные культурные переходы. Нечего говорить, что каждый новый кризис в кочевом быту создает и особые формы хозяйства. Мы видим постепенный переход жилищ кочевников из подвижной юрты к постоянному лесному шалашу, к лесной летовке, напоминающей дом, к зимовке, жилищу четырехугольному, к землянке, глинобитной постройке и т. д. Столом, в разнообразии инородческих форм быта мы читаем целую историю народов. У кочевых народов эти переходы из одной формы в другую могли совершаться медленно, целиком века. Только поверхностное наблюдение жизни дало представление, что кочевой быт неде одинаков, а неимение данных о прошлом даже позволило составить понятие о неизменности форм. У многих кочевых народов Центральной Азии культурный процесс и совершенствование быта совершаются так медленно, что могут быть привяты за всякое отсутствие движения и за застой, точно так же, как тихое течение рек при слабом склоне с ежедневной поверхностью их иногда обманывает и заставляет забыть о их движении. История человечества в первую эпоху делала шаги в области культуры весьма медленно. Эпохи необделанного камня и полированых орудий, бронзовое века — это ценные периоды, усовершенствовать какое-либо орудие нужны были века. Только в последующие века, по мере накопления знаний, сношением народов, по мере успехов наук и техники прорыв человечества пошел с усилывающимся быстротой железодорожного поезда.

Кочевой быт имел предшествующую эпоху развития, имел собственный долгий процесс, чтобы отличиться в известные формы, а затем связывается с последующими изменениями.

книготок восстановлен полковником Юлем в его комментариях к Марко Поло. О подвигах киргиз в сражениях Чинчи-Хана упоминают и китайские путешественники, напр., Чань-Чунь. Древние племена тоже китайцы называли «китайские татары».

258 Н.М. Яворицкая. Сибирские инородцы: их быт...

В нем, как и вообще в истории человеческого существования, мы видим эволюцию, движение, жизнь, а не смерть.

Перейдем теперь к обычному делению человеческой истории и культуры: соответственно занятиям и промыслам.

Доследо принято, сообразно существующим формам занятий, подразделить историю человека на следующие периоды: звероловный, скотоводческий и земледельческий, которому свойственна оседлость. Между этими периодами кладется резкая граница, и все они, по своим занятиям, кажутся различными. Между тем это схематическое деление весьма поверхностно, приблизительно, и хотя обрисовывает быт народов в разных группах и стадиях, но не уясняет нам те постепенные шаги, те переходы, которые совершило человечество от одной культуры к другой. Первые две стадии принято считать варварскими и дикарскими, и только последнюю гостиницу быть названной культурной. Первые две стадии, звероловная и скотоводческая, вышлют нам как бы не представляющие никакого языка, скржаний человека в подчинении у природы, обрекающими его на случайное существование и не только ничего не созидающими в области человеческой культуры, а как бы только уничтожающими и опустошающими природу. Но это исказрвездивно. Мы не вправе отказать два предшествовавших периода от третьего, последующего. При внимательном обзоре человеческой культуры мы увидим, что все эти периоды тесно связаны и развиваются органически один из другого. Накопленные знания из первого периода переходят во второй, и только благодаря им человек делает новые шаги. Поэтому мы никаким образом не можем себя считать не обязанными предыдущему опыту. Мы должны быть глубоко справедливы и, изучав прошлое, пытательно оценить то, что нам дали предшественники и правители народы. Только благодаря им мы, может быть, обретем своей высотой, блеском нашей культуры, ибо черная рабоча была совершенна ранее.

Изучая скотоводческий период и период nomadov, мы должны рассмотреть его так же, как стадию, которая, преодолев сноним разитие все предшествовавшие периоды, подготовила многое для последующей культуры и имела уже выработанное ценное значение. Для этого мы должны ее сравнить с предыдущим периодом, а затем ответить на вопрос: находится ли в неподвижности и застое кочевой быт? Период, предшествовавший наступающему, был быт зверолова, но и он имел свои различные стадии.

Значение кочевого быта в истории... 25)

Охотник с куском камня и дубиной должен быть отличаем от охотника с металлическим копьем и стрелой. Между тем и другим протекли ценные периоды, целые столетия, может быть, ряд столетий. Был звероловных племен и остатки древних способов охоты у культурных народов дополняют картину охотничьих явлений, но, как мы говорим, способов первобытного охотника страшно разнится от появившегося. Охота остается долго в человечестве и способы ее совершенствуются. Охота продолжается и в скотоводческий и земедельческий период, но она отступает как главный промысел — она делается побочным, наконец, переходит в развлечение. Развлечением она является уже и в период скотоводства. Как занятие, раз увеселенное и полезное, она проходит, однако, все эпохи. Закон культуры тот, что ни один промысел не уничтожается, но совершенствуется. При переходе от одной культурной стадии к другой, от одних промыслов к другим человек не расстается вполне и с первым. Промыслы только усложняются новыми отраслями. К занятию охотничьему присоединяется скотоводческий, к скотоводческому земедельческий. На высшей степени развития мы видим все занятия: и охотничий, оставшийся от звероловной эпохи, и рыболовный, и скотоводческий; к ним присоединились земедельческий и промышленный. У кочевника также существует земеделие, но не в совершенном виде; мало того, киргизам алтайским известна была притягательная сила русской культуры. Культурный прогресс состоит не столько в переходе промысла, сколько в совершенствовании отдельных способов и занятий. При изучении культуры поэтому важно обращать внимание на совершенствование орудий и отдельных промыслов в каждой стадии развития.

Без сомнения, каждая из эпох развития и господствующее занятие внесло свое знание в последующие периоды. У каждого занятия создавались, кроме того, своя специальность, знание, свой кульп, привычки. Каждое занятие влияло на физическое развитие человека, на его способности, как и на его мировоззрение.

Несомненно, что даже первобытный звероловный и охотничий период подложил свою печать на человека. Он создал особые свойства в периоде человека, влился на его физическое строение и изощрил многие его способности: дальтоноркость, меткость глаза, ловкость в борьбе, осторожность, наблюдательность и т. д. В этот период развивалась в высшей степени физическая сила человека. До сих пор охотник есть преисполненный

17

ходок (хождение на лыжах замечательны); ратоборство с животным зверюшко его мускулы. В классическую эпоху тип мускулистого зверя выразился в Геркулесе, этом атлете со страшными мускулами, с дубиной на плече и с тигровой щщей через плечо. Человек явился победителем самых сибирских животных. Он опровергается победителем мифического дракона, но еще важнее — он победил действительного мамонта, льва, тигра и медведя. Мы должны принести культурную услугу, таким образом, и у зверя. Звероловный быт во всех фазах, достоин изучения, как и кочевой быт. В это время уже зарождались человеческие ассоциации, обвязка из зверей, имевшая свои обычии. Переходы к другому быту не делались сразу, и звероловную эпоху мы видим приручение животного, напр., непрочайально охотничьей собаки, зверя, воспитывая некоторых животных, подготовка материалов для кочевого быта*.

Как ни низок уровень развития зверя, но он ныне отличается от первобытной эпохи, и эскимос, самец, яшланец, австралиец, имели массу усовершенствованных орудий, доказывающих продолжительный опыт и упражнение в занятиях.

История жизни и развития человечества в продолжение веков далеко еще не оттенена во всех своих деталях. Мы собираем мозаику из жизни и явлений разноплеменных лицарей и только по ней создаем картину культуры, но мы слишком отрывочно и бегло просматриваем эту историю.

Звероловный быт и охота имели целую историю, которая отразилась в привычках, инстинктах, в самом культе и мировоззрении человечества. Прошли тысячелетия, а мы сохраним еще геронический эпос этой эпохи. Ум человека так вошел в жизнь зверя, что не только очеловечил, но обогородил его**. Но настоящая культурная победа человека совершилась тогда, когда он сделал животное домашним и привручил его. Историки культуры говорят, что изобретение огня было эпюхой для людей. Привручение животного еще большим эпюхой. Если мы можем гордиться изобретением паровых машин и применением электричества, то в раннюю эпоху при-

* Особенность в горах Сибири до сих пор приручают алтайского марала (богомола), склоняя его к еде. Сибирь имеет свою специальную историю привлечения оленей. Мараловодство развито в Алтае. См. Записки Зианчи-Сибирского Отдела Географического Общества, кн. I. 1877 г.

** Известны древние культуры животных: о культе маскан у северных народов собран значительный материал в письмене краеведа Уважиниса и других, перед ним остаются достопримечательности.

обретения таких двигателей, как животное, и утилизации их составила не меньшую эпоху в развитии народов.

Взаимная зависимость и близость домашнего животного и человека не раз указывалась учеными, вдумывавшимися в историю культуры. Герден¹⁶ говорит: «Старине браты подойдут суть животные». Риттер¹⁷, посвятив блестящую монографию «географическому распространению верблюда», оценивает его важное значение в пустынях среди первобытной жизни человека. Он указывает на огромные услуги его в сношениях и торговле.

«Корабль пустыни дал возможность проходить неизступимые степи и пустыни, как моря, соединяя оазисы человеческих поселений. Он дал убежище и безопасность в пустыне более надежные, чем высоты Каяказа и Гималаев». Без верблюда пустыня логична была бы оставаться бесплодной для человеческого рода. Персы говорили: друг человека, он облегчает ему великие пути по миру. За благословения и пользу, приносимую арабам, он считается священным животным. «В великом домостроительстве природы и пустыни, говорит Риттер, верблюд представляется с одной стороны, поддержателем и оживителем пустыни; с другой — образователем народов, носителем патриархального быта в развитии рода человеческого». Точно такой же и подобный отзыв мы встречаем у него о другом доминанте животном — о коте. «Это благородное животное назначено было уже не для одних патриархальных народных особей; в широкой сфере своего распространения, применяясь ко всем условиям природы, ко всем почвам, способной к самым многосторонним изменениям, сообразно всем стечениям разных народов, он получает в удел быть космополитом и служить на пространстве всей земли». Но прежде всего лошадь воспитывалась в степях, и, как доказано, отечество ее — Гоби и Турк. У кочевых племен она пользуется почетом, как и верблюд. В монгольской истории Саган-Седена лошади по их цветам, свойствам, именам, подлинам, добродетелям играют такую же роль, как поголовье и государственные люди. Лошади в Средней Азии украшались золотом роскошнее, чем сами владелицы. Она вошла в кочевую легенду, она сопровождает человека при покребении; иногда всадники закапывались верхом. Лошадь обрекается для божества и является священной в табунах (алтайский *чых* и *як*). Верблюд водился у монголов за 200 л. до Р. Х. Родина его в диком состоянии — степи Шамо и на окраине Гоби. Кони разводили гунны и степи спаджали ими Китай (Царские табуны).

То и другое животное распространилось из степей Центральной Азии и обязано своим воспитанием кочевому быту. Скотоводческий быт воспитал яка и быка — полезнейших животных и внесли они, руку которой для цивилизации и человечества принесло более пользы, чем золотое руно аргонавтов.

Как звероловный период отразился на человеке, его организации и его воззрениях, сохранившихся доселе, так кочевой быт своим характером наложил свою печать на человека.

Пастушеский быт в его идеалиях уподобляет человека Адаму, окруженному мирными животными, созданными на его пользу. Это был период первого ближайшего покоя и отдыха в лодках и стенах. Представление о земном рае могло создаться только в эту мирно-скотоводческую эпоху. В степях скотоводства создавался патриархальный быт и патриархальные ирты. Затем человек, покорив животное и скинувшись с ним, неразрывно олицетворяется в мифическом кентавре, переносящемся повсюду. Этот кентавр-нарвэр в виде гунна находит ужас на Европу, кочевой мир создает даже народ амазонок. Впоследствии эзекииль в виде подобного же кентавра напел панику на индейцев и помог Корнелю приобрести для Европы Америку.

Тысячелетняя жизнь скотоводов имела свою историю, свою перипетию, жизнь кочевого мира не могла не оразиться пособием на ходе человеческой истории и исторических событий.

История передвижения кочевых племен, история передезации народов, как и многих царствий на Европу с IV в. в ряме, остается темной и неизвестной. Являлись, пришли в Европу; но что они делали? Из какого края совершилось извержение, какая сила действовала там — осталось тайной. Только изучение быта народов в Центральной Азии даст этому разгадку. Но, должно договариваться, первоначально движение даны были импульсы жизненные и двигали массами чисто экономические причины, потребности скотоводческие. Сначала кочевник занимал друг друга насилием. По мере войн и борьбы постепенно развивались дружи страсти завоевательные, на почве которых вырастали чудовищные политические самодержия ханов-завоевателей. Вышли из состояния покоя и вступили на путь войн и борьбы, кочевник на своем пути спирал все оседлое и вводил свой идеал кочевой жизни*. Но нельзя отрицать, что сама по себе кочевая культура в своей среде создавалась целесообразно, выливаясь в формы, которые поколебать было трудно.

* На эту сторону и указывал ученый Григорьев.

Все внимание человека, все его способности зато сосредоточились на уходе за скотом, в размножении стад. Богатство, благополучие, счастье, довольство — все сосредоточилось у него в том. Человек, дорожа лошадьми животным и получая от него пропитание, подчинил себя этому животному. Он перемещается с ним туда, где есть корм, занятие его — сторожить и охранять этот скот, он даже час то пользуется им. Надо видеть нежность скотоводов к своим животным, когда проездных оленей и ятаганов они сажают в свои юрты и прикрывают своими одеялами в непогоду. Потребности скотоводства требовали, однако, расширения пастбищ и каждое племя искало их, сталкивалось из-за них, враждовало и т. д. Несмотря на отдаленную эпоху и на пустынность Центральной Азии, мы узнаем, что за 1.000 лет до нашей эры у хунну пастбища были размежеваны, так же, как и у монголов.

Приучившись к простору и ненасытные, жаждя стремясь к расширению и завоеванию пастбищ, кочевники Центральной Монголии не могли оставаться в покое. Размножились люди, но еще более размножился скот и требовал новых земель. Эти пастбища приходилось иногда завоевывать, отсюда долгий граffiti племен, захват стал и пр. Могущественный и сильный владел большим количеством пастбищ. Забрать большие пастбища явилось жизненным инстинктом племен. Отсюда в историю монгольских племен, по китайским летописям, постоянное возникновение новых государств. Вся сила и могущество их, как и благосостояние, заключалось в захвате чужих стад и пастбищ. Менялись владычины, государи, но сущности и уровень скотоводческого мира оставались те же. То же было и при Чингиз Хане, тем же измерялись и его победы. К сожалению, экономические импульсы, игравшие роль в нашествии кочевых народов, доселе не были достаточно изучены и отысканы. Поэтому история этих нашествий являлась темною.

Ныне человек и всякая раса, племя не могут рассматриваться без отношения к природе и местности, где они живут.

Уже Риттер замечательно характеризует типnomad монголов со всеми его свойствами. Описывая часть Гоби, он говорит, что страна эта не содержит никаких постоянных жилищ, но она богата стадами. Okolo пустыни Шамо и Гоби существует недостаток стоков, озера солонцеваты. Этот недостаток сделал жителей крайне экономическими в воде и образовал привычку монголов ходить грязными. Они даже в прежнее время не

264 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

купались. Величайшее отвращение для путешественника — немытая монгольская посуда. Кочевник привыкся к ноздрению даже в пище. Он бережет стада, а питается молочными скопами. Мясо он редко ест, и, желая воспользоваться им у животного, он особенным способом умерщвляет животное, сжимая сердце, и предупреждает потерю крови. Кровь он употребляет в пищу. Это было уже известно у гуннов. Жизнь в пустыне воспитала известную выносливость.

Далее центральные племена отличаются колебанием температуры и суровым климатом. Монгол и летом надевает шубу. Зимняя стужа доходит здесь до высокой степени, и нередко замерзает руки. Монголы не боялись холода и зимы, как и воины Чингиз-Хана. Они носили двойные очинные туники; эта закаленность и привычка переносить холод и нижку дала им перевес в борьбе с другими народами. Не одни монголы, но целый ряд народов находил из северных степей, как-то: сань-би, хунну, гиенин-ну, искажи, тухэ, монголы и манжуруры, которые завоевывали Китай, но искал за этим зачеханием не могли устоять при одних физических свойствах и воспринимали китайскую культуру.

Центральные племена Азии еще рано подготовили периобитного человека, который при скучости потребности леже укивался со складной природой степей. Не умев бороться с могучей природой на севере и тропическом юге, здесь, на широких степях, среди огромного количества дичи и зверя, которые и теперь, в изобилии, человек находил легче пропитание. Здесь же получило начало и домашнее скотоводство. Отсюда постепенно человеческая эмиграция подвигалась к северу и к западу. На это указывают исторические движения. Распространение тюркских племен следовало из нед Восточной Монголии, и история Уйгуров освещает ныне самое нашествие гуннов. Распространение усуней и юочжи занесено китайскими историками, и путь этих движений изображен на карте Риктрафена.

Жизнь в засушливых степях и на плоскогорьях Центральной Азии не могла не повлиять на организацию, привычки, склад характера и на самую внешность кочевника. Здесь поэтому можно легче изучить все его особенности. Нечего говорить, что кочевой был создан новую структуру кочевого человека. Кочевник степи не то что горный житель, скрывавшийся в скалах и укрывающийся подобно диким оркам. Горный житель, облоббован

горы, сделав их местом защиты и укрываясь в них. Горы легко отличить по его независимому, величественному характеру, по его отваге, по его ловкости и т. д. Равнины и степи наложили свой отпечаток на человека, его характер и все его занятия. Бесбрежная степь дала спокойный, почти унылый характер степищу; она, так сказать, убаконизала его, заняла скотоводством также содействовали беспечности и ленивому характеру кочевника. Лохийный один, он является энергичен и чуток рядом с жестким и не может быть целино понятным, как только рядом со своим конем и овцами. Когда наступает время перекочевок, степник ожиает и его энергия напрингается, тогда он идет дни и ночи и явяется неутомимым. Коневая жизнь сделала его преисходящим паддиником; он не любит ходить с коня и лазить, ходить пешком, бегать. Ноет его колесом, как у кавалериста; ступни малоподвижны. Бега и скачки для него — удовольствие и позор. Это своего рода олимпийские игры степи. Кочевник большевее частью подъездар, и толстых мы редко видимы. Если зверолов съел геркулеса, то кочевник-нездар — это кентавр, никогда не отеляемый от конницы. Молочная пища — это любимое блюдо. Легко опьянющий кумыс и расплодившийся хо син, делает его еще более ленивым. Все, чем он занимается, это — сторожить стада и пасты их, выучивать лошадей и приручать их. В этом он занят.

Имущество и собственность кочевника невелики, они переносны. Глиняные посуды совершенно в этот период исчезли, кочевник предпочитает металлическую и давно приобретает ее, деревья служат лишь для остова юрты и немногочисленной посуды. Камень он не умеет обдевывать. Единственное оружие для всякого производства у него — нож.

Продукты скотоводства идут на одежду, но меха у него играют меньшую роль, чем у полярного жителя. Грубая конская кожа идет на обувь, овчина на тулуп; зато, что производит он хорошо, это — войлок, играющий видную роль в его хозяйстве. Производство войлока довольно просто: вязание войлока совершается верхом, валик привязывается к лопатам, и здесь трух предстаивает скоту.

В кочевом быте появилась экономия человеческой силы, замена ее животным — он применяет ее незде. Жилище он везет, добывая охоты также (прежде он ее таскал на спине, на лыжах, на санках). Он приумел работу для лошади: вязание кошмы, войлок; впоследствии, при введение земледелия, он молотят конскими копытами хлеб.

Весьма слабый обмен в звролювию эпоху, в скотоводческую получает форму организованной торговли. Благодари финикийским кораблям, мир развел цивилизацию. Мы оглядим этим финикианам дань исторической благодарности и уважения. Но нельзя забыть в истории и тех, кто соединил пустыни и переплыл от конца моря в другой, когда морские пути еще не были открыты. Как велика была эта торговля, какие отдаленные страны при помощи ее входили в сообщение, это мы видим, напр., на индийской караванной сирте погреба, являющиеся из Индии в Средиземное и на север Сибири, это можно видеть на тканях, которыми одевались Греции, на мехах, на драгоценных металлах и драгоценных камнях. Бронзовая эпоха представляет нам склона и часто тождество орудий в самых отдаленных странах.

Начало торговли и обмена было уже началом цивилизации. Следательно, и здесь кочевники подготовили почву ей.

Затем остановимся еще на одном явлении в кочевую эпоху. Перемещение со стоянки создало переселение. Нам много говорили в истории о вторжении дикарей кочевников в оседлые страны, но весьма мало мы знаем из повести расселения человеческой расы, а это расселение совершилось, по всей вероятности, в кочевую эпоху, благодаря легкости передвижения.

Творцы современного землеведения, как А. Гумбольдт³³, Риттер и Рихтгофен³⁴, вдумываясь в физическое строение стран и частей света, пришли к глубоким выводам и заключениям, которые не может игнорировать ни география, ни антропология. Страны на периферии континентов, у их окраин, киреянные залывами, с обильными стоками, в благоприятных или исторических условиях развили болото культуру и цивилизацию; начало этой теории было применено к Европе. Что касается Азии и Старого Света, то для объяснения ее культурного развития в последнее время явилась теория четырех великих бассейнов³⁵. Эта теория фантастична³⁶. Но иную историю представляла жизнь и развитие замкнутых континентов с высокими хребтами, разделявшими страны, со степями, плоскогорьями, слабо орошаемыми стоками. На внутренних континентах законы расселения народов следовали особыми путями. Человек, конечно, не сразу опалел миром и поэтому движение человечества, что по тем горным проходам и плоскогорьям и степям,

³³ Le Chilouan et le Grand Fleuve Néogène par Leon Mischakoff. Paris. 1889.

³⁴ Ник и Ефрат, Иуд. Инес-Кинг был местом египетской, сакитической, арийской и китайской культуры.

которым Риттер придает огромное значение в колонизации Западной Азии и затем в обыснении проникновения народов в Европу через великий проход. Горные же проходы привели человечество к пустыням и степям Центральной Азии, где население могло беспрепятственно раздвинуться волной и которые применить кочевые способности. «Благодаря той свободе передвижения, которая представлялась бассейном Шамо с прилежащими землями, переходя даже за границу лишенных стока, эта местность являлась в каждом отдельном случае тою земною, на которой могло попытать свои юные силы каждое племя», говорит Риттер. Роль высоких плоскогорий и степей Центральной Азии далеко еще не изучена, но отношению влияния их на жизнь человечества между тем несомненно, что в этих местах должна была развиться своеобразная культура.

Несмотря на то что у кочевников мы видим самые простые ремесла, фабрикацию юрт, выделку седел, огни, ножей для своего употребления, а также самую первобытную обработку шерсти, по у богатых есть наклонность и страсть одеваться в ткани, приобретаемые покупкою: таким образом, мы видим проявление у кочевников наклонности к мозе и роскоши. Монголы и буряты любят покупать китайские шелковые ткани, позументы, парчу. У монголов и буряток головные украшения делаются из серебра, так же, как и серги. На голове у монголов венчик, стоимостью 30 и 60 р., но у богатых эти украшения из серебра и вызолоченные доходят до 500 и 1.000 р. Кроме того, у них развита особенная любовь к кораллам, причем они не останавливаются пред дорогоизносом их, точно так же наклонны и к ценным камням.

Обращаясь к культуре древних кочевников алтайского племени, мы убеждаемся, что металлы известен был им издревле. Алтайские торки-тукэо или дулгоссы разрабатывали его в Алтае в начале I-го века и, может быть, ранее Р.Х. Жуйан-жуне, покорившие Алтай, называяют алтайцев-тукэо своими плавильщиками. Древние кочи в Алтае доказали древнюю выделку злести металла, а Алтай и Минусинский край обитатели древних кочевников, усыпанны могицами, в которых было найдено множество бронзовых, серебряных и золотых вещей. Золотые украшения, выкованные из сибирских монгол, находятся в древностях Эрмитажа; огромное количество бронзовых орудий находится в Минусинском и других музеях.. Выделка железа была известна народу хаскам во II в. по Р.Х., обитавшим в верхнем Енисее и, как изве-

стно, получившим после название келиндах-киргизов. Таким образом, не только бронзовое, но и железное производство было известно коренникам Азии. Кочевые киргизы умеют выделывать из железа изделия, так же, как монголы-буряты, торкай-икуты, а алтайцы-калмыки превосходно закаливают сталь. Медные и серебряные поделки сохраняются и у нынешних коренников. Когда кочевые племена Азии имели болык распространения и множество, естественно, их культура была богата; это и доказывается как находками, так и свидетельствами пуссетниковиков. Кочевники иные племена, находившиеся на Европу, перенесли скот привычки, моду и свой произведения. Поэтому столкновение варваров и коренников Азии с европейским миром оправдилось заимствованиями и не осталось бесследно. Исторические показания пропидают совершившему новый свет наближение народов, которые, по видимому, старались уничтожить друг друга. Завоевование Византией азиатских морей подтверждено было азиатским героям. Одесская и вооружение варваров перенимались греками и римлянами. Византийцы многое перенимали у гуннов. Важному Юстиниану завоевание у варваров наказки, штрафы и обычай. Оружие варваров: мечи, копья, топоры, колющаги, щиты также перенимались, даже такие греческие цепи от киргизских скакиров. Императоры Византии и аристократия усвоили богатые головные уборы, шейные ожерелья и другие предметы, которые носили варвары. Археологические данные открывают нильс, как искусство и орнаментика передавалось с востока на запад Европы вместе с восточной роскошью. Исходным пунктом варварских племен, населявших Европу, был Средний Азия. «Средняя Азия», — говорят авторы недавно изданного сочинения о русских и сибирских древностях, — была и прародиной этих племен, и колыбелью их полуседой и полуземледельческой культуры, и рынком, на котором одновременно появлялись металлы издрогоценные камни Сибири, жемчуг Индии, шелк Китая, ковры, золотые и серебряные изделия Персии и образцы античного искусства Сирии и Александрии. Но в то же время это были рынки специальных варварских, сложенные по вкусам разнообразных племен, живших от Сибири до границы Персии. Все известия писателей о народностях, сосредоточенных в этом узле, говорят в пользу относительно высокой культуры минных варваров. Массагеты (иеты, или азиатские скаки, жившие в нынешней Семиреченской области, близ Иссык-Кула) имели головные уборы, пояса и наручи, уды и седла с золотым набо-

ром, персы получали свои товары с караванами из Индии, парфии: поражали Рим свою роскошью, римские вельможи заимствовали от них украшать свои башмаки жемчугом, золоты и акары цастили золото посудом и утварю, а любовь к золоту гуннов вошла в пословицу*. Очевидец Приск нашел у гуннов оригинальную культуру и привычки к роскоши. Вся эта культура сложилась в глубине Азии. Гунны внесли у себя производство шелка и похитили шелковичных червей из Китая; эти изделия из шелка в Византии были известны под именем «гунских завес»**. Инстинкты турецких племен, — продолжают те авторы, — всегда склонялись к роскоши, наружному блеску и минтуре. Жили nomadами в палатках, туркны любили украшать обстановку золотыми кубками, серебряными блюдами. Посольство византийцев в 568 г. в Кизиуну торкоз (тукоз), жившему около Алтая, показывает роскошь, которую окружали себя кочевые ханы. Полосы привилегии в роскошных палатах, хан был на золотом седалище, имел золотую крыжку, посыпал выставили на показ телеты, награжденные серебряной и золотой посудой и многими изображениями, которые по искусству были замечательны. О могуществе и богатстве азиатских торкозских племен VI века свидетельствует и Табари. В эпоху Сасанидов обнаружилось богатство среднеазиатского Туркестана. Множество драгоценностей и золотых разных блях, нахолимых в степях Сибири и в курзанах, показывают украшения древних кочевых племен и рисуют их нравы, их моду***. Эти драгоценности сближаются наше со скандинавскими, и их орнамент постепенно, в виде, напр., звериного стиля, переходит в европейское искусство. Таким образом, устанавливается культурное влияние азиатского кочевого мира на Европу в самую отдаленную эпоху. Видно, что кочевники варвары, находившие Европу, послужили невольным посредниками сношений с отдаленными культурными центрами Азии. Персия, Туркестан и Китай с этого времени становятся более известными в Европе, и их произведения, искусство, как и стиль, заимствуются народами Запада.

Таким образом, переселение и передвижение народов с востока должно рассматриваться не только в смысле наше-

* Русские древности в памятниках искусства, граф. Толстого и Карнакова, III, стр. 4—5.

** Ibid. III, стр. 6.

*** Мы найде не найдем столь пышного и царски изукрашенного личного и конского убора, как в сибирских древностях. (Русские древности в памятниках искусства, гр. Толстого и Карнакова, т. III, стр. 71).

стия варваров, по и как начало культурного сближения и обмена Востока с Западом. Нет сомнения, что вторгнувшиеся восточные народы и кочевники принесли не одну варварскую роскошь, но и многие ценные произведения Азии: металлы, ткани, растения и проч.

Нельзя сказать, чтобы кочевой мир и азиатские государства остались чужды общечеловеческой культуры. Из Азии переносилось в зародыше то, что получало пышный цвет в Греции, Риме и приобретало изящные формы.

Земледелие, как и ремесло, не было чуждо кочевникам, как доказали исследования. Сибирские кочевники, как киргизы, калмыки, алтайцы, умеют сеять, хлеб, и эту культуру перенесли в древние времена, может быть, из Китая и Туркестана. В лесах Сибири у алтайцев, у кузнецких татар, у минусинских вилюм первобытные способы кочевого земледелия. Земледелие было известно и древним народам Сибири, как хакасам, сложки, баргузинам, даурам и другим. Монголия когда-то ставила хлебом с севера. До сих пор находится в Сибири множество земледельческих древних орудий, чугунных сошников, отвалов, жерновов и пр.^{*} В Алтае, в Семиречье, в Минусинском округе и за Байкалом находятся следы ирригационных каналов. Русские заимствовали способы ирригации в следы от киргизов и калмыков (система арыков). За Байкалом покосы у бурятов доселе орошаются. Та же ирригация существует у инородцев в Семиречье, на Бухтарме, в Семипалатинской области. Но самые совершенные ирригационные сооружения были сооружены в Түркестане и Бухаре. Здесь система орошения достигла апогея. Она совершилась при помощи труб, соединявшихся на замечательной глубине, и создавали плодоносные оазисы. Монголы также употребляли ирригацию, и следы ее мы видели на Орконе. Дворцы Кара-Корума, столицы монголов, были обнесены водоснабжающими каналами и около них насыщались джек парки (см. описание Кара-Корума у Рубрюкиста и Марко Поло).

Таким образом, нельзя сказать, чтобы кочевой был оставался неподвижен и чужд высохших культурных занятий. Кочевая Джунгария имела также земледелие, и некоторые бухарцы рас-

^{*} Около Телецкого озера и в глубине Монголии мы встречали в наших путешествиях остатки земледельческих работ и гранитные жернова такой величины, что их можно было приводить в движение линь животной или водной силой.

пространили ценные хлебные растения в Сибири. Между прочим, одна из орлов пшеницы в Алтас, на Колыванских заводах, известная под именем камышикой, обязана распространением в 1794 г. бухару Аширу, которому обязаны были мы открытием также медного изумруда, получившего название ацирита.

Туранинский мир развел богатую оседлую культуру и цивилизацию в Фергане, Бухаре, Туркестане, точно так же, как уйгурская культура выступила и зародилась из кочевой культуры предшествовавших народов. Все это заставляет ныне изменить несколько точку зрения на жизнь народов древнего Востока, и историк открывает нам все более связь, которая соединяла восточную культуру с западной.

Пустыни и плато Центральной Азии, как и Турана, имели весьма важное значение в первый период человеческой истории. События совершились здесь за 2000 лет до Р. Х., и мы видели следы Туккоцского, Уйгурского и Монгольского нациства в долине Орхона, доказывающие, что эти народы достигли известной культуры⁶.

Распространение культов, религий, а также алфавитов, письменности, как и первых знаний, имели свою историю в Центральной Азии, которые нельзя игнорировать в истории человечества. Косякая культура не могла не выразиться и в прогрессе миграции народов Центральной Азии. Конекник стал обладать уже известным лоском, который дал ему возможность философствовать, творить, создав богатую фантазию, попытав мечтательность и соудан позитив; кочевые племена очень любили, как, например, киргизы (об этой певучести у них есть легенда); мифы и сказки их богаты образами, как и моралью.

У кочевников нылося первое знакомство и наблюдение над звездами; это доказывают арабы; астрология известна была даже в Монголии у ханов, как и вдревнем Туране. Халдейская магия и астрология получили начало у сумеро-аккадийцев, урало-алтайцев Турана. Голланец Шлетец, написавший замечательное сочинение об хронографии Китая, говорит и полагает, что между Китаем и Кастильским морем был культурный центр, разносивший знания; 12-годичный цикл был заменен от турищев. Кочевники долго были памятниками,

⁶ Долина Орхона не только открыл развалины Корга-Корума, но и замечательные памятники с монгольскими стелами, а также монументы с уйгурскими и руническими надписями. Уйгурское и монгольское письмо заимствовано из Сирии; рунические же знаки напоминают ирано-германскую азбуку, напр., топфскую.

одухотворяя природу, стихии, и создавшими привлекательную мифологию, но уступавшую греческой, но впоследствии они дали готовую почву для буддизма — религии чрезвычайно мирной. Эта религия, запрещая охоту и убийство птиц, как пельмь более соответствовала пастуским нравам, пастушескому мягкотерию к животным. Буддизм своей нравственностью проповедью изменил нравы прежнего монголов; он привнес сму по духу. Скотохудническая идилия, так сказать, умнотворила человеческие сердца и в этой стадии, более чем в звероловной, мы видим духовный и нравственный прогресс.

Произление государственности у кочевых народов обнаруживалось так же, примером чего служит великая Монгольская империя. Не изменения кочевого быта, монголы создали целые институты, которые вызывают удивление при их образе жизни.

Мы сошлемся на описание Чингиз-Хатовой империи у Марко Поло: монгольские ханы организовали в управлении государственные советы с 12 сановниками для военных и 12 гражданских, установили законодательство для кочевников, уголовные законы, создали почту и образовали почтовые станции с персемскими лошадьми на огромных расстояниях. На случай пародийных боевиков создали запасные магазины, устраивали помощь во время падежей скота, чеканили монету и установили кредитные знаки; мы не говорим о строго организованной и дисциплинированной армии. Все это совершилось монголами, не изменявшими кочевого быта. Некоторые дворы и города, основанные монгольскими ханами, как Угелем, Текир-Ханом, Абатагом, показали, что кочевники не прочь созидать осадость, хотя и не решались постоянно оставаться в них.

В степях Монголии мы видим уже некоторые пункты осадости; это — буддийские и ламайские монастыри с кумирнями наподобие китайских и с кельями монахов, имеющими тип оседлых построек. Таким образом, религиозные потребности здесь явились первой группировкой населения, как в других странах, напр., в Туркестане явились потребности торговые. Эта осадость, окаженная религией, показывает отсутствие коренного продуббления к осадости. Может быть, около кумирен будут впоследствии присоединяться постройки торговцев, как, напр., ставятся и ныне фанзы китайских торговцев. Урга наполовину монгольский город, где одна часть города монастырь и

кумирни, другая часть — китайская торговая слобода. Несомненно, что этих пунктов в Монголии будет больше. Китайская колонизация устраивается в различных местах Монголии свои фермы и приобретает со временем работников монголов.

В кирмских степях мы видим также постройки мечетей, как залоги оседлости. Оседлость зарождалась и в древнее время среди кочевых народов.

Из исторических указаний, приводимых ученым Григорьевым, видно, что древние кочевники жуны-жунны имели подобие городков, азиатские скиты строили «каменные башни» по показанию Альмиана Марцеллана. Туюзский хан Могиян хочет подражать китайцам и в 715 г. хотел строить города подобно китайским, однако его отговарили (Иоакинф). Полонина ультров хой-хо была кочевыми, когда другая часть народа около Хами имела оседлые центры и культурное государство. То же самое мы видим в Тибете, где около соседнего населения еще ютиются кочевцы. Подобное же явление представляет Туркестан и Бухара. Ясно, что в Центральной Азии законы образования оседлости были несколько своеобразные.

Население из кочевого быта не переходит сразу, и только кристаллизация оседлости совершается постепенно. Состояние кочевников иных сравнивают с жидкокристаллическим состоянием тел. Как для тех, так и для других нужно изменение условий, чтобы изменить плотность. Без необходимости народ не переменяет образа жизни, хотя умеет уже воздвигать постройки и употребляет для этой цели глину и кирпич. Доказательством служат кладбища у киргизов, похожие на города. Кочевник предпочитает украшать постройками могилы, жилища мертвцов, составляя живущим свободу передвижения. Употребление камня и созидание из него могильников у древних народов заслуживает удивления по своей грандиозности. Все это могло служить залотами и здатками для будущей культуры, для которой наступает свое время. В горных и лесных местах на севере и в береговой полосе переходы от кочевания к полуседловому быту, к зимонкам и оседлости совершаются гораздо быстрее. Это мы видим на кочевниках Сибири. Но переходы эти совершаются под влиянием известных условий. Изучить эти условия и понять, где процесс перехода уже начался, и притянуть помочь только там, где необходимо, — вот задача культурного народа-инициатора. Но при этом нужно

иметь в виду, что народ, связанный своими хозяйственными условиями и привычками, не сразу решается на культурные шаги. Принуждение здесь бесполезно, и искусственные меры могут быть неудачны и поведут к кризису.

Но нужно забывать, что степи с их своеобразным хозяйственным бытом могли прокормливать на подножном корне огромное количество скота, дававшего обеспечение не только кочевому, но и огромные выгоды русскому населению. В киргизских степях насчитывается до 4 200 000 баранов, 1 300 000 лошадей, 700 000 рогатого скота и 150 000 верблюдов. Продукты скотоводства вывозились в соседние округа или на русские заводы. Подорвать жизненные средства кочевников сразу было бы немытодно и неблагородно. При возвращении в степях русского населения множество земель уже отошло к казакам, и степь иные не пользуются прежними пастбищами. Степи посещают все чаще падежи скота, причиняющие бедствия. Нечего говорить, какая осторожность необходима в данную минуту по отношению к кочевому населению в наших владениях.

Конской персидской быт, в своем крайнем развитии представил такую своюобразную и отлитую в определенную форму культуру, что кочевник не может представить себе иной образ жизни; он будет сопротивляться до времени вся кому принуждению изменить образ жизни, точно так же, как представитель оседлости, пройдя известный путь развития и создав свои привычки, не понимает жизни кочевника и совершенно забывает, что эта стадия конца-то была пережита им и составляет связующее звено с последующим существованием.

Только тщательное изучение быта народов и история культуры может установить здесь правильную точку зрения и уничтожить видимые противоречия, недоразумения и преувеличения. Истинное знание научает беспристрастно относиться ко всякой форме быта и примиряет людей на основании общих стремлений их к жизни, к счастью, благу и справедливости.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Таблица № 1. Распределение иностранных по племенам

Округа Тобольской губернии	Тюменского дистрикта		Фоминской дистрикта		Общее число	Число иностранных племен	Процент иностранных племен от общего числа
	Башкир. брод.	Башкир. город.	Башкир. брод.	Башкир. город.			
Тобольский	3574	1432	2118	1270*	—	—	20,02%
Тюменский	3844	635	—	—	—	—	4,95%
Тарский	1975	676	—	—	—	—	7,06%
Ялуторовский	154	3111	—	—	—	5267	3,05%
Туруханский	—	3915	—	—	—	5913	6,72%
Берёзовский	—	—	13160	7916	—	445,90%	100,00%
Сургутский	—	—	5922	5672	—	—	—
	8727	21568	6971	21353	7916	76653	11,12%

Примечание. Настоящие данные составлены по результатам наших съездов, а также по результатам их исследований о современных чинах и положении иностранных.

* Из других съездов — более 2500.

1880 г. Томская область	Округи	Тюмень- Ханский дистрикт		Ачин- ский дистрикт		Всего иностранных на членов русских	Процент иностранных на членов русских
		Башкир. брод.	Башкир. город.	Башкир. и татары и шаманы	Башкир. город.		
		Башкир. брод.	Башкир. город.	Башкир. брод.	Башкир. город.		
Томский	5891	152	2916	421	1285	—	144,24% 17,91%
Берёзовский	—	—	—	—	1236	—	1236,00%
Марийский	1870	—	—	—	—	—	—
Кузнецкий	—	—	—	—	2985	17803	17803,00% (6,48%)
Бийский	—	—	—	—	225	579	1770,50% (2,30%)
Каменский	4374	—	—	—	—	—	—
Всего	2135	152	2916	421	5731	23594	17018
						65757	7,00%

Семипалатинская область	Округи	Киргизы		Всего иностранных на членов русских	Процент иностранных на членов русских
		Узбеки брод.	Узбеки город.		
Аксайская	366	106411	254-28	918228	472655, 426,64%
Кокчетавская	529	99106	111183	154679	325614, 55,92%

Таблица №2. Процентное отношение к русскому населению

Тобольская губерния Округа	Процентное отношение к русскому населению							Инородцы в качестве окружного населения в число русских
	Бугорьев на число русских	Гагарин на число русских	Богучаров на число русских	Осинцов на число русских	Самодедов на число русских			
Тобольский	3,50%	10,23%	2,05%	1,18%	—	—	—	16,92%
Тюменский	2,92%	6,42%	—	—	—	—	—	9,34%
Тарский	1,59%	5,48%	—	—	—	—	—	7,08%
Ялуторовский	0,07%	2,98%	—	6,72%	—	—	—	3,05%
Березовский	—	—	—	—	392,26%	152,63%	449,99%	6,72%
Сургутский	—	—	—	—	354,67%	—	354,67%	—
Процент на число русского населения в 7 округах губернии	1,54%	5,15%	1,07%	3,95%	1,22%	13,12%		

Гомельская губерния Округа	Процентное отношение к русскому населению							Инородцы в округах на число русских
	Татара	Буяры	Сакской	Осткин	Алтайцы	Черкесы татара	Калмык	
Томский	1,96%	0,08%	160%	2,32%	—	—	—	7,94%
Барнаульский	0,56%	—	—	—	—	—	—	0,56%
Марийский	2,42%	—	—	—	—	—	—	2,42%
Кузнецкий	—	—	—	—	2,72%	13,76%	—	16,48%
Бийский	—	—	—	—	1,97%	7,82%	—	12,89%
Киниский	1,83%	—	—	—	—	—	—	1,83%
Процент на число русского населения в 6 округах губернии	1,37%	0,01%	0,32%	0,46%	0,76%	2,34%	1,71%	7,00%

Таблица №3. Распределение инородцев по вероисповеданиям

Тобольская губерния Округи	М	Г	Число	Вероисповедание	
				Сербов	Крестьян
Тобольский	14766	—	3446		
Тюменский	9097	—			
Ташкинский	8696	—	2		
Ялуторовский	5266	—			
Туринский	—		5913		
Бересковский	—	8449	14677		
Сургутский	—		5923		
	37822	8449	27549		

В начале магометане населяли Тобольский и Тюменский округа, а также Ташкинский округ, в числе представителей финно-угорских народов Бересковского округа; крещенами считаются ногуны и остяки, а также небольшая часть перешедших магометанства. На-
зование: «восточники» право-
славия не замечено, а православные магометане образами брун-
ты и татары, упорно сохраня-
ющие магометанское вероисповеда-
ние, почти не переходят в пра-
вославие. В Тюменском и Ташки-
нском округах татары и буряты
приняли христианство за последнее
время только 58 лет назад.

Вотулы Тобольского и Турин-
ского округов все крещеные, а
также чеченцы, татары, ногуны, ос-
техи, ногайцы все числятся хри-
стианами, хотя
именные христианами не могут
называться, об отсутствии веры
и сохранении своих образов.

Самоены — исповедуют христиан-
ства, и только в 1868 году было
обращено в христианство 397
человек.

Томская губерния Округи	М	Г	Число	Вероисповедание	
				Крестьян	Инородцев
Томский	7279	2916	4211		
Бердянский	—	—	1212		
Макаринский	—	—	1876		
Канинский	2225	—			
Кузнецкий	—	4908	13879		
Бийский	—	19000	5554		
	9544	26824	26726		
Всего			3854		

К магометанам принадлежит в Томской губернии татары в двух округах — Томском и Канинском — 9504 д., к калмыкам от-

носится самозы Томского ок-
руга — 2916 д., черкесы тата-
ры Кузнецкого округа — 4908
д. и кочевые калмыки Бийско-
го округа — 13879 д., к племенам
кочевников крещеные татары
принадлежат остяки Томского
округа, потомки татар телугутов
в Барнаульском, чулымские та-
тары в Малоалтайском округе,
136 чеченских татар в Кузнецком
округе Кулундинского района и 5554
калмыка Бийского округа.

Наменемыяя наконец к
племенам татар, черкесы, чу-
лымские татары, ногайцы и
отлучки калмыков.

Наибольшая среди племен тюр-
ского племени магометан
Томского и Канинского округов.

Таблица №4. Распределение инородцев по образу жизни

Тобольская губерния Округа	О селе и городах	Попечительство закончано	Кочевые и бро- дячие скотоводы и купцы		В конце 17 века на- ходится 8727 бурдаш в четырех округах Тобольской губернии, 29153 д. газар, 1772 д. вокруги Тура и ок- руга в 4 уездах. В трех подуездных: 3428 во- голов и скотников и 1111 скотников и скотниц в 3 уездах.
			Кочевые	Бродячие	
Тобольский	14784	3428	—	—	
Тарский	8224 м.п.	1936 м.п.	—	—	
Гюменский	8730	—	—	—	
Гюменский	4686 м.п.	—	—	—	
Гюменский	5059	—	—	—	
Гюменский	8040 м.п.	—	—	—	
Туринский	1772	2141	—	—	
Ялуторовский	828 м.п.	1111 м.п.	—	—	
Ялуторовский	5287	—	—	—	
Берёзовский	2815 м.п.	—	—	—	
Сургутский	—	15160	7916	—	К числу кочевых и бродячих отнесено 7916 переселенцев в Берёзовском округе и в Сургутском; из них со временем должны быть выселены полу- оседлые, живущие ле- репинами.
Всего	39652	28729	13839	—	
	21364	7422 м.п.	7208 м.п.	—	
		16869	—	—	
		39461 м.п.	—	—	
Томская губерния Округа	Подати и горы, Газар	Попечитель- ство редко никогда не закончено	Кочевые и бродячие ското- воды, купцы и татары	Биринайском округе, оседло куманийскую управу, инород- цев обрушившихся и взорвав- шихся Залты в Марийском округе, в Красноярском, в Ка- линском Барбенчиков, в Куман- ском чернешин татар, так же, как в Бийском телегутон и креши- нском, а также в Гудуленском округе, в Кузнецком, в Кудуленском относится чернешин татар Бийского округа и к ним же должны быть отнесены, по на- шему мнению, лесники Куз- нецкого округа около 13000.	
Томский	7328	—	7127	—	
Баринульский	1236	—	—	—	
Марийский	1870	—	—	—	
Кузнецкий	7151	—	13615	—	
Бийский	16561	3791	20024	—	
Канинский	4743	—	—	—	
Всего	38889	5791	40766	—	
					К оседлым инородцам мы от- несли оседлые управы Томско- го округа, татар Городецкое и осадные Телеутские управы в

**Таблица №5. Население татарских волостей
Тобольского округа к 1880 г.**

Волость	Душ татарских и о.Х. племени				По сведениям списков к 1878 г.			
	Число чел.	Кир. стат. селян	Сосл. чел.	Город. чел.	Число чел.	Кир. стат. селян	Сосл. чел.	Город. чел.
Бухарская	1716м. 1570в. 3316	—	—	—	1931м. 1767в. 3693	—	—	—
Городская	111м. 946к. 2057	6м. 12к. 18	1м. —	—	152м. 1016к. 2223	230м. 185к. 434	—	—
Бабасанская	209м. 170к. 379	—	—	—	223м. 170к. 393	4м. 5к. 9	—	—
Оброч Чувашинская	503м. 403к. 906	—	—	—	563м. 507к. 107	194м. 156к. 350	—	—
Киргайская	909м. 950к. 1949	—	—	—	1165м. 1122к. 2287	—	—	—
Узятская	1186м. 918к. 2157	—	—	—	1186м. 1012к. 2197	—	—	—
Истягихан	391м. 549к. 749	—	—	—	391м. 349к. 740	—	—	—
Надцинская	2064м. 258к. 507	—	—	—	—	—	—	—
Вагайская	1860м. 1442в. 3406	—	—	—	2653м. 1879в. 4523	230м. 97к. 327	—	—
Всего	16021	18	—	—	17118	1120	2	7

**Таблица №6. Населенные места и благоустройство
в инородческих упразднения Тобольской губернии
(См. следующую страницу)**

Волости	Сельскохозяйственное производство			Благоустройство	Материальное обеспечение	Кварталы
	Сельское хозяйство	Сады	Домашнее животноводство			
Бухарская	46	—	46	—	12	—
Городовая	3	12	13	—	мечтатель	385
Бабасанский Оброч, Чувашиковка	2	4	4	—	4	13
Казанинск	3	—	корп.	—	3	75
Каратауская	12	—	корп.	—	3	—
Уватская	16	—	корп.	—	—	193
Игитская	7	—	7	—	—	—
Вагайская	6	—	46	5	4	—
Надцинская	16	—	16	—	иначе	—
Всего	111	16	170	18	67	23
					3336	11

№	П.	Место	Ни- ческое дело до 40 до 120 р.	Пол- тавское дело	Пол- тавское дело	С	Ж	В	К	ГРДУ
1	1	1	обше- го до 40 до 40 р. до 120 р.	115 в.	259 в.	на обще- ство по 5 к.				
—	1	—	—	28 в.	120 в.	с души в год до 50 р.				
—	1	—	до 40 р.	5 в.	70 в.	до 50 р.				
—	2	1	до 50 р.	150 в.	—	натурою				
—	5	—	натурою	—	120 в.	натурою				
—	4	Каронин- ской и Бай- кальской власти 9	от 15 р. до 20 р.	14½ в.	92 в.	натурою				
1	3	3	найд. до 50 р.	59 в.	34 в.	верста 1 р.				
—	5	2	натурою	12 в.	180 в.	50 к. в год верста 100 65 к. в год				
—	—	—	—	—	—	—				
2	22	17	—	383½	875	—				

Таблица №7. Хозяйство в инородческих упрах
Тобольской губернии

Власти	Из общего числа жителей волости											
	Имект хондай						Заселенное хула деревни					
	от 10 до 25	от 5 до 10	от 2 до 5	до 2	по 1	всего	от 10 до 25	от 5 до 10	от 2 до 5	по 1	всего	всего
Бухарская	—	—	57	126	587	1035	—	—	246	101	1344	
Городовая	—	—	7	30	136	472	—	180	248	301	716	
Бабисанская	3	7	10	25	23	90	5	25	59	31		
Осеровская станица												
Чувашская	4	22	19	89	129	—	5	67	145	97		
Карагайская	11	45	65	80	91	50	7	45	130	75	70	
Улутская	—	9	54	201	232	42	1	27	41	1252	42	
Малмыжская	—	20	30	20	41	60	—	—	10	12	145	
Наденинская	7	30	70	20	8	1	—	—	—	—	—	
Багайская												
Сделанный не вспомогательный												
Всего	17	115	242	546	1417	1820	8	307	939	952	2445	

Таблица №8. О податях и поимуществах

Волости	Городской налог податей и поимуществ		Городской налог на землю		Несколько сбров			Потерпевший налог			Надоимки за съезды и неспособных		
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.
Бухарская	2750	2	516	11	—	—	1	95	28078	527	2335	11	
Городовая	4807	43	939	95	—	—	—	—	38757	737	614	45	
Бабаганская	893	52	—	—	—	—	—	—	7540	51	1726	40	
Общ. Чунальчикова	2394	96	352	50	9	67	—	—	26085	88	2371	25	
Карагайская	4245	75	926	95	—	—	—	—	32849	42	7831	20	
Уватская	—	—	—	—	—	—	—	—	53972	94	2912	51	
Истинская	1609	5	337	82	—	—	—	—	18795	54	—	—	
Надцинская	537	13	218	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Затайская	7885	26	877	—	22	33	25	33	93797	69	8997	95	
Всего	25127	11	4168	34	32	1/2	27	78	—	—	—	—	

В иногородских упраздн. по Тобольскому округу

*Таблица №10. По сведениям П.В. Радлова
об иртышских и тюменских татарах
в его сочинении «Aus Sibirien»
число их в 1866 году показано*

Округ	Волость	Мужско-го пола	Женско-го пола
Тарский	Бухарская	1714 д.	1690 д.
	Аязинская	1820	1493
	Каудакская	522	563
	Танскоукусская	393	418
	Саргатская	734	640
Итого	5118 д.	4804 д.	
Всего	9987		
Тюменских татар в 1868–1869 году		4799 д.	4284 д.
Всего		9083	
Ялуторовских		2262 д.	2096 д.
Всего		4356	
Туринских		73 д.	66 д.
Всего		139	

По сведениям г. Патканова, в 1886 г. в Тюменском округе было татар 4071 м. и 3471 ж., всего 7542 ч., то есть мы видим явное уменьшение их числа.

Таблица №11. Количество жителей в Барабинских упрах

Наименование упра	По переписи до 1854 г.			В 1865 году			1878 г.	
	муж. ч.	жен. ч.	всего	муж. ч.	жен. ч.	всего	муж. ч.	
Теренинская	110	110	220	78	72	150	113	
Барбинская	972	922	1894	857	828	1685	762	
Тургоякская	729	677	1406	461	436	897	670	
Тумусская	421	394	815	384	361	745	606	
Любецкая	139	116	255	107	96	203	104	
Карагалинская	59	53	112	118	113	231	40	
Чуйская	123	127	250	103	111	214	87	
Всего	2447	2399	4946	2361	2274	4635	2382	

Примечание. Первая цифра за 1854 г. взята из отчетов казенных палат, вторая — из исследований В.В. Радлова и третья цифра — по сведениям Глав. Упр. Западной Сибири 1875—1878 гг.

Таблица №12. По имеющимся у нас статистическим
сведениям, за различные годы число
барабинских татар в разные периоды
показывалось таким образом

Год		Число душ
1760	По переписи в 58 деревнях их считалось	2216
1840		5005
до 1854	По переписи	4946
(1854)	По опросам асессорских мест	4454
1865		4635*
к 1880		4062**
1882		4374***
1883		4459****

* Радлов «Aus Sibirien», p. 232—234.

** Офиц. сведения Глав. Упр. Зап. Сибири.

*** и **** Памятная книжка Томской губ. 1884—1885 г.

Сведения о вогульских волостях
в Турийском округе к 1880 г.

Кочевые	Дома и	Жителей		Скота						Всего	Население
		Мужчины	Женщины	Лошадей	Рогатого	Мясоедов	Всего	Земли пахот.	Сено-окос		
Больше-Кондикская	110	388	329	709	35	49	30	114	20	500	520
пахоты 30											
Верхне-Кожинская	74	211	210	421	56	46	34	136	18	371	389
пахоты 14											
Верхне-Поморская	40	158	129	287	36	25	17	78	18	270	288
пахоты 14											
Усть-Кондикская	30	64	51	115	50	38	20	108	15	450	465
пахоты 6											
Вагильская	33	91	78	169	24	34	14	72	23	317	341
пахоты 6											
Сосьвинская	25	76	72	148	60	10	166	267	55	150	205
пахоты 4											
Таттинская	54	131	161	292	99	187	38	573	105	250	335
пахоты 8											
Итого:	366	1111	1036	2141	160	140	80	560	100	1820	1900
<i>(православные говорят по-русски; зверодомство и рабий тракт; хлеб из казенного магазина)</i>											

Волости оседлых вогулов

1. Кургомская — 46 дом., управа в Жуковской волости, оседлые, мужчины — 109, женщины — 113, итого — 222 чел. обеого пола; скот: лошадей — 115, рогатого — 190 и мелкого — 320, итого — 625; жечи пахотной — 886 десятин, сенохосной — 824, всего — 1710 дес. Занимаются хлебопашеством, рыболовством; посевно хлеба: озимого — 53 дес., ярового — 517 дес., зернобобовых — 10 дес.
2. Верхне-Таборская — 770 д., оседлые, мужчины — 305, женщины — 200, итого — 405 чел. обеого пола; скот: лошадей — 305, жечи пахотной — 114, и мелкого — 225, итого — 539; жечи пахотной — 267 дес., сенохосной — 769, всего 1036 дес. Посевно хлеба: озимого — 98 дес., ярового — 687 дес.
3. Нижне-Таборская — 13 д., оседлые, мужчины — 92, итого 182 чел. обеого пола; скот: лошадей — 92, рогатого — 70 и мелкого — 192, итого 355; земли пахотной — 61 дес., сенохосной — 2815 дес., всего 2876 дес. Посевно хлеба: озимого — 42 дес., ярового — 297 дес.

4. Кошурская — 13 д., 156 дом., оседлые, мужчины — 454, женщины 509, итого — 963 чел. обеого пола; скот: лошадей — 534,

рогошного — 708 и члекати — 790, итого — 2032; земли пахотной — 2928, сенокосной — 1957, всего — 4185. Поголовно хлеба: озимого — 371 дес., ярового — 212 $\frac{1}{4}$ дес.

Всего хлеба: озимого — 124 гектарны, ярового — 361 $\frac{1}{4}$ дес.; всего скота — 3611 голов; всего земли — 9807.

Статистические сведения о сургутских остяках за 1828 год*

Сургутское отделение

Сургут, под 61°16' северной широты и 90°40'восточной долготы, основан в 1593 году у реки Барусковки на возвышенном месте, находящемся выше по течению реки Бардака.

1) *Пиринская* — по течению Оби на 250 верст, в окружности до 500 верст, включая Томскую, Барусковскую, Ваховскую и Гонурскую отдельно Томской губернии.

В 1828 году ревизских душ остатков 162, по последней переписи 201.

2) *Салтыковская*, простираясь от Пиринской по течению Оби на 150 верст, в окружности на 400 верст, касается волостей Ваховской, Том-Юганской и Ларинской.

В 1828 году ревизских душ остатков 200, по последней переписи 195. Кочуют при Оби и при Вахе. В селе Ларинском деревянная церковь.

3) *Лумпокольская* — от Салтыковской вниз по течению Оби на 200 верст, занимает пространство 600 верст и касается волостей Мало-Юганской, Ваховской и Погородно-Юганской.

В 1828 году ревизских душ 437, ныне 440. Живут по берегам Оби и Ваху.

4) *Ваховская* — от Лумпокольской вниз по реке Оби на 100 верст, касается волостей Аганской, Тром-Юганской и Нарымского округа Томской губернии.

В 1828 году ревизских душ 322, ныне 316.

5) *Тром-Юганский* — и сопредельны с волостями Ваховской, Тром-Юганской и Пимской.

В 1828 году ревизских душ остатков 48, ныне 52.

6) *Тром-Юганская* — по реке Оби и Тром-Югану, Сургут-Югану и Максимову-Югану, сопредельна волостям Юганской, Ваховской, Козьмыской и Пимской.

В 1828 году ревизских душ остатков 176, ныне 174. Живут по Оби и Тром-Югану.

7) *Подгородно-Юганская* простирается по реке Мало-Юганской Оби, по Большому Югану, Бымсу и по Тунгрийной-Курье сопредельна Лумпокольской, Мало-Юганской, Больше-Юганской и Салымской волостям.

В 1828 году ревизских душ остатков 153, по последней переписи 184. В селе Юганском церковь.

* Описание Березовского края Абрамова, XII кн. Зап. Рус. Импер. Географ. Общества.

9) *Мало-Юганский* — расположена по реке Малому Югану, сопредельна волостям Пологородно-Юганской, Большне-Юганской, Лумырской и Тарскому округу.

В 1828 году ревизских душ 137, по последней переписи 155.

9) *Больше-Юганский*. Кочевые по реке Большому Югану; прилежит волостям Мало-Юганской, Салымской, Пологородно-Юганской и Тарскому округу.

В 1828 году ревизских душ осталось 264, по последней переписи 302.

10) *Лыкская* — по рекам Пинку, Всыгутну и речке Киртемкугольской. Сопредельна волостям Семирской, Конской городской, Казымской, Тром-Юганской и Агинской.

В 1828 году ревизских душ осталось 68, по последней переписи 78.

11) *Салымская* — по Салыму и Салымской протоке, между волостями Селинрской и Пологородно-Юганской, Березовского и Салымского уездов, а также волостями Тарского и Тюханского округов, сблизилась на юге с границами Тарского округа.

В 1828 году осталось 131, по последней переписи 168.

12) *Селинрская* — из пространства 100 верст по реке Оби на протоках Бастоминой и Мариной и сопредельна Самарской волости Тобольского уезда, Конским Городком, Пимской и Салымской волостями Березовского округа.

В 1828 году осталось 46, по последней переписи 61. Жители большей частью бедны. В селе Селинрском церковь.

Статистические сведения из описания Березовского округа Абрамова*

Обдорское отделение состоит из волостей Обдорской и Куна-
зинской.

Обдорская волость, между по течению Оби от Аспукинских
гор, до 150 верст от Обдорской впаде до Лесозаводской озере-
ни. к западу до Меленского уезда и к востоку — до Тюханского ополе-
ния. Полова эта состоит из каменистых и тундровых мест и хоро-
ших пастбищ для оленей.

В 1828 году, когда составлялись окладные книги, число реви-
зских душ осталось 1694, самое же 2057, всего 3661 душа. В насто-
ящее время (подья Абрамова) 3666 душ.

Древние деревни и города:

Аспукинский	175 верст
Войкарский	198
Шурцикарский	238
Сыбийский	293
Обдорский	332
Порогский	372
Полымянский	392
Выполинский	362
Войтваксий	402

* Следует заимствовать Абрамовым из дел Березовского земского
суда по предмету земельной комиссии 1878-1829 года

Вохорский	432
Вотважский	462
Навымский	662

Куноватская волость от города Березова винъ по течению Оби и по впадающим в нее речкам Сынъе и Куновату, граничит с севера с Обдорским, с юга с Лесково, к востоку с Казымской волостью и с запада с Уральской. Покрыта болотами и грунтом; лес: кедровый, сосновый и еловый.

Житие: ревизских луны в 1828 году было остатков 920, самодов 27. Во время Абрамова облом 938 луны.

Древние города от Березова:

Усть-Сосинский	236 верст
Ильинский	32
Киченский	116
Куневатский	147
Киеватский	155
Куноватский	194
Сынъе (по реке Сынъе)	194
Коноприевский	197
Питлагский	242

В Обдорском отделении считалось 12500 голов скота (оловей); рыболовных пescов 34.

В Куноватской волости две церкви деревянных в селах: Куневате и Мордаке.

Отделение Конинское из 5 волостей:

1) Конские городки (Коджак) от границы Тобольского округа на 500 верст до города Березова от Оби и впадающим в нее рекам Васинулзу, Ензыру и другим; изобилует кедровым и строевым лесом (города винъе в 1828 году 900 пудов); рыболовных пescов 30.

Число ревизских душ остатков к 1828 году 1343, в последнее время 1773 (время Абрамова).

Древние остатки города:

Чемашевский от Березова	120 верст
Шоралакский	160
Ильинский	220
Больше-Атльмский	227
Мало-Атльмский	250
Карымкирский	283
Ензырский	409

Конинское село 62°3' северной широты и 86°15' восточной долготы; на правом берегу Оби Святопрониной монастырь, 1 архиман и 5 монахов. Вотчина Конинского монастыря в 1400 верст, в Исетском, Ялуторовского округа, в селе Николаевском (ныне Кондаков). Имущество его в Тобольске.

Кроме села Конинского, было четыре деревни.

В селе Конинском 18 деревень и 360 жителей, деревни: в Чемшевском селе, Шоралакском, Сухоруковском, Белогородском, Мало-Атльмском заселые.

2) Покородская волость от Березова по Вогулке на 150 верст, граничит с Сосининской, Казымской, Лягининской и с Уральской-

ми горами. Большая часть остатков бедны и живут у русских в рабстве.

Ревизских душ осужден в 1828 году 229 душ, иные (во время Абрамова) 221 душа.

3) Калмыков — ис измерена. При реке Оби по Еланому и впадающим в нее рекам «чадская юности Калмыковской, Троицко-Ютанская, Колской и Потторой».

Ревизских душ в 1828 году осталось 525, санкюлон 218 душ; во время Абрамова осталось 833 души.

Древние остатки городов:

Полноватский от Березова	58 верст
Амгинский	125
Кунгурский	133
Чайковский	155
Юндынский	236

В селе Калмыков или Полноватском в 50 верстах и восток от Березова церковь.

4) Тарасовка — ис измерена, о Сосне и Талысе к востоку от г. Березова граничит с Пологодином, Тиминским, Колским, Чердынским и Верхтурским уездами, Пермской губернией, и с Племенами.

Ревизских душ в 1828 году 580, о время Абрамса 666 душ.

Древние остатки с деревень	55 верст
Богатырь о Тиминске	55 верст
Воресий	353
Талыс	383
Инкар	458

5) Липинка — ис измерена; иногородны кончают по реке Липинке, Ивахурье и другим рекам, впадающим в Липинку с левой стороны. Границей с волостями Кунгурской, Подгорной, Сосвинской и Уральскими горами.

Ревизских душ в 1828 году осталось 784, санкюлон 96; иные во время Абрамова обеих — 832 души.

Древние остатки городов:

Обский от Березова	72 версты
Чуский	146
Шумятинский	216
Липинский	250
Муниский	286
Юндынский	308

Липинка — Липинка (Синие), впадающий в Сосну в 10 верстах от истока; древний восточный городок был известен горячим между пускими, зырянами, ногулами и остатками. Близ Липинки было кладбище католиков.

**Остяки и самоеды в Березовском и Сургутском округах
по сведениям 1869 года**

Березовский округ:

1. Волости:	Карасукская	632 муж. пола.
2.	Падиородная	113
3.	Лапинская	382
4.	Соснинская	332
5.	Кезимская	444
6.	Кунинаватская	488
	<i>Обдорских острников самоедов</i>	888
		1358

Сургутский округ:

1. Волости:	Юганская	21 муж. пола.
2.	Пинская	67
3.	Селивирская	18
4.	Перманская	120
5.	Салымская	82
6.	Тром-Юганская	91
7.	Лумпокольский	271
8.	Больше-Юганская	136
9.	Салтыкская	140
10.	Мало-Юганская	61
11.	Вихорская	204
12.	Пологно-Юганская	94

Несколько отступлений

в Тобольской губернии 11527 м. и. 10627 ж. п. 22154 д. об. п.
самоедов 2573 2132 4705

В городе Сургуте 167 домов, 510 м. 634 ж. — 1644 обоего пола.
Всего в Сургутском округе жителей православного исповедания мужского пола 3898 душ, женского пола 3714 душ, обоего пола 7612 душ. Магометан 2 мужчины.

Все инородцы православные. Русских 5 селений и 3 деревни; домов в них 90; больших селения в 21 дом, меньших 3 дома; жителей мужского пола 260 душ, женского пола 289 душ, всего 549 душ.

Скот:

Лошадей	439
Рогатого	388
Овцей	18
Овец	186
Свиней	72
Собак	98
<i>Итого</i>	1201

Остяки Березовского округа. Статистические сведения за 1875 год

Ингерманландия	Житейский									
	Земли корчмы	Л-тих	Г-сего	Маркин	Х-тихи	Б-сто	Л-шаде	Фортуно	Союз	М-го
	413	413	826	2140	2164	4304	830	647	100	1577
Колская Ингерманландские крыты между Санкт-Петербургом и Березовским 19 селений	413	413	—	1015	869	1884	747	552	100	1390
Управа Полотнянки в юрт или селений	316	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кашинская 16 сел.	49	49	8	260	206	466	59	46	115	220
Казынская 98	97	60	687	478	—	—	—	—	—	—
Соснинская самоедская	230	130	56	382	278	—	26	15	3180	3221
Русских селений Липинская русских	1	7	483	716	680	1396	45	43	2	3200
Ингерманландских	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—
Ингерманландия	247	20	64	862	765	1627	6080	570	6560	—
Кунновская	230	74	28	1066	1032	2098	36	57	5303	—

Два отделения — Обдорское и Кондинское; в первом считаются жители мужского пола 5727 душ, женского пола 5232 души, обеого пола 10959 душ.

Из них инородцев мужского пола 5047 душ, женского пола 4571 душа, обеого пола 9618 душ. Русских волостей 3, инородцев управляемых 1.

В Обдорском участке жителей русских и инородцев мужского пола 6961 душа, женского пола 6664 души, всего 13625 душ.

Из них инородцев мужского пола 6887 душ, женского пола 6571 душа, обеого пола 13458 душ.

Православных инородцев мужского пола 3968 душ, женского пола 3603 душа, обеого пола 6774 души.

Инокомицких инородцев мужского пола 2919 душ, женского пола 3765 душ, обеого пола 6684 душа.

Куноватская: зимой пасут оленей, в летом рыболовствуют.

Всего по обоим управам Березовского округа волостных старшин 15, пощоников 8, жителей мужского пола 11934 души, женского пола 11142 душа, обеого пола 23076 душ, изб 2435, чумов и ульев 1207; скота: лошадей 996, рогатого скота 818, оленей 53455, мелкого скота 53760, птицы 1000.

В Березовском округе жители православного исповедания мужского пола 9784 души, женского пола 6177 душ, обеого пола 17961 душа; раскольники 12 душ, католиков 14 душ, евреи 22 души, матометан 14 душ, идолопоклонников мужского пола 3853 души, женского пола 4596 душ, обеого пола 8449 душ.

Город Березов 180 домов, жителей 982 мужского пола, 906 женского пола, всего 1888 душ, пощоников 210, рогатого скота 225, оленей 306, волов 773, скота 365.

В Березовском участке христиан: 609 муж. пола, 1221 обеого пола; духовенства белого: 29 муж. пола, 27 жен. пола, 56 обеого пола; монахов 5 муж. пола; посеменица 15 муж. пола, 9 жен. пола, 24 обеого пола; разного звания: 22 муж., 13 жен., 35 обеого пола; инородцев: 5047 муж., 4571 жен., 9618 обеого пола.

В Обдорском духовенстве: 23 муж., 28 жен., 51 обеого пола; монахов 1 муж.; крестильни: 37 муж., 59 жен., 96 обеого пола; посеменица 3 муж., 2 жен., 5 обеого пола; разного звания: 10 муж., 4 жен., 14 обеого пола, инородцев: 6887 муж., 6571 жен., 13458 обеого пола.

Таблица №13. Остяцкие волости Сургутского округа.
Число инородцев
по сведениям исправника 1880 г.

Инородческие волости Доказаны	Жителей					Скота					Всего скота
	Ю	т	мужчин	женщин	детей	олова	кош	и бык	самец	самка	
Салымская	16	43	165	158	323	129	15	—	9	—	198 351
Подгорная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Юганская	—	42	226	191	417	87	—	—	18	—	156 261
Больше-Юганская	—	78	391	319	710	17	—	—	141	—	307 465
М. Юганская	—	45	196	165	361	7	3	28	—	—	125 163
Селигерская	7	13	38	49	87	71	46	—	7	—	33 157
Пинская	—	69	156	136	252	11	—	501	—	—	74 586
Тюмень-Юганская	—	86	202	196	358	45	—	568	—	—	202 815
Аганская	20	83	63	146	16	—	234	—	—	—	60 310
Нижегородская	15	94	396	392	788	319	—	—	—	—	479 798
Лумпокольская	—	92	620	569	1189	160	—	90	—	—	307 557
Салтыковская	—	81	397	335	732	66	—	250	—	—	210 526
Пермская	44	47	262	218	480	242	87	—	—	—	268 596
Итого по 19 вол.	82	710	3132	2791	5923	1170	151	1830	16	—	2419 5586

Сборы	Рубли	Коп.
Ясачного	1187	83½
Земско-обществской конtribуции	2440	25
На содержание церквей	770	96
На нач. корчевку и на заготовление дров для караулок при хлебных магазинах	203	53½
На содержание 12 старшин и осененного ученика	312	—
Губернских повинностей	26	8
Волостной	373	76

Таблица №14. Управы и улусы оседлых инородцев

№	Название управ и находящихся в них селений	Число душ в каждой управе		
		всего	мужчины	женщины
1	2	3	4	5
Теленгутская управа I-й половины: улусы				
1	Семенушкин	91	93	
2		154	154	
3	Кутонов	90	96	
4	Тарасеевский	55	50	
5	Среднетеленгутский	175	28	
		453	487	980
Теленгутская управа 2-й половины улусы				
1	Город	88	104	
2	Сорокин	142	144	
3	Боянин-Бачатский	259	267	
4	Шавининский	110	120	
		509	635	1144
Теленгутская управа 3-й части Улусы				
1	Чертинский	98	98	
2	Ускотский	33	24	
3	Мокрушиной	126	102	
		257	220	477
Ашкентическая управа I-й половины Улусы				
1	Учкаш	136	138	
2	Чалховская	209	198	
		345	336	681
Янинская инородчая управа Улусы				
1	Мозжухинский	39	37	
2	Бородинский	38	39	
3	Ильинчикеский	45	53	
4	Среднеильинский	38	37	
		160	166	326
Новодеревенские крепости, в которых оседали иностранные семьи, в которых появлялись иностранные жители, имели постоянную осадность				
5	Деревня Осиновые Грибы	93	101	
6	Село Зарубинское	28	31	
7	Деревня Киркуганская	5	7	
8	Корнилова	4	3	
9	Тимофеевка	24	35	
10	Старочеркасса	15	17	
11	Старочеркасса	8	9	

Кузнецкого округа Томской губернии к 1880 г.

	2	3	4	5
1	Комырская инородческая управа			
2	Улусы:			
3	Бубчинский	75	95	
4	Стрелинский	39	45	
	Корутанский	2	4	
	Колпираский	5	6	
	Название крестьянских селений, в которых инородцы этих управ имеют постоянную оседлость			
5	Деревня Тарасовка	11	14	
6	Село Заречное	29	32	
7	Деревня Камышина	23	29	
8	Село Топтинское	7	9	
9	Деревни Можжухина	9	11	
10	Коркутинско-Елкина	9	10	
		396	460	856
1	Бониская инородческая управа 1-й половины			
2	Улусы:			
3	Аяз-Атынаковский	200	(б. п.)	
4	Азангаровский	122	—	
5	Соленский	78	—	
	Инские	180	—	
	Караалинский	129	—	
		799	—	799
1	Бониская инородческая управа 2-й половины			
	Улус: Карадинский	165	—	
1	Шуйская инородческая управа			
	Улус: Калтыраский (он же и Устиновский)	840	—	
1	Кумысская инородческая управа			
	Улус: Калтыраский (Устиновский)	487	—	1492
	Примечание: Шуйская и Кумысская инородческие управы имеют общий улус Калтыраский, но в управах имеются иные национальности, а большую часть также проживают в крестьянских селениях.			
1	Тагульская инородческая управа 1-я половина			
	Улус: Кермутский	181	174	
1	Тагульская инородческая управа 2-я половина			
	Улус: Кермутский	25	16	
		206	190	396
	Примечание: Инородцы этой управы своим улусов не имеют, а проживают в крестьянских селениях.			
	Итого	—	—	7151

Конечные концепции и практики включаются	Образ жизни	Вероятное введение	Где kaufen		От бинокля при- стенного верст- ка к крепежным		Юрги Барбашников		Рано - закон о 1910 г.		Позже - закон о 1925 г.		Начало XX в.		
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Амурская ловушка	корюк на прямой	100	—	47	353	: 23	—	980	945	15	1167				
2. Амурская ловушка	корюк с прямым корюком и прямым Устьбу, Т. письмо	240	—	43	40	788	787	817	890	: 54	63				
3. Амурская ловушка	корюк с прямым корюком и прямым Устьбу, Т. письмо	240	—	23	285	662	648	729	732	: 28	701				
4. Амурская ловушка	корюк с прямым корюком и прямым Устьбу, Т. письмо	108	—	657	696	1560	1483	1712	1650	1726	1646				
5. Амурская ловушка	корюк с прямым корюком и прямым Устьбу, Т. письмо	80	—	52	464	1093	1168	1199	1358	1360					
6. Амурская ловушка	корюк с прямым корюком и прямым Устьбу, Т. письмо	40	—	24	53	371	: 27	465	490	490	: 11				
7. Амурская ловушка	корюк с прямым корюком и прямым Устьбу, Т. письмо	280	—	26	261	593	: 73	868	696	: 33	39				
Итого					829	1282	5884	4911	6779	6514	7746	687			

**Ведомость по волостям
и селениям оседлых и кочевых инородцев
Бийского округа к 1880 г.**

Источник от своего личного опыта	Число жен. чел.	Число муж. чел.	Всего		Церкви, часовни, школы, волостные праханения, промыш- ленные заведения	
			мужчин	женщин		
5	49	—	49	100	99	питейный дом
59	19	—	19	35	37	миссионерский стан
59	96	—	96	201	202	церковь, часовня, иностранная управа, пекарня
125	11	—	11	27	28	церковь
30	52	—	52	81	83	церковь
65	13	—	13	68	79	миссионерский стан и церковь
50	46	—	46	98	96	—
39	37	—	37	79	80	две церкви, училище, больница для инород- цев, лавки, кожевен- тельный базар
72	33	—	33	60	61	—
37	34	—	34	63	60	по губернским спискам считавшим принадлежи- щими к управе 1345
194	—	—	119	174	180	муж., 1326 жен., ре- визия окладных 776
—	390	—	509	986	1005	—
50 от Бирт- ка	50	—	50	50	56	инородческая управа, питейный дом
40	35	1	36	72	54	—

20 лист из 20

Название полостей и населенных мест инородцев Томской области к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Нено- Сургайская Чуло- Сургайская Чамалдская	не известно	православные, примыка Баскунчакского прихода Чемальского	при р. Ише при р. Катуни то же
3) Сарасинская инородческая управа Магота Сараса	оседлые инородцы то же	прихода Маготинского прихода Верхне-Каменской	при р. Маготе при р. Сарасе
4) Уйская инородческая управа Баштагонганская	то же	православные, при- ходы Астраханского то же	при р. Баш- танге при р. Катуни при кюнде Безымянном то же
Верх-Уйская Власова	то же	то же	при р. Керехте
Гагаринская	погол. оседл. инородцев занята	то же	при р. Каго- нахе
Горбуновская	ар. обитателей Инзеровской то же	то же	при р. Катанце
Кайтаник	то же	то же	при р. Керехте
Котаудинская	занята инородцами	то же	при р. Коксе
Керехтинская	дер. инор- одцев то же	то же	при р. Крас- нокире при р. Башта- гове
Коксинская	занята	то же	при р. Ниж- нем Окше
Красноуральская	инородцев насеки	то же	при р. Оникссе
Нижне-Башта- говинская	заняты инородцами	то же	
Нижне- Охольская	то же	то же	
Отневская		то же	

Распределение по национальности	Всесоюзное население					Церкви, часовни, никонии, ткацкие предприятия, промыш- ленные заведения
	Мужчины	Женщины	Всего	Число жителей	Число женщин	
65	18	3	21	34	50	—
12	38	—	35	76	55	—
115	14	—	14	32	23	—
—	155	4	159	254	293	—
от всей числ. 65	42	—	42	117	126	—
87	63	—	63	119	121	—
	105	—	155	236	292	—
По всей иногородной управе						
11	3	—	3	2	3	—
от всей числ. 360	74	—	74	83	87	—
16	4	—	4	3	4	—
3	2	—	2	1	2	—
10	8	—	8	6	8	—
23	9	—	9	7	8	—
40	3	—	3	3	4	—
15	6	—	6	4	5	—
8	29	—	59	49	51	—
40	3	—	2	1	1	—
12	1	—	1	1	—	—
6	1	—	1	1	1	—
20	1	—	1	1	1	—

Название и населенных мест инородцев Томской губернии к 1860 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Равноно́вская	поселок инородцев	Ангудайского	при р. Кислянка
Усть-Красноярская	зимники инородцев	то же	при р. Красноярке
Усть-Огневская	дер. ино- родцев	то же	при р. Огневке
Усть-Тюзурюк	зимники инородцев	то же	при р. Тюзурюк
Усть-Юстюжская	поселок инородцев	то же	при р. Юстюже
Чектинская	зимники инородцев	то же	при реке Чектине
Кроме того, в левобережье отдель- ного селения состоят следую- щие местности: находящиеся на землях, не включенных в состав волостей			
Абай	крещеные инородцы	Черно-Ангудайск.	—
Ангудайское (Урсульское)	миссионер- стан крещен- ных инород- цев	Ангудайского прихода	при р. Арсуле
Ильинское	поселок хозяй. и осед. ино- родцев	то же	при р. Печканой
Казанда	поселок инородцев	то же	при р. Казанде
Камлак	то же	то же	по р. Семи
Катунда	то же	то же	на р. Катуни
Кот-Аган	лавки русских купцов	Чулымонского	на р. Чуе

Население по дворам	Число дворов	Всего мужчин и женщин				Церкви, часовни, скиты, колостные управление, промысленные заведения
		мужч.	женщ.	Дворы	Семьи	
3	1	1	1	2	—	
28	1	—	1	1	1	
13	5	—	5	4	5	
23	1	—	1	2	—	
53	1	—	1	1	1	
10	1	—	1	1	1	
—	183	—	183	152	164	го семьям списаны сироты и при- числены к царскому 152 мужч. и 164 жени. п., рев. 270 душ
оц. участ- ков кварт	—	—	—	52	56	
176	—	—	63	52	56	
80	—	—	50	111	106	церкви, лавки
75	—	—	7	56	63	
57	—	—	12	3	4	
345	—	—	66	7	3	
550	—	—	12	—	6	церкви, лавки, торжок, иные казар- мы и 152 челов. военных чинов

Название волостей и населенных мест Тюменской губернии к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Маринск (Потоки)	поселок крещеных инонородцев	Черно-Ануйского	на р. Эзаголь
Тюбюлинское	поселок кочевых и крещеных инонородцев	то же	на р. Чорыше
Усть-Кокское	поселок инонородцев	то же	при устье Кана
Черно-Ануйское	сельские и ссыдные инонородцев	то же	при р. Анус
Селения и населенные места в волостях помыслов инонородцев и крещенского засела, т.е. на землях инонородцев, не входящих в состав волостей			
Ангайын	аия стойбища чернепалых патер	некрещеные	—
Алыгин (Эзигин)	аия инонородцев крещеных	приход в Чемильске	на р. Эзигане, впадающей в Катунь (Понгин)
Алагайин	аия инонородцев	то же	—
Артубашев	то же	то же	—
Артыгинский	то же	то же	—
Болыкса	аия инонородцев крещеных	Макарьевского	на р. Бие

Расстояние от южного направления		Доход до земли		Средний доход на семью	
Километры	Часы	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
82	—	—	27	—	49
55	—	—	62	33	19
35	—	—	30	3·	28
95	—	—	70	22?	93
		305	576	38:	—
от юж. нап.					
112	—	25	—	80	83
192	—	12	—	40	21
143	—	46	—	124	124
—	—	—	—	—	—

(Примечание: включая
расстояние в сессии из
участия в конкурсе, а не
расстояние от южного
направления, приведено
в таблице)

Источник: Альбом
Трудовых заслуг Красно-
армейской армии и
войск НКВД СССР
Министерства труда
и социального развития
СССР, 1940 г.

Название реколетий и паскеленных мест в пределах Томской губернии к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Богучак	аих ико- родцев	Узиликинского	на р. Богучате, впадающей в Казу
Большой Верх-Ильинский	аих ико- родцев крещеных	то же	—
Ботогол (Ботогол)	аих ико- родцев крещеных	то же	на р. Ботоголе
Верх-Ильинский	аих ико- родцев	то же	—
Верх-Нырга	то же	некрещеных	—
Верх-Нильеский	аих креши- еных	Макарьевскс	близ Бии по р. Шильной
Даркин	аих некрещеных	—	—
Дюргач	то же	—	—
Диппа	то же	—	—
Едиган	то же	—	на р. Эдиган
Елейский	аих креши- еных	Макарьевского	при устье стенного Чений
Ужулец	аих некрещеных	—	на р. Ужулеце
Ишнанак	то же	—	—
Карадаш	то же	—	—
Каракон	аих некрещеных	—	—
Каракошка	то же	—	на р. Карако- шки
Карасьев	то же	—	на притоке Нини
Кириторбак	то же	—	—

№ от столбца	Номер послед- ней из всех	Всего		Вообще мужчин и женщин		Римская Церковь и Церкви других православ- ных наро- дов в России и за рубежом	Церкви, часовни, школы, холостые православ- ные заведения
		М	Ж	М	Ж		
92	—	46	—	96	90	—	—
159	—	12	—	12	10	—	—
84	—	8	—	14	12	—	—
85	—	15	—	34	24	—	—
165	—	—	23	47	37	—	—
59	—	—	20	56	48	—	—
67	—	—	10	41	37	—	—
112	—	—	9	36	33	—	—
173	—	—	12	12	10	—	—
190	—	—	2	6	4	—	—
58	—	—	55	140	124	—	—
13	—	—	16	52	47	—	—
183	—	—	6	12	11	—	—
86	—	—	7	19	18	—	—
84	—	—	16	41	37	—	—
168	—	—	4	11	5	—	—
90	—	—	21	59	50	—	—
177	—	—	6	16	10	—	—

Название кварталов и пасекальных вест инородцев Томской губернии к 1880 г.	Ряд поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Подписание
Кабылак	или кре- щенных	Удалинского	близ Гапной
Кантуу	или некре- щеных	—	—
Кинесов	то же	—	—
Кла	то же	—	—
Кериш	то же	—	деревня из Пигута
Казахский Иртышский	то же	—	и деревни Козы
Кубенский	то же	—	на р. Кубе
Кузб	то же	—	на р. Кузб
Курлек	то же	—	на р. Ине
Кылташ	то же	—	на р. Калтыши
Нарымх	то же	—	на р. Нарымхе и Ине
Озерки	то же	—	на р. Ине
Окески	то же	—	на р. Ине
Тасбуул	или кре- щенных	—	на р. Ине
Недородий	или некре- щеных	—	—
Пызко	то же	—	на р. Пызко
Салаганда	то же	Кобяевского	на р. Ине
Салыник	то же	—	—
Сапожкин	то же	—	—

Номер столбца от золотого круга № 16	Код предмета	Название изображения	Условия изображения	Код объекта	Всобщие мужчины жаждущие			Цен периодиче- ских изда- ний в селе „А- зот“ (включая издания СОСС и полиции)	Цен периодиче- ских изда- ний в селе „А- зот“ (включая издания СОСС и полиции)	Цен периодиче- ских изда- ний в селе „А- зот“ (включая издания СОСС и полиции)
					Женщ.	Мужч.	Женщ.			
72	—	—	20	54	45	—	—	—	—	—
182	—	—	7	15	14	—	—	—	—	—
85	—	—	7	16	17	—	—	—	—	—
177	—	—	19	34	26	—	—	—	—	—
169	—	—	8	9	11	—	—	—	—	—
67	—	—	28	57	58	—	—	—	—	—
84	—	—	21	63	45	—	—	—	—	—
173	—	—	7	15	20	—	—	—	—	—
84	—	—	24	50	57	—	—	—	—	—
65	—	—	38	97	80	—	—	—	—	—
89	—	—	23	49	49	—	—	—	—	—
88	—	—	21	46	36	—	—	—	—	—
192	—	—	14	33	34	—	—	—	—	—
154	—	—	60	62	66	—	—	—	—	—
82	—	—	29	69	76	—	—	—	—	—
173	—	—	34	71	49	—	—	—	—	—
118	—	—	26	35	32	—	—	—	—	—
178	—	—	25	44	33	—	—	—	—	—
82	—	—	11	52	45	—	—	—	—	—

Салаганаз, молит-
венный дом

Название властьей и губернских мест, инородцев Томской губернии к 1850 г.	Род населения	Всю исправление и приказ, куда принадлежат	Положение
Саракокша	аил некре- щенных	—	—
Саракошинской (Никольский)	то же	—	—
Сартутал	то же	—	на р. Сарты- га
Семипалатинский (Таймырский)	то же	—	на р. Ише
Сагуштак	то же	—	—
Средне- Ишимской	то же	—	—
Тузуп	то же	—	близ р. Ниих
Сыл	то же	—	на протоке —
Ташта	аил крешен- ных	Узалинского	на р. Таште, владкоцкой в Ингу
Толуйский	аил некре- щенных	—	на р. Толуе
Уймень	то же	—	на р. Уймене
Усть-Ульянское	то же	—	—
Усть-Ишимский	то же	—	на устье р. Иши
Чайная сопка	то же	—	на р. Ишс
Шанарак	то же	—	—
Юрек	то же	—	—
Ююле	то же	—	на р. Ююля
Юче-Карагай	то же	—	—
Янсыгач	то же	—	—

Название волостей и населенных мест инородцев (тогдашней тобожской губернии) к 1890 г.	Род поселеной	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Эгана	аил некрещеных	—	на р. Чайше
Эльтош (аил Коновалкин)	то же	—	то же
Боколо	аил крещеных первой Алтайской деревни	прихода Узалинского	—
Воскресенское (Чапоц)	аил крещеных	Чемальского	на р. Чепоще
Елизиманор	то же	прихода Чемальского	на р. Катуни при устье Эзмопора (Ольнор)
Ново-Александровское	то же	Узалинского	на р. Найме
Манжурек	то же	то же	на р. Катуни
Пешемеллер	то же первой Алтайской деревни	Чапоцкого	на р. Катуни при устье Узнесен
Суулты	аил крещеных	Узалинского	на р. Суулты, владеющей в Найме
Узнесен	то же	то же	на р. Узнесен
Усть-Саймыс	то же	то же	на р. Саймыс
Чемаликское	то же	то же	на р. Чемале
Саймыс (Карасук)	то же	то же	на р. Карасу
Поселение Узалинского женская община	упрежд Алтайской миссии	то же	на р. Найме при устье Саймыс

№	Наименование и место нахождения учреждения	Число граждан- иностранных рабо- тников	Число граждан- иностранных рабо- тников, профес- сионально-строи- тельный	Всего граждан- иностранных	Число граждан- иностранных рабо- тников, профес- сионально-строи- тельный		Причины вы- дачи визы	Цель визы
					Мужчин	Женщин		
95	—	—	11	30	29	—	—	—
103	—	—	19	44	54	—	—	—
118	—	—	—	3	8	7	—	—
153	—	—	—	44	96	91	—	—
149	—	—	—	10	15	18	—	—
111	—	—	—	39	51	55	—	пребывание граждан первой линии
98	—	—	—	20	42	47	—	—
126	—	—	—	10	23	22	—	—
96	—	—	19	28	36	—	—	—
141	—	—	15	20	17	—	—	—
121	—	—	9	8	9	—	—	—
146	—	—	34	43	55	—	—	—
123	—	—	47	48	53	—	—	—
93	—	—	10	1	63	—	—	—
—	—	494	889	2985	2838	—	—	—
—	—	2228	498	2244	5189	5200	—	—

Церкви, часовни,
шахов, ювелирные
промышленности
и золотодобывающие

церкви

Дополнение к стр. 287
Сведения о вогульских инородческих волостях из основания
исследований экономического быта крестьян и инородцев
Туринского округа 1890 г. А.А. Кауфманом*

Волости	Население по сказкам 1858 г.			Население по данным 1888 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Кортумская	111	130(?)	241(?)	134	141	255
Верхне-Таборинская	216	142	358	247	262	509
Нижне-Таборинская	86	82	168	109	117	226
Кондукжинская	491	532	1023	437	518	955
Итого	904	950	1854	907	1038	1945

Волости	Абсолютная цифра прироста (+) или убыли (-) за весь период			Прирост или убыль в % к населению 1858 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Кортумская	+3	+11	+14	+2,7	+3,5	+5,8
Верхне-Таборинская	+31	-36	+87	+14,3	+27,2	+20,6
Нижне-Таборинская	+23	-35	+58	+26,7	+42,7	+34,5
Кондукжинская	-54	-14	-68	-10,0	-2,6	-6,6
Всего инородцев	+3	+88	+91	+0,3	+9,3	+4,9
Прирост в русских волостях				+28,9	+19,3	+23,9
По Туринскому округу				+30,4	+22,4	+26,2
По Нельмыскому округу						

* Мы не могли не воспользоваться только что вышедшими прекрасным и гигантским исследованием А.А. Кауфмана в «Альбоме статистических сведений о вогульском народе». Данные эти показывают убыль и слабый прирост инородческого населения. Исследователем приведены также данные о меншине числе дворов у инородцев, составе семьи и меньший процент рабочей силы рядом с перевесом женского пола над мужским 10%.

Дополнение к стр. 287
Сведения о вогульских инородческих волостях на основании
исследований экономического быта крестьян и инородцев
Туринского округа 1890 г. А.А. Кауфманом*

Волости	Население на 1858 г.			Население по данным 1 ⁸⁸ г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Куртумская	111(?)	130(?)	241(?)	141	161	255
Верхне-Таборинская	74	82	152	247	262	499
Нижне-Таборинская	86	82	168	109	117	226
Кошукская	491	532	1023	437	518	955
Итого	904	958	1854	907	1038	1945

Волости	Абсолютная цифра прироста (+) или убыли (-) за весь период			Прирост или убыль в % к населению 1855 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Куртумская	+3	+11	+14	+2,7	+8,5	+5,8
Верхне-Таборинская	+31	+36	+87	+14,3	+27,2	+20,6
Нижне-Таборинская	+23	-35	+58	+26,7	+42,7	+34,5
Кошукская	-54	-14	-68	-10,0	-2,6	-6,6
Всего инородцев	+3	+88	+91	+0,3	+9,3	+4,9
Прирост в русских волостях				+28,9	+19,3	+23,9
По Туринскому округу				+30,4	+22,4	+26,2
По Нельинскому округу						

* Мы не могли не воспользоваться только что вышедшими прекрасным и колоссальным трудом А.А. Кауфмана о вогульских инородческих волостях о вогульской жизни в Тобольском крае. Данные эти показывают убыль и слабый прирост инородческого населения. Исследователем приведены также данные о мениньях (числе дворов) у инородцев, составе семьи и мениньях (процент рабочей силы рядом с пересечением женского пола над мужским). *МК*.

Комментарии

Работа Н.М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» печатается по: Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. С.-Пб.: Издание И.М. Сибирякова, 1891. 308 с.

При подготовке к изданию были исправлены некоторые ошибки, допущенные в прижизненном излании. В отдельных случаях наименования населенных пунктов настолько искажены на письме, что восстановить их подлинные имена не удалось.

Все сокращения, встречающиеся в излании, принадлежат автору. При подготовке книги к печати орфография в ней адаптирована к сегодняшней норме.

Все примечания Н.М. Ядринцева, помещенные в нижней части страницы, оставлены без каких-либо изменений.

¹ Георг Иоганн Готлиб (1729–1802) – немецкий ученый, поступивший в 1770 году на службу в Российскую Императорскую Академию наук. Научные интересы Готлиба разнообразны: зоолог, химик, медицина, биология, география. Участвовал с 1768 в академической экспедиции по России под руководством Палласа. В 1783 году был избран действительным членом Российской Академии наук. Автор «Описания всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обычаях, нравах, языках, жилищ, упражнений, забав, производимых в различных частях государства в различных частях, изданного в Санкт-Петербурге в 1776–1777 годах. К «Описанию...» было приложено 100 рисунков, изображавших представителей народов и племен Российской империи. В 1797 году в Кенигсберге вышла в свет его книга «Geographisch-physikalische und anthropologische Beschreibung des Russischen Reichs».

² Георг Петер Готлиб (1741–1811) – немецкий естествоиспытатель и этнограф. С 1769 года работал в России, был избран членом Петербургской Академии наук. В 1768–1774 годах возглавляя академическую экспедицию по России, в ходе которой были собраны и систематизированы богатейшие данные по ге-

32 Н.М. Яркинцев. Сибирские инородцы, их быт...

графии, геологии, этнографии, археологии, зоологии и ботанике. Материалы экспедиции легли в основу «Русско-азиатской зоографии» и пятитомного «Путешествия по разным пропинкам Российского государства».

¹ Гезелин Иоганн Георг (1709–1755) — немецкий натуралист, с 1730 года член Императорской Петербургской Академии наук, ученый-путешественник, Кавалер ордена святого Иосифа (1732–1743 гг.). Его описание путешествия по Сибири («Reise durch Sibirien 1733–1743»), вышедшее в 1751 году в Гётtingене, содержит самые разнообразные сведения о жизни сибиряков, о природе и археологии края. В частности, он подробно описал и впервые классифицировал древние погребальные комплексы Минусинской котловины.

² Константин Маркес Александрович (1813–1852) — финляндский лингвист и этнограф, профессор Гельсингфорсского Александровского университета, член Российской Императорской Академии наук. С 1838 по 1849 годы предпринял ряд экспедиций в Лапландию, Карелию, на Северный Урал и в Сибирь, в ходе которых собрал богатый материал по языку, истории, фольклору, материальной и精神文化. Внедряя в национальную и общественную культуру изученные им языко-этнические народы уральской языковой семьи. Автор ряда фундаментальных трудов по эзянской, чечерманской (марийской) и самодийской грамматике. Описание научных путешествий Кастреня в двух частях вышло и сист в 1853–1856 годах под общим заглавием в 1860 году — под редакцией А.И. Барбера («Кастрен. М.А. Соч. В 2-х т. Тиомын. Издательство Ю. Мандрика, 1869. Т.1: Лапландия, Карелия, Россия. 256 с.; Т.2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). 352 с.

³ Миддендорф Александер Федорович (1815–1894) — российский естествоиспытатель, в 1850–1852 годах и в 1860–1870 годах по заданию Императорской Академии наук, предпринял ряд экспедиций по Сибири и в Ферганскую долину. В результате им были собраны ценные материалы о фауне Сибири и многолетней мерзлоте, а также этнографические сведения о населении Восточной Сибири и побережья Охотского моря. В 1860–1877 годах в Санкт-Петербурге издано его «Путешествие на север и восток Сибири в 1850–1852 годах».

⁴ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — российский государственный деятель, граф, ближайший советник Александра I, автор ряда проектов законоподательных и административных реформ. В 1812 году был уволен и сослан в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Через четыре года его избрали племенным старшиной, в 1822 году — губернатором Сибири. С 1821 года — член Государственного Совета. Автор «Сибирского Учреждения» 1822 года, на основе которого проводилась административная реформа в Сибири, и «Устава об инородцах», который должен был упорядочить управление коренными народами Сибири и, в определенной

степени, реанимировать традиционные институты самоуправления.

³ Каппарт Г.Ю. — немецкий учёный, востоковед, автор фундаментального труда «*Asia poliglotta*» («Азия многоязычная»).

⁴ Тубинин — выдающийся энтомолог, старожил, который на основании сведений из различных источников впервые написал историю сибирских кыргызов, их культуры и происхождение. В 1847 году вышел в свет его труд «*Об алтайском или финно-татарском языковом роде*».

⁵ Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) — известный русский востоковед, автор более 200 работ по истории Азии. Известен как один из первых российских учёных, изучавших историю народов Средней Азии, павловым образцом. Интерес к историко-этническому народу возник у него в 50–60-х годах, когда он управляем Оренбургским, где проживали т.н. оренбургские киргизы (казаки).

⁶ Тунгусские племена — устаревшее название эвенков.

⁷ Из переселенческих «племен» лишились и камасинцы, которые по происхождению были самодийцами. К середине XIX века камасинцы, жившие в Сибири, были разделены на различные соудей, а позднее вошли в состав казаков. Тубинины — таджико-западная племенная группа киргизского происхождения, в которых, асыны и арины — кетогородные народы Северного Алтая, к XIX веку полностью ассимилированные русскими и хакасами. Упоминаемые далее карагасы (устаревшее название топлолов) и сойоты (предки туваинцев) — тюркоязычные народы.

⁸ Остяко-самоеды — по пути ненецкий, но длительное время бытовавший в официальных документах и научной литературе этнонимы. В середине XIX века М.А. Кастрен впервые отметил, что этот народ лишился по материальной культуре близкоз остаткам (ханты), а по происхождению и языку является самодийским. Впоследствии остяко-самоеды, жившие на Средней Оби, Енисее и Теле, стали называться селькупами (от родового самоназвание селькув).

⁹ Остяки — устаревшее название ханты. Вероятнее всего, данный этоним происходит от «ас-их» — обской народ.

¹⁰ Бозумы — устаревшее название манси, бытовавшее в русских письменных источниках и научной литературе с XV века по начало XX-го. Вероятнее всего, происходит от «вожаль» («выклик») — родового или именного названия северных манси.

¹¹ Лемкии — устаревшее название удмуртов, которые вместе с коми-зырянами и коми-пермяками относятся к пермской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи.

¹² Черемши — устаревшее название марийцев, язык которых относится к волжской группе финно-угорских языков.

¹³ Мадары — самоназвание венгров (татар), язык которых вместе с хантыйским и мансийским составляет т.н. угорскую группу.

324 Н.М. Ядринцев Сибирские инородцы, их быт...

¹⁴ Древние болгары или булгары — коневые тюркоязычные племена, до VIII века обитавшие в Подонье и Нижнем Поволжье. В VIII веке большая часть булгар скочевала в Среднее Поволжье и низовья Камы, где вскоре образовала самостоительное государство — Волжскую Булгарию. В этногенезе булгарского народа принимали участие отдельные группы финно-угорских и ульяновских племен. Примерно с середины XIII века, после разгрома булгар монголо-татарской джадидской армией Золотой Орды, булгары-казанчики, ассимилировавшие финноязычных аборигенов, стали ядром чuvашского народа, а другая часть булгар, принявшая ислам еще в IX веке, вместе с крыльчатками сформировалась впоследствии новый этнос — казанские татары.

¹⁵ Татары — финский этнос, диалект и языков. В 1853—1877 и 1885 годах предпринимал экспедиции на Урал и в Западную Сибирь, к ханы и манси, для изучения их языка и фольклора. Собранные материалы были опубликованы в 1880 и 1894 годах на финском и немецком языках. В 1853 году увидело свет описание его путешествий — «Среди остяков и татар» (на немецком языке).

¹⁶ Дорнод — историческая область в Западной Монголии и примыкающих районах Средней Азии и Алтая. Население — западные монголы — ойраты (прекл. калмыков). В XII—XIV веках входила в состав Монгольской империи. В XV—XVI веках обретавшаяся князь-хойны во главе с конгайцем иссаяни за независимость с Восточной Монголией, Китаем и тюркским государством Казань. В 1657 году все обретавшиеся ойраты и принесли присягу на верность русскому царю и обязались служить в российской армии. Приняв русское подданство, ойраты отчуждали сначала в западно-сибирскую лесостепь, а затем, в начале 60-х годов XVII века в степи Поволжья и Урала. Топоним Джунгария возник от этнонима энгар (левое крыло монгольского войска).

¹⁷ О «сарыном-турчинатыши» турчинах (татарского населения бассейна р.Тура) отразил Ермак при том, что можно вести речи. Критический разбор следений о походе, содержащихся в Сибирских летописях, показывает, что на туринском отрезке маршрута ермаковцы предприняли бой с татарами лишь под Еланчным городком (была современна Турина). Бывшая «столица Сибирского ордена» Чинчи-Тура к этому времени уже «была впусте», т.е. заброшена.

¹⁸ Тархан-Каза — правданное название Тархан-Каза, что в переводе с татарского означает «поселение (городок) тархана». Тархан — титул тюркского правителя, который можно перевести как «высокий (высокородный, достойный) хан».

¹⁹ Материалы из раскопок древних обско-угорских городков свидетельствуют о наличии у предков ханты и манси достаточно развитых металлургических производств и кузнечно-го дела, которые к началу XVII века постепенно пришли и

упадок, не выдержав конкуренции с булгарскими и русскими ремесленными центрами. В ходе активного товарообмена с западными соседями обские урны получили значительное количество высококачественных жедзных, медных и серебряных изделий, поэтому их металлургические традиции были практически утрачены, проявляясь спорадически лишь в ритуальной практике (отливики оловянных и свинцовых идолов и украшений).

* *Маттеус Георгий Фридрих* (1705–1783) — выдающийся российский историк, академик, именем по происхождению. Участник второй Камчатской экспедиции Российской Академии наук (1733–1743 гг.). Обширные материалы по истории, археологии, этнографии и лингвистике, собранные во время экспедиции (так называемые «портфели Миллера»), до сих пор полностью не опубликованы. Автор первого фундаментального труда по истории Сибири — «Опыт по истории Сибирского изобретения» (1750). В нем делается вывод, что «история Сибири не имеет ничего общего с историей России», а особенно отталкивается от «истории Сибирской державы по наше времена», выпущенного в 1750 и 1787 годах. После 1917 года в России этот труд переделывался дважды.

* *Фишер Николай Эбергард* (1697–1771) — российский историк, именем по происхождению. В Россию приехал в 1730 году. С 1739 года до завершения этой земли Российской группой. Этот труд, как и другие описи (неопубликованный «Востоковед», содержащий по тринадцати слов тридцати четырех народов, в основном в Сибирском регионе) и статья «О происхождении яиц», вышедшая в систе на немецком языке в 1770 году), основана, по мнению специалистов, главным образом на материалах и неопубликованных рукописях его научного руководителя и сподвижника — Михаила Фишера.

* *Слоним Иоганн Андреевич* (1767–1843) — преподаватель философии и краеведение, краевед. Большую часть жизни провел в Сибири (Иркутске и Тобольске). Автор ряда исторических статей и фундаментального труда «Историческое обозрение Сибири» в двух томах, вышедшем в свет в 1838 и 1844 годах.

* *Родольф Вильгельм Вильгельмович* (Фридрих Вильгельм) — 1837–1918 — российский лингвист, этнограф, археолог. Автор фундаментального труда «Древние обители Сибири». Разработал гравитационную фонетику тюркских языков («Путь слова в тюркских наречиях. В 4-х томах»). Собрал и дешифровал обширную коллекцию орхонских, восточно-туркестанских и синхайских рунических надписей и памятников ютгардской письменности. Выдал гипотезы о переселении кыргызов из Енисея на Тын-Шань и о формировании саяно-алтайских народов. «Aus Sibirien» («Из Сибири») переведана на русском языке в 1989 году в Москве.

32 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

¹⁸ Федорей Левонский (1607–1722) — епископ Сибирский (1702–1722), 16–1720 гг., 1715–1720 гг., принял саны под именем Федора. Выполнил миссию по крещению калмык и манси. В течение четырех лет проповедовал христианскую веру на реке Оби и ее притоках и лично крестил около 30 тысяч язычников. Затем вновь возглавил Сибирскую епархию, а в 1720 году пострился в монахи и прозвал скитаю лней в Тюменском Гроинском монастыре.

¹⁹ Кану́нские котры — веролюбие, речь идет о золотых (мази), так как в Сибирских летописях упоминается городок во-гузского князька Кошуха в низовьях Тазы (левый приток Тобола). Впрочем, в течение XVII–XIX веков мансиеское население этого района было полностью ассимилировано татарами.

²⁰ Тобар — Тоборинские котры (имя с Тоборы) в верховьях Тазы. До конца XVI века входили в состав мансиеского Пельмского княжества. К началу XX века тоборинские манси практически полностью обросли.

²¹ Тагильские котры — речь опять же идет о vogулском поселении, расположившемся на левом берегу Тазы, ниже Тоборы. Ныне — дер. Тагильцы.

²² Кречеминская волость (она же нико в текстах именуется Кречеминским уездом и входит в состав Тобольской губернии исполнительной властью) — волость, неизвестна.

²³ Очищено, имеется в виду Карагатская волость, расположившаяся на Иртыше выше Тобольска.

²⁴ Определено искаченное название, не поддающееся идентификации.

²⁵ Павловом Степаном Кропоткин (1860–1918) — чиновник Министерства государственных имуществ, статистик. В 1868–1888 годах, будучи в служебной командировке в Западной Сибири, изучал «экономический быт крестьян и инородцев» и одновременно, но собственной инициативе, собирая фольклор ханты. Результатом его деятельности стала книга, которая привлекла внимание и монографиях, сохранившая научную ценность и по сей день. Наиболее значительные его труды — «Тип охотнико-богатыря и охотником бояланам и героническим скандинавами», «Иртышские остатки и их народная поэзия» (однажды из русского переведены в 1999 году). См.: Кропоткин С.С. Сибирь в XIX в. Томск: Издательство Ю. Мартынов, 1999, Т. I. Остриков монография, 400 с.; Т.2. Онеж колонизации Сибири, 520 с.), четыре выпуска «Материалов об изучении экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири», посвященные Тюменскому и Тобольскому округам.

²⁶ То есть до 1584 года, когда Маметул, от ж Мумзина Кули султи, племянник Кучума, был именен казаками и отослан в Москву. Активная политика исламизации населения Сибирского ханства проводилась Кучумом с 1563 по 1582 годы.

³⁹ Рашид ад-дин, Абу-л-Фадль Ахи Хамиддин (1247–1318) — персидский историк и государственный деятель. Автор знаменитого «Сборника хроник» — ценных источников по истории тюркоязычных народов.

⁴⁰ Киргизами или киргизо-казаками до начала XX века в докуметах и научной литературе называли казаков. Но поговорим с современными киргизами и синескенскими кыргызами, одними из предков современных казаков.

⁴¹ Неясно, о каком населенном пункте идет речь. Название склоняется.

⁴² Первый губернатор Сибири князь М.П. Гагарин (1713–1721) в 1713 году направил прибрать к рукам Яркендское историогеографическое золото, находившееся во владениях джунгарского канцелярии. Узнав о его намериях, Петр I велел немедленно спасти японскую экспедицию в Джуңгарию, которая должна была построить у Ямышево озера крепость, а затем овладеть Яркеном. Начальник отряда был назначен полковник Бухгольм. Этот поход (1716–1717 гг.) закончился неудачей. Вернувшись в Петербург Бухгольм, стремясь отвестить от себя гнев императора, выставил тому глаза на «противозаконные» действия губернатора. Спустя четыре года после длительного сластия и двухлетнего заключения, Гагарин был пригнан виновным, а затем казнен.

⁴³ В научной литературе XIX — начала XX веков жилища ханты и манси часто называли юртами. Между тем этот термин принципиально не привычен, так как юрта — специфически степной тип временного персонального жилища и может быть сравнима лишь с чумой. Наиболее характерные юрты ханты (хантическая, не куполоберемная), так и опорной конструкции (шесты, а не решетчатый остов). Кроме того, чум покрывались традиционно погонщиками из берести (летний) или из оленевых шкур (зимний). Постоянны (стационарные) жилища ханты и манси представлены бревенчатыми каркасными или срубными землянками, полуземлянками и насыпными избами. Последний тип жилищ даже в поселках, где сохранились традиции домостроительства, практиковался полностью вплоть до сегодня узлубленные в землянки постройки.

⁴⁴ Самоназвание башкир — башкор. Этимология этонима связывается, по одной версии, с общетюркской основой «баш» — голова, главный и тюрко-огузским «кор» — волк. По другой версии вторая часть термина представлена основой «кор» — корень, плэма и аффиксом множественного числа «т», что дает в результате «главные племена, коренные». По мнению большинства современных лингвистов, этнотопоним и этнотермин, основанный на основе тюркской языковой компоненты, племена, проживавшие в VII–X веках на Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, ассимилировавшие в Южном Приуралье местные финно-угорские и приказочные племена. Роль угорского (мадьярского) компонента в этноге-

32 *Я. М. Ядрицес Сибирские князья, их быт...*
недавно башкир, вероятно, была неизначительной. В то же время заслуживает внимания свидетельство нескольких венгерских монахов, которые в поисках прародины добрались в XII — начале XIV веков в «Баскардии», где встретили мадьяр-язычников.¹⁴

«Сомневание ветхов — монсы, что означает «поморанис» или «саны». Японцы ошибочно прописывают им этоним «сумо-ми» — самоназвание финнов.

¹⁴ Речь идет о походе в «Югорскую землю на Куду и на гогуличи» войска во главе с воеводами князьями Семеном Курбским, Петром Унцым и Василием Гавриловым (он же — бражник-Заболотий).

¹⁵ По мнению Р.Г. Скоринникова, сведения о первом походе Ермака на зимовье на Сылве в 1578 (а не в 1576) году легендарны и не могут приниматься всерьез хотя бы потому, что к этому времени там уже стояли деревни и слободы, принадлежавшие Сибирской князьне, что соответствует факту появления от 20 декабря 1581 года Башкирско-Сибирский историк А.Г. Шапошников, напротив, считает, что известие Кунгурской летописи, основанной на воспоминаниях сибиряков о зимовье отряда Ермака на Сылве, заслуживает доверия. По его мнению, казаки прибыли на Сылву в конце сентября 1581 года и зимовали там в укрепленном лагере.

¹⁶ «Нерикир» — гибралтарский топоним, первая часть которого в переводе с калмыцкого означает «болото», а вторая (кар) — коми-термин, которым переводится как «высокое место, городок». Этот городок находится недалеко от устья реки Неромки, лежащей в туре рядом с которой в 1598 году было основано Верхогорье.

¹⁷ Вероятно, было два набега на пермские земли: первый, в 1581 году, совершило войско пальмских воючичей во главе с князем Аблептиром, а второй, во время которого осаждалась Чердынь — резиденция царского космонца, основателя Верхней Алексы, Константина, присоединившегося к иску отца Аблептира.

¹⁸ Посольство Ермака посланное не Иваном Кольцо, а Черкасом Александровым.

¹⁹ Как показывает критический анализ летописных источников, отряд ермаковцев дошел лишь до Белогорского княжества (усты Иртыша), поэтому вероятно о взятии ими городков Каского и Красного, расположенного ниже по Оби, не может быть применения «зачинщиков».

²⁰ Речь идет о походе объединенного отряда березовских казаков и стрельцов во главе с письменным головой Иваном Змеевым и колыванским полковником Федором Тимофеевым на Юрюзань Ильицкую. После патрона кондинации в письменных актах и верхненовгородской кижи Атай (а не Атой — в тексте опечатка), его сын Азышка и брат Косякма, Указом Годунова в 1600 году ходичам воспрещалось ходить на Конду и разорять горулицы.

⁸ В Антирусском восстании 1607 года участвовали и основоположники самой языковой группы – калмыки и башкиры, вместе с их вождем Василием Обиревым. Отец Юрия, Матвеев и Шатров Лугуным. Вместе с обдорами в созас Берсюза приняла участие и самоядь (нений). Об участии в восстании ногайлов свидетельств нет.

⁹ В индигитарской поэзии в 1609 году участвовала глава калского князя Игися – Анина его двоюродный брат Чумей и его сыновья. Они привезли к участию кондикских ногайлов и обдорских остатков, но затем произошла такая как заговор был раскрыт, а его вдохновительницу, княжню Аину, арестовали.

¹⁰ Новицкий Григорий Ильич – бывший магнитинский полковник, сосланный Петром I в Сибирь. С 1712 года принимал участие в монгольско-турецкой войне под командованием Петра I. Участвовал в сражении при Фунской горе на реке Оби и ее притоках. В 1715 году был убит комицкими язычниками-погульями. В 1715 году закончил «Краткое описание о народе остяко-коми», первый научный труда о хантях и манси. Книга вышла в свет лишь в 1884 году. В 1999 году книга переведена: *Путешествия по Оби и Енисею. Краткое описание о народе остяко-коми, сочиненное Григорием Новицким*. Издательство ОГИИУ (Оренбургский институт языка и литературы Сибирской губернии в Бересовском уезде), спонсором которого выступил Василий Зуевым; Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. 240 с.

¹¹ Вилькин Иванский – амурчанский бурякинстр. В 1644 году совершил путешествие в Россию, длившееся несколько лет. В 1692 году издал сочинение «Северный и Восточный Татария», где были собраны сведения о географии, природе и народах России.

¹² Самые никак не хотят отнести к «северным финским племенам» и склоняются с современной классификацией: самоды (самоедские народы) представляют особую ветвь уральской языковой семьи, отпочковавшуюся от нее в начале IV тыс. н.э. [12].

¹³ Гипотеза о сиано-алтайской прародине самодийских народов, высказанная в середине XIX века М.А.Кастреном, сегодня разделается немногими учеными. Прародина народов уральской языковой семьи вероятно лежала в Средней Сибири и Среднем Урале, а в дальнейшем таинских районов Западной Сибири. Финноязычные народы окончательно сформировались в Западном Приуралье, отдалившись от родственных уральских племен в южные II – III вв. до н.э.

¹⁴ Наличие общих корней в ряде слов у переднеазиатских народов и устро-алтайских (а также у многих других народов) в рамках т.н. ностратической теории объясняется существованием на заре человечества, в эпоху первого палеолита, единого прайзака.

39 Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт...

³⁴ В очередной раз связывая финское самоназвание союмы с вогулями (манси), Ядринцев убеждает нас, что это не случайная ошибка, а его искреннее заблуждение.

«Обдорские остяки» — самая северная этническая группа ханты. В своем быту они отличались от других хантов способностью всех ханты. Встречающиеся далее в тексте сибирские остатки на самом деле не являются родственниками ханты: правильное название их — кеты. Язык кетов занимает особое место среди сибирских языков, а их происхождение до сих пор остается предметом проблемой.³⁵

³⁵ «Остяки» в большинстве источников, называемые гавайи званными путешественниками, на самом деле не результат независимости их «юстического состояния», а традиционный образ жизни. Мистиству ханты чуждо стремление к излишествам, на-копитству и т.п., так как они привыкли брать от природы ровно столько, сколько нес однажды даровано ей. Но в грамматике, синтаксисе и даже языке яраны представителей сибирской шаманизации, какой образ жизни носили эти и настригаемые, поэтому они нередко ханты и манси обвиняли в лениности и проч.

³⁶ Из групп арабских и персидских историков и географов Х—ХVI веков известно, что обские улры уже в начале второго тысячелетия поставляли пушнину на сибирские и казахские рынки через греческие купцы, а боевые на царские пушечные промыслы и манипуляции предмета вооружения и оружия. О размахе творчества свидетельствуют археологические находки, встречающиеся на греческих памятниках Западной Сибири: серебряные чашки, блюда, перстни и проч.

«Остяки, блоки, перстни и проч.» — это, конечно же, краинские притроги, занимавшие в прошлом рабочим классом, за что их в XVI—XVII веках называли «рыбодышими». Эта отрасль хозяйства сформировалась у населения Приобья и глубокий древности. Говорить о переходе остатков к рыболовству из-за упадка звериного промысла несправедливо, тем более что в системе их жизнеобеспечения мясо и пушнина имели большое значение, как мясо и рыба. Сокровища поголовья крупного зверя осложняло жизнь зборянинам прежде всего из-за необходимости ежегодных выплат язака, который взимался межами.

³⁷ Имеются в виду нельмы и мукуны, относящиеся к семейству землечищных.

Село Шорказинское (ныне Шеркалы) находится на Нижней Оби, в 15 км с древней столицы Шоркарской земли — городищем Шоркар. Название в переводе с коми означает «город на ручье» (реке).

³⁸ Село Кондинск — прежнее название пос. Октябрьского — районного центра ХМАО. Название Кондинское закрепилось в письменных источниках и литературе в начале XIX века как искаженный вариант исходного названия Колского города (затем села Колского) — прежней (с конца XVI века) столицы одноименного острожного княжества, резиденции Алаковых.

⁴⁴ В данном случае речь идет, скорее всего, о кетах.

⁴⁵ Скорбум — устаревшее название цинги. От немецкого скобф.

⁴⁶ Абраам Николай Алексеевич (1812–1870) — сибирский краевед, историк, действительный член Российской географического общества, профессор Томского и Тобольского духовных училищ, смотритель Бердялакской Таврической Академии, училища, столоначальником Главного Управления Западной Сибири. Написал более сотни статей и публикаций по истории Западной Сибири. Текущими его работами Наряду с церковной историей были предложены этнография, география История и аборигенов Тобольского Скита, научные работы «О въезжии тунгусовъ у березовскихъ острововъ» (1851 г.) и «Описание Березовского края» (1857 г.). См.: Абраам Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской спирти. Тюмень: СофтДизайн, 2006.

⁴⁷ Григорьев Николай Леонович (1860–1946) — владивостокский сибирский государственный деятель, газетный и радиожурналист, ученик Добычиной, значительных успехов на администрации имел в том числе с 1893 года — начальник Анадырской окружки, чиновник Приморского генерал-губернаторства (1893–1903), губернатор Камчатской области (1903–1905), губернатор Томской губернии (1905–1911), губернатор Иркутской губернии (1911–1917). Известен как автор ряда работ по этнографии Сибири и Дальнего Востока, среди которых особенно ценными являются «Поселка из с Марсова на р.Анадырь в бухте Примыдения (Берингия прошу)», «Описание губернаторства Томского Севера-Западной Сибири», «Культ медведя у индейцев Сибири-Западной Сибири» и «Слэты языческих первородных у маньчжоу».

⁴⁸ Кармоло — селькупский вариант землянки, специфической чертой которого является ее устройство на склоне берега реки. При этом одна из стен землянки открыта и выходит к реке. Береговая стена поддерживается канутри вертикальными столбами, а крыша представляла собой один—два наката из бревен, перекрытых берестой и землей.

⁴⁹ На карте России, составленной в начале XVI века немецким географом Герберштейном, Тюмень изображалась только к востоку от Удальского озера и вблизи горы Терма, на которой Дарина окрестя Торумом. При всей заманчивости такого прочтения топонима оно недопустимо так как не подтверждается ни письменными, ни фольклорными источниками. Более того, согласно этим городкам с малозвестным Нером картом, автор «Сибирской генеральной картины» и другим вероятным геопонимам, не совместимую с первой, но более поздней. Неромкар — «городок на Неромке» (см. примечание 46). И все же пршагаемая «првязка» Терма сомнительна, так как на карте этот городок помещен севернее Тюмени (Тулеп), в устье Туры (?). В то время как Неромкар находился недалеко от ее истока. Кроме упомянутых сибирских городков, Герберштейн пишет на карту некий Обский городок (Обсас), расположенный его недалеко

32 *Р.М. Ядринцев Сибирские ипюроды, их быт...*
от устья Семёновой Соссы. Впрочем, в тексте его книги, «Записки о монголо-туркестанской и киргизской народности», есть сказано о том, что Соссы впадает в Иртыш в 70 верстах от Оби, на горах у Лунногорья, находятся крепости Серпухов и Липин. Также он отметил наличие множества крепостей на Оби и ее притоках, не называя их конкретно. В целом следует подчеркнуть, что упомянутые города, за исключением Тюмени (Чинги-Тура), трудно связать с какими-либо известными городами или современными населенными пунктами. Впрочем, автор не отрицает их исторической достоверности и исключительности наименований в тексте и на карте такая работа выглядит ессым сложной, хотя и небезнадежной.

⁷² *Картам* — термин, заимствованный из коми языка. Означает — «крепость».

⁷³ *Юаки* — заимствование из тюркских языков, означающее «старший юноша».

⁷⁴ *Юраки* — имеются в виду юрзаки: женщины Юраки — устаревшее название тундровых сибирских женщин.

⁷⁵ *Прозелиты* — люди, принявшие новую веру, от греческого *преселитос*. В данном случае — новокрещенцы.

⁷⁶ Гербер Николай Готфрид (1744–1803) — немецкий философ, писатель и поэт. Академик. Автор десятков работ по философии, литературе и критике.

⁷⁷ Риттер Карл (1779–1859) — немецкий географ, автор двухтомного труда «Землеведение» (1817–1818). Известен как разработчик сравнительного метода в географии. Считал, что географический фактор играет решающую роль в судьбе народов. Утверждал, что география определяет будущее, предопределено сырьем земли, геополитическое положение и морем.

⁷⁸ Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм — выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник. В 1829 году совершил поездку по Уралу, Каспийскому морю и Алтаю. Автор ряда фундаментальных трудов по теоретической географии, ландшафтоведению, орнитологии и т. д. В 1837 году в Санкт-Петербурге было издано на русском языке «Путешествие Барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 году по Сибири и Каспийскому морю».

⁷⁹ Рихтгофен Фридрих Пауль Вильгельм (1833–1905) — немецкий географ и геолог. Изучал орографию Азии. Основные исследования посвящены географии и геологии Китая.

С. Пархимович

Оглавление

Введение и общий взгляд на инородческий вопрос	5
Современная классификация устро-алтайских племен	12
Татары и бухарцы Тобольской губернии и их современное положение	26
Бухарцы в Западной Сибири	37
Татары Томского округа	45
Татары барбины	54
Вогулы Западной Сибири	59
Остяки и самоды	69
Алтайские торки или калмыки	95
Исследование по истории культуры уро-алтайских племен	114
Причины вымирания инородцев и способность их к культуре	151
Взаимодействие русского и инородческого населения ..	173
Влияние культуры и просвещения на инородцев Сибири	210
Значение кочевого быта в истории человеческой культуры	253
Статистические таблицы	275
Ведомость по волостям и селениям оседлых и кочевых инородцев Бийского округа к 1880 г.	303
C. Пархомович. Комментарии	321